

Ежемесячный
литературно-художественный журнал

ПОДЪЁМ

Издается
с января 1931 года

Главный редактор
Иван ЩЕЛОКОВ

Редколлегия:

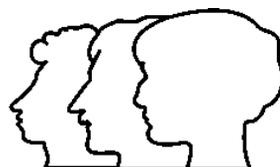
АВРУТИН А.Ю. (Минск, Беларусь)
АГЕЕВ Б.П. (Курск)
АКАТКИН В.М.
АРШАНСКИЙ В.С. (Мичуринск)
БОНДАРЕВ Ю.В. (Москва)
ЖИХАРЕВ В.И.
ИВАНОВ Г.В. (Москва)
КАН Д.Е. (Новокуйбышевск)
КОНДРАТЕНКО А.И. (Орел)
ЛАПИН А.А.
ЛЮТЫЙ В.Д. — заместитель главного редактора
МАЛИКОВА Т.О. (Тамбов)
МИЗГУЛИН Д.А. (Ханты-Мансийск)
МОЛЧАНОВ В.Е. (Белгород)
НЕСТРУГИН А.Г.
НИКИТИН В.Н.
НОВИЧИХИН Е.Г.
НОВОХАТСКИЙ В.Е. — ответственный секретарь
ПАВЛОВ Ю.М. (Армавир)
ПЕРМИНОВ Ю.П. (Омск)
ПОНОМАРЁВ А.А. (Липецк)
РОМАНОВСКИЙ А.Г. (Харьков, Украина)
СКИФ В.П. (Иркутск)
СУХАЧЕВА Э.А.
СЫРНЕВА С.А. (Киров)
СЫЧЁВА Л.А. (Москва)
ШАЦКОВ А.В. (Москва)
ШЕМШУЧЕНКО В.И. (Санкт-Петербург)
ЯКУНИНА Г.П. (Владивосток)

Воронеж

12. 2015

Тамбовская область

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ

2015

В НОМЕРЕ:

Специальный выпуск

55 ЛЕТ ТАМБОВСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	Александр НИКИТИН, губернатор Тамбовской области. «Дарование есть поручение...» 4
ПРЯМАЯ РЕЧЬ	Татьяна МАЛИКОВА, председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России. Быть строкою своего времени 8
ПРОЗА	Виктор ГЕРАСИН. Пока не успокоилась душа. Рассказы 19 Валерий АРШАНСКИЙ. Нечетный путь. Рассказ 45 Юрий МЕЩЕРЯКОВ. Был день, который жизни стоил. Рассказы 56 Юрий РАССТЕГАЕВ. Поющие рельсы. Рассказ 70 Николай НАСЕДКИН. Муравьи. Ненаписанный роман 83 Зинаида КОРОЛЁВА. Ожидание. Рассказы 99 Михаил ГРИШИН. Медведь по кличке Заплата. Повесть 115 Александра БАРАБАНОВА. Варя. Рассказ 139 Денис ГУДИН. Бремя черных. Рассказ 143
ПОЭЗИЯ	Евстахий НАЧАС. Трава-польнь. Стихи 12 Татьяна МАЛИКОВА. Преображение. Стихи 14 Марина ГУСЕВА. Простая речь. Стихи 17 Мария ЗНОБИЩЕВА. Голубика. Стихи 38 Анатолий ГОНЧАР. Пороша. Отрывок из поэмы 41 Владимир САШИН. Поздний восход. Стихи 43 Иван АКУЛОВ. Август: двое. Из стихотворного цикла 64 Елена ЛУКАНКИНА. «Здесь у нас на ладонях другая лежит земля». Стихи 66 Лидия ПЕРЦЕВА. Зимние ветры. Стихи 68

	Валентина ДОРОЖКИНА. У вдохновенья нет отсрочки. Стихи 92
	Валерий ХВОРОВ. Зарницы. Стихи 95
	Нина ЦУРИКОВА. Перевал. Стихи 97
	Александра НИКОЛАЕВА. Матерь жизни. Стихи ... 109
	Геннадий ШЕХОВЦОВ. Когда луна купалась в сонной Цне. Стихи 111
	Александр МАКАРОВ. «Ты раньше вербою была...» Стихи 113
	Олег АЛЁШИН. Тихий сад. Стихи 133
	Татьяна КУРБАТОВА. В последний раз распахнуто окно. Стихи 135
	Валерий МАРКОВ. Обнимается с Мокшею Цна. Стихи 137
	Молчаливая нежность. Стихи: молодые голоса 148
	Алексей БАГРЕЕВ. «Я летел во тьме черным вороном...» Стихи 167
	Евгений БОЕВ. Присядет старость на скамью. Стихи 169
	Анатолий ОСТРОУХОВ. Черты вечернего лица. Стихи 171
ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ	Аркадий МАКАРОВ. Родники становятся рекою ... 152
ИМЕНА	Валентина ДОРОЖКИНА. Друзей моих прекрасные черты... (Из летописи Тамбовской писательской организации) 176
КРИТИКА	Лариса ПОЛЯКОВА. С.Н. Терпигорев: типология и жанровый градус русского очерка 192
СУДЬБЫ	Олег АЛЁШИН. «Его поэзия блистательна и холодна...» (Творческая изысканность Василия Комаровского) 206
ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН	Валерий АРШАНСКИЙ. Браво, актриса! (Незаурядная прима Мичуринского театра Татьяна Николаева) 211
ИСТОКИ	Валерий МАРКОВ. Памятник у дороги. (История Отечества начинается с человека) 215
ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ	Владимир СЕЛИВЁРСТОВ. Гамалея правил честно и порядочно. (Добродетели тамбовского губернатора Н.М. Гамалея) 220
ДУХОВНОЕ ПОЛЕ	Анатолий ТРУБА. Два Владимира. (Судьбы священников одного прихода) 230
	Содержание журнала «Подъём» за 2015 год 233

Подписные индексы: агентство «Роспечать» 73312; МАП 51228

Сайт журнала: <http://www.podiemvrn.ru>

Александр Никитин,
*глава администрации
Тамбовской области*

«ДАРОВАНИЕ ЕСТЬ ПОРУЧЕНИЕ...»

Давно и справедливо замечено: что ни город, то норов. Не счесть, сколько в школьные и студенческие годы было исхожено троп пешком, сколько дорог исколесил на велосипеде по туристским маршрутам, сколько километров проехал по рабочим делам на машине по городам и селам родной Тамбовщины, соседних регионов, и всегда отмечал: казалось бы, соседние поселения, а выглядят по-разному. Одни широкие, распахнутые, все на виду со своей веселостью и открытостью, другие не столь общительные, даже замкнутые, молчаливые. Все разнятся, точно, как люди. Но, может, в такой непохожести и состоит особенность глубинки средней полосы России, которая, как наша, находится в 400 верстах от Москвы, занимая площадь 34 тысячи квадратных километров с населением свыше 1150000 человек, насчитывая семь городских округов и 23 района, где областной центр — почти 400-тысячный Тамбов, недавно отметивший свое 379-летие. Но сколько же замечательных людей подарили стране и миру наши с виду и не особо-то, может, примечательные сельские и городские поселения!

Крохотный с географической точки зрения районный центр Умет благодарные потомки знают по биографиям великой певицы Надежды Обуховой и еще более — поэта пушкинской плеяды Евгения Боратынского (наши литературоведы, филологи утверждают, что его подлинная фамилия пишется через «о» в первом случае — не стану им перечить). Мне, к слову, очень по душе даже не размышление, не утверждение, а скорее, девиз Евгения Абрамовича Боратынского, начертанный им еще в 1831 году в одном из писем другу — поэту Плетневу: «Совершим с твердостью наш жизненный подвиг. Дарование есть поручение. Должно исполнить его, несмотря ни на какие препятствия, а главное из них — унылость». Да, именно так и надо идти по жизни, как те рыцари — без страха и упрека. Занести бы этот завет классика на скрижали истории!

Уваровский район, село Ивановка. Как много потерял тот, кто еще не побывал в этом чудном уголке пленительной природы. Здесь музыкой

и песнями пронизано, кажется, все: от перезвона колоколов соседних церквушек до тихой мелодии листьев на деревьях в садах, лесах, посадках... Музыка в душе начинает звучать еще на подъезде к прославленной обители гениального композитора, пианиста, дирижера С.В. Рахманинова. «В Ивановку я всегда стремился...» — так называется книга об этом уникальном музыканте и удивительной личности, авторы которой тамбовские литераторы, музыковеды и краеведы Д.В. Калашников и О.А. Казьмин. Выпущенное в Воронеже 12 лет назад тиражом три тысячи экземпляров издание быстро завоевало популярность, заняло приличествующее ей место не только на полках библиотек, но и в домах многих и многих читателей — почитателей искусства, культуры, книги, музыки... Побольше бы нам везде таких земляков, просиявших светом своего таланта на всю Россию, на всю планету!

А вот еще одна познавательная остановка на культурологическом и литературно-историческом пути движения по нашему региону — Петровский район. С гордостью сообщат вам местные жители, что их земля — родина знатной дворянской фамилии Лодыгиных, откуда вышел изобретатель лампочки накаливания Александр Николаевич Лодыгин! И еще славлен этот район тем, что именно здесь в годы Великой Отечественной войны родился и затем получил широчайшее распространение по всему Советскому Союзу почин тружеников из колхоза «Красный доброволец», призвавших и первыми проявивших патриотический пример сбора средств в помощь фронту. 40 миллионов рублей было передано тогда на танковую колонну «Тамбовский колхозник», за что именную благодарность петровцам выразил Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин. Танк, стоящий на пьедестале в районном центре Избердей, — не просто памятник, а еще и символ силы, мужества и стойкости людей, сплотившихся воедино во имя общей победы над врагом.

Если продолжать военную тему, то нужно сказать, что 250 Героев Советского Союза дала стране Тамбовская земля. И в их числе — навсегда оставшаяся 18-летней уроженка села Осиные Гаи Гавриловского района наша Жанна Д'Арк — Зоя Космодемьянская, чей немеркнущий подвиг увековечен памятником в центре Тамбова, областной премией, ежегодно присуждаемой достойным соискателям, в названиях улиц, учреждений, школ, производственных и творческих коллективов области.

Тамбовский край — это место, где родились, жили, вынашивали планы и оставили добрый след первый народный комиссар иностранных дел Российской Федерации Георгий Васильевич Чичерин, Дом-музей которого в Тамбове в период проведения ежегодных Чичеринских чтений обязательно навещают сегодняшние сотрудники МИД России. Это выпускник Тамбовского реального училища знаменитый архитектор В.А. Щуко, ученый-естествоиспытатель с мировым именем В.И. Вернадский, корифей и основоположник садоводческой науки И.В. Мичурин, стоящий в одном ряду с Н.И. Вавиловым, К.А. Тимирязевым, С.С. Четвериковым, А.С. Серебровским...

Одним из первых губернаторов Тамбовщины был знаменитый поэт Гавриил Романович Державин. Здесь возрастали, расправляли мощные литературные крылья писатели Сергей Сергеев-Ценский, Алексей Новиков-Прибой, Николай Вирта. Большие и малые районы области — Тамбовский, Рассказовский, Токаревский отмечены их славными именами.

Первый в России город-наукоград аграрно-продовольственного профиля Мичуринск известен далеко окрест не только кадровым потенциа-

лом АПК (85 лет насчитывает созданный еще И.В. Мичуриным вуз — ныне государственный аграрный университет, где и мне довелось по окончании получить диплом экономиста, а с годами уже и поработать как профессору, доктору экономических наук, проректором, ректором). Научград известен академической, фундаментальной основой садоводства, что олицетворяет Всероссийский НИИ генетики и селекции плодовых растений, а также прикладным характером теоретических исследований в области Всероссийского НИИ садоводства имени И.В. Мичурина.

Примечательна и литературно-художественная биография Мичуринска. Здесь помнят и чтут имя отмеченного еще А.М. Горьким рабочего, писателя Ивана Голикова, детской писательницы Марии Белаховой, учившегося в бывшем Коммерческом училище старинного Козлова (так до 1932 года назывался Мичуринск) Константина Федина, прекрасно описавшего его в своем романе «Необыкновенное лето». И, конечно же, великая гордость мичуринцев — их земляк, первый Президент Академии художеств СССР, выдающийся мастер кисти Александр Михайлович Герасимов, мемориальную Музей-усадьбу которого за 40 лет существования посетили тысячи и тысячи горожан, гостей наукограда.

А в Мичуринском районе, в селе Старая Казинка, вас с удовольствием познакомят с редкостным по сути своей и назначению пришкольным музеем памяти исторической личности — переводчика, издателя, журналиста-просветителя Ивана Герасимовича Рахманинова, основателя одной из первых сельских типографий в России позапрошлого века. Бесстрашный петербургский офицер, выйдя в отставку бригадиром (полковник по современному), здесь, в своем родовом имении, начал печатать не что-нибудь, а труды политического вольнодумца Вольтера, за что чуть ли не поплатился свободой. Его типография была немедленно закрыта по указу императрицы Екатерины, а изданные книги присуждены к уничтожению путем сожжения. Только известно ведь: рукописи не горят. Уцелели и до наших дней те единственные, правда, экземпляры вольтеровских произведений в русском переводе.

Лучшие традиции своих предшественников-литераторов достойно продолжает нынешнее поколение писателей Тамбовщины — прозаиков, поэтов, драматургов, публицистов. За минувшие 55 лет областной писательской организацией успешно руководили, выпестовывая новые таланты А.В. Стрыгин, М.А. Румянцева, И.С. Кучин, В.И. Герасин, А.М. Акулинин, Н.Н. Наседкин. В настоящее время лидером писательского сообщества региона стала известный поэт и общественный деятель, кандидат филологических наук, доцент Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина Татьяна Олеговна Маликова. Под ее руководством и при самом непосредственном участии проходят в областном центре и на местах яркие, запоминающиеся литературные вечера, фестивали, праздники с приглашением (при совместных усилиях с областным управлением культуры и архивного дела Тамбовской области) столичных авторов, включая ставшего уже классиком отечественной поэзии Андрея Дементьева, писателей Ларисы Васильевой, Альберта Лиханова, Захара Прилепина, Олега Роя, Марии Семеновой, сотрудников «Литературной газеты». Насколько я знаю, успешно действует писательское правление, заботясь о пополнении рядов творческой организации свежими силами, в результате ширится литературный актив, чаще прежнего проходят презентация книг-новинок местных авторов, получает новый импульс книгоиздательская, просветительская деятельность, что особенно важно в

деле нравственного воспитания школьников, студентов, юношества. Заметно окрепла дружба писателей с библиотеками, Домами культуры, музеями области, где проходят замечательные литературные вечера и встречи с читателями.

Прекрасным подарком для всех тамбовчан стало осуществление благородного и благодарного дела — издание к 70-летию Великой Победы двухтомника поэзии и прозы живых и ушедших тамбовских авторов под общим названием «Солдаты в бессмертье идут...» Этот совместный проект областной писательской организации и Музыкального театра Владислава Юрьева под названием «Маятник Времени» был всецело поддержан областной администрацией, нашим Законодательным собранием, которое мне было доверено возглавлять в течение четырех минувших лет, вплоть до избрания губернатором. Публичное представление двухтомника с приложением профессионально оформленного аудиодиска, где стихи читают и песни на них поют известные актеры, барды, сами авторы (включая вашего покорного слугу), прошло практически во всех городах и районных центрах области, вызвав восторженные отклики просвещенной публики.

Такая работа должна продолжаться и впредь. И мы внимательно рассмотрим перспективные планы, предложения нашего регионального отделения Союза писателей России, понимая всю важность и значимость интеллектуальной деятельности, составляющей бесценное богатство имеющего глубокие исторические корни Тамбовского края.

Мы гордимся тамбовской наукой, находящейся на передовом крае выполнения государственной программы Продовольственной безопасности страны. Гордимся нашим наукоградом, где в содружестве с целым рядом столичных НИИ, передовых медицинских центров решаются важнейшие вопросы, связанные с выращиванием, производством, переработкой продуктов сельскохозяйственного назначения, исключительно нужных и полезных людям всех возрастов и профессий — в контексте здоровья нации. Гордимся АПК области, замечательные, самоотверженные труженики которого сумели в этом году достичь рекордного урожая зерновых, собрав 3 миллиона 300 тысяч тонн тамбовского хлеба, чего не было никогда в предыдущие годы.

Такую же гордость вселяет в наши сердца родная культура, литература, живопись, музыка. Это живительные, незамутненные родники нашего бытия, без которых просто не обойтись.

Администрация Тамбовской области и Тамбовская областная Дума сердечно поздравляют нашу региональную писательскую организацию Союза писателей России с прекрасным юбилеем — 55-летием со времени основания. Здоровья и счастья вам, дорогие друзья, новых талантливых произведений на благо народа, творческой неутомимости, звенящих струн души и вечного служения его величеству — СЛОВУ!

Татьяна Маликова,
*председатель правления
Тамбовского отделения
Союза писателей России*

БЫТЬ СТРОКОЮ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Секретариат правления Союза писателей РСФСР 11 ноября 1960 года принял постановление «О создании отделения Союза писателей РСФСР в городе Тамбове». Эта дата считается официальным днем основания нашей творческой организации.

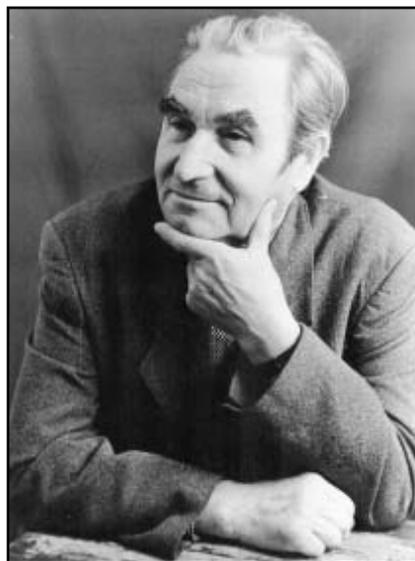
Первым ответственным секретарем Тамбовского отделения СП был избран поэт и прозаик Александр Стрыгин. В разное время Тамбовскую областную писательскую организацию возглавляли такие признанные мастера слова, как Майя Румянцева, Иван Кучин, Виктор Герасин, Александр Акулинин, Николай Наседкин, Людмила Котова... Все они заложили прочные литературные традиции, направленные на сохранение и приумножение культурного наследия края, развитие всех видов и жанров литературы, воспитание и поддержку талантливых молодых авторов.

Сегодня членами Тамбовского отделения Союза писателей России является 31 человек. В составе организации — как опытные литераторы, так и молодые писатели, делающие свои первые серьезные шаги на литературном поприще. При этом отрадно сознавать, что за последние годы значительно вырос в профессиональном плане и наш литературный актив.

Всероссийский Год литературы наша писательская организация отметила рядом запоминающихся акций. Так, по инициативе регионального отделения Союза писателей России и при поддержке Института филологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина в Тамбове прошел Всероссийский молодежный литературный форум и конкурс малых литературных форм. Его участниками стали более 120 молодых писателей из 40 регионов России, а также Белоруссии и Армении. Мы надеемся, что форум станет ежегодным и будет способствовать широкому литературному диалогу и укреплению межрегиональных и межнациональных культурных связей.

Заметный вклад в сохранение историко-культурного наследия края внес совместный литературно-патриотический проект отделения Союза писателей России и Тамбовского музыкального театра Владислава Юрье-

ва «Маятник Времени», признанный лучшим проектом России к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В юбилейный год была также выпущена уникальная антология военной поэзии и прозы — «Солдаты в бессмертье идут...» В нее вошли произведения 52 тамбовских писателей, как участников Великой Отечественной войны, так и современников. Было записано более 40 музыкально-поэтических видеоклипов на авторскую музыку композитора Андрея Пронина, в которых стихи тамбовских поэтов прочли известные актеры, музыканты, творческие и общественные деятели России: Анастасия Мельникова, Сергей Селин, Елена Захарова, Ольга Будина, Олег Митяев и другие.

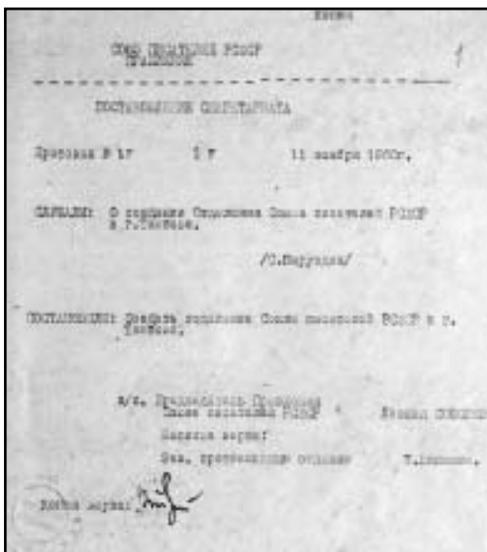

Александр Стрыгин

Эстафету литературной памяти поддержали и возглавили губернатор Тамбовской области Александр Никитин, вице-губернатор Сергей Чеботарев, председатель Комитета по науке, образованию и культуре Тамбовской областной Думы Владислав Юрьев. Инициатива тамбовских писателей и Музыкального театра была высоко оценена и на федеральном уровне. По решению Совета Федерации планируется, что уже со следующего года проект «Маятник Времени» будет реализован по всей России.

Мы с уверенностью смотрим в будущее. Образно говоря, каждое поколение наших писателей стремится стать строкою своего времени. Нынче Тамбовская писательская организация — это сочетание литературных традиций и развитие новых литературных форм. На Тамбовщине ежегодно проходят книжные фестивали и праздники, среди которых самым масштабным и ярким является областной «Фестиваль книги и чтения», организованный при поддержке управления культуры и архивного дела Тамбовской области, администраций городов и районов, Тамбовской областной библиотеки имени А.С. Пушкина и Тамбовской областной детской библиотеки. Ежегодно в рамках фестиваля проходит около 30 литературных встреч, в которых принимают участие более 2000 читателей. В разные годы почетными гостями фестиваля становились писатели и поэты Лариса Васильева, Андрей Дементьев, Александр Дорофеев, Ксения Драгунская, Андрей Балдин, Евгений Попов, Олег Рой, Екатерина Неволина, Эдуард Веркин, Мария Семенова, Константин Арбенин, Юрий Нечипоренко и другие. Художественным руководителем фестиваля выступает поэт Марина Кудимова (г. Москва).

Каждую осень желанными гостями Тамбовской земли становятся участники литературного праздника «Богдановские чтения» памяти нашего земляка — поэта Вячеслава Богданова. В Тамбов и Мордовский район Тамбовской области приезжают известные литераторы Петр Проскурин, Арсений Ларионов, Станислав Куняев, друг Вячеслава Богданова поэт, лауреат Государственной премии Валентин Сорокин, Анатолий Парпара, Иван Голубничий, Максим Замшев, Аршак Тер-Маркарян и

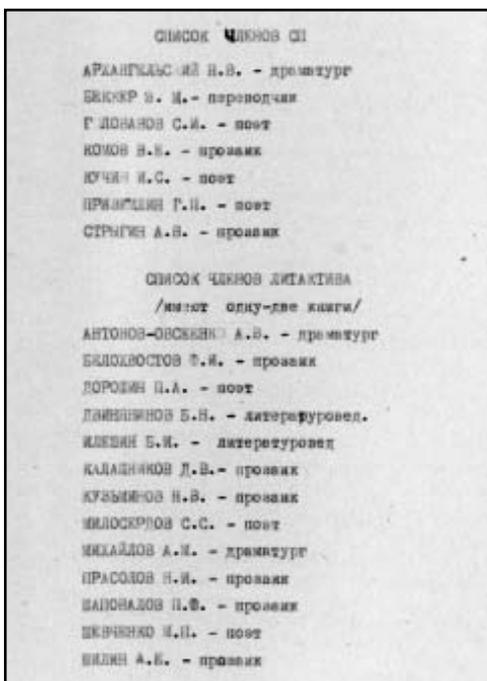
Копия постановления секретариата Союза писателей РСФСР о создании отделения Союза писателей в Тамбове.
11 ноября 1960 г.

Майя Румянцева

Иван Кучин

Список членов Тамбовского отделения Союза писателей и членов литературного актива. 1961 г.

Виктор Герасин

многие другие. Традиционно участниками литературного праздника выступают и члены Тамбовского отделения Союза писателей России. Одним из главных организаторов «Богдановских чтений» является двоюродный брат поэта Виктор Сошин. По его инициативе в районном центре Мордово создан музей Вячеслава Богданова, установлен его бюст. Имя поэта носит и местная библиотека. В 1998 году администрация Мордовского района учредила премию имени Вячеслава Богданова «Светунец», которая ежегодно вручается активным пропагандистам русской литературы — писателям, библиотекарям, учителям, а также творческим коллективам, организациям и литературным объединениям.

За последние 10 лет из-под пера наших писателей и литературного актива вышло около 100 новых книг, в том числе 24 коллективных сборника и 12 номеров литературного издания «Тамбовский альманах».

Плодотворно проходят занятия с творческой молодежью. При Тамбовской писательской организации действуют литературные объединения «Радуга» (руководитель Татьяна Курбатова), «Свеча» (руководитель Мария Знобищева), «Трегуляевские среды» (руководитель Владимир Селивёрстов), «Литературные пятницы» (руководитель Юрий Расстегаев), семинар для молодых писателей Олега Алешина и уникальное, отметившее в этом году свой 30-летний юбилей, детское творческое объединение «Тропинка» (руководитель Валентина Дорожкина).

Каждый месяц в Тамбовском книжном магазине по инициативе директора Ольги Миловановой проходят «Литературные фуршеты» — творческие встречи тамбовских писателей, фотовыставки и презентации книг, в которых принимают участие актеры, музыканты, творческие, общественные и государственные деятели, школьники и студенты.

Мы открыты к сотрудничеству и литературной дружбе с другими регионами и надеемся, что совместными усилиями мы сохраним и приумножим богатое литературное наследие, оставленное нашими предшественниками, на благо развития России.

Александр Акулинин

Николай Наседкин

Людмила Котова

Евстахий Ярославович Начас родился в 1940 году в селе Ярчевцы Зборовского района Тернопольской области (Украина). Окончил Тамбовский педагогический институт, отделение журналистики Ростовской высшей партийной школы. С 1967 работал в тамбовских СМИ. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат областных литературных премий им. Е.А. Боратынского и В.А. Богданова. Награждён медалью «К 100-летию со дня рождения М.А. Шолохова». Автор многих книг стихов. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Евстахий Начас

ТРАВА-ПОЛЫНЬ

* * *

Ноябрьских дней последняя теплынь,
как паутина, растворилась в небе,
потухла на буграх трава-полынь —
ушел в себя до срока каждый стебель.
Лиловые зависли облака
над горизонтом, словно вдоль границы,
ко лбу тянулась правая рука,
чтобы успеть хотя б перекреститься.
Как слаб перед природой человек,
как одинок в душе своей поныне...
А поутру на землю выпал снег,
его держали веточки полыни.

* * *

Вновь на буграх над Тулиновкой осень
Не пожалела охры на свой след...
Из-под земли там вышли корни сосен —
Их притянул к себе небесный свет.
А может быть, совсем другая сила
Им показала высь и облака,
Которая все сосны воскресила,
Чтоб здесь они шумели на века.
И чтобы корни сосен обнажались,
Как жилы на руках у старика,
И их верхушки в небе отражались,
Чтоб было видно их издалека.
Сосновый бор накажет за беспечность,
Я еле удержался на ногах —
Споткнулся не о корень я, о вечность,
На осень заглядевшись на буграх.

* * *

Я боюсь, что наш мир обречен,
разрывается сердце от боли...
Дух святой, что за правым плечом,
сохрани меня в этой юдоли.
Мир как будто оглох и ослеп —
он доверил судьбу свою янки,
и утюжат донецкую степь
самоходки и грозные танки.
По ночам пушки бьют по домам,
днем — по сверкам, коляскам ребячьим...
Дух святой, не сойти бы с ума —
украинцы не ходят, а скачут.
Дом за Стрепой родной мой и сад,
А за Ворсклою — брата обитель...
К ним приехать не в силах — бьет «Град»...
Сохрани меня, ангел-хранитель!

* * *

Вновь время развернуло вечный свиток —
в нем есть у ноября своя строка —
сквозь облака, как сквозь густое сито,
снег сеется, как первая мука.
Такой же светлый, чистый и летучий —
предвестник долгих и коротких зим,
морозные сугробы — это тучи,
что не могли расстаться в небе с ним.
Земля светиться будет перламутром,
которому в природе нет цены,
и мы узнаем на второе утро,
что ранняя зима дошла до Цны.

* * *

Март на дворе, но нет тепла в помине,
как будто вдруг сместились времена,
и воробьи на веточках полыни
выклевают крошки-семена.

Зима не в силах перевоплотиться —
куда ни глянь, вокруг студёный снег,
оседлым воробьишкам и синицам
непросто прокормиться по весне.

Отборного пшена им не жалею —
пусть насыщают вдоволь птичью плоть.
Жить, чтоб летать, на свете тяжелее,
но всех летящих чаще зрит Господь.

Татьяна Олеговна Маликова родилась в городе Тамбове. Окончила Тамбовский государственный технический университет, Высшие литературные курсы. Кандидат филологических наук. В настоящее время работает в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина. Печаталась в журналах «Подъём», «Российский колокол», «Юность», «Вестник Международного сообщества писательских союзов» и др. Автор нескольких поэтических книг, либретто и переводов. Лауреат премии им. В.Богданова. Председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России.

Татьяна Маликова

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

ПРОЛЕСКА

Синий лоскут неба — голову повязать,
Мартовским снегом к исповеди прийти.
Господи, мне бы выучиться — не ждать!
Мерой пролески веру мою суди.

Вкаждой прожилке — солнечный кровосток,
Ищущим срезать, душу не расплескав:
Слишком заметен первый лесной цветок,
Слишком желанно — небо нести в руках.

СИРИН

Птицы вымели небо крыльями.
Звезды выкосил лунный серп.
Ночь слепую на площадь вывели —
Растянули на колесе.

Сирин горькие любит ягоды —
Не запекшиися еще.
Опустило с дождями радугу
Лето осени на плечо.

Алым соком по веткам брызнуло —
Покатился Солнцеворот!
Сладко Сирин поет — не высказать.
Песня кончится. Все пройдет.

ЗАТМЕНИЕ

Молодая княжна, белый сокол встает на крыло...
Ты хлестала коня, ты его потеряла из виду.
Солнце вскрикнуло горько — и алое пало перо...
Расплывался закат, солнце билось... затихло, остыло.

В синей сумке льняной, притороченной к луке седла,
Увозили его, и роса в тонких маках алела.
На груди, под плащом, ночь луну белокрылую грела.
И уснул быстрый сокол, и землю окутала мгла...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

В обезглавленном Храме лампаду затеплит заря,
Будет солнце кадить, будут травы склоняться в поклоне...
От людских ли скорбей оплывает свеча октября?..
От моих ли грехов клены плачут в цветные ладони?..

Здесь из вытекших глаз бьет по душам немеркнувший свет.
Здесь проемы окон заслоняют от ветра святые.
А в пустом алтаре — белый инок, молитвой согрет,
У Причастия ждет, что к нему возвратится Россия.

АВГУСТ

Звонко брызнуло солнце и соком окрасило небо.
Сок темнел, высыхая, и звезды слетались на стол.
Над арбузными корками сладко-тягуче гудела
Златокрылая стая сверкающих жалами пчел.

Август — мятная полночь, прохлада стозвонного сада.
В землю брошены зерна событий, и судеб, и трав.
Медом, хлебом, лозой ли — проснуться нам засветло надо:
Славить новое солнце в распахнутых настезь глазах.

* * *

Роженица-луна простыню голубую измяла —
Потаенные стоны и алые пятна зари...
Я лежала в крови и кричала, от страха кричала,
И искала губами набухшие груди земли.

Я росла не по дням, наливаясь и медом, и ядом.
Всеми песнями трав отзывался мой сбивчивый слог.
Я училась читать по изломам черемух и яблонь —
Как слепая, касаясь ладонью морщинистых строк.

Окрестили меня в тихой церкви, где свечи и шепот,
Где святые смотрели — кто грозно, кто с лаской — со стен.
Окунаясь в купель, я смывала гордыню и ропот,
А навстречу мне солнце вставало с распухших колен.

Сладкий Благовест, Мати, — я чувствую звонкую силу!
Мне бы время замедлить — ладонью воды зачерпнуть.
Корни судеб людских прорастают в плакучие ивы...
Корни трав напою, чтобы к солнцу продолжили путь.

Марина Владимировна Гусева, поэт, педагог, художник. Окончила Пензенское художественное училище, Воронежский государственный университет. Преподает в Тамбовской художественной школе № 1. Работает в жанре натюрморта и пейзажа. Публиковалась в журналах «Российский колокол», «Подъём», региональных изданиях, альманахах и коллективных сборниках. Автор пяти поэтических сборников, в том числе книги стихов для детей «Я шагаю по тропинке». Член Союза писателей и Союза художников России.

Марина Гусева

ПРОСТАЯ РЕЧЬ

* * *

Я хочу научиться у Бога
Говорить на простом языке,
Как растет мурава у порога,
Как ладошка ребячья в руке,
Как роса, как старинные храмы,
Как в песке ускользящий след,
Как глаза моей слепнущей мамы, —
Ведь во всем этом сложного нет.
Эта речь так проста и понятна,
Без притворства, такая, как есть,
На щенке разноцветные пятна
Разве могут когда надоесть,
Разве может наскучить дорога,
Разве кто-то устанет от встреч...
Я хочу научиться у Бога
Каждый звук непритворный беречь!
Может быть этих звуков крупинцы
Соберутся когда-то в строке...
Я у Бога хочу научиться
Говорить на простом языке!

* * *

Баба Маня на завалинке
В последних лучах,
Как на полотнах Малявина —
Горяча.

В платье малиновом —
Из сундука,

В волнах нафталиновых
Большого платка.

Мальвы соседками
Столпились вокруг.
На жизнь не сетуя,
Баба Маня вслух

Разговаривает,
Вспомнив о ком...
Лижет руки зарево
Рыжим щенком.

* * *

Ладони ветра гладили ковыль,
Как гладят по-отечески ребенка.
И воробей, нырнув в парную пыль,
Плескался в упоении так громко.

Шмели брюзжали, чуть раздражены,
И поделом, незваные мы гости,
Могильной не бывает тишины
На деревенском маленьком погосте.

Зимой здесь кружит белая орда.
А осенью дожди открыто плачут,
Со всех лугов цветы пришли сюда,
И смерть отсюда видится иначе.

Не грозною старухой с косой,
Не в трауре торжественном и пышном —
В платочке пестром, с посохом, босой,
По мураве ступающей неслышно.

* * *

Тихий дождик льет печаль на землю,
Но такую чистую печаль...
Хочется промолвить: «Все приемлю».
И ребенка милого качать.

За деревней — сумрачное поле,
Лишь полоска белая вдали,
Если не кричит душа от боли,
Все равно отчаянно болит.

Кто ее распутает, Россию —
Тьмы и Света ровно пополам.
Крестится все время дед Василий
На том месте, где разрушил храм.

Виктор Иванович Герасим родился в 1939 году в поселке Заметчино Заметчинского района Пензенской области. С 1962 года живет в Котовске. Окончил Мичуринский педагогический институт. Работал учителем, главным редактором Котовской городской газеты. Публиковался в журналах «Наш современник», «Подъём», других региональных и центральных изданиях. Автор многих книг прозы. Имеет многочисленные литературные и общественные награды. В 1988-1992 годах являлся ответственным секретарем Тамбовской областной писательской организации.

Виктор Герасим

ПОКА НЕ УСПОКОИЛАСЬ ДУША

Рассказы

ЛОШАДЬ

1

У приятеля в гараже сидели хорошо. В железной печке жарко горели березовые дрова, совсем легкий дегтярный дух действовал успокаивающе, позывал ко сну. И чтобы совсем не сомлеть, Семеныч засобирался домой. Приятель отговаривал:

— Ну и куда ты, время-то всего ничего, только за полдень перевалило, посидим еще часок-другой, пображничаем.

Но Семеныч решительно поднялся и стал одеваться:

— Костя, пойду я. Тут у тебя уснуть недолго.

— И что ж такого, ну и поспи часок, не на работу же, а дома всегда будешь.

Константину явно не хотелось одному время коротать в гараже. Он изрядно поднимал температуру в помещении, так как сын попросил его об этом: вернется с работы, машину надо поставить на смотровую яму, поглядеть; что-то подстукивает внизу, в теплом-то куда как хорошо и сподручно лазить под машиной.

И Семенычу не хотелось вроде бы уходить от друга, но что-то повлекло его на воздух, будто кто-то ждал, просил, чтобы пришел.

Семеныч и Костя дружили давно. Вместе в одной бригаде работали на кислотном производстве, заработали «вредность» и в пятьдесят лет ушли на пенсию. Годы еще небольшие, в пятьдесят лет мужик еще мужик. И здоровья вроде бы хватало, не жаловались, по больницам не ходили, а — пенсионеры. Даже признаваться людям неудобно как-то было. Пенсионеры — это согбенные, шаркающие ногами старички да старушки, а эти орелики, от морд хоть прикуривай, а тоже пенсионеры. Можно сказать, что Семеныч и Костя как-то даже тяготились своим статусом, сами себе не любили признаваться, кто они. Вот и ходили друг к другу, посиживали то за чайком, то за чаркой, обсуждали, куда бы на работу податься. А куда подашься? Предприятия еле-еле дух переводят, сокращения за сокращением рабочих. Молодых сокращают, а пенсионеров тем более — получили свое и помалкивайте. Хоть сторожами куда взяли бы, а то ведь учиться надо теперь на сторожа, экзамены сдавать, и станешь уже называться не сторожем, а охранником, чоповцем. К тому же зима надвигается. Обдумывали Семеныч и Костя, куда весной им податься, может, в какую строительную бригаду возьмут подсобниками. Стенку они не сложат, по дереву тоже не горазды, а раствор месить и подавать — почему бы и нет, наука невеликая. С этим они справятся.

2

Ноябрьское предзимье обдало Семеныча холодом. Морозный ветер гонял по земле серый сухой снежок. Неприветливо было вокруг.

«Вот уж снег ляжет и кончится это...» Что это — Семеныч не стал додумывать, не хотелось.

Напротив скотобойного пункта с машины сводили лошадь. Она осторожно сошла по трапу на деревянный помост, с помоста опять по трапу и ступила на землю.

Семеныч остановился возле знакомого мужчины, хозяина скотобойни, который вместе с водителем грузовика сводил на землю лошадь, спросил:

— На колбасу?

— Куда ж еще, — ответил мужчина, повязывая на шею лошади обороть.

Лошадь повернула голову в сторону Семеныча и продолжительно посмотрела на него. Она будто пыталась узнать в нем кого-то своего, привычного, который возьмет вот ее и отведет в родную конюшню. В Семеныче вдруг стало проявляться какое-то еще неосознанное тепло, что-то в нем зашелестело, как луговая трава на ветру, вроде бы кто-то стал на него глядеть со всех сторон одновременно, — невидимый за воздухом, а глядит. Выжидательно глядит. Будто подталкивает к действию. Молча. Нехорошо даже сделалось на душе у Семеныча. И не ожидая от себя, спросил:

— Сколько же стоит лошадь?

— А тебе не все равно, сколько она стоит, — ответил мужчина, помедлил, достал из кармана бумажку. — Вот, по накладной... Да не особо дорого. За что платить-то, погляди на нее, кожа да кости. В цене — мясо. А это...

Мужчина махнул рукой и потянул за повод:

— Пошли, убогая.

— Подожди, — остановил Семеныч, — что, ныне и забьете?

— Нет, пусть на базу ночь постоит, опорожнится, а уж утром тогда на забой.

— Стой. А если я тебе заплачу за нее? Ну, сколько по накладной есть — столько и заплачу. К тому ж на магар подкину, на литровку. Как?

Мужчина остановился, внимательно стал вглядываться в Семеныча, сказал:

— Чудно что-то. Тебе-то зачем она нужна, эта шкетина?

— Это мои проблемы! Ну что, уступишь лошадь?

Мужик еще раз оценивающе осмотрел лошадь, Наверное, прикинул, сколько возни с ее забоем да сколько вдруг можно недобрать при продаже на колбасную, там тоже мужики ушлые, пытаются цену сбить.

— Да отдавай, отдавай, Петр Васильевич. С ней ведь завтра весь день потратишь, а нам вон куда еще ехать, в Степное. Помнишь? — подталкивал водитель своего начальника.

— А что ж, можно и отдать за ее цену-то. Мне ее за долги всучили. Откажешься, лошадь не возьмешь — ничего не получишь. Вот и... Да бери! Бери! Деньги чтобы ныне были. Завтра — поздно. Понял? Ныне.

3

Семеныч чуть не рысью побежал назад, к Косте. И про холод забыл. Костя домой еще не ушел, дотапливал печь. Удивленно посмотрел на друга:

— Ты чего? Раздумал домой идти?

— Понимаешь, Константин, как это тебе сказать, даже не знаю, лошадь хочу купить. Лошадь.

Константин отступил на шаг и еще удивленней уставился на Семеныча.

— Ну, не смотри на меня так, не сбрендил я. Лошадь там. Завтра забьют ее. Такая тощая лошадка. А посмотрела на меня, и мне показалось, что из нее, из глаз ее все родственники мои близкие и далекие смотрят, все мои деды и прадеды испытующе глядят, вроде того, что вопрошают — ну и что же ты, отступишься от лошади, от кормилицы нашей древней? Веришь, так и смотрели, так и спрашивали молчаливо, с укором даже. Ну, вот я к тебе и направился. Давай купим эту лошадь. А? Давай. Не согласишься — я один ее куплю. Побегу деньги искать. Займу у одного, у другого, с пенсии отдам. Давай, помогай мне.

— Так, лошадь купим, и чего же будем с ней делать?

— Чего-нибудь будем. Ездить на ней будем.

— Это где же, по городу? Чудак человек, да во всем нашем городе уже ни одной лошади нет. Где на ней ездить, когда машины вплотную друг за другом идут. Не понимаю тебя. Как ты представляешь это?

— А я по-другому представляю. Зачем нам город? У нас лес рядом. Речка. Ягоды. Грибы. Орехи. Да мы лошадку-то запрежем, сядем и покатали на рыбалку. Не на рыбалку, так за ягодами, за орехами. А грибы? То мы пешком неподалеку ходим, а на лошадке-то мы с тобой куда уедем? Далеко уедем. Да куда захотим — туда и укатим. Грибов-то сколько нарежем в нехоженом месте? Возом будем возить домой. Вот тебе и заработок. Всех своих обеспечим на зиму, а к магазину станем с ведрами — грибы за милую душу пойдут. То же ягоды, орехи. Да мало ли... Тра-

вы всякие набирать станем. Вон один мужик веники банные летом вяжет, а зимой у него нарасхват они идут. Ныне любителей баньки сколько развелось, что мужики, что бабы в баню дуром лезут. И каждому веничек дай. Кому березовый, кому дубовый. А мужик тот — он особые веники вяжет, травинки между веток пропускает: зверобойчик, душичку и другие прочие. Его веники спросом пользуются немалым. А мы что, хуже того мужика? Ты поразмысли, Костя. В общем, так, считай, лошадь наша. Деньги нужны. Ты как?

— Да как я. Есть немного. На всю лошадь не хватит, а третью часть возьму на себя. Очень уж ты заманчивую картину нарисовал — машины не нужно.

— Да что машина! — воскликнул ободренный поддержкой друга Семеныч. — Машина. На запчасти давай, на бензин давай, на всякие там техосмотры давай. А чуть грязь — и куда ты на ней. А лошадь есть лошадь. Ей в любую погоду дорога доступна. Кормочку только подкидывай. А мы за лето что ж, не навозим сена, что ли? Сам говорил в прошлом году, сколько же травы пропадает в лесу и в лугах. Косить ее некому стало. А мы с тобой в две косы-то... Нет, что ни говори, а лошадь нам с тобой нужна. Так, говоришь, на треть у тебя есть? Надежно?

— Да хоть сейчас. До квартиры вот только дойдем. Приготовил на ремонт квартиры, но раз такое дело неотложное к тебе привалило, то что ж, пойдем. Остальные вот только где брать?

4

Семеныч жил в своем домике на окраине города. Улица — в один ряд дома — окнами глядела на лес. Машины сюда заходили редко, потому перед оградой росла трава. У самых деревьев напротив каждого дома имелись скамеечки, а у некоторых даже беседки. На скамеечках и в беседках обычно летом перед сумерками собирались соседи, обсуждали свое житье-бытье.

Семеныч представлял лето, соседей на скамеечках, и тут же ходит, щиплет травку его лошадь. Красота, да и только.

Он шел домой, к жене, соображая на ходу, как с ней повести разговор о покупке лошади. Знал, разговор простым не будет, и готовился к нему, обдумывал, что да как скажет. Попутно зашел на скотобойню. Лошадь стояла в углу загонки, схоронясь за стеной от злого ветра. Хозяина нигде не было видно, не иначе как в доме, в тепле сидит. Подойдя к лошади, Семеныч потрепал ее за холку, погладил по выпирающим ребрам, приговаривая:

— Ничего, ничего, потерпи, я или завтра рано утром приду за тобой, а если повезет, то и вечером заберу. У меня сарай хороший. Поразберу там немного и поставлю тебя. Там ветра нет. Тебе хорошо у меня будет. Потерпи.

Жена стряпалась в кухне. От газа, от парящих кастрюль было жарко и влажновато. Семеныч разделся, зашел в кухню:

— Хлопочешь все?

— Как всегда, — ответила Оля, кушая из ковшы варено. — Как Константин там?

— Да как всегда. В гараже сидит, печку топит. Пока сын на работе. А вернется, машину поставит, и Константин долой, пошел домой. Я, Оля, это... Даже не знаю, как сказать.

— Говори как есть. Чего мнешься?

— Лошадь хочу купить, — выдохнул Семеныч.

И Ольга захлебнулась варевом, прокашлялась:

— Охренел, что ль! Какую лошадь? Да ты по жизни рядом с ней не стоял. При чем тут лошадь?

— Да погоди ты, погоди, — загорячился Семеныч. И рассказал, как увидел лошадь, как она глядела на него глазами всех его предков, как ему не по себе сделалось.

Ольга пристально посмотрела на мужа, выключила газ под кастрюлями.

— Ты, это... Ты никому ни гу-гу про это, только мне?

— Тебе. Да еще Косте.

— И все, зашей рот, больше никому.

— Да почему ж, что в этом такого? Я вот когда ребенка плачущего увижу, то мне так и кажется, что на меня через его глаза все предки глядят с упреком — почему это ребенок плачет, успокой его. Я же это не придумываю, я натурально это вижу.

— А я говорю, не рассказывай больше никому. Понимаешь? Сумасшедшим хочешь предстать? Так и в дурке оказаться можно запросто.

— Да при чем тут дурка? Дело же говорю, лошадь хочу купить. Ты как, спонсируешь меня?

— Чем, ковшом вот этим горячим?

— Ладно тебе, ковшом... Сколько денег мне можешь дать?

— Ни копейки.

— Оль, ну хочешь — на колени встану. Никогда не вставал, а теперь вот встану.

Семеныч и впрямь встал перед женой на колени.

— Ну, не выкуплю я лошадь, то мне и жить-то незачем станет. Понимаешь? Вот что-то случилось со мной, что все, что до нынешнего дня было — это куда-то в глубину ушло, а лошадь так и стоит передо мной, так и смотрит на меня выжидательно. Не понимаю сам, будто заболел я. Одно знаю, не выкуплю лошадь — жить мне незачем станет. Все, от всех своих предков я оторванный человек. А этого делать никак нельзя, оторванности никак нельзя допускать, она в нас должна из поколения в поколение вестись, связь эта потомственная, родовая. Держать ее надо. Мне Константин третью часть дает. На ремонт готовил. Но подождет ремонт. А мы, Оль, лошадушку свою в тележку или в санки заложим, сядем с тобой рядышком на разостланный ковер и покатым по лесным дорожкам, а? И опять станем молодыми. Что машина? Мертвечина! А лошадушка наша... Ты только представь, Оль. А?

Долго они проговорили, смеркаться уже стало. Насчет того, что из глаз животного на человека смотрит все прошлое, с этим Оля согласилась, добавила даже, что собака посмотрит ей в глаза и будто в самую глубину души проникнет, теплом душа обольется.

Перешли на ровный разговор, вдумчивый. Наконец Ольга сказала:

— Ты у Константина не бери, пусть он квартиру ремонтирует. У меня есть запасец, да пойду к маме, попрошу у нее. Про лошадь говорить не буду, скажу, что шубу приглядела. И нечего Константина припрягать, у нас чтоб своя, только наша лошадь была.

— Да ведь обидеться может Костя-то. Друг, скажет, а в долю не взял.

— Обидится он. Обрадуется твой Костя. И пусть приходит к лошади, отгонять мы его не станем же.

За лошадью они пошли вместе. Оля прихватила с собой буханку хлеба, солички и покрывало. Пока шли, она все допытывалась:

— Цветом какая она?

— Да черная вроде бы. Точно, черная.

— Вороная, значит. Черными бывают собаки да кошки, а лошадь — вороная.

— Откуда ты все это знаешь?

— Оттуда — из деревни. Я где родилась-то? В Марьевке, в колхозе. Это вы, городские, ничего этого не знаете, а мы, деревенские, знаем. Матка или меринок?

— Тоже спросила. Сама же говоришь, что мы, городские, ничего не знаем. Откуда мне знать, кто она.

— Эх, Господи, Господи. Все-то ты видишь, но ничего не говоришь.

Постучали в дверь, вызвали хозяина наружу. Тот удивился:

— Что, до утра не могли подождать?

— Деньги здесь отдать или в дом зайдем? — спросила Оля.

— Чего ж впотьмах-то, в доме рассчитаемся.

Рассчитались, на магарыч дали, как обещал Семеныч.

— У вас, поди, и зернеца-то ей нет? — спросил хозяин.

— Если у тебя есть, то одолжи, — ответила Оля.

— Ведерко насыплю. Овес. Лошадь без овса не лошадь. Подставляй сумку.

Семеныч подставил сумку, хозяин из мешка аккуратно ссыпал в нее овес.

— Завтра овса добудем, — говорила Оля. — К дядьке своему схожу, у него овес должен быть. Он коз пуховых держит, а прежде чем пух с них драть — им зерна дают недельки две, пух шелковистой делается. Попрошу, не откажет.

Лошадь все так же стояла понуро, прячась за стенкой от ветра.

— Ну, как тебя, Вороной, что ли? — подошла Оля к лошади. — Покушай хлебушка нашего.

Она отламывала от буханки, посыпала солью и давала лошади. Сначала Вороной брал робко, но скоро раскушал хлеб, потянулся к нему.

— Ну вот, так-то оно лучше. Семеныч, накинь на него покрывало. Оно в сумке у меня было. Пойдем домой, Вороной.

И они теперь уже втроем пошли по темным городским улицам в свой пригород. Оля вела лошадь за обороть, Семеныч шел следом за ними. И все удивлялся на жену:

«Гляди ты, ее как подменили. То зашумела, закричала: копейки не дам, к дому не подпущу, а то сама теперь ведет лошадушку нашу. Чудной народ эти бабы, пойдя вот разберись в них».

В груди у Семеныча все теплее делалось от мыслей об Оле. Знал ведь, не сомневался — самостоятельная баба, надежная, а вот такую, хозяйку, ведущую в поводу лошадь, даже представить не мог. Скажи кто ему еще в полдень об этом — не поверил бы.

В ужин выпили водочки, обмыли приобретение. Оля, как всегда, стопочку, чтобы поддержать мужа, Семеныч же накатил по полной три раза. И успокоился. С любовью поглядывал на жену. И как всегда в такие минуты их домашнего застолья, жалел ее:

«Что в жизни она видела? Деревню свою? Колхоз? Да и в городе-то не легче. Работа. Восемь тонн продукции перетаскай, загрузи на втором этаже в смеситель, да эти же восемь тонн выгрузи уже на первом этаже. И все на горбу своем, иначе нельзя, взрывоопасно. И все за одну смену. Детей двоих вырастила. Внуки вон уже скачут. Мне прошлым летом как ловко за воротник воды холодной кружку вылили, думал, кипятком сварили, а это ледяная вода. Озорники».

Еще Семеныч подумал о том, что внуки лошадь живую не видели, а теперь пусть смотрят на нее сколько угодно.

И потянуло Семеныча в сон. Начал поглядывать на кровать. Вскоре захрапел под одеялом. Все, управился. Этим он отличался от жены: сделал то, что можно сегодня сделать, и успокоился, а что будет завтра, то будет завтра, чего о нем ему думать сегодня.

Оля долго глядела в темноту, говорила сама с собой:

«Ничего, как-нибудь с Божьей помощью настроимся, не все враз, ныне хомут приобрели, завтра вожжи, дугу... Месяц, ну, от силы два, и я его откормлю и отпою. Сказать надо Семенычу, когда меня дома не будет, пусть не вздумает давать ему холодной воды, подогревает пусть. К ним, как и к людям, простуда липнет, зубы рассыпаются от холодной воды. В сарае наспех зубы у него проверила — он не старый, лет пяти-шести, не больше. Плечи и спина потертые. Нерадивый хозяин был у него, сбрую не по нему одевал. Вот и потеряли».

В доме было тепло, уютно. Это располагало к добрым мыслям, надеждам на будущее.

Оля любила порассуждать рядом со спящим мужем, в одиночестве, чтобы не мешал он ходу ее мыслей и представлений.

«Весна придет, мы и пчелок заведем. Врач, который у мамы был, он пчеловод. У него пасека большая, хороший приработок к его невеликой зарплате. Говорит, что на нашем месте пчел водить — благодать. Лес рядом, луг, река за лесом. Не много, а десяток ульев можно смело поставить, цветов всяких пчелкам хватит. Помочь с обустройством пасеки обещал. И нечего думать — ах, без работы остались. Они все там, начальники наши, без работы останутся, а мы пока не инвалиды, мы еще ой-ой. Как это без работы при полном здравии можно оставаться? Земля есть, лес есть, здоровье есть — чего еще надо? Теперь вот лошадь еще есть. Работай — и все у тебя будет».

Она поднялась, оделась потеплее и пошла в сарай к лошади. Ей не тепелось пообщаться с ней, погладить ее.

ГЕН УСТАЛОСТИ

1

Жизнь — она штука непредсказуемая. Другой раз такое расскажут, что хоть верь, хоть не верь в рассказанное. Вроде бы не должно такого быть по жизни, а оно случается. Вот как по рассказам учительницы знакомой, Анны Петровны. Женщина она не зряшная какая-нибудь, рассудительная, лишнего не наговорит, лишнее ей ни к чему вовсе. В годах уже она. Такие вроде бы не фантазируют, говорят о жизни как есть, без вымыслов и домыслов. Сельская учительница. А сельских — их за версту определишь. Сознание — оно от условий жизни проистекает. Уроки провела и бегом из школы: огород, скотина, корма, дрова тебя дожидаются.

Выживать надо. Особенно если семейные, если еще дети, как у этой Анны Петровны, в городах живут. Город — он хорош в одном: там и натопят, и подметут, и воды подадут. Не за так, конечно, теперь вон за хорошую денежку. А во всем остальном — бегай, рыскай по рынкам и магазинам. А когда мать из деревни сальца подкинет, варений, солений, картошечки-моркошечки, капустки-свеколки, то она и жизнь заиграет на веселый лад. И друзей-подруг не совестно к столу пригласить. А как же, как ты ни увертывайся, на какой этаж ни влезай, а все от земли, все от нее, кормилицы. Живот — он требует, он свое диктует: жить хочешь — кормись. Хочешь, чтобы твои отпрыски жили — корми. Никто другого еще ничего не придумал. И не придумают. Суть такова наша человеческая. И не только человеческая, любой иной животины суть все та же — кормись и корми. Маета большая тому, кто на земле живет, от земли кормится.

Сельская-то она сельская, учительница, а рассказывать начнет, так слушал бы и слушал ее. Умеет рассказывать, и не абы как, а с прикрасом. То на ходу встретимся, то попутно куда идем, то придет она к нам зимним вечерком, ну, и поговорим за чайком по душам, послушаем ее. Живем по соседству, дорогу перейти. И посещаем друг друга.

Анна Петровна все заботится о том, что школу скоро закроют. Горюет: успеет на пенсию уйти до закрытия школы или не успеет. Два годочка ей ждать осталось, а школу уже в этом году чуть было не закрыли. Двенадцать учеников всего, как ее держать-содержать, школу-то. Ее и обогреть надо, и осветить, и зарплату учителям заплатить. Где это столько взять на все? Спасибо родителям: собрались и отстояли, письма писали во все стороны, с начальством местным и приезжим ругались. Кому охота своего первоклашку-второклашку отпускать в соседние села. Возить их будут... Может, будут, а все не возле дома. Возле дома-то оно как? Уроки кончились — и порысили домой, к теплой печке да к сытному столу. А в чужом селе после уроков сиди и дождайся, пока все соберутся да пока приедут за ними. А ведь деревня. То грязь по шейку, ни один транспорт, кроме трактора, не пролезет, то бьет метет пурга дня три подряд, снега метровые или того выше дороги перекроют, не суйся, пока тракторами не разгребут снега. А где они, трактора-то, ныне? Раньше колхозы-совхозы свои машины выпускали, а ныне фермеры. Хозяйства невеликие, им накладно трактора днями гонять на дорогу, горючки-то им никто не подкинет. Если деревенские соберут немного да приплатят на горючку, то фермер трактор-то и пошлет. Он, что ж, фермер-то, чужой, что ли, свой же, деревенский парень или мужик.

Горится Анна Петровна: оставят перед пенсией без работы или не оставят. Стажу, можно сказать, предостаточно, после десятилетки сразу же начала в школе работать вожатой, а институт уже заочно заканчивала. А без содержания год или два прожить вроде бы обидно как-то. Можно получать пенсию по выслуге лет, но неуверенная она, эта пенсия, ныне есть, а завтра нет ее. Поговаривают, что отменят все эти выплаты по выслуге. А ты слушай да соображай, как дальше плыть-быть.

Одни переживания — что в городе, что в деревне. Люди вовсе вроде бы не нужны, лишними стали в своей стране. Там сокращают, тут сокращают. Сиди без работы, скакай по речкам да по лесам, где рыбки поймашь, где малины-калины наберешь, где грибов схватишь. Да землицей вот пробиваются люди. Угрюмость одна.

Ну да ладно, жизнь деревенская — она везде жизнь деревенская. Кто ж ее не знает, да и речь вовсе не о ней. Хотя, как сказать, в общем-то, о ней. Не обойдешь ее и не объедешь.

По моим имени, отчеству и фамилии, что ли, что-то высчитала Анна Петровна и повела разговор о не совсем понятном для меня, о гене усталости. Фамилия, имя и отчество мои как нарочно придуманные, все ген да ген в каждом слове. Слушайте вот: Евгений Геннадьевич Анфиногенов. В имени — ген, в отчестве — ген, в фамилии — ген. С чего бы это, как это так совпало? Вот тут и подумаешь, тут и поломаешь головку-то.

А Анна Петровна говорит:

— Ген усталости выработался в нас, в русских. И давно уже. Сколько можно переносить? Хотя бы в одном прошлом веке. Я посчитала как-то, а народ-то наш воевал почти полвека: войны да революции. Кровушка и кровушка. Недостаток да недостаток. А в итоге нищета сплошная. Он и новый век не лучше прошлого начался, реформы, перестройки, переналадки. Люди шарахаются туда-сюда, никак места себе в этой жизни не найдут, никак покоя не обретут. Вот и устали люди. Вот он в нас поголовно и вошел, этот самый ген усталости. А нас все не отпускают, все дают, все душат. И это из поколения в поколение так. От прадедов к дедам нашим, от них — к отцам, от отцов — к нам. А от нас — в детей наших передался этот ген усталости. От детей к внукам. И когда только это кончится? Нам бы поколениях в трех отдохнуть от войн, от неразберихи нашей русской, глядишь, и мы стали бы спокойными, приветливыми да улыбочивыми. Нет, конца-края не видно.

А у тебя ловко сложилось: Евгений Геннадьевич Анфиногенов. Не иначе, как в тебе этот ген усталости множится.

Говорит Анна Петровна так вот про меня, а мне на самом деле даже жалко себя делается. Начну вспоминать вглубь своего рода — и что? Тягло все один к одному, сплошная безотцовщина из-за этих наших войн, будь они неладны. И на самом деле, как заклонило нас на всех этих бедах и невзгодах.

Сидим как-то по весне перед вечером на бревнах, разговариваем о том о сем. Все больше рассказываем, кто и что по радио услышал, кто из телевизора что усвоил. А что там усвоишь? Самолет упал. Машины столкнулись. Украли миллиарды. Кто на ком женился и по какому расчету. Ныне что радио, что телевизор хуже баб базарных, плетут такое, что хоть из дома убегай, сиди за огородом да смотри, как облачка ходят, как птички летают.

Санек подошел к нам. А если Санек подошел, то знай, что два рубля не хватает у него и дай закурить. Санек пьет, а в пьянке удержу не имеет, куражится в семье, с соседями, со всеми встречными и поперечными схлестнется.

Вот ему наш умный мужик Семен-пчеловод говорит:

— Ты же человек, Александр, что же ты так оскотиниваешься, когда выпьешь? С утра опять вон за матерью и женой гонялся, вытрясал из них на похмелку. Все же человеком надо быть.

Семен не договорил, а Санек уже взвился:

— Это я человек?! Да кто тебе сказал об этом?! С человеками так не поступают, как со мной! Я — быдло! И слова мне другого не придумано! Вот ты один только говоришь, что я человек. А остальные? А кругом что? То-то же. Да я уже и не желаю быть человеком. Не желаю — вот и все. Мне быдлом куда как легче быть, спросу меньше, претензий меньше.

Вот какой он, этот Санек. Как же так, человеком не хочется ему называться? Быдлом нравится быть. Хорош гусь.

Ну, я вмешался, объясняю Саньку доходчиво:

— А я так думаю: родился быть человеком — вот и будь им. Нет такого свойства, чтобы сущность человеческую утрачивать. Крестьянином довелось стать — будь крестьянином. Ученым — будь ученым. Военным — будь военным. Мало ли какие беды, невзгоды сваливаются, а ты и среди них — бед и невзгод — человеком оставайся. Это легко — объявил себя быдлом, и какой спрос с меня. Нет, так не годится, это дезертирство от жизни, упрощение ее. Если ты человек, то все беды, все невзгоды превозмоги, поднимись над ними и останься человеком. Трудная это задача, но выполняемая. Иначе людей вовсе не было бы, одно быдло множилось бы на земле.

Санек есть Санек. Если его слово не превозмогает слова другого кого, то сбьчится, глаза своротит на сторону, того гляди боднет, на рога подцепит. Вот и на меня выскочил.

— Дать бы вот тебе по сущности твоей человеческой, — говорит, — да боюсь — рассыплешься, а я отвечай за тебя, лежи на нарах. Умачи... Заучили. Валите отсюда.

Ну, чего дожидаться от него? И даст. У него на это рука легкая. И повалили мы с Семеном восвояси.

2

Анна Петровна думала, думала да и обнаружила вдруг, что у всех у них, родных, двоюродных, троюродных сестер, из поколения в поколение стали девчонки одни рождаться. С чего бы это такому быть? Уперлась мыслями в это — с чего бы такому быть — и не забудет уже никак, не отвлечет мысли от этого вопроса. Дальше больше, начала вспоминать колена за коленом и пришла к такому выводу, от которого на душе у нее нехорошо сделалось: мальчики перестали в их роду на свет появляться. С самой войны Отечественной все девочки и девочки рождаются.

Так что род Стоговых вроде бы закончился. Род по мальчикам идет, по фамилии. А где ж тут фамилию сбережешь, когда девочки и девочки являются на свет божий.

Анна Петровна глубоко в род свой глядит. Исследует. Особенно о прабабушке своей много рассказывает. У них это, выходит, из поколения в поколение передается, блюдут историю свою, пересказывают матери дочкам.

— У прабабушки по материнской линии, у Дарьи, было два сына, Вася и Ваня, — не раз пересказывала в долгие зимние вечера Анна Петровна. Бывало, как сказку долгую заведет. Интересно говорит. Слушаешь и слушаешь. Вся картина перед глазами стоит. Это же о нашей жизни, о человеческой, слово молвится. — И две дочки — Марья и Наталья. Жили Николай и Дарья своим хозяйством. Две коровы у них, две лошади, земли гектаров десять. В общем, пластались от зари до зари обое. А на посевную да на уборку мужиков поднимали. Дом поставили под железной крышей. Редко тогда у кого железом дома были крыты. А они вот сумели. Трудятся, как говорится, по святому писанию, в поте лица своего, ребятишек растят, о будущем думают. А тут — коллективизация. Страшно даже подумать об этом. Отдавай свою землю, скотину на общий двор своди и ходи туда на работу. Такая новь в мыслях никак не уложится, никакого представления о себе не дает.

— Никакой коллективизации, и в колхоз не пойдем! — так меж собой порешили Николай и Дарья.

— А коль вы так порешили, то все у вас забираем, а самих вон из деревни. Поехайте в Сибирь, в лесную да холодную сторону, поумничайте там.

Сказано — сделано. Скотину свели со двора, одежонку повыгребли, даже иконы на снег выбросили и покололи, потоптали. «А вы, умники, сидите пока в своем доме, ждите, когда вас повезут на чужую сторону».

Что ждать от этих людишек — раз уж на святое руки подняли, то человека пришибить для них ничего не стоит.

«Эх, машина, ты машина, ты куда торопишься, увезешь ты нас далеко, а сама воротишься», — так горько пели перед отправкой в далекую Сибирь.

И повезла много народишка машина по железке в Сибирь лесную да холодную. Машина, она и есть машина, в ней души нет, ее погоняют — она и торопится: скорее, скорее отвезти людей этих с глаз долой. А каково каждому лишаться всего и покидать теплые гнездышки, родину свою оставлять каково? Машина этого не знает.

Где, как, с кем познался Николай — не ведала того Дарья. Только на одной из станций пришли в вагон вооруженные люди, спросили:

— Кто из вас будет Николай Стогов?

— Я Николай Стогов.

— Брат у тебя есть, которого Михаилом зовут?

— Есть брат, Михаилом зовут. Двоюродный.

— Тогда собирайся, ты нам и нужен будешь.

— Куда собирайся? А поезд уйдет. Семья как без меня?

— Пока не уйдет. А уйдет — догнать недолго. Пошли.

И пошел Николай под конвоем. Что ему сказать Дарье? Одно — береги детей. С тем и ушел, увели его. И как в воду канул. До самой смертушки своей Дарья не верила, что нет его в живых, что вот-вот объявится, найдет их. Не объявился. Не пришел...

Ребятишки с собой щенка прихватили, Верным его звали. Дарья сразу-то не заметила, не до того ей было, а они надежно прятали щенка, не давали ему оказать себя. А когда обнаружила, то поздно, не выкидывать же посреди дороги. Ладно, какая-никакая, а все память о доме. Забавляйтесь.

Была у Дарьи заветная укладка, увязанная веревкой. В холстине берегла пилу, топор, две лопаты. Пуще глаза берегла. А когда поезд остановился на маленькой лесной станции, да когда начали сажать на подводы раскулаченных, вот тогда и пропала Дарьиная укладка. Не доглядела как-то. Потом не раз вспомнила и пожалковала о пропаже.

Привезли к реке, на открытую поляну. Неподалеку лес вековой, дремучий. Народ-то все степной, леса не знают, побаиваются его. Сказали:

— Пока стройте себе жилища, какие сможете, а зимой будете лес валить да вывозить на открытое место. Продукты будем доставлять. Лошадей дадим.

И начали люди обстраиваться. В семьях, где мужики способные к плотницкому делу, начали дома ставить. Которые семьи послабее — те землянки стали рыть. А у Дарьи ни пилы, ни топора, ни лопаты. Совсем загóрилась. Что делать? Лето и осень — они не ждут, они своим чередом катятся в зиму. А зима — она не пожалеет небогретых да незащищенных. В шалаше ее не переживешь. Как есть погибель придет.

Родственник дальний по матери, Павел Истомина, подошел к Дарье со словами:

— Пойдем-ка, девка, что я тебе покажу.

Повел к реке, к обрывчику. Ребята ватажкой следом... А в обрывчике том глиняном пещерка выкопана. Зеленью поросла снаружи так, что сразу-то ее и не заметишь. Вошли в нее, а она немалая, верх сводчатый, от входа в обе стороны расширена. Павел говорит:

— Поприглядывайся, можно под жилище приспособить это место. Явно какие-нибудь беглые хоронились здесь от властей. Если надумаешь, — а тебе другого выхода нет, — то набивайте пещеру дровами под самый свод и жгите в ней. Жгите и жгите. Глина зачерепенит. Тогда тут без заботушки жить будет можно. А от входа перегородку поставим да дверь собьем, повесим. Зиму перезимуете, как же теперь вам, по-другому не сумеете, силы не те у вас, чтобы по-другому-то.

Поблагодарила Дарья Павла, пожалела его:

— Что плох-то так? Хворь в тебе?

— Хворь. С самой гражданской не отпускает. Не поехал бы сюда, но как там одному мне оставаться? А тут вон два сына, две снохи, внуки. Ну, и я с ними заодно. Помощник никакой, а словом все поделюсь.

И затопила Дарья печь-пещеру. Ребятишки край реки ходят туда-сюда, валежник тащат, бревнышки, какие под силу. Натаскали, набили полную пещеру, запалили. Горят дрова, как в печке русской полыхают, пламя наружу выбивается, верх входа зализывает. Прогорят дрова, дадут печке поостыть и вновь набивают ее и поджигают. Раз пять так пропалили. А как поостыла глина, так вымели золу, угли, полынными венниками своды обмахнули. Поколупала Дарья глину по бокам и поверху, а она и правда зачерепенила, будто слилась, как горшок стала. Вот уже и ночевать есть где, все не под открытым небом. И ребята ободрились; Вася, а за ним и Ваня одно говорят:

— Мама, проживем.

Они ведь уже не совсем малые ребята-то ее были: Васе тринадцатый годок, Ване одиннадцатый. Девочки — те меньше, Маше восемь, Наталье шесть только-только исполнилось. И щенок с ними в кучку. Щенок лапастый, лобастый, видит Дарья — крупная собака будет.

А Павел снова возле ходит, подсказывает:

— Месите глину, делайте из нее кирпичи, высушивайте, пока солнышко греет.

Кирпича глиняного наделали, насушили. Павел пришел и помог печку соорудить у входа. Дымоход вверх не выведешь, решили пока по-черному топить, дым наружу через вход в пещеру пойдет...

Пара чугунков, два ведерка, две чашки, ложки — это все с собой взять из дома дозволили. Река рядом, воды вволю. Домашние запасы гречки, пшеница, гороха поизрасходовали, а тут власть переселенцам продуктишки подбросила. Опять же пшеница, гороха, другой крупы, а главное, соли. Ребята в реке рыбу принаровились ловить. Сплели из прутьев корзины такие с малым отверстием и ставят в воду на быстринку. Рыба через вход попадает в корзину, а назад не выходит. Тут ее и берут. Да как рыба-то у них ловко пошла. Мало того, что варят да едят, так насолили, навешали, вялят ее. А рыба ядреная, жирная, такой Дарья даже на базарах не видела. Нерыбная их деревня, река далековато, а в озерах так себе, мелочь всякая обитает. А тут, гляди ты, какие рыбины, живую в руках не удержишь.

Как к дичку прививается добрая яблонька, так и человек: прививается, приживается к новому месту. Кроме рыбы оказалось в изобилии вдоль реки ягод. Малина, ежевика, черника. Дарья и в ягодах мало что понимает, а люди подсказывают:

— Готовь, суши, зимой все стодится.

Мало того, что ягоды-грибы пошли обильные. Показали приезжие, какие можно брать, да как сушить их. Это ли не еда? Как пшеничного супа с грибами наварят, как рыбины цельные запекут на камнях, как ягодного отвара напьются, так и сыты-пересыты все. Неплохо. Главное, в зиму запастись и запастись... Вот она, жизнь-то, вроде бы и просветление показала, надежда появилась — перезимуют.

А тут приезжающие из села мужики, привозившие переселенцам инструмент всякий, продукты да керосин, обратили внимание на Дарьину семью. Она им рыбки вяленой даст, а они ей кто пилу, кто топор привезут, кто какой бочоночек деревянный. Оно все давай сюда, все стодится в хозяйстве. Да и мужики знакомые, такие же, как и она сама, переселенцы, одумались, растерянность первоначальная с ними прошла:

— Помочь бабе надо, своя ведь, с одной стороны мы все.

Перегородку в пещере поставили, заставили ребятишек оштукатурить с двух сторон, дверь навесили, дымоход вытянули, наружу выпустили. Та же землянка, только глубоко в земле. Нора — она и нора. А жить можно.

Такой уж он есть человек, его хоть на Луну подними, так он и там окопается. Одна баба осталась, без мужика, с ребятами малыши, а скажи ты, на жизнь настроилась. И ребят настроила. Вот ведь как оно бывает.

Но беду не ждешь, не подкликиваешь — она сама тебя находит, да как больно наотмашь бьет. А человек сожмется, боль перетерпит, глядишь — опять расправляется, опять зацвел. На то он, видно, и человек, чтоб терпеть да невзгоды всякие переносить.

Говорить легко, а как пережить все это, как приспособиться, как детей не потерять — это задача нелегкая, сложная задача. Попробуй-ка пережить все это, попробуй в живых остаться.

Как лес начали валить, так Дарья и Вася топоры получили и пошли вместе с мужиками в лес. Их поставили сучки обрубать с поваленных деревьев. Топором намашутся день — рук не чуют. А работать надо. За работу продукты дают.

С первыми холодами не уберегла Дарья Наталью. Простыла девчонка. Жар с ней приключился. Хрипит в груди все. Еда, питье в нее не проходят. А чуть ум у нее просветлеет, то все Верного к себе зовет, все прижимается к нему. Очень уж она его любила. И он, наверное, понимает, болеет его любимица, прижмется к ней, в струнку вдоль вытянется, греет ее, щеки да нос полизывает.

Фельдшерица приезжала. Головой покачала, а сказать ничего не сказала. Порошки дала и уехала.

С вечера Наталье вроде бы полегче стало, отвара малины попила, с братьями поговорила, к матери поласкалась, а утром не стало ее, умерла.

Зачерствело уж да зачерствело сердце у Дарьи, а тут как ножом по нему, по зачерствевшему. Такая новая боль подкатила под горло, что хоть ногтями раздирай тело, открывай, выпускай боль наружу, избывай ее из себя. И заголосила бы Дарья на весь этот сибирский лес зимний, как волчица завывала бы на луну, освобождая душу от новой боли, а и этого сделать не смогла, замер голос в самой себе.

Первая умершая в необустроенном поселке переселенцев. Не от старости, не от несчастного случая на лесоповале, а былинка молодая, неокрепшая. Не вынесла суровости зимней в этой глиняной норе, к Всевышнему ушла душа ее младенческая.

Почитать бы над покойницей, а некому. Ни книжки, ни умения. Народ в основном все трудовой, землепашцы, а они не приспособлены устраивать похороны. У кого какие иконки были — женщины принесли. В изголовье да по бокам поставили. Так и молились всю ночь, как умели, над покойницей.

Могилу долбили в промерзшей земле. Горстями выгребали и выбрасывали вверх земляную студеною крошку. Сама Дарья, а с ней ребята ее, Вася и Ваня, мужики свободные от работы подходили, помогали как могли. Выдолбили за два дня в человеческий рост, обессилели.

Гробик Павел вытесал из плаха. Нарядили как могли, во что могли, и положили в гробик. Около могилы прощались с девочкой все, кто был свободен в поселке. Прощения просили у покойной. Плакали навзрыд женщины, всхлипывали мужики. Опустили гробик и забросали мерзлой землей.

Земля сибирская неосвоенная. Веками, тысячелетиями лежала нетронутая в этом месте. И вот открыли ее. Совсем неглубоко открыли. И заглянуло стылое зимнее солнышко в открытую землю. Ненадолго заглянуло, час спустя землю вновь закрыли. А солнышко глядело теперь на земляной холмик. Глядело и не согревало. Так уж устроено все.

И приблизилась Дарья душой к этой сибирской земле. Своей она ей стала. Потому как частица ее, Дарьи, Натальюшка положена в эту землю. На веки вечные положена. Как росточек какой малый, с которого жизнь начнется наверху земли, людская жизнь на те же веки вечные.

Окликнули Дарью:

— Верный-то ваш чего делает, всю могилку ископал, улезет в нору, только хвост один наруже, копает и копает, не подпускает никого, рычит по-звериному.

Пошла с Васей и Ваней, поправили могилку, а Верного привязали:

— Нечего тебе тоску на нас нагонять, знаем, любил ты ее, а умом своим не поймешь, что нет ее, нигде нет, кроме если как на небе, так и нечего вынимать ее оттуда, не заиграет она с тобой, заиграла бы — сами достали бы, не помедлили бы, — уговаривали Верного ребята.

А он глядеть на них не хотел, отворачивался от них. И от еды отворачивался. Только по ночам тоскливо подвывал в сторону одинокой могилы.

Дарье подсказали:

— Кроши в чугун еловые ветки, отваривай и отваром этим пои и пои ребятешек. Иначе и им несдобровать, полягут в рядок с сестренкой.

И она крошила, отваривала и поила ребят.

Новый уполномоченный приехал в поселок, Василий Кузьмич. В пиджаке, сшитом из солдатской шинели, пустой рукав в карман пиджака засунут. Походил по поселку, покачал головой, а когда увидел, где Дарья живет, так и вовсе помрачнел, лицо у него задергалось. Мужиков упрекнул:

— Как же вы так женщину бросили, не помогли ей жилье сносное сделать, дети ведь у нее.

Мужики заоправдывались:

— Помогали, как могли, да ведь и свое не отпускает, а тут и работы начались.

Уполномоченный распорядился конюшню ставить, рубить так, чтобы теплая была. Лошадей два десятка дают, лес на них трелевать, вывозить к реке, чтобы весной по воде его сплавлять вниз по течению до лесопильного завода. И велел при конюшне отдельные строения сделать: одно для кормов, другое для сбруи, третье для конюхов.

Поглядел пристально на Дарью, на ребят ее, и сказал:

— А они вот конюхами будут, чтобы и жили здесь. Сумеете с лошадыми-то управляться?

Дарья ответила:

— Как не сумеет, сызмальства только то и делали, только то и знали.

Вскоре перешли жить в конюшню. Лошадей дали справных, сильных, кормов подвезли вволю, овса чтобы по пять кило на голову выходило. Сказали:

— Работайте, мужики, за кормами дело не станет.

В Дарьиной комнате окошко на солнечную сторону, печка железная, камнями красными обложенная. Натопят печку, сварят, что поесть, а камни нагреются и тепло долго держат. Совсем жизнь другая стала.

Лошадей Дарья берегла; когда с работ возвращают их, то каждую ощупает, ноги, плечи проверит — не потерлись ли хомутами, не поранились ли, лес ведь, там все может быть. Чистоту блюдет, корм сама задает. Ребята помогают, в стойлах чистят, воды подвозят, поят лошадей. Дарьиным уходом за лошадьми довольно и начальство, и мужики уважают за труд ее.

Все оказались при деле, даже Верный хозяином ходит по конюшне и вокруг конюшни, на чужого человека голос подаст, предупредит: идут к нам.

А весной приехал Василий Кузьмич да заговорил с Дарьей откровенно. Говорит:

— Уходить тебе надо отсюда, одна ты с тремя детьми не проживешь при конюшне. А детям учиться надо. Не скоро, да, очень не скоро здесь жизнь наладится. Вот выберут лес поблизости — и на новое место переселяться всем, к новому лесу поближе. Завод со временем здесь поднимут большой. Но когда это будет... Дам я тебе справку, что отпущена ты. Поездами не добирайся, там проверки часто делают. Если только какими пригородными. А больше пешком иди. Города обходи. В городах твоей справке не поверят, назад тебя завернут. А в селах народ попроще, там и справке поверят. Еще дам тебе адресок один. Дойдешь до указанного в нем места — там тебя примут по моей записке. Так вот я советую тебе. Как большая вода сойдет, как дороги откроются, так ты и уйдешь. Вроде бы сначала как в сельсовет я тебя вывез. И все. Без возврата.

Хотела было Дарья Василию Кузьмичу руки целовать, но он отстранился, сурово остановил ее:

— Не придумывай, не царь я тебе и не отец святой. Жалко мне вас, вот и отпускаю на свой риск...

Почти все лето шли, выбирались из гиблых мест Стоговы. Вела Дарья детей осторожно, все больше от деревни к деревне, а где и в обход их. Как вовсе поесть нечего станет, так к людям поближе прибьются. Люди сжалются, покормят. Кто хлебушка с собой даст, кто молочка бутылку нальет. А в речушках опять же рыбка водится, ребята ловят ее. Ягоды всякие собирают вдоль рек да по оврагам. Идут день за днем, версту за верстой. А Дарья покажет людям бумажку, куда идти ей надо, а люди направление дают: на запад, значит, на закат и на закат солнышка путь держите.

А куда идут? К кому? Как примут их по записке-то? Домой нельзя. Предупредил же Василий Кузьмич. Но идут. Тянутся друг за другом. К родному чему-то идут. А какое оно теперь им родное?

Мается сердцем Дарья. Иной раз пожалеет даже: не подумала и с

места сорвалась. Натальюшка ей все видится. Осталась дитятко в чужой неласковой земличке лежать. Кто могилку ее теперь навестит, когда?

Засентябрило уже, когда на указанное в письме место вышли, нашли того, к кому их послал Василий Кузьмич. Тоже Василий, но Петрович. Оказалось, что работал он управляющим отделения совхоза свекловодческого. Отделения эти образовал сахарный завод. К нему они и относились. Все работающие в отделении рабочими числились. Обрадовался или не обрадовался пришедшим Василий Петрович — этого не определить. А письму от Василия Кузьмича обрадовался, расспрашивать стал, как он там, что он там. А Дарья что знает о Василии Кузьмиче, только то, что уполномоченный он на лесозаготовках, да что человек добрый, пожалел вот ее с ребятами малыши.

Отвели Дарью в барак жилой, комната там свободная была, к столовой всю семью прикрепили. На другой день позвали в контору, спросили, к чему способна? А к чему она способна? К земле, к скотине. Предложили — или на свинарник, или к лошадям. Обрадовалась, к лошадям. Дело знакомое.

А ребятишек в школу отвели.

И пошла-поехала жизнь Дарьи с семьей на новом месте. Весной огород свой получила, семенами обеспечили. Год спустя уже не узнать было ни Дарью, ни ребятишек ее. Откормились, посвежели. Она на работе в передовых числится, ребятишки в школе не на последнем счету.

Разузнала Дарья, далеко ли до дома ее родного. И решила съездить, посмотреть. Поехала поездом. Со станции до деревни привычным путем пешком дошла. Пришла в деревню на заре. Людям показываться особото не хотела. Прошла на общий колхозный двор. А там как раз стадо выгоняли. Постояла в сторонке, поглядела. Две коровы своих узнала, Субботку да Зорьку. Живые. Но плохие, кости одни. Корма слабые, да и ухода того, что был, нет за ними. И лошадь младшую свою повила. Жеребенком озорная была. Считаю, с ребятишками выросла. Разыграются, попрыгают от нее на печку, а она на дыбки становится, норовит за ними на печку заскочить. А теперь сама вон с жеребенком. Копия ее бегаёт за ней. Позвала Дарья тихонько:

— Веселка, Веселка.

Остановилась Веселка, долго смотрела на Дарью. Узнала ли — не понять. А когда Дарья пошла, уходить стала, то Веселка как-то неуверенно заржала ей вслед, вроде того — возьми меня с собой.

Побывала и в доме своем. Зашла, на образа перекрестилась троекратно. Новые хозяева как сидели за столом, так и обомлели: Дарья на пороге, с чем пришла?

А хозяин-то — новый брат двоюродный Николая, Мишка. В коллективизацию активистом был. Слово за брата не замолвил. Вон оно почему молчуном ходил: все выглядывал, все высматривал.

На Дарью жестко поглядел, с вызовом. Поняла Дарья взгляд его острый, только и сказала всего:

— Не беглая я, мы при всех документах. На братца-то ты, Мишка, поклеп какой донес? Когда забирали Николая, то что-то о тебе интересовались. Теперь понятно мне, ты вслед нам бумажку пустил. Не молчи, скажи, так оно? Молчишь вот. Сказать нечего. Не выгонять вас я пришла, домкү своему поклониться да поглядеть на него, в добрые ли руки достался кому. Теперь вот поглядела. Что ж, храни вас всех Бог. А я пойду теперь со спокойной душой, побывала, поглядела. Живите на

радость себе и людям. А ты, Мишка, помни про свой грех. Должок, Мишка, за тобой.

С тем и ушла. Нет, не надо душу рвать, незачем было приезжать. Нет тут ничего ее, стоговского. И никому они тут не нужны.

От дома своего на кладбище прошла. Сирень густо поросла на могилах. Роса на сирени, не подступиться. Подумала: живы будем, то на следующий год приеду с ребятами да наведу тут порядок.

Обила росу, пшена посыпала на мамину могилку. И на стоговские могилки посыпала.

Присела в изголовьях мамы, сказала:

— Вот и добралась я к вам, мама, ко всем сразу. К папашке не дойду, где-то в далеких землях лежит он. Не знаю пока как, на месте, где есть, жить останусь, к родной деревне ли прибьюсь. Не знаю. Дочку вот не уберегла, в чужой стороне в земельку положила. Помнишь ее, Натальюшку? Маленькая она совсем была, как тебя не стало. Ты там пособи ей, пригрей ее...

Долго сидела возле могилок, многое вспомнила, не раз слезу очистительную пустила. А как оттаяла душой, так и поднялась, и попрощалась с мамой да с другой близкой родней. И пошла тем же путем на станцию.

3

Выросли ребята. Выучились. Вася шофером работает, а Ваня и вовсе окончил техникум автомобильный, механиком работал. В автоколонну районную его переманили. Хотели начальником сделать, а не выходит — беспартийный, таких не ставят первыми лицами. И в партию не берут: из раскулаченной семьи.

Утешала Ваню Дарья:

— Ну и ладно, и так работы тебе хватает. Мы ль виноваты в том, что из раскулаченных. Мы врагами страны своей никогда не были и не будем. Пройдет еще десяток-другой лет и это забудется, и все опять равными станем.

Новый дом Стоговы ребята поставили. От первого до последнего бревнышка все своими руками пилили, тесали, строгаи. Завидный дом, вся округа любитесь им, как ловко бревнышко к бревнышку подогнали, за недоделок какой-нибудь или небрежно прибитую досочку ни один взгляд не зацепится: все тютелька в тютельку слито. А душа у Дарьи не на месте: не объявят ли вновь кулаками, не сошлют ли на чужую сторонку. Все было, и все может повториться.

А тут война грянула. Большая война. Людей подобрала. Вася на машине так и уехал на войну. И Ваня всей автоколонной туда же. Остались Дарья с Машей-невестой ждать ребят своих, Христа-Бога и Богородицу просить, чтобы живыми вернулись они с войны. И вернулись сыны-братья. Вернулись еще до завершения войны. Вася на одной ноге, с костылями под мышками. Ваня с пробитой грудью, лицом и телом будто не он вовсе, краше в гроб кладут. И за то благодарит Дарья Бога, что живыми ребята вернулись. Кругом вон сколько похоронок-то. Белые листочки, а хуже черных воронов в дома влетают.

А ребята поправятся. Васе обещают протез сделать, говорят: к труду будешь способен. А Ваню она сама на ход поставит. Молодой, зарубцуются раны страшные, опять на машину сядет, поедет-полетит.

Так оно и пошло день при дне. Одно настораживало, Вася к выпивке

пристрастился. Чуть что — он пьяненький. То плясать возьмется на одной ноге, то плачет, слезами обливается. А вскоре, сразу же после войны, женился. И жить бы да жить им здесь в своем доме, так нет же, молодая жена к родственникам увезла, далеко, дальше Сибири, на берег моря, где рыбу ловят да солят, где, по ее словам, деньги несчетные в карманы падают.

Письма писали. Не совсем уж деньжисто жили, но помощи не просили. Одна дочка у них родилась, следом другая. Так что две внучки у Дарьи появилось. Жалко, на дальней сторонке внучки, ни попестать их, ни полюлюкаться с ними.

Года три Ваня отлеживался. И поднялся твердо на ноги. Работать стал. Вскоре тоже женился. Жена досталась ладная, способная к хозяйству и к работе. Зажили, можно сказать, на большой. И тоже первенькая дочка родилась. Крепенькая девочка, на бабушку Дарью похожа лицом и глазами. Следующая — опять дочка. И опять копия Дарьи. Жена Ванина даже губки дула:

— Что ж это ни одна на меня и на моих родителей не похожа, а обе в стоговскую породу удались.

Дарья отговаривает сноху от обид:

— Стоговская порода не зряшная, стоговские все работники хоть куда, и на слово верные. Так что не упрекай стоговскую породу и нос от нее не вороти.

Ваня слышит эти женские разговоры да только посмеивается тихонько.

Дарью любопытство разбирает. Что же это получается? У Вани две дочки и обе копия ее, Дарьи. А как у Васи? Письмо написала, то да се, как внученьки мои там, на кого похожи. Вася ответил ей: мама, обе копии твои. Такие же русые, сероглазые, ладненькие. Дарья довольна. Еще бы, кому не хочется, чтобы родные кровинки не были на него похожи?

И Марию Дарья замуж выдала. За хорошего, работающего местного парня, который тоже с войны воротился. К себе забрал ее. Не Стогова она стала, а Куликова. И у этой со временем только девочки родились. Три. И опять обличьем на бабушку Дарью пошибают.

Это что же получается, задумывалась Дарья, корень-то весь от меня идет? К чему и с чего такое? И ни единого мальчишечки. Как обрезало.

И Ванину жизнь как обрезало. На работе умер. В машину сел и упал головой на руль. К нему подбежали, а он уже готов, не дышит. Врачи говорили, что осколочек малюсенький стронулся в груди и в сердце вошел. Добирала война, что не сумела взять там, на месте. Отпустила вроде, но помнила свое черное дело, добрала.

И осталась Дарья жить со снохой и внучками. Понимала, сноха молодая, долго в доме не задержится, уйдет, и куковать тогда бабке Дарье одной-разъединственной.

Так оно и вышло. Два года спустя Дарья осталась одна. Сноха вышла замуж снова и ушла к нему жить. Нет, не одна осталась Дарья, а с престарелой собакой, с Верным, который при всех тяготах его жизни сделался старожилом, за два десятка лет ему покатило, вроде бы и не живут так долго собаки, а он возьми да и перейди все мерки собачьей жизни. Он почти не ходил, почти не сторожил дом, а с грустью, стариковскими глазами поглядывал с постели за хозяйкой, будто что-то спросить у нее все собирался, но забывал, что спросить, впадал в долгий сон.

Дарья с собакой тихонько разговаривала, вслух вспоминала, что да

как оно было в не так уж далекие и совсем близкие годы. А Верный то слушал ее, слегка поводя ухом, будто отзывался на голос хозяйки, то вновь засыпал, тяжело вздыхая во сне. Наверное, за счет его умения спать и теплилась в нем жизнь...

4

Слушаем мы Анну Петровну, своих родных вспоминаем. Да почти одно и то же у всех выходит. Кого так же раскулачивали, кто на вербовках хлебушек свой добывал, кто на месте жил хуже, чем раскулаченные или вербованные. Редко да редко кто ровно прожил те годы. А уж война почистила так почистила, вымела много мужицкого народишка.

И задаемся мы вопросом: «Как же это понять, людей лишили дома родного, родной земли, а они, пережив все тяготы, выросли и пошли на войну. Кто полег там, кто вернулся — и тут окончил свой путь земной. Это что же за народ мы такой, русские? Обидели уж, обидели как некуда, а мы опять же за землю свою, за народ свой костями ложимся.

Анна Петровна грамотная, она учительница, у нее каждое слово в строку.

— Такой мы и есть народ. Обиды в нас нет. Не за власть воевали, за родину свою. Она не виновата в наших бедах, их люди творят, а не родина. Родина, земля родная, матери, отцы, братья, сестры, дети, соседи, земляки, могилки близких — вот что есть родина. Даже то, куда выселили наших, — это тоже родина. Ее и защищали, за нее и головы положили мужики наши.

Взяла себе в голову и повторяла, повторяла Анна Петровна, правнучка Дарьи Стоговой:

— Природа-матушка устала производить мужиков да отдавать их на растерзание революциям и войнам. Вот они и пошли, наши стоговские девки. Это надо же, на Васе и на Ване остановилось с мальчиками-то, заклинило баб наших, родят девок, родят девок, и ни единого мальчика. Это она, природа, так возжелала, чтобы не терять больше детей своих мужского пола во всех нелепостях, типа войн да перестроек-переналадок. А жалко, фамилия Стоговых приостановилась распространяться по земле...

А я и на самом деле стал верить в ген усталости. Убедила меня не только Анна Петровна, но и моя жизнь, и жизнь всей родни моей, даже жизнь Санька меня убеждает: от усталости махнул он на себя рукой. От той усталости, которая вошла в него, когда его мать носила.

О, Господи! Сохрани и помилуй...

Мария Игоревна Знобищева родилась в городе Тамбове. Окончила Институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Есенин и Гоголь: философия и поэтика русского пространства». Печаталась в журналах «Подъём», «Наш современник», «Вопросы литературы», «Волга-XXI век», «Крещатик», в «Литературной газете». Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова. Дипломант Международного Волошинского фестиваля. Автор нескольких сборников стихотворений.

Мария Знобищева

ГОЛУБИКА

БУСЫ

У девушек из глубинки
Такие глаза бывают,
Как ягоды голубики,
Когда их с куста срывают.

Цвести на болоте — зряшно,
А в руки чужие — страшно.

Мокшанкам широкоскулым
Так дарят синие бусы,
И спросу нет за посулы:
Греми, примеряй, любуйся!

— Не хочешь? Найду — любые!
— Нет. Нравятся. Голубые.

И тут бы до солнца взвиться,
Отдать бы сердце за песни.
Но птице — силоч, девице —
Сережки, гривны да перстни.

Так новое метят место:
— Теперь ты моя невеста.

А сердце с сердцем... — поладят!
Да, мастер, видать, искусен.
И теплые пальцы гладят
Холодную тяжесть бусин.

НА КРЫЛЕЧКЕ

Посидеть на крылечке, как будто мне десять лет,
Посидеть на крылечке, как будто не умер дед
И в глазах его карих древний огонь горит:
«Ох, и жалко тебя...» — А дальше — не говорит.

«Вот дострою забор, а потом еще пять годков —
От ворот буду палкой гнать твоих женихов.
Ну а если какой и глянется, станет мил,
Ты смотри на одно: чтоб он работающий был».

Все-то дедушка знает. А вечер нетороплив,
И луна над домом сочнее, чем белый налив,
Часовая стрелка плоским гребет веслом,
Пока мы на крыльце, под крылышком, под крылом...

ЖУК-СОЛДАТИК

В кинокадре, за шепотом черным,
Нить сюжета груба и проста:
Жук-солдатик ползет обреченно
По серебряной дрожи листа.

Дочка радуется: «Мой братик!
Мама, мамочка, это мой друг!»
Лист дозором обходит солдатик
И бессмысленный делает круг.

Небо замерло, отгородилось
Переливчатой сенью лесной.
Я подумала, что народилось
Много мальчиков этой весной.

* * *

У речки спрошу без затей,
Присев на косе,
Не здесь ли мальчишкой отец
Ловил карасей,

Не мимо ли этих берез,
От листьев светла,
Девчонкой на дальний покос
Бабушка шла.

А после спрошу у цветов
С нездешних полей,
Не помнят ли детских шагов
Мамы моей...

Березы мне вымолвят: «Нет.
Все помнить — нельзя.
Мы чувствуем только, как свет,
Струится, скользя,

Как ветер целует в висок,
Листву шевеля...
Но, может быть, помнит песок
И помнит земля».

НАШИ ДЕТИ

Наши дети боятся явиться на свет —
Свет, которого мало, которого нет.
Очарованным бабочкам негде кружить,
И приходится их уговаривать жить...

Из-под ста одеял, из-под ста облаков
Выходить, чтобы слушать вечерних сверчков,
Разговаривать с ветром и майским жуком
И по ласковым травам бежать босиком...

Этим душам с рождения тысячи лет.
Им не надо на свет — они видели Свет,
Улыбаются грустно, не могут забыть,
И приходится их уговаривать быть...

* * *

Ничего не надо: ни рощ, ни гор —
Так виднее неба разлив шальной,
Так яснее слава, стыдней — позор,
Свитые, как ризой, голубизной.

Смотрят три царевича: белый свет!
Царь послал за правдой, да нет пути.
Объявили старшие: «Правды нет!»,
Потому что трудно за ней идти,

Потому что грузом ложится грусть,
Волком воеет в темных дебрях ума,
Потому что снегом одета Русь,
Спят ее волшебные закрома.

Но лучит морщинки премудрый царь,
Все ответы знающий наперед,
Не бранит, не думает гнать с крыльца
Двух сынов,
а третьего сына ждет.

Анатолий Михайлович Гончар родился в 1965 году в селе Хорошавка Инжавинского района Тамбовской области. Служил в рядах Вооруженных Сил СССР на территории Афганистана. Работал фермером. Участник боевых действий на Северном Кавказе. В настоящее время продолжает воинскую службу. Имеет государственные награды, в том числе орден Красной Звезды. Автор нескольких книг поэзии и прозы. Победитель конкурса «Твои, Россия, сыновья!» Лауреат премии «Во славу Отечества», специальной премии конкурса «Щит и меч Отечества». Член союза писателей России.

Анатолий Гончар

ПОРОША

Отрывок из поэмы

* * *

...Легла пороша поволокой синей.
Слепит глаза заснеженная даль.
Ресницами лежит на ветках иней.
Стволов чернеет вороная сталь.
На поле белом чистые пушинки
Едва-едва под ветром шелестят,
А чуть заметные уснувшие травинки
Оковами холодными гремят.
Ковер зимы от ног до горизонта
Запеленал восторженную степь.
Голубизна божественного зонта
Вдруг на земную опустилась крепь.
Душа играет, просит на охоту.
Собрать в рюкзак продукты — пять минут.
(Вдруг накатило, вспомнил свою роту,
Последний бой... не вырваться из пут...)
Меня шатает, от чего-то мысли
Мои скользят по склону, по горам,
На проводах зарницами повисли...
И снова ноет позабытый шрам.
На лыжи, с богом.

Под ногой без хруста
Периной снег прогнулся, потускнел.
И где вчера еще пустынно-пусто,
Сугроб пушистый кипенно-белел.

* * *

...Пора до дому, загрустил немного.
Я ни следа не видел, ни следа...
Домой всегда короткая дорога.
Охоты нет, но что же, не беда...

Уже деревни показались хаты,
Уже собак я слышу перебор.
Широкий след — прошествовал сохатый,
С оврага направляясь в темный бор.
Вздыхнул тихонько, за плечом ружьишко
Качнул легонько и опять вздохнул.
Вдруг снег поднялся,

хрустнуло,
зайчишка

Взлетел в двух метрах и в поля рванул.
Ах, к черту палки...

Вмиг сорвав двустволку,

Повел стволами, отпустил чуть-чуть.
(В упор стрелять — немного будет толку).
Но вновь на сердце накатила муть.
Опять я вспомнил выстрелы другие,
Треск пулемета, всполохи огня,
Как прошивали линии тугие
Моих друзей-товарищей, меня.
Повел стволами, медленно на мушку
Я взял косога, упредив чуть-чуть.
И снова вспомнил: поднимали кружку,
Друзей в последний отправляя путь.
А им под пули тоже было страшно,
И умирать никто ведь не хотел.
Я уцелел в войне чужой, вчерашней,
А вот мой друг, увы, не уцелел.
Я отпустил косога,

жалко стало.

Пусть он живет, несчастьям вопреки,
Ему и так отпущено столь мало...
Так пожалеем зайца, мужики!

Уже и солнце опустилось к яру,
Снег золотом покрылся, ветер стих
И облаков багровую отару
Согнало к югу.

Как последний штрих —
Мороз крепчал, щипало снова щеки,
Я улыбался, трель синиц лилась.
Я тихо брел, придумывая строки,
И понимал: Охота удалась!

Владимир Алексеевич Сашин родился в 1972 году в селе Березовка Токаревского района Тамбовской области. Окончил Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Работает тележурналистом. Публиковался в региональных изданиях. Победитель Всероссийского конкурса журналистов по проблемам мигрантов. Автор трех поэтических сборников. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Владимир Сашин

ПОЗДНИЙ ВОСХОД

КОГДА Я ПРИДУ?

Когда я приду? Разумеется, утром,
Когда растуманится поздний восход,
Хранящий усталость ушедших невзгод,
Осенний и томный, серебрянокудрый,
Когда караси на пруду заиграют
И, тяжело ступая, ревущее стадо
Уйдет по лугам, там, где нет листопада,
И сельский кабак до пяти запирают.
Я знаю, вы ждете, надеюсь и веря,
В мой ранний визит по росистой траве,
Назло бездорожью, болезни, молве,
Находкам, победам, тяжелым потерям.
Я брошу их там, за скрипучей калиткой,
И вам не позволю о них поминать,
Моя поседевшая добрая мать,
Что сына в пути сберегаешь молитвой.
Мой строгий отец, потерявший до срока
В колхозных дворах могучее здоровье,
Сейчас ты готовишь подворье к зимовью,
Негромко ругаешь всю эту мороку,
Еще поясницу, что ноет к погоде,
Да так разошлась, что спины не согнуть,
И эту дождливую серую муть,
Что дел не дает завершить в огороде.
Все будто всегда, все в порядке, на месте,
И словно все живы, чего же желать?
Отец во дворе, в теплой горнице мать
Колдует у печки с податливым тестом.
А сын, что вернулся из дальней дороги,
Дыханье смирил и войти не спешит
В родительский дом исцеленья души.
Я скоро войду, подождите немного.

В ТУМАНЕ

В тумане иными нам кажутся вещи,
Стог сена похож на крутую скалу.
Крик ворона чудится строгим и вещим,
И кто-то тревожно скребется в углу.
И кто-то по крыше крадется невидим,
Железо когтями скребет в тишине.
И кто-то кого-то стремится обидеть,
И что-то мерещится в темном окне.
Собака завыла, испуганно, звонко,
Скрипит старый дом о минувшем своем,
В хлеву тяжело завозилась буренка,
Но светел с востока земли окоем.

СВЕЖИЙ СНЕГ

Я вижу, как ложится свежий снег,
На улицы, дороги, переулки,
Струится дым над старой караулкой
И время словно тормозит свой бег.
Какая-то далекая печать
Лежит над оснеженными домами,
Как будто те, кто нынче уж не с нами,
Пришли через неведомую даль.
Глядят они нездешними глазами
Сквозь толщу туч и падающий снег,
И видят, слышат, ощущают тех,
Кто здесь еще и держит свой экзамен.

Валерий Семенович Аршанский родился в 1945 году в городе Магнитогорске. С 1967 года живет в Мичуринске. Работал журналистом, главным редактором «Мичуринской правды», возглавлял издательский дом «Тамбовская жизнь». Публиковался в журнале «Подъём», региональных изданиях, коллективных сборниках и альманахах. Автор 12 книг прозы и публицистики. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат различных литературных премий. Член Союза писателей, Союза журналистов России.

Валерий Аршанский

НЕЧЕТНЫЙ ПУТЬ

Рассказ

Сестре Шуре

Старый двор поначалу замирает от неожиданности, а затем гулко ахает от восхищения. Еще бы! Озаренная ослепительным летним солнцем баба Дуся ровно в полдень картинно появляется в проеме скособоченной створки щелястых ворот. Перешагнув сбитый порожек, переносит следом за собой тяжелый клеенчатый баул. Щепотью, в сборку приподнимает повыше щиколоток неизменную свою темно-синюю ряднину, чтобы не мешала нагнуться. И в поясном поклоне, махнув по земле пятерней, как веником, — исполать тебе! — сорванным мушкетерским голосом извещает:

— Драстуйтэ, соседи! Обезьяна прыихала!

Такое «явление Христа народу» — очень хороший признак веселого воскресенья. А потому ответный гул голосов дружно приветствует виновницу торжества — свою среди своих таких же простых людей, любителей хлеба, зрелищ и поклонников таланта бабы Дуси... Тети Дуси... Евдокии Ивановны... Кто здесь только и как не называет эту коренастую кремезную женщину с неправильными чертами морщинистого лица — проводницу дальних пассажирских поездов, именуемых еще курьерскими. А что касается некоторой

странности ее словесных оборотов, то удивляться не приходится. Во-первых, пошутить, схохмить, от души народ потешить — это для тети Дуси всенепременное удовольствие и большая радость. (Кто знает, может в ней, не будь ничего детства, великая комическая актриса не хуже Раневской умерла?) Во-вторых... В этом тихом лесостепном краю, точнее, в поселке Мелбугор, что сползает улицами, переулками и огородами к южному берегу Дона, до ближайших украинских селений — хутора Стецковки, а там и Юнаковки, Басов, Сыроватки, Боромли Верхней и Нижней, Краснополя — рукой подать. Как говорится, полногтя по карте. И потому на причудливом певучем суржике — крепко заваренном русско-хохлацком словесном кулеше — местный люд ровно столько, сколько помнит себя, изъясняется, не испытывая никаких неудобств и дома, и в школе, и на рынке, и в больнице...

Это для приезжего москвича или питерца смешно, когда он слышит от местных, что собака здесь, оказывается, не лает, не гавкает, не брешет, а «скавчить». Белье не отмокает, а киснет. Булыжник не камень, а «гелик» (не путать с «гелендвагеном»!), пассатижи — «обценьки», ступеньки крыльца — «ганцы», крыжовник — аргус. Про картошку не говорят, что она сварена в мундире, а говорят «бараболя влупень», народ здесь не ходит, а «чапает»... Нужны ли еще примеры того, как некогда побратавшиеся наследники украинцев — запорожских казаков и российского новгород-северского воинства чукаво «балакають»? Не нравится? Ну, что же. В каждом селе есть свои чудачки, где лучше, где хуже, только, все равно, по-своему причисанные...

Дружно раскинув руки в стороны, как пропеллеры, с воробьиным писком летят навстречу бабе Дусе самые мелкие граждане Мелбугра. Их шумная возня, толкотня и грай не утихнут до тех пор, пока все птенцы до единого не будут оделены жамочками, пряничками, маковыми коврижечками — привычными сладкими гостинцами, извлеченными проводницей из кармашков, клочков и закоулочков необъятной клетчатой сумищи — исторического атрибута прежних скупщиков-перекупщиков, звавшихся челноками. Ими же в те достопамятные времена под какой-то плацкартной полкой тети Дусинога вагона и забытого. Но не пропадать ведь добру!

— Валяй, Информбюро, рассказывай, что на белом свете деецца? — с трудом пересиливая глухой утробный кашель (одного легкого нет, удалили, и со вторым, видать, не все ладно), отрывает курчавую голову от шахматной доски худющий, как дрель, обладатель желтоватого, почти воскового лица Вадим Каменчук. Любимец покойного гроссмейстера Крогуса, с которым он, любитель, состоял в переписке, высылая маэстро такие заковыристые этюды и задачи, что не могли раскусить с первого захода и признанные «гроссы»... Только это когда было? Еще до отсидки за растрату, которую любезно подсунули ему, недотепе, ушлые торгаши с овощебазы... Полез Вадим от денежной безнадеги товароведом в то логово, где с улыбочкой и на тот свет отправят, и сожрут — рот не оботрут. В итоге бандюгам достались немалые гроши за вагон «списанного» винограда, а худым Вадькиным плечам трехлетнее «гостевание» у кума, потом — пустая хата, жинкой брошенная, истрепанная меховая кацавейка на вешалке — грей свои легкие и в жару, чтоб не знобило, да поездки в областной тубдиспансер, к врачу-пульмонологу, на поддувку. Иначе совсем хана...

— Вадик, та шо нам от тех соседей-злыдней ждять? Теперь они друг

с другом воюют, — обреченно машет рукой Евдокия Ивановна, незаметно для других подсовывая шахматисту на колени, обтянутые линиялым спортивным трико, загодя припасенный кулек смуглой краснодарской черешни и такой же кулек желтоватых, малость с зеленой жердел, выменянных у знакомой ростовской товарки прямо на перроне по бартеру (баш на баш) — ведро за ведро черной мелбугровской смородины.

Мальцом Вадька (Евдокия Ивановна не забыла) хорошие стихи сочинял, доси одно в памяти ее задержалось, не уплыло: «А у нас на родине жук жужжит в смородине...»

Вадим благодарно кивает соседке, стараясь так же незаметно переложить оба пакетика в карманы полосатой больничной пижамы, принакрытой старенькой толстовкой-безрукавкой.

— Соседи, соседи... На кой кий сдались они тебе, те соседи? — угрюмо бормочет вечный партнер Вадима по шахматам, депутат райсовета Блинер Яков Аронович, лысый ловелас и в свои шесть десятков с хвостиком. — Хай они хоть перегрызут там друг друга, бычки неблагодарные, — с силой клацает он по кнопкам шахматных часов, играя в блиц-пятиминутку...

Вадим, уклоняясь от спора с дворовым пустобрехом, лишь слабо улыбается, неопределенно поводит густыми бровями и пожимает плечами, мимикой отвечая участливо качающей ему головой Евдокии Ивановне: «Да ничего, тетя Дуся, прорвемся...» Скорее бы только она отошла от стола, чтобы не видела, какими сгустками мокроты отплеивается после затяжного кашля выросший на ее руках Вадька. Которому только она одна из всего их двора на два десятка семей письмишки посылала и посылочки отправляла в ту мордовскую колонию, куда загремел на целых три года этот составитель изящных шахматных этюдов и остроумных шахматных задач...

— Ой! Тетечка Дусечка! — вызвав снисходительную усмешку Якова Ароновича, издаലെка кричит проводнице звезда эстрады Любовь Щеглова, заученно делая напомаженные губки гузочкой для смачного поцелуя и по-дамски вскидывая холеные, не тронутые загаром руки.

В школьные годы Любкин ровесник Вадик Каменчук то брэнчал по вечерам на гитаре под ее окнами разные мотивы, приглашая одноклассницу на свидания («Хвастать, милая, не стану, знаю сам, что говорю, с неба звездочку достану и на память подарю»), то, хватанув с дружками стакан-другой вермута или «Червоного мицного» («червивку»), орал под ее же форточкой: «Люба, слезь с дуба, гад буду...» Дальше из уст отрока лилось нечто совершенно невообразимое, неприличное. Усвоенное, наверное, все на тех же вечерних внешкольных дворовых уроках под водительством старого красноного кролиководы по кличке Волоокий. Про которого что только не говорили: вроде и дезертиром он был в войну, и предателем, а кое-кто добавлял, что полицаем, за что и отсидел десяточку в Магадане... Сам Волоокий, кроме как с юнцами-пацанами, к вящему неудовольствию их родителей, ни с кем не общался... Только — приходится повторяться — с подростками и белошерстными да серошерстными (одни на шкурки и пух, другие на мясо) кролями-великанами в клетках. У которых глаза всегда налиты такой же сочной алой краской, как нос Волоокого. «Кто в клетке зчат, тот по клетке плачет»...

— Тетечка Дусечка! — трижды почмокав воздух вокруг подпеченных солнцем и ветром, посеченных морщинками щек проводницы, Любовь Николаевна Щеглова, как и положено заведующей поселковым ДК «Кос-

мос» — вся в мареве поддельных духов «Шанель» — вплотную приникает к лицу соседки, желая нашептывать ей в ушную раковину нечто сугубо дамское, интимное, сокровенное... О чем может догадываться разве что усиленно изображающий сейчас глубокое раздумье над партией Яков Аронович — густо заросший жестким черным волосом пузан в майке с широкими, надежно поддерживающими брюхо-бурдюк шлейками.

— Я это... — вскользь простреливает бугристый затылок Ароновича чем-то чуток смущенная юношеская пассия Вадьки Каменчука. — Я, Дусечка, посудку там всю твою перемыла, постельку заправила, простыночку я принесла свою... Ты это... — опять пролетают трассирующие пули мимолетного взора по касательной к Ароновичу, — ты ключики свои заberi под дерюжечкой, а конвертик лежит на этажерочке...

Возмущенный взбрык негодующей «Дусечки» — какой еще конвертик? — Любовь Николаевна нежно гасит тесным прижатием соседки к груди и все тем же томным шепотом: «Да не мои это денежки, его... А уж при его-то доходах...» — одними губами поводит в сторону невозмутимого Ароновича Любушка-голубушка. — В общем, возьми и купи, пожалуйста, мультисок Анечке, она после школы — ну да, дневное пребывание — у тебя пусть останется, заночует... Я ей говорила, она знает... Витька мой в командировке, до среды. Дусечка, чао! Пока!

Артистичной походкой — узкая талия, нога от бедра, высокая грудь вперед, зеленая чалма-косынка, едва прикрывающая густую копну темных волос, вьется по ветру, туго чувствуют себя под узкой красной юбкой полные бедра и округлые колени — в итальянских зеркальных очках пересекает двор по диагонали истинная Баядерка, Юдифь из «Песни песней», она же Медея — Любовь Щеглова. Дама в самом расцвете сил и женской красоты, очарованием своим вызывающая у одних мужчин вполне понятный прилив неистового желания быть с ней рядом, у других пароксизмы неутоленной страсти, у третьих спазмы зависти к тем, кто, в отличие от них, немощных, может... Что там говорить, красotka!

До-о-о-лго, очень долго смотрит ей вслед затуманенным взором получивший мат за просрочку времени, но нисколько не расстроенный этим обстоятельством Яков Аронович Блинер. Очень искусный в свое время закройщик, мастер пошива верхней дамской одежды и демисезонных пальто из накрывшегося в перестройку медным тазом ателье «Заря».

* * *

— Дед, слышь, дед! — отрывает Якова Ароновича, пересевшего за стол доминошников, гнусавый голос внука Яшки. Сильно косящий обоими глазами толстогубый пузанчик-семиклассник статью своей, походкой, манерой пускать пузыри слюны изо рта в минуты спора удивительно напомнил патриарха семьи Блинеров — активного депутата райсовета.

— Что, счастье мое, что у тебя случилось, шее мазл мой дорогой? — бодро откликается на трубный горн внука готовящий триумфальную концовку в «морского» Яков Аронович, крепко сжимая в потных ладонях два дупеля — шестерочный и пусто-пусто. Будет сейчас финал оптимистической трагедии этим босякам, братьям-бульдозеристам из соседнего подъезда, затеявшим игру с самими гроссмейстерами — Блинером и Каменчуком! — улыбается про себя бывший закройщик из Торжка. — Говори, Яша, я тебя слушаю.

— Слышь, дед, я жрать хочу!

— Так в чем дело, Яшенька? — тут же откликается добрый дедушка. — Возьми батончик в хлебнице, намажь маслом из холодильника и присыпь сахарком. Я приду — будем обедать...

Всегда подозрительно косящееся на род людской и заходящее солнце толстогубое «счастье» исчезает на какое-то время за дверным пологом из плотной шторы, закрывающим доступ в жилище злым мухам. Но и пяти минут не проходит, как этот разбойник с лукавым ликом Савелия Крамарова появляется вновь. И душераздирающим криком «Де-ед!» оглашает и свой, и соседний дворы. Горластому внуку почему-то кажется, что без такого отчаянного вопля гротесктер его не услышит. Понятное дело, внук абсолютно не прав.

Да, после пары камней, выставленных этими не такими уж дуралеями-братьями, положение в змеящейся ленте костяшек заметно изменилось. И теперь уже «гротесктерам» надо думать, что сделать, чтобы самим не попасть в чудную... М-да... Этот стон у них песней зовется...

— Яша, ты что хочешь? — сух и официален голос деда.

— Нашел я булку и масло. А дальше что?

«Вроде ж и не дебил, а задает такие вопросы», — недоумевающе переглядываются братья-бульдозеристы из аварийно-восстановительного поезда, которым даже в киоск за сигаретами выход со двора запрещен без разрешения бригадира, постоянно держащего телефонную связь со своим отрядом. А вдруг, не дай Бог, авария, сход локомотива или вагонов с рельсов? Каждая секунда дорога!

— Так возьми мой нож и намажь масло, — поворачивает не очень-то довольное лицо к внуку дедушка. И вновь утыкается взглядом в проблематичную концовку при «шесть-пусто», когда у каждого из партнеров остается по паре костяшек на руках...

— А ножа со штопором нету! — миг спустя злорадно выкрикивает с верхотуры деревянной лестницы Яшка, у которого один глаз на Кавказ, а другой на Север. — Ты его вчера вечером с собой брал, когда шел к тете Любе...

Обомлевший двор замирает в ожидании развязки: что теперь-то будет? Гром? Гроза? Молния?

Но нужно знать старого закройщика, обшивавшего и самых капризных дам из горкома и горисполкома...

— Яшенька! — спокойно оборачивает обнаженный торс (только загоривок стал малиновым) дедушка к внуку. — Если нет в доме ножичка, намажь, пожалуйста, масло своим поцем!

От хохота обитателей двора дрожат ступени на лестнице, скрипит жестью крытая крыша на Щегловской голубятне, и даже вывешенное на просушку старым пьяницей Волоокиным исподнее белье на скрученной узлами веревке и то, кажется, подрагивает от смеха. Ну, Аронович, ну, бес, ну, скажет так скажет, чтоб он здоров был!

* * *

И в кого только уродилась Анечка такой рукодельницей? Ты посмотри: на участке пришкольном полдня отработала — и копали детки там что-то такое с учительницей, и сажали чего-то, и поливали... А к бабе Дусе пришла — не жалутся и не хнычет, сразу же понеслась помогать ей по дому. Мусорное ведро бегом вынесла, полы притерла, мебель на место расставила, теперь давай, бабуль, я тебе волосы покрашу. Парикмахер так

не обработает все проборчики до единого, как Анечка. И это — пятиклассница!

Вместе они потом славно поужинали, насмеялись над Анечкиными школьными историями — девчоночке и порассказать-то их некому: папа по неделям в разъездах своих как бурильщик артскважин, а домой приезжает — или на голубятне торчит, как мальчишка, или дыры в сараюшке да погребу латает. Мамуле тоже некогда: в клубе каждый день репетиции, смотры, фестивали... Или с этим вечно полуголым — как ему только не стыдно так ходить — Яковом Ароновичем выкройки да ткани у Щегловых дома, пока папы нет, допоздна обсуждают, то и дело на нее, Аню, поглядывая, не пора ли, мол, детка, тебе на боковую? А то она не понимает такие взгляды...

Набегавшись за день, в охотку наплескавшись под тепленьким душем, светловолосая голубоглазая девочка — вот тоже вопрос — родители-то оба темноволосые, черноглазые, а она? Ну, ладно. Что тут копать... Уставшая Анечка спит сейчас в горнице бабы Дуси на лучшей в ее доме пуховой перинке. Спит сном праведника, тихо посапывая и улыбаясь во сне чему-то своему, ей одной понятному, ей одной приятному. Полюбовавшись румяным личиком ангелочка, баба Дуся прикрывает ноги Анечки поверх одеяла еще и старенькой своей форменной шинелкой, доставшейся ей в наследство от мамы — тоже проводницы, только войсковых эшелонов, тихонько сгоняет с кровати заупрямившегося Барсика, старого лежебоку, всегда готового разделить ночлег на перине с кем угодно и когда угодно. И на цыпочках, крадучись, пробирается в свой закуток к зеркалу, расчесать перед сном сохранившие прежнюю густоту, но утратившие некогда каштановый цвет, теперь уж словно посыпанные крупной серой солью, коротко стриженные волосы.

Сверху над овальным зеркалом смотрит мимо нее, в пространство, затаенный в морской бушлат Юрашка. Как он там именовался-то в письмах с флота — старшина второй статьи третьего года службы? Стал ему роковым тот год, когда сутками напролет выло скорбные песни и марши радио, прерываясь только для извещений о затонувшей подводной лодке, с которой не удалось спастись никому. Вот и не зарекайся. Вот и не строй никогда планы счастливой семейной жизни, как строили они в том шалаше на правом берегу Дона, когда Юрке дали аж полтора месяца отпуска. Достроились... Кто знает теперь, где, на каком дне морском покоится тот бушлат Юрочкин... И кто знает, жива ли, нет, мама его, Татьяна Владимировна, в тот же месяц продавшая за бесценок свою квартиру Волоокому и укотившая отсюда куда глаза глядят. Говорили, к сестре, в Кострому, что ли, или в Калугу... О внученьке родной, Ирочке, так и не узнала. А Иринка всегда, как приезжает сюда, на Мелбугор, интересуется бабушкой Таней; пыталась даже разыскать ее там, в Москве своей, через какое-то адресное бюро, где все про всех знают. Вот неизвестно только, нашла ли? Надо будет не забыть, как приедет доченька проведать мать, спросить...

Дрема после длинного дня, когда раннее утро с медным пятком восходящего солнца пришлось встречать еще на колесах, а с обеда до позднего вечера кружиться в хороводе неотложных домашних дел — стирка, уборка, готовка, штопка, кормежка Анечки, — одолевает неотвратимо, накапывает, как морская волна. Никуда от нее не деться. Да тут еще вначале робким детским лепетом, а затем уверенными оркестровыми кастаньета-

ми зашумел-забарабанил по оцинкованному желобу, свесам, крыльцу, а следом по козырьку над входной дверью обильный летний дождь. И вскоре принялся в голове уставшей донельзя проводницы монотонно стучать-перестукивать щелк-пощелк-перещелк — привычный говор вагонных колес со скрежетом невидимых путевых стрелок. Понеслась перед глазами сутемь дальних дорог, серая пелена лесов, перелесков, осиновых и березовых посадок с пролысынами полей и большаков, где ровно на один миг воровски блыкмнет и тут же погаснет то ли огонек автомобильной фары, то ли маячок шлагбаума у переезда, то ли чей-то костерок обочь низкорослого ольшаника на поляне...

Огромное-преогромное оно, государство Российское. В какую сторону света по нему ни кати — везде сотни километров нераспаханных полей, давно ждущих раскорчевки садов, лесов, пустошей, повсюду осиротевшая земля, где могли бы вырасти сказочные города, элитные дворцы, скоростные автострады. Но кому оно все нужно при нашем-то несметном земном богатстве? Разве что мечтателям-японцам, что ни год страдающим от очередного стихийного бедствия: землетрясения или цунами...

Вагон то плавно плывет по бархатному рельсовому пути, недавно, видимо, перестеленному на продолжительном расстоянии, то ревет, рыдает и плачет на том позабытом перегоне, где никогда не прокатится ни один правительственный состав... А пассажиры, безмятежно вверив свои души и багаж машинистам локомотива да толстой тете-проводнице, к странностям речи которой сразу не привыкнешь, спокойно спят. Хотя некоторые вон беспокойно ворочаются, всхрапывают и даже просыпаются, чтобы опять тут же смежить очи и окунуться вновь в жарковатое, липковатое марево поездного забытья, далекое от домашнего уюта. Иные, сонно покачиваясь, встают и направляются враскачку по неотложным делам — кто в тамбур перекурить, кто к титану за кипятком, кто в приплясывающий от тряски туалет. Есть и такие, которые никуда не идут, а, усевшись поудобнее, примостившись в уголочке на нижней полке, пристально всматриваются в не зашторенные окна, пытаясь рассмотреть что-то за толстым двойным стеклом, хотя, спроси их вот так, напрямую, он им нужен, тот залитый дождями уличный пейзаж, где темь хоть глаз коли? «И я вам не отвечаю»...

Особая категория поездной братии — полуночники, шатуны, люди, которые не заснут в вагоне нигде и никогда, будь то шикарный комсостав Москва—Одесса, либо лихо мчащий «Сапсан», что уж говорить о провинциальных тихоходах Воронеж—Киев или Тамбов—Новороссийск, с их чих-пых остановками у каждого столба... Зато в таких вагонах и среди такого плацкартного сословия, как нигде и ни у кого, рождается лучшая в мире атмосфера поездного братства, полного доверия, предельной откровенности. И разговоры там ведутся такие, которые под самым глубоким шофе не расскажешь ни свату, ни брату, ни куме, ни куму, ни закадычному другу, ни подруженьке... Правит бал извечный закон дороги, который превыше даже вердиктов Верховного Суда: еще час, другой и все, пожелав друг другу счастливого пути, пассажиры расстанутся, чтобы не встретиться больше в жизни никогда, ни на каком перепутье, ни на каком перекрестке, но с благодарностью сохраняя в памяти тот душевный порыв, ту историю, которую доверил тебе случайный попутчик, ставший на время самым близким, самым кровным твоим родственником.

* * *

— Всю блокаду я в Ленинграде вынес. Было во мне тридцать кило, веришь? Да, кожа да кости. Да, завод Сталина, снаряды. Кто укладывался у станка в перерыв вздремнуть, а мы с дружкой по цеху шлялись, окурки собирали, хоть на одну папироску. Газетку мокрую найдешь, высушишь, потягиваешь... А что? На двадцать таких же шкетов две концентратные пачки гороха, триста грамм хлеба пополам с лебедой или с опилками, кружку хвой растопишь — кусочек сахара только облизнуть, он тебе даден на две недели... В общаге спишь, не раздеваясь, не то примерзнешь к сетке... Вот тебе и 42-й... Потом на минный заградитель «Марти» взяли, сначала склады охраняли на Ханко, потом ставили мины у финских берегов, обстреливали Пушкин, Вороново крыло. Ну, как обстреливали: пять минут беглый огонь и скорее домой, на базу, в док, иначе фриц нас самоих накроет... Прорубь для населения на Неве держали, все ж там старики квелые, полуживые, еле ходят, нет у них сил переступить, перейти канавку, а вода нужна... Гроб их мать, фашистов!

* * *

— Да я с девяти лет с пчелками, от дядьки науке этой научился. Директором совхоза стал, меня трижды судить хотели, было дело, и из партии хотели попереть, а я им показатели — вот они, таких показателей по всей губернии накося-выкуси. Понял, нет? Пчелки-то у меня не традиционные. А потому. Я кавказскую пчелу на гречиху нашу не привозил, наоборот, сам туды к ним ездил, пасеку возил и в горную Кабарду, и в долины Нальчика... Задницу никому не лизал. А чудак я такой был: всем своим специалистам первым делом жилье, вторым делом телефоны поставил, хоть ты где днем будь, то не мое дело, а вечером, в пять часов планерка — отчитайся за результат. И ты мне горбатого к стенке не вылепишь, раскушу враз и выгоню с треском. Лучше сразу сам покайся, я на первый раз прощу. Наливай! Если б не та практикантка, мерифметика... Всю жизнь мне она сломала... Эх!

* * *

Да что вы, милая, вы же воцерковленный человек и такие рассуждения? Как раз и ошибается тот, кто считает, что пост — это лишь воздержание от пищи. Истинный пост, матушка, есть удаление от зла, обуздание языка, а он распушен сейчас у многих людей сверх всякой меры, это отложение гнева, укрощение похотей, прекращение клеветы, лжи и клятвопреступлений, это я вам как священнослужитель говорю. Пост — это уничтожение смерти и освобождение от гнева, вот как надо его понимать. Чаще приходите в храм, что-то я среди прихожан вас редко вижу...

* * *

А вы сами в их школьную столовую давно заглядывали? То-то и оно. Со своим родительским комитетом и загляните. Воруят повара направо, ничего не боятся. Я раз зашла, попробовала. Там коклеты — ливер, сухари да лист капустный, а супчик — вообще смерть Наполеона, один

хрящ да рыбы косточки плавают... И деточек наших этим пойлом потчуют... Я поварихе так и сказала, нехай моя слеза будет первая, а твоя вторая — отольется тебе за воровство-то...

* * *

Гуляли мы с внучкой в прошлую субботу за мостом, есть там такая чудная поляночка для туристов. Смотрю, что это: стоит аккуратенькая пленница в мой рост, в ней чурочки лежат напиленные, сверху пленочкой все укрыто и клапан картонный прикручен. Читаю, а на нем написано: «Мужики, это вам на костер. А вы нам накиньте по сотенке на телефон: трудились! Санек. Серый». И два номера их телефонов. Ну, как? Вот вам и совесть неутраченная!

* * *

Муж ваш спит, мы ему не помешаем? Да я тоже полуночица. Чайку? Хотя и вредно на ночь, но давайте! Татьяна Владимировна меня звать. Мария Васильевна? Очень приятно. Нет, не домой, погостить еду. Не знаю только, как примут... Сложная история. Я в том поселке и родилась, и выросла. Дочь поднимала. А у соседей наших девочка, студентка пединститута, в такую историю попала... Сошлась с преподавателем вуза, все от всех скрывала, пока не пришла пора рожать. А отец ее — ну это сущий деспот, Ванька Каин. Забойщик скота на мясокомбинате, можете себе представить... И доченьку свою измордовал он смертным боем, выгнал куда глаза глядят. Она, бедняжка, родила чуть ли не на пороге больницы девчоночку. Девчоночке и десяти дней не исполнилось, а мамочка эта пишет отказное на ребеночка и исчезает совершенно. Где, что, как — никаких следов и никаких концов... А девочка — ангелочек, глазки голубенькие, ручки пухленькие, как ниточками перевитые, кроха совсем, а улыбочивая невозможно какая...

Что делать? Ребенок-то растет, ему родители нужны. И тут моя доченька проявляет чудеса героизма. У нее-то самой с муженьком никак это самое дело не ладится, хотя прошло семь лет как они в браке, в пору уж разводиться — не дает им Бог ребеночка и все тут. Тогда Любаша моя и решается на такой подвиг, причем голубятнику своему заявила: с тобой или без тебя, а эта девочка будет в моем доме! Тому куда деваться, согласен, мол, действуем!

Мы ничего, не громко разговариваем? Ваш супруг крепко спит... Ну-ну... Растет у них лапуля год за годом умничкой-разумничкой, все же гены того биологического папы-профессора или доцента, кто уж он там был, сказываются. И Витя — зятек-то — про голубей и дружков своих позабыл. Скажет, бывало, Анечка, я мандарины хочу, а она, действительно, как-то с простудой лежала, мандаринчики захотела, так Витенька среди ночи к продавщице на Мелбугор бегал, умолял на коленях лавку открыть... Притащил мандарины! Сам, как ребенок, радовался.

Но у нас же как — без ложки дегтя нигде не бывает. Возьми да бухни какой-то доброхот в Анечкином классе, а твоя мама, мол, тебе не родная, и ты у них приемная... Что-то такое злой мальчик от своих папаша да мамаша прослышал и ей выложил. Анечка еле-еле домой приплелась, слезами вся заливаается, спрашивает: мама, это правда? Люба не знает, что и сказать, не готова была, думала, позже все как-то само собой откроет-

ся, образуется, а оно, видишь, раньше срока-то известие выскочило... Утешает она доченьку, как может, наветы, мол, это, сплетни, дурной сказ да черный сглаз... А ребенок глазки на нее поднимает (Люба говорила, прям, снопы света брызнули на нее в тот момент, как с иконы) — и говорит: «Мама, а вот если бы тебе сказали — постриги косы или дочку потеряй, ты бы что выбрала?» Представляете, девочке девять лет и так рассуждает... Люба перед киотом на коврик стала, говорит, Анечка, доченька моя, вот перед святыми образами клянусь, если мне скажут: ходи всю жизнь лысая, только чтобы ты была живая и здоровая, я и секунды раздумывать не буду, тут же сама наголо постригусь...

Анечка наутро альбом с фотокарточками в ранец взяла, в свой класс потащила: «Вот, смотрите, смотрите, это я в коляске, это папа со мной, а вот мама, видите, видите»... Потом был школьный концерт в честь Восьмого марта. Анечка — такая нарядная вся, с бантиками, сияющая, вышла на сцену, Любочке улыбнулась, да как запела «Ридна маты моя»... Ой, что в зале творилось... Где тут мой носовой платочек лежал...

Ну, мне скоро выходить, Мария Васильевна... Спасибо вам, дорогая, так мы поприятельствовали с вами, что я и дороги не заметила... Счастливого вам добратья...

* * *

— Граждане пассажиры! Скорый поезд сообщением Москва—Воронеж прибывает на нечетный путь второй платформы. Будьте осторожны. Повторяю...

Подхватившись на тесном диванчике, Евдокия Ивановна вскидывается в полуобморочном состоянии: да как же это она проспала конечную остановку? В жизни такого не было... Ищет суетливо и не может найти «патронташ» свой брезентовый с тремя «светофорными» флажками... А юбка где, а китель?..

И обмякает. И переводит сбитое дыхание. И укоризненно качает сама себе головой. А перед ней на домотканом половичке, дерюжке, в ее, бабы Дуси, форменном прикиде — китель с галунами да фуражка с лакированным козырьком — стоит, сложив у рта ладошки рупором, и хохочет «вокзальное радио» — проказница Анечка. То самое видение из путаного сна...

— Анютка! Ой, Анютка, ну ты меня и напугала! Ну ты и артистка, — то запахивая, то распахивая ворот ночной сорочки, посмеивается над недавним своим страхом Евдокия Ивановна, разделяя закатыстый девчоночий смех. — Как же ты изобразила тут все... Анют, а бабушка твоя что, правда, приехала?

— Какая бабушка? — солнечными бликами полны синеющие глазки Анечки. — Ты моя бабушка, какая есть еще?

— Ну да, ну да, приснилось мне тут такое, — досадливо машет рукой баба Дуся.

— Вот! Сама мне говорила, не надо плохие сны запоминать, — назидательно грозит пальчиком Анечка. — Я, например, теперь никогда сны не запоминаю. И Настя, что со мной за одной партой сидит, тоже... И Кристина... Вставай, бабушка, подъем! Кто мне вчера греночки обещал зажарить?..

— Все, Анют, все, иду умываться и на кухню. А то, правда, снам верить, так и дела не делать. А нам с тобой надо быстренько завтрак приготовить, сейчас мама твоя придет...

Евдокия Ивановна бодренько топает босыми ногами по дерюжке. Но, вспомнив вдруг что-то, приостанавливается: «Анютк, бисова ты дытына! Откуда ты про нечетный путь-то знаешь? Я же никогда о нем не говорила»...

Вместо ответа Анечка, шаловливо нацепив на кончик носа бабы Дусины очки, быстро-быстро листает какую-то книжицу, лежавшую на прикроватной тумбочке, а, найдя нужную страницу, торжествующе подает наставнице: «Знакомьтесь, пожалуйста: «Вагоны и парки железных дорог». Ее, бабы Дуси, давным-давно позабытый учебник...

«Поезда нечетного направления идут по первому пути, четного — по второму пути. Нечетные пути следуют по убыванию километров, четные — по возрастанию. Если вы хорошо знаете географию своей местности, то по движению поездов (в определенные стороны света) поймете без светофоров, где какой путь. Попробуйте...»

Где у кого и какой лежит путь? Как его найти? Легко сказать, попробуйте...

Юрий Альбертович Мещеряков, поэт, прозаик, ветеран афганской войны, печатался в журналах «Литературный Тамбов», «Северное измерение», «Рассказ-газета», региональных изданиях, коллективных сборниках и альманахах. В своем творчестве Юрий Альбертович много внимания уделяет патриотической тематике, продолжает традиции писателей-баталистов. В 2013 году в издательстве «Центрполиграф» (Москва) вышел роман Юрия Мещерякова «Панджшер навсегда», в Тамбове издан роман «Время мужчин». Член Союза писателей России.

Юрий Мещеряков

БЫЛ ДЕНЬ, КОТОРЫЙ ЖИЗНИ СТОИЛ

Рассказы

Эх, Михалыч, хороший ты мужик, понимающий, выслушать умеешь, мысль уловить, не то, что другие, все в суете, бояться не успеть... И то верно, директорами школ других не назначают. Ты вот историю уже двадцать лет преподаешь, как гвозди забиваешь. И срочную в армии уже взрослым человеком отслужил, автомат в руках держал. По себе знаешь, как укрепляется дух. Так что если с кем поговорить за жизнь, только с тобой... Хочу тебе один случай рассказать про войну — про себя, своих бойцов, как мы в Афганистане служили. Теперь это тоже история... Да и вопрос один застрял во мне, как осколок, много лет сидит...

В тот день мы все могли быть при ордене, а у меня как у командира был шанс стать Героем Советского Союза. Думаешь, нос задираю? Как бы не так. Живем-то мы по соседству, а много ли друг про друга знаем? То-то же. Но сразу скажу, такой шанс мне выпал всего-то один раз за всю службу, за целую жизнь, однако, не срослось там что-то на небесах. Или наоборот срослось, только по-другому. Ведь если бы мы тогда... Нет, давай сначала нальем всклянь, да помянем. За Афган по-другому нельзя, дорого он нам обошелся... Эпоха была...

Напоролись мы как-то на засаду, вот и зажали нас духи в ущелье, крепко зажали. Мы за камнем, за большим валуном, а вокруг долбит, свистит, рвет душу, пули плотно ложатся. Слава Богу, позицию успели занять. Но камень этот — посреди сухого русла реки, вокруг только голый песчаник, уходить некуда. Нас семеро, и мы далеко оторвались от роты. День же только начинался...

Выход нашелся самый дерзкий, потому и самый простой. У духов под их гребнем, с которого они нас били, образовалась мертвая зона. Если до нее добежать, они потеряют нас из виду, да и гранату не добросят. Что нам делать потом, думать было некогда, уйти бы из-под огня. И ушли ведь. Рывком, по одному, навстречу духам, на их хребет. Бегу, ветер в лицо, пули за спиной шуршат, а у меня, как назло, из «разгрузки» — нагрудный чехол такой для магазинов — магазин-то как раз и выпал. Чертыхнулся. Тут каждый патрон на счету... Вижу я боковым зрением, как боец, что следом бежал, притормаживает, наклоняется за магазином... «Черт с ним!» — ору ему. Коротко, емко. Но он все-таки успевает поднять, не зацепило его. Жаль, не помню, кто таков был, не то Мельник, не то Смирнов, а может, и Виваль... Добрались до высокой крепкой скалы. Повезло нам, все целы. У меня сердце молотит, азарт прет, надо же что-то делать! Только не ждать, не ждать... Кругом духи, а у меня в голове мысли, как в калькуляторе, и состояние, как будто я на Олимпийских играх. Одним словом, готовность к бою была предельной.

Перед нами нарастает хребет, мы у самого его основания. По гребню рассыпаны камни, валуны, из земли одна за другой поднимаются глыбы породы. Складки местности пока нас скрывают. Где-то впереди в двухстах метрах духи занимают огневые позиции, уже связались со своими соседями и теперь ждут, что решат их командиры. Но вот чего они не ждут, так это нас с фланга и тыла. Их около тридцати человек, на каждого из нас по пять-шесть духов. Если мы сблизимся с ними на бросок гранаты...

— Слушай меня, — команду я бойцам. — Идея простая. Поднимаемся по хребту, рассредоточиваемся и атакуем. Действуем быстро, слаженно, держим инициативу. Мы возьмем их тепленькими. На нашей стороне точный расчет, маневр, огневая мощь и главное — внезапность. В общем, тактика. Они знают, что их в несколько раз больше, они выше — это их преимущества, вот только не знают, с кем воюют. Это будет сюрприз.

В ответ молчание. Мое маленькое войско медленно переваривало сказанное командиром, то есть уясняло задачу.

— Так, связь, Мурныгин, ты остаешься здесь. Место подходящее. Стоишь на дежурном приеме. Наблюдаешь! Держишь тыл — «тараканы» побегут, мало не покажется.

— Понял, есть. А что я тут один буду?

— Нет. С тобой Шитов.

Так получилось, что Шитову, моему арткорректировщику, доверить я ничего не мог, ввиду его полной потерянности. Как узнал? Посмотришь в глаза — узнаешь. Вот этот лейтенант и придавался связисту, солдату, который в свои неполные двадцать мог и за себя, и за того парня постоять.

— Остальным! Вещмешки снять. При себе только оружие и боеприпасы. Приготовить к бою гранаты. — Обвел всех взглядом и после паузы продолжил. — Ребята, поймите правильно, у нас нет другого выхода. Если мы их сейчас не сделаем, то они из нас сделают винегрет, но чуть позже...

До меня самого-то не сразу дошло, что здесь, на перекрестке ущелий

Пини и Хисарака, долго не продержаться. Наших рядом нет, а духи подтянутся вот-вот. Надо захватывать хребет. Я говорю медленно, внушительно, чтобы до каждого дошло — надо! — а у самого внутри все продолжает кипеть от какой-то внутренней решимости. Я точно знал, что другому нельзя, знал... И вдруг Аверичев, толковый солдат, хоть и молодой, смотрит на меня как-то удивленно, с растерянностью и выдает:

— Товарищ лейтенант, их очень много, они же нас перебьют!

— Да?...

Кто ему сказал такое, с чего он взял, что нас перебьют? В какую школу он ходил, чему его учили? Мы же русские. Либо мы, либо... нет вариантов. Но я осекся, посмотрел в глаза своим солдатам, и понял, что никто из них не верит в успех, почти никто... Уже позже, много позже, когда все закончилось, понял и другое, что проскальзывало мимо меня — никто из них до того не бился за жизнь, не стрелял в людей. Молодые, считай, только что школу окончили... А в тот конкретный день, в тот час стрелять надо было много, и стрелять почти в упор. Если бы я приказал, они бы пошли — мы же в одной связке — но они не верили в успех. И сломал я свою гордыню. Я сломался... Впервые сомнения закрались мне под панаму, и почувствовал я каким-то болезненным нервом, что их действительно перебьют, а значит, и я лягу вместе с ними. И сколько мы к тому времени положим духов, уже не будет иметь значения. Мы стояли лицом к лицу, и между нами был только один вопрос: *быть или не быть?* К нему придавались два известных ответа. Вот и делай свой выбор, командир.

Был день, который целой жизни стоил, кровь кипела, а разум все же холодным остался. И мы, все семеро, как-то прорвались из засады, сумели отойти, выжили и грех на душу не взяли, точнее, лишнего не взяли. Словно кто-то целый день нас берег, вел по этой долбаной пустыне, по сухому руслу под палящим солнцем, как Моисея с его народом, пока тысяча душманских пуль устраивали нам экзамен на зрелость. Вот такой я сделал выбор, и должен тебе сказать, мы отработали его по полной, никто нас не упрекнет...

Был ли у нас тот самый шанс? Думаю, был... Конечно, был! Это теперь я осторожный да рассудительный, а тогда война который год шла, высчитать свои шансы на успех было невозможно, никто и не высчитывал, но я-то уверен был. Уверен! Ты понимаешь меня?

— Что-то мне в глаз попало, вот, зараза... Да и в горле пересохло. Сентиментальным стал, ностальгия иной раз так достает. Как будто я часть себя в тех ущельях оставил, словами и не объяснить...

Думаешь, смалодушничал я тогда, говори прямо, ты умеешь, вон как с трибуны глаголом жжешь! Молчишь... Ну, раз так, давай еще по одной выпьем, по крайней. И есть за что, так ведь? Солдатики мои живыми остались. Молодые все, да и откуда им другими быть, только со школы... А то и выходит, что свою главную боевую задачу я тогда выполнил.

Водочка. Она самая... Уф, хорошо пошла, мысли даже прояснились. Мы-то раньше больше самогоном промышляли... Ты что там замешкался, уснул что ли? Уснул, эх, бляха-муха, в самый ответственный момент. Ну да ладно, что с гражданского возьмешь, хоть и с директора, навоевался за день с учениками, будущими солдатами. Вон они собрались у спортгородка, дымят сигаретами. Запрещай — не запрещай... Скоро в армию. Кто бы только знал, какой им достанется командир...

Да-а, Михалыч, было дело... Другим уже не расскажу, ни к чему это. Да ты спи, спи, ладно уж, под мои былины и уснуть недолго... Представляешь, я мог стать Героем. Завалить целую банду одним махом — дали бы... Однако не срослось там что-то на небесах... Оно и хорошо, что не срослось, кому он нужен этот Герой посмертно...

ТАНЧА

Командировку пришлось прервать. Уже три месяца как Илья Белых мотался по стройплощадкам Западной Сибири — зима геологоразведке не помеха, особенно если весной должна начаться прокладка нового газопровода, а с ним строительство компрессорных станций, установка высоковольтных опор, и этим планам ничто не могло помешать. Теперь Илья спешил домой, в Перевальный, свой родной город. Повод для преждевременного возвращения был печальным. Не стало бабушки, бабы Маши. Но это было только половиной причины. Главное же, что мама очень сильно переживала утрату, необъяснимо сильно, поскольку бабушка, божий одуванчик, давно отсчитывала девятый десяток — вздохни да помяни — уход ее все-таки был ожидаемым.

Татьяне Михайловне Белых, Танче, как ее звали когда-то в деревне, недавно исполнилось пятьдесят два года, она была расторопна, неусидчива, не умела отказывать в просьбах, вот и с мужем пришлось расстаться — где ему «само образуется», ей — на три минуты работы, а уж насчет кому-то помочь — с ним такая глупость не пройдет. Дети как-то незаметно стали взрослыми, самостоятельными, разошлись по своим жизненным путям, и уж что-что, а помощи не просили, справлялись своим умом, не дергали за живые нитки. Ей же, во благо ли, в наказание досталось в одиночку ухаживать за престарелой матерью, которая всю жизнь прожила в своей деревенской усадьбе, дальше райцентра никуда не выезжала, а доживала век в скромной квартире дочери на третьем этаже городского панельного дома.

Чудна была баба Маша в последний свой год. Когда на центральном канале шла заставка программы новостей и кони-новости под мажорные позывные галопом рвались через телеэкран, она с полной серьезностью заглядывала за короб телевизора, за телевизионную тумбу и с недоумением и злостью обнаруживала, что никакой конюшни там нет. Сначала это казалось смешным. Домашняя кошка Муся сразу заинтересовалась новой жиличкой. С сосредоточенным выражением кошачьей мордочки она толкала ее мягкой лапой в бок, когда баба Маша лежала на диване, а если та пыталась ее ударить, то Мусин интерес возрастал, она чувствовала противника, ходила вокруг дивана кругами, подняв хвост, подкрадывалась; начиналась настоящая домашняя охота. А бабушке было уже далеко до кошачьих игр, и приласкать она никого не хотела. Наоборот, бывало, подойдет к большому настенному зеркалу, увидит отражение, старуху за стеклом, начинает ругаться на нее почему зря, да еще кулачком своим немощным замахивается! Хотела прогнать соперницу, которая тоже размахивала кулачком, двум старухам в одной квартире никак не ужиться. Недоброй стала бабушка, когда ее разум почти угас, сквозь знакомый безобидный облик проступало нечто первобытное, стержневое, уже неподвластное сознанию, осыпались блески, скрывавшие натуру, исчезли обычаи и ухватки, привитые сельской обывательщиной, привычкой

обманывать других и обманываться самой. Что осталось? Обнаженная правда, голая, неприглядная — сумеречная, как поздняя осень.

Однажды, когда Татьяна Михайловна меняла постель, она схватила ее жестко за руку.

— Ты кто такая? Ты что тут делаешь?

Женщина, ради близкого человека, ради матери превратившая свой дом, да и саму жизнь, в санитарную палату, пропахшую хлоркой, от неожиданности опешила.

— Мам, ты что? Это я — Танча, дочка твоя. Помнишь, ты меня в детстве так называла.

— Танча, дочка? — Взгляд старухи на мгновение уплыл в сторону: — Врешь ты все, нет у меня никакой дочки.

Та готова была разрыдаться от вернувшейся из прошлого нелюбви, ее снова бросали, и снова она оставалась одна, как и во всю свою проклятую жизнь. Ее бросали всегда. Даже когда она стала девушкой, никто не объяснил, что с ней происходит, отчего у нее, двенадцатилетнего подростка, по ногам течет нечистая алая кровь, страх и стыд обжигали лицо — вокруг одни мальчишки, ее братья, у кого же было просить помощи? У нее не было сестры, с кем бы она отвела душу, и просто не было близкой души. Ее всегда бросали, а она преданно, рабски держалась за свою большую семью, не зная другого пути в жизни. И вот Танча смотрела в глаза своей старой матери сквозь нахлынувшие слезы, смахивала их быстро, пытаясь держаться. Вдруг, в какой-то момент она почувствовала, осознала, почти обожглась, что к ее матери снова вернулся рассудок, старческий взгляд стал сосредоточенным, жестким, льдистым.

— Танча? Ты? — Она помедлила, не отводя глаз, прожигая ее своими ожившими зрачками. — Пойдем со мной.

— О чем ты, мам?

— Я скоро умру. Чего тебе непонятно? Пойдем со мной, вместе будем. Чего тебе здесь одной-то оставаться?

И вдруг до Танчи, до Татьяны Михайловны, дошел истинный смысл услышанного. Да, ее впервые не бросали, она оказалась нужна на долгом пути в страшный потусторонний мир.

— Мама, что ты говоришь, как ты можешь? Я же еще молодая!

Она схватилась руками за грудь, преодолевая удушье и не в силах остановить нарастающую боль, мать никогда ее не любила, как будто видела в ней досадную ошибку, помеху. Танча всегда это знала и сегодня по-настоящему испугалась, потому что верила в силу материнских слов больше, чем в любую правду, больше, чем в Бога. Она верила в проклятье.

— Врут все, нет никакого Бога. — Мать ходила в церковь, читала молитвы, зажигала лампы у икон в красном углу и вот теперь на последнем пороге бытия чудовищным раздраем звучала ее внутренняя ухмыляющаяся сущность, — отнесут на погост, закопают и все, сгниешь там в земле-то, червяки сожрут.

Илья прибыл в Перевальный с запозданием. На столике в прихожей его ждала записка, что похороны будут сегодня, что вынос тела в двенадцать часов из дома в Скарабеево, их семейного гнезда...

На дворе был март, сырость, неуют, но надо было спешить, и он не обращал внимания на промозглую городскую слякоть, на ветер, задувающий из подворотни. Старенькая «Лада», «десятка», что простояла в гараже все эти месяцы, как назло, не завелась, пришлось торопиться на

автовокзал, на рейсовый автобус. Слава Богу, хотя бы на него Илья успел. До деревни добирался целый час, оглядывал из окна неприветливые просторы, ожидавшие тепла, ожидавшие таяния снегов, крика клювастых грачей. «Что там случилось с мамой, зачем я ей потребовался? Хорошо еще, что руководитель проекта не стал упираться, отпустил, да и премию оставил. Старшего брата, как тот ни объяснял, со службы не отпустили, в армии строго, бабушки не являются близкими родственниками... Ну вот и Скарабеево...»

Тело усопшей в обычном сосновом гробу, обитом шелковой тканью, лежало на сдвинутых столах, над ним, помогая друг другу, две монашки нестройными голосами, нараспев, читали зауспокойную молитву. Приехавшие из разных мест братья Татьяны Михайловны неохотно общались между собой, тоскливо слонялись по старому уютному дому, вызывавшему у них не ностальгию, а раздражение; день для них был бездарно потерян. Старый дом вслед их шагам поскрипывал половицами и по-настоящему чувствовал себя старым и никому не нужным; когда-то его строили всей семьей, кирпичик к кирпичику, когда-то в нем кипела жизнь, слышался детский смех, теперь же пахло ладаном, как будто отпевали и хоронили именно его. Занудные голоса монашек продолжали скрести по душе, создавали атмосферу скорби, тяготили, впору было задуматься о вечном, но быстрые взгляды мирян все чаще скользили по циферблатам, поторапливая стрелки часов. Предательски пахло привезенной снедью, особенно сильно била в нос и тоже раздражала чесночная колбаса, уже нарезанная и разложенная на пластиковые тарелки. До поминок было еще далеко.

Татьяна Михайловна к гробу не подходила. Она успела наплакаться еще накануне, попросить у матери прощения и самой простить все ее случайные и неслучайные грехи. Народ уже собрался, и ей не хотелось, чтобы кто-то видел ее слезы и непроходящий страх. На маленькой кухне, пропахшей прелыми досками, кислой сывороткой, хранившей запах навоза с тех пор, когда здесь держали только что народившихся телят, она привычно чистила картошку, как и прежде, начиная с незапамятного голодного детства, в котором кроме картошки, чаще промерзшей и гнилой, и есть-то было нечего. Мерно, успокаивающе бурчал котел отопления, перегоняя кипяток и плотный раскаленный пар в трубы и батареи. В давнишние времена под это бурчанье среди тканых половиков и старых овчинных полушубков хорошо спалось на русской печи, смотревшей теперь в мир, в кухню черным оскаленным зевом, в котором уж года два как никто ничего не готовил. Утерев очередную непрошеную слезу, Татьяна Михайловна, наклонилась над тазом, в котором отмокала от земли картофельная горка, протянула руку за очередной картофелиной, как вдруг с резким шипящим хлопком лопнул толстый прорезиненный шланг, соединявший котел с системой отопления. Из открывшегося патрубка котла под давлением рвался наружу раскаленный пар, обдавая женщине лицо, шею, плечо, грудь, конденсировался кипятком в шерстяном джемпере, в бюстгальтере. Она издала дикий вопль от страшной внезапной боли:

— Мама-а-а!!! Не надо-о!!!

Боль ослепляла мозг, но сквозь ярчайшую вспышку, поглотившую все вокруг, она отчетливо видела, понимала, что это мать зовет ее к себе, тащит за собой, в непроглядную тьму, вцепившись острыми иглами едва ли не в самое сердце.

Обе монашки и женщины, отпевавшие покойницу, помогавшие накрывать стол к поминкам, услышав крик, бросились в кухню.

— Танча! Танча!

— Ой, бабоньки-и...

— Джемпер режьте, джемпер! Нож давай!

— Как больна-а...

Боясь лишний раз неосторожно прикоснуться к пострадавшей товарке, женщины донесли Татьяну Михайловну до спальни, разрезали, разорвали на ней одежду, обнажив розовую, вспухшую, изуродованную волдырями кожу. Она пыталась глубоко дышать, но это причиняло страдания, боль была невыносима. В возникшей суматохе, где никто и ничем не мог помочь пострадавшей, вынос гроба с покойницей и сами похороны стали второстепенным событием, и неловко топтавшиеся мужчины подхватились и наконец-то ушли.

Подходя быстрым шагом к дому, Илья был по-деловому сосредоточен: иногда смерть как продолжение жизни естественна и не более того; у всех есть предел отпущенного, и перед каждым человеком стоит только один вопрос: как распорядиться тем, что отпущено? Когда же уходит пожилой человек, все понимают, как само собой разумеющееся, что у него было время разобраться с собой, наделать ошибок и успеть их исправить, сделать свой главный выбор. Илья тоже это понимал, но видеть покойников вблизи ему раньше не приходилось, похороны ветерана в соседнем дворе три или четыре года назад не в счет, и теперь, входя в дом, он собирался с силами. Было тихо и пусто, значит, унесли, но, не успев порадоваться этому обстоятельству, он услышал приглушенные всхлипы в дальней комнате.

Почти втолкнув его в прихожую, следом вбежала, влетела запыхавшаяся соседка Варя, в руке у нее был небольшой баллончик спрея, белый с иностранной надписью, который она несла перед собой, как флаг.

— Илья, ты? Тут такое дело, такое дело... Проходи, не стой.

Сил плакать у Татьяны Михайловны уже не осталось, она только сдерживала стоны, а когда это не получалось, негромко выла от не проходящей боли...

— Мама!

— Сынок, ты приехал. — Ее как будто отпустило, как будто она дождалась того, кто все должен исправить. — Она прокляла меня.

Увидев открывшуюся картину, Илья нелепо вскинул руки, он даже не стал спрашивать, о ком она сейчас так странно говорила. Какими-то неведомыми путями он все понял и сам. В доме было не жарко. Татьяна Михайловна, раздетая по пояс, закрывшись руками, сидела на низком табурете, на котором только что чистила картошку, ей было стыдно, неудобно перед сыном... даже в этот момент, когда весь мир разлетался на куски. Наконец, обозначилась Варя, несколько минут пытавшаяся прочесть надпись на немецком языке на том самом белом баллончике.

— Танча! Это пантенол! Средство от ожогов. У бабки Купчихи внук прошлой осенью гостевал, вот и оставил. Сейчас мы побрызгаем, и все пройдет.

Молодая восторженная женщина, радостная уже тем, что хоть чем-то может помочь, принялась осторожно обрабатывать страшные обожженные рубцы. Густая белая пена, напоминавшая взбитые сливки, обволакивала кожу, охлаждала. Боль медленно уходила, а Татьяна Михайловна

впервые за многие годы почувствовала себя одинокой маленькой девочкой, Танчей, от которой в этом мире еще ничего не зависит.

— Я столько для нее сделала, столько сделала... Когда она стала старой, ненужной, ее все прогнали, ни одна сноха не приняла. Никто, никто кроме меня ей не помогал, а она... Она прокляла меня... За что? Она сказала, что Бога нет.

Илья — инженер-проектировщик, строитель — всю жизнь работал со схемами, цифрами, расчетами, эпюрами и по роду своей деятельности никогда не прикасался к тонким духовным материям, ничего не брал на веру. И вот сейчас, как будто заново владея цифрами и расчетами, он также сухо, механически перечислял доказательства, из которых выходило, что Бог, тот самый, в которого уже семьдесят лет или больше никто не верил, существует. Он есть.

— Мама, послушай меня, послушай. Давай посчитаем вместе. Первое — ты наклонилась над тазом за мгновение до того, как лопнул шланг. Кто отвел тебя? Соображаешь — нет? Второе. Твое лицо почти не пострадало; ухо, щека, подбородок — это же ерунда, ну? Что могло быть — лучше и не думать. И главное. Откуда в этой глухомани, где ближайший телефон только в сельсовете, где зимой только на санях и ездят, откуда здесь взялся пантенол? Откуда? Получается, три. Мама, Бог любит тебя, и я люблю. Мы с Богом любим тебя, что тебе еще надо?

— Ничего мне уже не надо, присядь, — Танча здоровой рукой погладила сына по голове, попыталась улыбнуться, в глазах блеснули слезы, но в них не было ни обиды, ни отчаяния. — Получается, три... Бог любит троицу.

— Ну вот, стала соображать. Все остальное, — он устало вздохнул, — это испытания, кому — вечная мерзлота, кому — аравийская пустыня. Тебе досталась пустыня.

Командировка, еще говорят вахта, наконец, закончилась. Теперь дело строителей довести проект до конца, а у Ильи отпуск, целый месяц отпуска.

Танча встречала сына с особой радостью, поворачиваясь с нему то левой, то правой стороной лица.

— Смотри!

Под полуденным солнцем лицо отсвечивало крепкой молодой кожей, первым июньским загаром, от пережитой беды на нем не осталось и следа. — Смотри, — он улыбнулся, — ты настоящая красавица.

— У меня такой хороший доктор был, мальчишка! Ему всего двадцать семь лет. Возился со мной, как с маленькой, облепиховое масло с рынка приносил специально для лица. Видишь, ни одного шрама, это все благодаря ему.

— Ты говорила, Бог любит троицу, — Илья обнял мать и зашептал ей на ухо, — четвертая — Богородица. Это она пришла к тебе в образе молодого доктора, чтобы снять твоё проклятье, чтобы ты никогда не сомневалась в ее сыне.

Он поднял глаза, увидел в красном углу икону Божьей Матери с младенцем; икона всегда, сколько он помнил, висела здесь, на видном месте, но всегда проплывала мимо глаз. Отстранившись, снова посмотрел на помолодевшее лицо своей матери, потом — на икону, лучившуюся теплым светом. Илья Белых прижимал к себе мать и совершенно не по-инженерному размышлял: с Богом надо как-то определяться...

Иван Иванович Акулов родился в 1942 году в селе Салтыки Ряжского района Рязанской области. Окончил Мичуринский педагогический институт. Трудился на разных должностях в сфере образования, административно-руководящей работе в Петровском районе Тамбовской области. Публиковался в региональных изданиях. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Иван Акулов

АВГУСТ: ДВОЕ

Из стихотворного цикла

* * *

Был август сладок, словно терпкий мед,
Пах дынями, арбузами, грибами;
Хотелось нам его открытых сот
Попробовать зовущими губами.

От летних зорь, соблазнов и щедрот
Мы столбенели, сталкивались лбами
И открывался сам собою рот,
Усеянный алмазами-зубами.

Ах, август, август! Твой лазурный взгляд
Настраивал нас на сердечный лад,
Глагол любви, на звуки арфы, лютни.

В тенетах августа мы прожили года
И никогда, представьте, никогда
Нас не пугали непогодью будни.

* * *

Дай Бог, дожить без лжи остатний срок
Влюбленным в жизнь, в малиновую осень,
Чтобы никто и никогда упрек
Не вырастил и в адрес твой не бросил.

Ты нашей правды и добра зарок,
Чист день с тобой, серебрян, тих и росен,
Как тот однажды слышанный урок,
Озвученный на воздухе средь сосен.

За что нас любят? Не понять в века,
Но тянется с надеждою рука
К твоей руке тепла познать и слова.

Мне воздух пить с дыханием твоим.
У ног твоих с души слетает грим
И проступает русскости основа.

* * *

По сердцу и душе мне сентябри:
Еще не отошло от лета тело,
Сложила осень у твоей двери
Все, что могла, и все, что захотела.

Хлопочешь ты на кухне до зари,
Не торопясь, сноровисто-умело,
И рядом я, как Фигаро: «Сотри!
Поддай! Сорви! Смотри, чтоб не кипело!».

День выкипит водою из кастрюль.
Ночь выпустит из рук послушный руль
И будет наблюдать объемным оком

За звездами, за мной, но больше за тобой,
За тем, как ты справляешься с гурьбой
Обычных дел в столетии жестоком.

* * *

Мы — оттепели дети. За окном
Пылали апельсины из Марокко.
Базары пахли разливным вином,
А рестораны — непривычным мокко.

Студенты анекдоты про бином
Травили, допивая банку сока
И заполняя вакуум перед сном
Мечтою о прекраснейшем далеко.

Оно казалось ближе, чем плечо
Подружкино, — и было горячо
Дыхание его в потоке света.

За оттепелью ждали мы жару,
Но увидали только кожуру
На скатертях промысленного лета.

Елена Львовна Луканкина родилась в городе Тамбове. Окончила факультет журналистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. Десять лет работает в тамбовской прессе. Автор пяти книг: стихотворных сборников и романа. Признавалась лучшим журналистом года в Тамбовской области. Лауреат литературно-общественной премии «Светить всегда» им. В. Маяковского. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Елена Луканкина

«ЗДЕСЬ У НАС НА ЛАДОНЯХ ДРУГАЯ ЛЕЖИТ ЗЕМЛЯ»

Духом падает стойкий солдатик,
голос ратников в детской умолк.
Отливает уставший создатель
оловянный игрушечный полк —
искалеченных и обреченных —
для забытых, жестоких детей.
И на полке танцовщица в черном
безутешно хоронится в тень.
Видит сны искалеченный воин:
ногу — в стремя, и бой на коне.
Он — из олова, соли и боли,
отгоревший в любви и огне.
Не шагал повелительным строем,
не сражал и не резал бинтов,
не вернулся последним героем,
и к прощению не был готов.
Но однажды в зажатой ладони
выпил детскую ярость до дна.
И заплакало небо с иконы,
грянул гром, и случилась война.
И калеки, что в марлевых латах,
поднялись выше лютых костров.
С запыхавшихся полков солдаты
переплавились в кости и кровь.

На танцовщице вспыхнуло платье,
как бывало. Ей горько гореть
за него — оловянный солдатик
ковыляет в последнюю смерть.
За кого он падет в красном поле
и найдет в танце вечную стать?..
Он — из олова, соли и боли,
не ему свой огонь выбирать.

НАПИШИ МНЕ

Напиши мне на хинди — как скоро прижился там?
Как тревожно на небе кто-то стучит в тамтам,
рыбаки вдаль уходят, и море покорно ждет
часа — красным вымочить высохший горизонт.
Как ты в мангровых зарослях, на Гоа,
закатав небрежно штанины и рукава,
собирал ракушки и камни в пустой карман,
отправлял их посылками не получившим нам.
Отыскал плантацию в дивный закатный час,
краски специй нещадно кололи язык и глаз.
Как от ливня ты прятался в роще высоких пальм,
и в заброшенной хижине сладко и долго спал.
Расскажи индианкам — какая у нас весна,
про последнюю осень, что в золоте докрасна
обжигает ветрами, и боль холодит в груди.
Расскажи и туманами низкими приходи.
Я увижу за ним твой прекрасный цветущий сад,
как со старцем вы давите созревший виноград,
разливаете медленно по облакам вино,
и как я в ожиданье смотрю на тебя далеко в окно.
Сяду в сон и отправлюсь в те солнечные слова:
водопады, озера, чайки и острова.
...Здесь у нас на ладонях другая лежит земля.
У тебя — вечный путь через рисовые поля.

Лидия Александровна Перцева родилась в городе Йошкар-Ола. Выросла в Ленинграде. Окончила Воронежский государственный университет. Работала на Ленинградском оптико-механическом объединении, в астрономическом конструкторском бюро. С 1978 года живет в Тамбове. Работала заместителем председателя областного отраслевого правления Союза научно-инженерных обществ. Избиралась депутатом Тамбовской городской Думы. Автор многих поэтических книг. Член Союза писателей России.

Лидия Перцева

ЗИМНИЕ ВЕТРЫ

* * *

Улицы все заметает снегами,
Вьюжит и вьюжит метель.
Что-то случилось сейчас между нами...
Двери сорвало с петель.

Окна захлопали ставней ушами,
Свет просигналил беду.
Что-то случилось сегодня меж нами...
— Знаешь, сейчас я уйду.

Печь загудит, заискрит головешкой,
Жар сизым дымом в трубу.
— Если уходишь, — иди, и не мешкай,
Через пустую избу...

Жалобно вслед проскрипят половицы,
Треснет доска у крыльца,
Небо своею незримой десницей
Бросит завесу свинца.

Я завернусь в полушубок метели,
Скроюсь за призрачной мглой.
Может, все зимние ветры напели?
Но не гонись ты за мной.

Пес заскулил, словно в доме покойник,
Выгнулась дерева бровь,
Выдоив души в бездонный подойник —
Мы погубили любовь...

* * *

Солнце жадно ело снег
И плодило лужи,
Но ручьев задорный бег
Не был им разбужен.

Лишь чирикала капель
Под домовою крышей,
Да слезилась капитель
Над входною нишей.

В лужах дыбилась вода
Льда трескучим нравом,
Развеснилась бирюза
В небе златоглавом.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Шелестенье Божественных крыл за спиной —
Это Ангел-хранитель страдающий мой.
Ты незримо меня окормляешь всегда,
Если б только не ты — половодья беда

Затопила б до крыши и выше мой дом.
А с тобой я держусь на плаву, хоть с трудом,
Ведь несусь в закольцованном беге времен,
Кружит жизнь карусель у закрытых окон.

Влево вихрь — трепетание раненых крыл,
Вправо шаг — ты летишь, набираясь вновь сил.
Погружаюсь, в грехах тяжелея не раз,
И нечасто парю над собой в звездный час.

Подари мне перо чудных крыльев своих,
Чтоб вспорхнуть к облакам в завершающий миг
И остаться навеки с тобой в вышине...
Что, мой Ангел, не много ли хочется мне?

Юрий Николаевич Растегаев родился в 1949 году в поселке Новая Ляда Тамбовского района Тамбовской области. Окончил Московский энергетический институт. Работал инженером, в комсомольских органах, в милиции, был пресс-секретарем Тамбовской областной Думы. Участник боевых действий на Северном Кавказе. Публиковался в журнале «Подъём», газете «Щит и меч», в коллективных сборниках. Автор шести книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, имеет ведомственные награды МВД. Член Союза писателей России.

Юрий Растегаев

ПОЮЩИЕ РЕЛЬСЫ

Рассказ

*Светлой памяти журналиста
Сергея Михайловича Павлова
посвящается*

Мы с Сергеем Павликовым много раз собирались ко мне на пасеку, но ему все было недосуг. Мотался он по Юго-Восточной магистрали из конца в конец, частенько не ночевал дома, ел и пил урывками. Бродяга, как есть бродяга, чаще живущий на вокзалах и в поездах, чем в собственной двухкомнатной квартире. За это и получил от меня прозвище — паровозный шатун.

Кличку он всерьез не воспринимал и нисколько не обижался, поскольку человек был покладистый, добрый, тихий и улыбчивый. Про таких говорят — не от мира сего.

Среди местной журналистской братии он слыл крепким профессионалом, и двери любого областного издания были открыты перед ним нараспашку. Ценили его и в ведомственной железнодорожной газете, где Серега работал зональным корреспондентом. Дома же частенько упрекали: за каторжный труд мог бы получать и побольше. Но за деньгами он никогда не гнался, к «железке» прикипел и «шило на мыло» менять не собирался.

Как-то сидели мы в писательской компании в кафе «У Кости», вели разговоры о

том о сем. Павликов, как обычно, больше слушал, задавал нескончаемые вопросы: как, что, да почему, будто вытягивал клещами нужную информацию. Меня это раздражало:

— Тебе бы, Серега, в КГБ работать, уж больно дотошный. Все до тонкостей расскажи да выложи на тарелочку. Не успеешь оглянуться, до подноготной докопаешь! А, может, ты засланный казачок? — в лоб поинтересовался я.

— Давай, давай, «колись»! Мне, как журналисту, детали особенно важны. А в общих чертах чего ж писать. Коль самобытность отсутствует, материал заранее в корзинку выкинуть можно. Изюминка нужна, а ты сразу ярлыки клеить. Скажешь тоже — «казачок», «стукачок»! — ровно, без обиды воспринял мою выходку Павликов.

Мне сделалось неловко за допущенную резкость, и я тут же дал задний ход:

— Ладно, Серега, не обижайся.

Стараясь загладить вину, предложил:

— Вот, ты знаток железной дороги. А хочешь, я тебе поведаю про одно интересное, даже необычное, на мой взгляд, явление. Доводилось ли тебе слышать поющие рельсы?

По удивленному выражению его лица понял — задел-таки за живое маститого журналисту.

— Поющие рельсы? Нет, не доводилось. А ты, Юра, меня не разыгрываешь? — по-детски наивно протянул он.

— Нисколечко. Я тебе больше скажу: явление это весьма необычное. Ведь всякий раз, когда идет поезд, они исполняют разный мотив. То классика звучит, то популярный мотивчик типа «Мурки» или «Гоп со смыком». Но чаще всего — тяжелый рок! — окончательно заинтриговал я друга.

— Намного ближе, всего километрах в сорока от Тамбова. Как раз по пути на пасеку.

— Решено: немедленно едем, — загорелся Серега.

По его тону я понял, что совместная наша поездка, наконец, состоится.

* * *

На вокзале обычный гам и суэта. Пригородный поезд «Тамбов—Обловка» отправляется без четверти шесть вечера. Пятница — самый суматошный день. Рабочий люд, завершив трудовую неделю, стремится поскорее попасть домой, в разбросанные вдоль железной дороги села и деревеньки. Прямо в вагоне плачу шестьдесят рублей проводнице, приземистой даме лет сорока пяти, облаченной в голубую форменную рубашу. Она щелкает переносной кассой, выдает билет до Медного. У Сереги — редакционное проездное требование по Юго-Восточной железной дороге, какое только у больших начальников бывает. Потому к нему отношение особое — «важняк» пожаловал!

Тарабаня на стыках рельс, неспешно катит железнодорожный автобус — два тесно сцепленных «самобеглых» вагончика. Уютное, современное, быстроходное транспортное средство. Глаз радуется зеленый летний пейзаж за окном. Одно плохо — вагон рассчитан на сорок мест, а набилось раза в два больше. Стар и мал стоят в проходах, в тамбуре. Не продохнуть! В час пик надо бы, как минимум, еще парочку единиц подцепить, да в вагонном депо не хватает подвижного состава.

В общем-то, нам с Павликовым повезло, сидим справа по ходу поезда на удобных пластиковых сидениях. Едем час, второй, а в подобных вагонах туалеты не предусмотрены. Но русского человека этим не прорвать, находчивости, как говорится, не занимать. Выбежит страждущий на остановке из поезда, наскоряк справит нужду и через пяток минут — снова в вагоне. Хорошо, что сортиры на станциях рядом с вокзалом поставлены. Ну, а кто побесстыднее, тот просто под откос спускается...

С детьми в этом плане посложнее, но и тут выход имеется:

— Степка, если мы с Никиткой в Кондауровке не успеем в туалет сходить, пожалуйста, стоп-кран дерни. Пока суть да дело, и мы вот они! — просит дородная бабулька соседа по железнодорожной скамейке.

— Не сумлевайся, дерну — будь здоров! Их бы самих, железных дорожников, за эту самую мотню дернуть надо. В такую душегубку запихнуть без воды и прочих условий, тогда бы узнали, — соглашается крестьянин.

Он купил на рынке пару ушастых крольчат на развод — самца и самку. Пушистики с любопытством высовывают мордочки из картонной коробки от радиоаппаратуры, наполовину задвинутой под сиденье, прядают ушами и чутко вслушиваются в людской гомон. Мужик сует им под нос краюху хлеба, и зверьки успокаиваются, быстро-быстро молотят резцами, аппетитно причмокивая и фыркая.

— Вот, Серега, готовая тема для репортажа, — толкаю его локтем.

Он молчит, сосредоточенно делает пометки в небольшом карманном блокнотике. Что и как писать — его учить не надо.

Станция Кариан-Строганово это, считай, райцентр Знаменка. Народу выходит много, вагон заметно пустеет. В автобусе стало легче дышать, появился особый дорожный уют. Поезд плавно набирает ход, за окном мелькают километровые столбы и невысокие, с полметра, побеленные известью бетонные столбочки, отсчитывающие каждую сотню метров пути. Девять маленьких, один большой столб — километр позади.

Узкой каемкой тянется лесополоса, густо засаженная кленовыми и дубовыми деревьями. Справа за посадкой змеится черной лентой автострада. Железная и шоссеиная дороги идут рядом на всем протяжении пути, будто спорят: кто же из них главней? Но спор этот бессмыслен, ведь параллельные не пересекаются. Лишь иногда, будто меряясь силами, скрестятся они на переезде, чтобы вновь разбежаться и продолжить свой взаимный марафон. Точь-в-точь, как помыслы и дела людские — философский закон единства и борьбы противоположностей!

Проехали сороковую версту — и вот оно, чудо! Откуда-то из глубины, из самого космоса, из вселенной полились неведомые звуки! Мелодия то возвышалась в самобытной электронной аранжировке, нарастала в прерывистом ритме, то плавно наплывала, то замирала где-то в вышине, расширялась, клонилась вниз к земле, в своей неповторимой всепоглощающей силе. Дьявольские, нечеловеческие, душераздирающие звуки заполнили вагон!

Привыкшие к подобной музыке пассажиры, кто часто ездил по маршруту, не реагировали на происходящее, занимались своим делом. Кто же слышал ее впервые, беспокойно насторожились, закрутили головами, настраиваясь на источник звука, вслушиваясь и пытаясь понять, в чем дело. Не уяснив суть происходящего, испуганно сидели молча, внешне не проявляя никаких эмоций. Но в глубине души каждого царил неясная тревога и смятение.

Я взглянул на Павликова. Серега оторопело замер, чутко вслушиваясь в потусторонний музыкальный голос. Будто боялся пропустить самую решающую часть произведения, заглавную партию этой странной железнодорожной симфонии.

— Ну, что я говорил? — торжественно изрек я.

Он не ответил, молча и сосредоточенно внимая музыке.

— Баха играют! Бранденбургский концерт! Как звучит! — не заметив, что разговаривает вслух, прошептал он. — А теперь Бетховена, что-то из «Эгмонта». Юра, ты слышишь, слышишь? Какая экспрессия! А сейчас — Скрябин, «Прометей»...

— Да, но мне Рахманинов пригрезился, второй концерт для фортепиано с оркестром. Точно, он самый... только обернутый в металлическую оболочку.

— Мистика! А сейчас что?! Шнитке, Альфред Шнитке! Его какофоническое многозвучие. Впрочем, я не большой знаток классики. Но это что-то потрясающее, выше моих сил! — журналист в восхищении даже привстал. Но, заметив, что привлекает к себе внимание, снова присел на место.

Музыка смолкла так же неожиданно, как и началась. Концерт длился всего минут пять, не более.

За окном мелькнул километровый указатель с цифрой сорок пять. Поезд въезжал на станцию Сампур.

* * *

Мы обсуждали непонятное, гадая, почему «поют» рельсы. И именно только на этом отрезке дороги. Серега вначале склонялся к версии о космосе, чудесам и загадкам мироздания. Но потом перешел к земному:

— Наверное, здесь какая-то природная аномалия. Может, полезные ископаемые залегают, золото или уран? Повышенный магнетизм так реагирует...

Я же предполагал, что дело тут в особом сплаве, из которого отливались рельсы. Дорога-то еще при царе строилась, может, тогда в сталь добавлялась какая-то особая «музыкальная» присадка?

Вскоре мы вышли в Медном. Перрон здесь состоял из трех бетонных плит, приподнятых над насыпью железной дороги, чтобы удобнее было сходить и садиться в вагон. Освещался он единственной электрической лампочкой, скрипуче раскачивающейся на высоченном, пропитанном креозотом деревянном столбе. Свет автоматически включался с наступлением сумерек и также выключался с восходом солнца.

Полустанок выглядел романтично и загадочно. От ветров и снежных заносов он был со всех сторон надежно защищен лесистыми зарослями, состоящими из лип, кленов, дубов и берез. Охрану дополнял густой подлесок из рябин, гибрида красной смородины и неизвестного кустарника, цветущего кипенно-белыми соцветьями. Они источали приторно-нежный аромат и, несмотря на вечер, множество пчел перелетали от цветка к цветку, собирая нектар и пыльцу.

По извилистой, едва приметной тропке, пролегающей сквозь высокую, колосающуюся метелками траву, мы с трудом продвигались в сторону вокзала. Павликов с интересом осматривал просторное, недавней постройки здание, которое глядело на нас пустыми глазницами окон. Дверей и полов здесь не было и в помине, а серые кирпичные стены были густо

перевиты плющом, который придавал строению вид огромной садовой беседки, на фасаде которой каким-то чудом держалась ржавая вывеска, прописанная черными жирными буквами на листе железа: «МПС ЮВЖД Медное». Еще вчера вокзал служил надежным приютом для путешественников, а ныне безжалостная рука вандалов превратила его в развалины.

К вокзалу несмело жались три почерневших домика барачного типа дореволюционной постройки. Возле них оазисами, отвоеванными у подступающих зарослей глухой крапивы и лопухов, выглядели ухоженные блюда огородиков, засаженные картошкой, луком, укропом и прочей зеленью. Из дома, на крыльце которого была приколочена фанерная, когда-то красного, а теперь неопределенного цвета, пятиконечная звездочка, оповещавшая, что здесь живет ветеран войны, вышла пожилая женщина с ведром в руке. Громко хлопнув калиткой, она направилась в нашу сторону. Поравнявшись, приветливо поздоровалась, и хотя мы ни о чем не спрашивали, пояснила:

— Это дело рук рыбаков. Повадились наезжать из областного центра.

Она явно обрадовалась нашему появлению, видно, не так уж часто встречаются здесь люди.

— Пруд у нас рыбный, его в позапрошлом году в аренду взяли. Надо было бы раньше, а то вон что натворили, — кивнула она в сторону вокзала. — И нашу ограду всю поломали, костер разжигали. Удильщикам слова не скажи — пьянющие, забубенные! Что я им сделаю? Беда, коль мужика в доме нет — защиты никакой. Мой-то пять лет как отвоевался. Всю Отечественную в пехоте, а после войны на железной дороге, почитай, тоже на передовой... А я, раз на то пошло, станционный туалет приспособила под сарай, коз в нем держу. Они бы и его разломали.

— А вы одна здесь живете? — поинтересовался Сергей.

— Почему одна? Тут целых три семьи. Я с мужем, царствие ему небесное, здесь почти полвека прожила. Сонька-Букса, ее с дороги турнули. Теперь, слава Богу, не пьет, а то спасу не было. Еще семья недавно поселилась, муж с женой. Пенсионеры из Котовска, на заводе пластмассовом всю жизнь отработали. Нанюхались химии, так на вольный воздух и потянуло. Люди степенные, домовитые. А когда тепло наступает, пчеловоды приезжают, тогда и вовсе весело становится. Их тут целый колхоз: домики у них, омшаники. Короче, пасека. Люди состоятельные, зажиточные, не нам чета.

— А как же с продуктами, в поликлинику опять же... Ну ладно летом, а зимой?

— Дак вот же она, железная дорога. Благодаря ей и живем. В четыре утра на поезд — и в райцентр, а в двенадцать уже дома. А то и в Тамбов маханем, коль охота приспееет. Слава Богу, у нас, железнодорожников, проезд бесплатный. Летом и до сельпо недалече, всего пяток километров проселком до деревни будет.

Будто спохватившись, женщина заторопилась к сараю. Ей навстречу, аппетитно хрумкая и хватая на ходу молодые древесные побеги, бежали козы, приветствуя хозяйку задорным радостным меканьем.

Продираясь сквозь заросли назойливого американского клена, кустарника и чертополоха, мы выбрались на поляну, посреди которой вольготно расположился колодезь. Ухоженный вид говорил о том, что его время от времени подновляли. Сооружен он был по обычному образцу. Вниз на десятиметровую глубину до песчаного водоносного слоя уходили бетонные кольца.

Непосвященному покажется сложным строительство подобного сооружения. Особенно здесь, в глухомани, где нет бурильной установки, подъемного крана, мощного насоса для откачки воды и грунта. Между тем, процесс рытья колодца довольно прост: земля под кольцом аккуратно подрывается изнутри, и оно под собственным весом опускается вниз. Когда его верхний край достигнет уровня земли, на него накатывается новое кольцо. Колодезник не спеша нагружает бадью землей, помощники воротом поднимают ее на поверхность и высыпают в отвал. Так землякоп вместе с кольцевой опалубкой медленно и верно опускается вглубь до самой воды. Запрокинет голову вверх, и даже в самый ясный день разглядит на небосводе мерцающие звезды.

По краям бетонного основания колодца в землю врыты две отслуживших свой век, но еще крепкие шпалы. Между ними закреплен ворот с массивной рукояткой. К вороту на тонком стальном тросу прицеплена самодельная цилиндрическая бадья из оцинковки. Откидывающаяся в сторону на проржавевших рояльных петлях дощатая крышка надежно закрывает нутро колодца от попадания всякого мусора. От дождя тоже защита имеется — сдвинутая набекрень, крытая шалашиком шиферная кровля.

Я взялся раскручивать скрипучий ворот, ведро медленно поползло вниз и вскоре громко плюхнулось в воду. Слегка напрягаясь, я принялся наматывать на оцилиндрованный кусок бревна туго натянутый трос. Бадья раскачивалась из стороны в сторону, сопротивлялась, бухала о края колодца, будто я тянул из воды трепыхающийся улов. Влага выплескивалась и падала вниз, гулко резонируя в бетонной шахте.

Павликов сильными руками подхватил ведро, поднял его вверх и примостил на лавочку, сооруженную специально для этой цели. Затем легко наклонился и опустил лицо в ледяную, серебрящуюся воду. Он пил жадно, большими глотками, не останавливаясь, не отдыхая, не боясь застудить горло. Затем вытер губы рукавом, постоял, будто раздумывая, восхищенно крикнул:

— Родниковая студенка! Земной дар, сила недюжинная, богатырская! Чистота, не то что из городского водопровода! Жаль, нельзя впрок набрать.

— Как это нельзя? — возразил я, и тут же достал из рюкзака полиэтиленовую бутылку с минералкой, которую купил в дорогу. Я отвинтил пробку — шипящая булькающая жидкость полилась на траву.

Я держал пустую посудину на весу, Серега осторожно наклонил бадью. Но вода, не желая терять свободу и залезать в бутылку, резво и широко полилась на землю. Леденящая влага забрызгивала башмаки, попадала на одежду, приятно холодила руки. И пока мы наполнили сосуд, воды в ведре оставалось лишь на самом доньшке. Я допил остатки, заметил:

— На вечер хватит, а утром приедем, на целую неделю запасемся. Тут до пасеки — рукой подать, всего четыре километра, час ходу прогулочным шагом. А на машине и вовсе ничего.

* * *

Мы шли вдоль насыпи, и Павликов, как ребенок, не переставал восхищаться многоцветьем травянистого ковра, устилавшего крутые склоны железной дороги. Колокольчики голубели ажурными паннами, поляны красного и белого клевера выделялись ярким китайским орнаментом. Основной же фон создавали неизвестные мне бело-розовые, нежные

цветы, напоминающие пасть раскрытого льва, в простонародье зовущиеся львиным зевом. Горьковато-терпкий аромат пижмы и глухой крапивы, которые возвышались желтыми и сиреневатыми куртинками над основным покровом, легким дурманом наплывал на нас.

Под полотном железной дороги еще при царе-горохе был сделан прокол в человеческий рост, облицованный бутовым камнем. По ширине он рассчитан на гужевую повозку. Но самые отчаянные автолюбители, не желая делать двадцатикилометровый крюк до переезда и обратно, все же рисковали здесь проезжать, порой платя за собственную дерзость оторванными зеркалами, а то и покоруженными бамперами.

Пыльная дорога привела нас к Осино-Лозовскому пруду. Она так и петляла вдоль водоема, огибая его многочисленные усынки и протоки, что намного удлиняло наш путь. Вечер был тишайшим, гладь воды отдавала серебром, на ней не обозначилось ни единой рябинки, ни малейшего волнения. В вечерних сумерках в пруду отражались облака, деревья и появившаяся на небе ущербная стареющая луна. Берега водоема заросли красным клевером и луговыми цветами, несколько разнящимися от тех, что цвели вдоль железной дороги. Безжалостная рука деревенского косаря прошлась по их буйной шевелюре, оставив на проплешинах ровные рядки подвявшей на солнце травы.

Вечерняя прохлада и туман медленно наступали на землю. Мы вышли на обрывистую глинистую насыпь плотины, отделяющую верхний пруд от нижнего. Белесые головы лысук беспокойно замельтешили в зарослях камыша, но тут же исчезли из виду. Завидев нас, всполошился и испуганно поднялся на крыло выводок юрких чирков.

Вслед за ними медленно и степенно стартовала с воды стая серых цапель. Как замороженные, следили мы за полетом грациозных птиц, сожалея, что невольно потревожили их вечерний отдых. Неторопливо взмахивая крыльями, достигающими в размахе двух метров, воздушные фрегаты взяли курс на противоположный берег и вскоре схоронились в зарослях камыша, куги и ветел. Замершую цаплю легко принять за сухую ветку или торчащий из воды сучок коряги.

— Подобного я в своей жизни не видел! А мы все рвемся куда-то, на юг или за границу. А у себя дома такого величия не замечаем!

Павликов вздохнул, обвел замороженным взором живописную панораму пруда. Похоже, он не торопился уходить, начисто забыв о времени, о неумолимо надвигающейся ночи.

— Насчитал тринадцать птиц. А ведь их должно быть четырнадцать, они же парами гнездятся. Значит, у кого-то поднялась рука, просто так, из спортивного интереса взять и убить живую тварь? Ведь цапли в пищу не годятся, они рыбой пахнут. Тринадцать, число плохое, несчастливое...

Сереге с грустинкой посмотрел по сторонам, будто стараясь запечатлеть в памяти необычайную красоту вечернего пейзажа.

— Ты что, на самом деле веришь в приметы, в эту дребедень? — удивленно спросил я.

— Раньше не верил, а с тех пор, как полтинник разменял, стал почему-то верить.

— Странно, по-моему, все должно быть наоборот — с годами человек мудрее и опытнее становится, а потому меньше верит во всякую чепуховину. Суевере больше удел молодых, неокрепших духом, не стяжавших веру, — сделал я весьма неожиданный вывод, не совсем веря в собственное утверждение.

Журналист пропустил его мимо ушей, продолжил исповедание:

— Не разберусь, что в душе творится. Сентиментальность проявляется на каждом шагу, жадность до красоты, до всего, что есть хорошего в этом мире. Все в себя вобрать стараюсь, осмыслить, будто последний день на свете живу. К божественным началам тяга открылась, чего раньше не замечалось.

Меня начал беспокоить его упадническо-меланхолический настрой. Павликов, будто поняв это, прервал свои откровения, восхищенно воскликнул:

— Гляди, Юра, красотища-то какая, прямо на холст просится. Я уж и название придумал: «Вечер на пруду», или «На Медненском полустанке».

— Согласен, — обрадованно поддержал я друга. — Потому все отпустила на пасеке и провожу, ни в какой санаторий калачом не заманишь. Целебней, красивей и богаче наших мест не найти... Но нам пора, скоро вовсе стемнеет, а еще километр с гаком тащиться.

* * *

Темнота надвигалась стремительно. Не успели мы дойти до пасеки, как небосвод погас, на нем зажглись мириады ярких звездных фонариков. Бледное личико луны порозовело, зарделось, проступило пигментными пятнами горного пейзажа. Я взглянул на часы: на цветном экране мобильника высветилось без четверти одиннадцать.

Компаньоны уже спали, с их стороны не доносилось ни единого звука. По деревянной лесенке мы осторожно поднялись в пчеловодный вагончик. Я на ощупь отыскал керосиновый фонарь «летучая мышь», долго шарил впотьмах в поисках коробка со спичками.

Блеклый свет фонаря слегка осветил нехитрый интерьер. Я протиснулся к навесному шкафчику, достал пару свежих простыней, старое шерстяное одеяло, запиханное в пододеяльник, подушку на синтепоне, разложил старинное, широченное кресло-кровать, на которое намеревался уложить друга. Моя постель на топчане, сколоченном из березовых досок, всегда была готова оказать услугу своему хозяину. Дорога утомила нас, и мы, отказавшись от ужина, тут же разделись и рухнули на постели. Завтра будет день — будет и пища.

Но сон не шел. Видимо, находясь под впечатлениями нашего необычного путешествия, мозг требовал постепенного роздыха и осмысления событий. Я лежал и размышлял: о поющих рельсах, людях, живущих на полустанке вдалеке от суеты сует, о красоте природы средней полосы, о своей кочевой жизни, о пчелах — этих великих земных тружениках.

Мысли перекинулись на наши с Серегой взаимоотношения. Не столь долго мы и знакомы, всего каких-то пяток лет, а, кажется, целую вечность дружим. Что в нем больше всего притягивает? Конечно же, доброта. По моему твердому убеждению, это самое дефицитное чувство в наше растленное время. Лично мне, да и многим моим знакомым, кроме Сереги, конечно, именно доброты-то и не хватает. Чего греха таить, порой ни с того ни с сего оборвешь человека на полуслове, обидишь невниманием, грубым пакостным словом. Сам же страдаешь от этого, но со скверной собственного характера трудно совладать.

Внезапно лесополосу потряс громовой удар. Это истребитель преодолел звуковой барьер: начались ночные полеты — неподалеку проходила

авиационная трасса полка противовоздушной обороны. Павликов повернулся с боку на бок, видно, тоже не спал. Спросил:

— И часто летают? Ты же мне тишину обещал?

— Обещал, не спорю. Но хотелось бы, чтобы как можно чаще грохотало. Ведь из мастерства и умения наших защитников тишина и покой рождаются. Я радуюсь, когда в небе серебрится крылатый треугольничек, когда в вышине дымчатые полосы от дыхания его стальных легких очерчиваются.

Мы лежали молча, думая каждый о своем. Случайный самолет как бы всколыхнул наши души, возбудил, взбудоражил в них самые сокровенные мысли. Первым нарушил тишину Павликов:

— Я вот все думаю: и охота тебе в таких условиях жить. Ни людей, ни цивилизации, ни комфорта человеческого. Да и доход-то невелик, больше бы писательским трудом заработал.

— Не ты один так рассуждаешь, — отозвался я. — Не все, друг мой, измеряется деньгами, есть же занятие для души. Именно пчелы душу облагораживают, учат жить по совести, по справедливости. По законам Божиим, а не по волчьим, что человек современный на вооружение принял.

— Нельзя всех людей одним аршином мерить, под одну гребенку mesti. Сколько я на своем веку замечательных людей повстречал! Их много больше, чем ущербных, уж поверь мне на слово.

Павликов повернулся с боку на бок и замолчал. Я же, недовольный его банальным умозаключением, продолжил:

— Хорошо, не будем про волков. Давай про пчел, они этого вполне заслуживают, поскольку нам, людям, обладающим высшим разумом, хороший урок преподают, как надо по жизни поступать. Взять хотя бы такой пример: зимой пчелы в клуб сбиваются. И никакой мороз им не страшен, когда они все вместе и в домике прокурма достаточно. В центре клуба температура плюс тридцать шесть градусов по Цельсию, а с краю морозяка несусветный и бескормица! Пчелу, что снаружи сидит, озябшую, ослабевшую, коллеги в середку пропускают, чтобы подкрепились медком, ожила. Те же, что в тепле и при сытой жизни, добровольно на мороз выползают. Исключение одно — для пчелиной матки, как продолжательницы рода. Она даже в самый лютой мороз об этой своей высокой миссии думать должна. Так невзгоды всем миром, единым сообществом и побеждают. Не будь этого братства, солидарности, взаимопонимания, как угодно назови, пчелы бы погибли. Вначале те, что с краю, на обочине жизни, а потом и кто внутри пригрелся... А у людей? Кто к сытой и безбедной жизни пробился, уступит ли добровольно теплое местечко? Да ни в жисть!

А как пчела свой дом защищает? Бесстрашно — не побоится ни сильного, ни хитрого, ни коварного! Не колеблясь, безропотно жизнь отдаст, не щадя живота своего, в прямом смысле этого слова! Она ведь, когда теплокровное существо жалит, естество собственное губит. Зазубринки, что на жале имеются, как гарпун вонзаются в кожу агрессора, и воительница сознательно вырывает его из собственного тела. А потом летит умирать. Молча, безответно, не жалуясь, не кичась собственным жертвоприношением.

Не каждый человек на такое способен. Многие всеми правдами и неправдами от армии открещиваются. Да и пойдет ли на смертельный риск во имя страны тот, у кого собственные магазинчики, ларечки, лавочки, а

за душой никаких идеалов? Я уж не говорю про владельцев «заводов, газет, пароходов». Тем вообще высокие принципы, может быть, только во сне являются. А наяву проза жизни достает, меркантильность заедает.

— Да, есть, над чем мозгами пораскинуть. Совсем не думал, что пчела такое интересное существо.

— Пчелы — великие насекомые, Божья тварь! Недаром Киплинг называл их «маленьким народцем». И когда пчела погибает, про нее не говорят «сдохла», как про обычную скотину. Как про человека сожалеют: «умерла». Я готов о них часами рассказывать, поведать все, что сам знаю. Надо только почаще на пасеку наведываться. Но где тебе, при твоей-то круговерти.

— Обязательно вырвусь! Еще и очерк напишу «В гостях у пчеловода». И про людей на полустанке тоже не мешает рассказать. Пока не ушли они тихо и безвозвратно. Как это ни странно, а они во многом похожи. Что старый, что малый... Старики предоставлены сами себе, да и о молодежи мало у кого голова болит.

А как живет большинство? Бедно, бесцветно, бесцельно. Взять хотя бы ту женщину на полустанке. Мы тоже хороши, не спросили, может, ей в чем-то помощь требуется. Видел, как она одета? Нищета — другого слова не подберешь! И это в центре России, в самой ее сердцевине, где богатейшие черноземы! А что же говорить про другие края? Нам с тобой, Юра, тоже кумекать надо, как жизнь лицом к людям повернуть. Чтобы дело отцов и дедов наших не покрылось мхом забвения, а продолжилось. Проблема? Еще какая! Но рано или поздно ее придется решать. И об этом честно и открыто писать надо. И я не собираюсь угождать власть имущим лакированными фразочками о всеобщем благоденствии из-за боязни получить от них по загривку.

— Ты, между прочим, тоже власть. Правда, четвертая. Но для народа без разницы: первая, вторая или десятая. Начальник есть начальник. И будь добр организовать свое дело так, чтобы польза была. А от твоей писанины какой прок? Вот напишешь ты про житье-бытье тяжкое, и что изменится? Да ничего! Чиновник твою газету под сукно положит, а то и того чище, селедку завернет.

В темноте я не видел Серегиного лица. Но по тому, как он тяжело вздохнул, по настороженной паузе в нашем разговоре, понял, что попал в болевую точку. Мучившие его сомнения угодили в резонанс с моими мыслями, потому многократно усилились и проявились в новом витке нашей ночной дискуссии.

— Юра, помнишь там, на пруду, я про веру в Бога заговорил? Я хочу у тебя совета спросить. Как ты считаешь, достоин ли я приобщиться к вере? Ходить в церковь, поститься, молиться, наконец? Ведь ярым безбожником жизнь прожил, а теперь вот крест ношу. Может, не к добру все это? Лукавство перед самим собой и Высшим разумом?

— Трудно сказать вот так, в одночасье. Ты, Серега, нутром собственным почувствовать должен: веришь или не веришь? Присмотреться к самому себе, как бы изнутри, вывернуть душу наизнанку. Только после этого определенный вывод сделать можно. Лично я знаю многих, кто даже не пытался переломить себя и, несмотря на нынешнюю моду, так и не отважился отринуть прочь устоявшиеся взгляды на религию. Они были и остались атеистами.

Так что, тебе самому и только самому выносить окончательный вердикт. Как совесть подсказывает, так и поступай.

Что же касается того, ходить или не ходить в церковь, соблюдать или не соблюдать религиозные обряды, то все изложено в Святом Писании: не надо ставить атрибуты веры выше самой веры... Порой одна-единственная молитва грешника, если она искренна, ценнее множества праздных походов в храм.

— Мир словно бы перевернулся на сто восемьдесят градусов, — с горечью заметил Павликов. — Бывший секретарь нашего райкома партии столько человеческих судеб поломал! А вина тех несчастных всего-навсего в том состояла, что детей кровных в церковную купель окунули. Сотрудникам под страхом исключения из партии указания давал, чтобы не только свои, но и родительские дома проревизовали, да иконы, как вредный антисоветский атрибут, из них немедленно убрали. А теперь он в церкви со свечкой стоит. Сумеет ли себе прощение вымолить?

Один мой знакомый военный, подполковник по званию, на службе так куролесил — дым коромыслом! Однажды наклюкался до такого состояния, что нечисть на рожон полезла. Так он ее из пистолета к порядку призывал. Заодно и капитану, что урезонить его попытался, ногу прострелил. А теперь, на гражданке, в Бога верит. По святым местам экскурсии организовывает, с паломников мзду собирает.

А недавно по радио бывший обкомовский босс выступал с церковной проповедью. Заявил, что вынужден был многие годы свою родословную скрывать, потому что из семьи священника родом. Плакался, как его притесняли коммунисты, не давали приобщаться к православию. Но люди же помнят, в каком направлении он «шубу рвал».

Вот и выходит, в одном случае это кощунство, в другом — бизнес, в третьем — фальшь и несусветная глупость. А где же вера? Верой здесь и не пахнет. Беспринципные люди, крутятся, словно флюгер на ветру. От таких все беды!

Заповедей Божьих всего десять, а жить по ним, ох, как трудно! Потому и мучаюсь: а что же обо мне люди скажут?

— Что заслужил, то и скажут. И вера здесь ни при чем. Лучше, Серега, спать давай, завтра все обсудим.

* * *

Утро выдалось на редкость погожим и ласковым. Когда мы проснулись, всюду пригревало солнышко, а веселый ветерок разносил аромат цветущих трав. Пичуги наперебой делились друг с другом необычными историями, щебетали что-то на своем птичьем языке, и мне казалось, что я понимаю, о чем они говорят: о любви, прекрасном лете, чудесах родного края, к которому стремились из дальних стран, о птенцах, которые уже начали пробовать силы в самостоятельном полете.

Не в пример нам, бездельникам, пчелы давным-давно были заняты обычной работой.

Я показал Павликову свое хозяйство. Хотя показывать особенно и нечего: ульи, медогонка, электростанция, хозяйственный блок, пчеловодная будка, гамак, натянутый между деревьев — вот, пожалуй, и все.

Он с интересом оценивал незнакомую обстановку, удивлялся, восхищался и, как всегда, задавал массу вопросов: как, что, почему и зачем. Я едва успевал отвечать.

Затем, как принято, был праздничный обед, полдник с кофе и янтарным сотовым медом.

Время бежало незаметно, и не успели мы оглянуться, как нужно было собираться в обратный путь. Я сел за руль своей старенькой «Нивы», которую предусмотрительно оставил на пасеке сын. Поезд отходил от полустанка в четыре вечера, но выехали заранее, чтобы можно было немного отдохнуть на пруду.

Спустя четверть часа мы уже плескались в водоеме, ощущая на себе приятную прохладцу подпитывающих его родников. Вода была настолько прозрачна, что на трехметровой глубине просматривалось серое илистое дно. Стайки мальков, стремясь удовлетворить чрезмерное любопытство, боязливо тыкались микроскопическими плавничками в наши тела.

— Да, Юра, удружил, так удружил, — в восхищении радовался Павликов, словно тюлень, барахтаясь в блаженной купели. — Подобной благодати мне давно испытывать не доводилось! Со времен турпоходов на Байкал и Селигер, где такая же кристально чистая вода! И рыба здесь непуганая, словно на заре зарождения цивилизации. Сроду не думал, что у нас столь великолепные места имеются! Обязательно приеду, как обещал, и целый день посвящу рыбалке.

— День рыбалке, день охоте, день сбора ягод, а там и по грибы пройти не мешало бы. Я на прошлой неделе четыре ведра отборных подберезовиков родственникам отправил, — подзадорил я друга. — А там и трав лекарственных подсобрать не мешает, водицей родниковой запастись, медовухи отведать... В общем, бери-ка ты отпуск и на целый месяц на природу переселяйся. Ночевать есть где, а все остальное, как говорится, приложится.

— Правильно говоришь! Вот только разгребу кое-какие делишки и сразу сюда.

Осторожно ступая босыми ногами на мягкий травянистый ковер, мы вышли на берег и в изнеможении плюхнулись на прихваченное с пасеки тканевое покрывало. С полчаса лежали молча, наслаждаясь тишиной, ярким солнцем и пьянящим ароматом трав. Нехотя оделись. Серега достал небольшой цифровой фотоаппарат. Я заставил его войти по грудь в густые розовато-оранжевые заросли иван-чая, сфотографировал на фоне пруда и парящих над водой чаек.

Мы стояли на платформе в ожидании поезда, и оба проморгали его приближение. Автобусик, переваливаясь с боку на бок, словно медвежонок, бесшумно вынырнул из-за поворота. Мы заторопились, замельтешили, суетливо хватая немудреные Серегины вещи.

Неожиданно Павликов распахнул ворот рубашки, запустил руку за пазуху. Затем растерянно промолвил:

— Юра, я, кажется, крест потерял. Там, на пруду!

— Золотой? — обеспокоился я.

— Да какое это имеет значение? Не важно, из какого металла, мне его священник отец Виктор подарил. Хороший крест, намоленный... Плохая это примета, видно, не достоин я носить святую реликвию. Когда его на своей груди ощущал, успокоение и силу духовную приобретал. А теперь...

— Ты не волнуйся, Серега, на обратном пути весь бережок обыщу. Найдется, никуда не денется, — успокоил я друга. — Отыщется, никому он не нужен, кроме тебя. Каждый человек свой крест несет, Богом отмеченный...

— Нет, не найдется. Чую, на дне мой оберег покоится. Наверное, соскользнул в воду, когда в пруду барахтались...

* * *

Скорбное известие о смерти Сергея пришло неожиданно, свалилось, как снег на голову, оглоушило внезапностью, легло на душу страшной тяжестью. Так является всякая беда, не спросив разрешения, не предупредив заранее, ничуть не волнуясь о тех, кому предстоит встречать ее ужасающие последствия. Я понял лишь одно: больше никогда не увижу Сереги Павликова, этого бесшабашного, бесхитростного, доброго человека, моего друга! Не выдержало сердце легкоранимого, неравнодушного к чужим невзгодам журналиста.

Теперь я уже и не припомню, кто первым принес эту страшную весть. Позвонил ли по телефону или передал на словах. Да это, собственно говоря, не столь и важно. Отложив дела, я рано утром ехал тем же железнодорожным автобусом на похороны Павликова в Тамбов.

Как все переменялось в мире! На этот раз рельсы исполняли заунывный реквием Моцарта. Затем мелодия сменилась минорными сонатами Шопена. Ни одного мало-мальски веселого, радостного звука — тоскливая, грустная музыка, будто поезд тоже участвовал в похоронной церемонии!

Я молча сидел, не в силах пошевелиться, безвольно склонив голову к груди и полуприкрыв глаза. Словно дирижер невидимого оркестра, боялся неосторожным движением, неловким жестом прервать мелодию, так созвучную моему настроению. Неожиданно сидевшая рядом со мной девушка задала знакомый вопрос:

— Вы не подскажете, что за звуки? Мистика, фантастика какая-то...

Я не сразу понял, что вопрос был обращен именно ко мне.

— Эх, вы, молодежь! Рассусоливаете: мистика, фантастика, а просто не понимаете! — неожиданно вмешалась в разговор проводница. — Да за такую музыку кое-кому по шеем надо накомыльнуть! Совсем совесть потеряли, не следят за дорогой! Мало того, что на этом участке балльность пути за рамки зашкаливает, отчего болтает из стороны в сторону, словно в шторм на корабле. Так еще и допуски укладки рельсов нарушены. Я в бригаде по ремонту пути двадцать лет с кувалдой не расставалась. Потому знаю: на расширение не более шести, а на сужение не менее четырех миллиметров от установленного размера колеи допускается. Короче, «минус четыре, плюс шесть» — такое жесткое железнодорожное правило существует. А здесь пути заужены сверх нормы, потому реборды колес рельсы-то и трут. Железо о железо — вот и вся музыка!

* * *

На поминках много хорошего о Павликове говорили. И близкие друзья, и родственники, и начальство. А я промолчал, постеснялся выразить чувства. Когда расходились, ко мне неожиданно подошла его супруга и протянула небольшую бархатистую коробочку.

— Вот, возьмите. Сережа, перед тем как... Вам велел передать.

Дома я раскрыл футляр — внутри лежал скромный серебряный крестик, а рядом надорванная цепочка. Я все понял: значит, не утратил он драгоценную реликвию! Обнаружилась пропажа. То-то возрадовалась Серегина душа!

Николай Николаевич Наседкин родился в 1953 году в Читинской области. Окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Высшие литературные курсы. Работал в тамбовской газете «Комсомольское знамя», редактором в издательстве Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Публиковался в коллективных сборниках, столичных журналах. Автор многих книг рассказов, повестей, пьес, романов. Дипломант премии «Хрустальная роза Виктора Розова». С 2003-го по 2013 год возглавлял Тамбовское региональное отделение Союза писателей России.

Николай Наседкин

МУРАВЬИ

Ненаписанный роман

Эти две газетные заметки из криминальной хроники и правда, казалось бы, никак между собой не связаны.

Ни на первый взгляд, ни на второй, ни даже на десятый или сотый. Если не брать во внимание, что обе появились в сводках пресс-службы УВД в прошлом году и обе сообщали о довольно-таки загадочных происшествиях, каковые не столь уж часто случаются в нашем полусонном Баранове.

Но — по порядку.

Первая информация появилась в местных газетах в конце мая. Из нее наш барановский обыватель узнал следующее:

ИСЧЕЗ ПРОФЕССОР

Еще на прошлой неделе бесследно исчез профессор университета им. М.Е. Салтыкова-Щедрина доктор биологических наук В.П. Синицын. Помимо преподавательской деятельности профессор Синицын занимался на кафедре зоологии исследовательской работой в области энтомологии, связанной с жизнью и поведением так называемых общественных насекомых — пчел, ос, муравьев и прочее. Имя его широко известно в научных кругах. На работе последний раз его видели в пятницу, когда он принимал зачеты у третьекурсников. В понедельник профес-

сор в университет не явился. Телефон его на звонки не отвечал. Последние два года, после смерти жены, Сеницын проживал один в двухкомнатной квартире. Один из его соседей видел, как в пятницу поздно вечером профессор Сеницын вышел из подъезда в сопровождении двух мужчин, сел в красную иномарку с тонированными стеклами (предположительно — джип) и уехал в неизвестном направлении.

Всех, кто может что-либо сообщить о местонахождении профессора Сеницына, просим позвонить по телефону 02.

Вторая заметка появилась ровно через неделю.

СМЕРТЬ БИЗНЕСМЕНА

В минувшее воскресенье разыгралась трагедия в Пригородном лесу. Здесь примерно в половине десятого вечера в коттедже известного в Баранове предпринимателя, владельца сети автозаправочных станций «Фокус» и депутата областной думы О.И. Быкова раздался взрыв, и затем вспыхнул пожар. Так как особняк Быкова находится в уединенном месте, в лесу, пожар был замечен не сразу. Только спустя полчаса проезжающий по трассе наряд ГИБДД заметил за деревьями отсвет огня. На пепелище в развалинах бывшего двухэтажного коттеджа обнаружены останки трех мужчин — самого Быкова и двух его охранников. Причины происшествия выясняются.

Я, видимо, не обратил внимания на эти заметки, тем более что местные газеты беру в руки редко, а уж убойно-уголовную хронику не смотрю вовсе. Но как-то встретил на улице старого знакомого, майора Потапова. Он поздоровался и, как всегда, угрюмо сказал-предложил:

— Ну что, господин сочинитель, хотите сюжет для небольшого рассказа о нашей поганой жизни подкину?

За последний год, что мы не виделись, Потапов еще больше обогатился по части живота и лысины. Когда-то, в дни нашей юности, я заведовал «культурным» отделом в областной молодежке, а лейтенант милиции Потапов без устали таскал мне свои вирши. Два или три его ужасных стишка я тогда все же тиснул, за что Потапов мне по гроб жизни благодарен, хотя, слава Богу, муз поэзии, двух глуповатых сестричек Эрато и Эвтерпу уже давненько насиловать перестал. Правда, он каждый раз после прочтения моей очередной книги все более серьезно и убежденно грозиться жарко полюбить, наконец, и третью сестру — Каллиопу, иными словами, тоже мечтает написать роман-эпопею под каким-нибудь убойным названием типа «Записки барановского мента». А пока время от времени подкидывает мне сюжетцы из своей богатой шекспировскими страстями криминальной практики.

— Сюжет? — переспросил я, как всегда, чуть с иронией. — Заманчиво, но... Вы ж, господин майор, отлично знаете: я не Чехов, небольших рассказов не пишу. А что, сюжет ваш на роман детективный не потянет?

— Может, и потянет, — еще угрюмее пробурчал Потапов. — Только тут не детективом пахнет, тут — фантастика... Загляните при случае ко мне на службу — не пожалеете.

Случай как раз вскоре и представился: приспичило мне, вернее, государству, мой паспорт обменять — на новый, безнациональный. Пришлось переться на Первомайскую, в наш милицейский «пентагон»: зда-

ние барановского УВД хотя и не имеет форму пятиугольника, однако ж площадь занимает, поди, не менее военного ведомства США — многоэтажная махина на целый квартал. Заглянул я, конечно, после паспортного стола райотдела и в кабинет майора-пиита на третьем этаже. К слову, несмотря на свою, скажем так, совсем не геройскую внешность, майор Потапов слывет опытным следователем, но при этом высот служебных не достиг, да и на пенсию лет через десять, скорей всего, так и пойдет в однозвездочных погонах. Объяснить это несложно — никакого дедуктивного метода не надо: в наши времена, когда повсеместно правят всем и вся обыкновенные натуральные бандюки, доморощенные мафиози, когда, по слухам, даже самый главный наш мент-генерал принимает ежемесячно свою долю-дань из бандитского общака, майор Потапов честно и за одну зарплату да небольшие премии вылавливает всякую мелкотравчатую воровскую шелупонь, подправляет в плюсовую сторону милицейскую статистику. Я, может, и правда когда-нибудь напишу роман о майоре Потапове и назову его «Антигерой нашего времени»...

Потапов, показав мне заметки о пропавшем профессоре и погибшем бензиновом короле-депутате, и задал загадку: что же может связывать два эти сообщения криминальной хроники? Я, разумеется, лишь пожал плечами. Ну, какая тут может быть связь? В абсолютно разных мирах, на разных планетах герои заметок жили-обитали, хотя прописаны были в одном черноземном городе Баранове, ездили по одним и тем же улицам: профессор — в троллейбусах, бизнесмен — в «мерседесах»...

Потапов хитро прищурился (а как еще могут прищуриваться майоры-детективы!) и пододвинул на мой край стола несколько листков бумаги, скрепленных скрепкой и с пришпиленным конвертом.

— Посмотрите, почитайте — это почище Конан Дойла с его «Мараковой бездной» будет... — и, помолчав, прибавил: — Я Синицына-то немного знал — наши дачные участки рядом.

Попивая растворимый кофе из стакана с допотопным подстаканником (а в чем еще могут кофе-чай подавать в милицейско-следовательском кабинете!), я взялся читать:

«Здравствуйте, тов. А.Н. Потапов!

Зная Вас как за исключительно честного человека (слухами земля полнится), обращаюсь именно и персонально к Вам. Тем более что мы с Вами, в какой-то мере, знакомы. Не знаю, как оформляется явка с повинной, но прошу данное письмо считать именно таковой. Дело в том, что я, Синицын Виктор Петрович, профессор БГУ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1945 г. рождения, проживающий по адресу г. Баранов, ул. Интернациональная, 54, кв. 289, вдовец и т. д. (что еще надо указывать — не знаю), скорее всего, непосредственно и прямым образом виновен в гибели гр. О.И. Быкова, о которой узнал случайно только сегодня.

Дело было так. Быков — мой бывший студент. Учился он отвратительно. Вы, конечно, знаете, кто его папаша (я имею в виду — по чину и деньгам), так что Олег Быков посещал едва ли половину лекций и семинарских занятий, зачеты получал автоматом, а на экзаменах приходилось натягивать ему тройки, а то и четверки — таков был приказ ректората. Для меня долго оставалось загадкой, почему он осчастливил именно наш биофак, но потом, позже, он сам мне пояснил: ему «по фигу» было, на каком «факе» кантоваться, лишь бы диплом для «шнурков» получить. А устраивало его местоположение нашего учебного корпуса — в самом центре города, на

Советской, — в котором, кроме нашего биологического, располагаются еще иняз и филфак. Дальнейшее он мог и не пояснять: действительно, не в гуманитарии же ему было идти — это уж совсем «запахло».

Так вот, я с Быковым, после того, как он получил свой диплом (хорошо хоть не красный!), практически не встречался, но слышал и знал, как он процветает в бензиновом бизнесе (вряд ли, я думаю, ему помогали в этом даже те крохи знаний по химии, что он получил за время учебы!) Два года тому вдруг и совсем неожиданно встала страшная альтернатива: жить моей жене, Клавдии Михайловне, или умирать. На операцию требовалось 5000 (пять тысяч!) условных единиц, то есть, безусловно говоря — пять тысяч треклятых долларов. Для справки сообщаю, что зарплата моя в пересчете на эти самые у. е. составляла примерно 130 (сто тридцать) долларов в месяц. Короче, мне удалось собрать по друзьям и родственникам только две тысячи. И вот тогда, от отчаяния совсем потеряв чувство реальности, я кинулся к Быкову. Не буду подробно расписывать, как несколько дней добивался встречи с ним, а когда добился, он мне, в конце концов, с отвратительными гримасами и сопутствующими словами (в благодарности, мол, за бывшие «уды» и «хоры») бросил пятьсот баксов. Больше, дескать, не в состоянии. Надо полагать, если б у него состояние уже миллиардами оценивалось, тогда б позволил себе швырнуть еще пару тройку тысяч. Нет, я понимал и понимаю, что чужие деньги и просить, и считать стыдно в любом случае, но ведь и любому понятно, что этот «новораш», как и его соратники, новоявленные наши миллионщики, нас же, остальных, грабят и обворовывают, на нашей общей нефти жируют и богатеют...

После смерти жены я в горячах хотел пойти и швырнуть Быкову в лицо его вонючую «капусту», но затем, здраво рассудив (и вообще, не пора ли нам всем начать рассуждать здраво?), оставил эти деньги у себя и спустя год поставил на них довольно приличный памятник своей Клавдии Михайловне — ну, неужто она за 35 лет беспорочного служения народному образованию не заслужила могильной плиты?!

Вскоре произошло вот что. Вы, вероятно, знаете, что наш Пригородный лес входит в заповедную зону, что его корабельные реликтовые сосны пересчитаны, внесены в реестр и каждая охраняется законом. Но Вы, скорее всего, не знаете, что в этом Пригородном лесу в настоящее время осталось всего 19 (девятнадцать) настоящих больших муравейников (старше 10 лет и диаметром более 1 м). Преподаватели и студенты нашего факультета, к слову, над ними шефствуют и ведут научное наблюдение. И вот Быкову каким-то образом (хотя, понятно — каким!) удалось приобрести в личную собственность целый гектар земли в Пригородном лесу. И начал он свое «хозяйствование» на новом месте с того, что собственноручно облил бензином один из 19-ти муравейников, оказавшийся на этой территории, и поджег. Надо ли упоминать, что с этого гектара тут же исчезла большая часть реликтовых сосен, а взамен этого сначала вырос по периметру высоченный бетонный забор, а затем в считанные месяцы — и дворец новоявленного хозяина жизни.

И вот где-то в конце апреля я шел по улице пешком (был солнечный день), возле меня затормозила иномарка, из нее вылез и окликнул меня Быков. Первым делом я подумал, что он потребует вернуть ему пятьсот долларов, и даже кулаки сжал, но он про деньги и не вспомнил. Он вообще вел себя так, будто мы вчера только виделись в аудитории и отношения наши ничем серьезным не омрачены. Впрочем, я все же быстро дога-

дался, что остановился он не даром и ему от меня что-то нужно. Оказалось, живется ему в новом загородном доме вполне даже «о'кей», только портят настроение и досаждают... муравьи. По его словам, мураши заполнили весь дом, ползают везде и всюду и довели его, Быкова, до бешенства. Он уже вызывал специалистов из санэпидемстанции, да только деньги зря потратил — никакого эффекта. И вот сейчас, увидев меня на улице, он вспомнил, что я специалист «по всяким там муравьям-пчелам», так что — не возьмусь ли я ему «по старой дружбе» помочь? Тут он, на свое несчастье, и помянул про злополучные «пятьсот баксов», а то я уже намеревался отмахнуться наотрез от его просьбы. Но когда он про свою прежнюю «доброту» и «щедрость» заикнулся, у меня в мозгу идея, как вспышка магния: решил — все, проучу негодяя! И даже толком слушать не стал про посулы нового «гонорара» — тут же согласился помочь...

Вообще-то, я хотел только зло подшутить над Быковым. Не буду вдаваться в подробности (да Вы, уж простите, этого и не поймете), но суть вкратце такова: в последние годы я работал над проблемой увеличения продуктивности пчел. Я решил идти по простому пути: увеличить размеры самой рабочей пчелы (той, которая непосредственно собирает мед), и тогда, естественно, увеличилась бы ее производительность. Поначалу мне удалось достичь поразительных результатов: моя медоносная пчела вырастала в два, а иные экземпляры и в три раза больше пчелы обыкновенной. Причем самое фантастическое, достигалось это не путем скрещивания и отбора, а путем... деления клетки. Да, да! Мне удалось найти способ деления биологической клетки на две, а в иных случаях и на три отдельных, и каждая вырастала в полноценную клетку. То есть, условно говоря, если та же пчела состоит из миллиона клеток, то после введения моего препарата она через весьма короткое время будет состоять из двух миллионов клеток: каждая ножка, каждый усик, короче, каждый орган тела станет ровно в два раза больше.

Вы, естественно, спросите: можно ли подобное проделать, например, со свиньями или коровами (вот был бы переворот в сельском хозяйстве!)? Сразу отвечаю: нет. Мой препарат обязательно должен вступить во взаимодействие, в реакцию со специфическими феромонами (химическими веществами живого организма), которые имеются только у общественных насекомых, живущих семьями-колониями. И вот, когда я был уже близок к окончательному триумфу, вдруг появилась непреодолимая проблема — мои громадные пчелы отказывались, они просто-напросто ленились летать. Растолстев в два раза, они превращались в ползающих громадных шмелей. Я как раз и бился над преодолением этой проблемы, когда ко мне обратился за помощью Быков...

О дальнейшем Вы, я думаю, уже догадались. Я дал бывшему студенту-недоучке свой препарат (это белый кристаллический порошок, похожий на сахар), научил развести его в настоящем сахарном сиропе, расставить по всему дому «отравные» блюдца-приманки и приготовился через некоторое время рассмеяться ему в лицо, когда он пожалуется, что-де муравьи от этой «отравы» стали только здоровее...

Он действительно позвонил через пару недель и на самом деле сообщил, что полчища мелких муравьев исчезли напрочь, но зато им на смену откуда-то появились более малочисленные, но значительно более крупные, «чуть не с мизинец», гигантские муравьи, так что надо еще «отравы». Я усмехнулся и щедро выдал подъехавшему посыльному килограмм натурального сахара-песку. Уж я-то знал, что мой «эликсир роста» дей-

стает только однократно и второй раз разделить новая клетка не сможет. Что касается «мизинца», то — у страха глаза велики...

Да-а, знать бы мне!

В пятницу, 24 мая, часов в десять вечера ко мне ввалились в квартиру два нукера быковских и, не слушая возражений, затащили меня в машину и увезли в Пригородный лес. Быков был страшно разгневан и в то же время, как я сразу заметил, еще сильнее напуган. Он был вполпьяна и все глотал прямо из бутылки то ли виски, то ли еще какую дрянь. Он орал, брызгая слюной и топя ногами, что ему наплевать на мое «профессорство», что он меня «по стенке размажет»...

Причина его гнева и страха лежала под его ногами, прикрытая тряпкой — задняя часть собачьего туловища. Признаться, когда один из охранников сдернул тряпку, я вздрогнул: такое впечатление, что бедного пса разорвали пополам — наружу торчали осколки костей, свисали лоскуты кожи, лужа крови уже подсохла и покрылась пленкой. Только тогда я заметил, что и весь пол в кухне забрызган красными пятнами. Так как сам Быков толком говорить не мог, а только хлебал из бутылки и ругался, суть дела пояснил один из его холуев.

Оказывается, кроме двух овчарок во дворе, в самом доме обитали два взрослых питбультерьера, которые, как известно, пользуются славой самых злобных и страшных собак. И вот сегодня, час назад, когда Быков с парнями после трехдневного отсутствия подъехали к дому, они еще из-за ворот услышали неистовый лай овчарок и вой питбулей, доносящийся из открытых форточек зарешеченных окон. Сторож-охранник был бледен и ничего объяснить не мог, только твердил: «Там! Там!..», показывая на дом. Пока открывали запоры, вой захлебнулся и смолк. Вбежав, люди застали жуткую картину: несколько гигантских, как они уверяли, «с кошку», муравьев рвали собак на части: от одной оставалась уже только одна лапа, второй бультерьер был изглодан наполювину. Только когда люди начали палить из пистолетов, твари убрались, исчезли в подвале...

Быков, заметив мою недоверчивую ухмылку, взревел, подбежал к стене и отбросил пинком вторую тряпку, что-то прикрывавшую в углу. То, что я увидел, повергло меня в столбняк. Вы, может быть, читали в детстве увлекательную книгу Брагина «В стране дремучих трав» про гигантских насекомых или разглядывали когда-нибудь обыкновенного муравья через увеличительное стекло... Зрелище довольно отвратное и устаревшее. Я не мирмеколог (так называют специалистов по муравьям), но с первого взгляда понял, что передо мною на полу лежит представитель именно этого семейства общественных стебельчатобрюхих насекомых подотряда перепончатокрылых, принадлежащий к группе рыжих лесных муравьев (*Formica rufa*), которые в природе достигают максимум 3 (трех) сантиметров длины. Этот же размером был не то что с кошку — с матерую упитанную таксу: сантиметров семьдесят, а то и все восемьдесят, а с усиками-антеннами — так и целый метр! Подобное и в кошмарном сне не приснится.

Я охнул. Быков, увидев мое искреннее остоленение, смачно выматерился: мол, что, сам не ожидал подобного, козел старый?! Дальнейшее произошло быстро и без моего участия: мне коротко объяснили, что забирают меня в доме вместе с «моими мурашами» наедине, оставляют мне телефон-мобильник, и как только я придумаю, как решить «муравьиную проблему», я должен позвонить, объяснить, тогда все, что для этого мне потребуется, тут же доставят, я должен вывести всех тварей подчистую,

и только тогда меня отпустят, быть может, даже «целым и невредимым», несмотря на причиненный мной «ущерб»...

Когда я остался в громадном доме один, взаперти — у меня, вот именно, мурашки по спине поползли. Холодные и противные. Впрочем, я не потерял способности здраво рассуждать и вполне резонно предположил, что муравьи размером с таксу и весом килограммов шесть по вертикальным стенам и тем более потолку ползать не в состоянии, поэтому, заметив стремянку, подставил ее к высоченному — метра два — холодильнику, не мешкая, взобрался на него, втащил следом лестницу, уселся, поджав ноги, и начал ждать неизвестно чего. Вернее, конечно, появления «своих» монстров.

И — дождался.

Мне уже объяснили, что их пытались закрыть-заблокировать в подвале, где, по всей видимости, находилось их гнездо, но твари прогрызли дыру-ход в дубовых дверях с чудовищной легкостью. И вот в этой дыре появилась голова первого насекомого с громадными радужными глазами-мониторами. Помедлив секунду, муравей выбрался из дыры целиком и бросился почему-то не к трупу собаки, который так и оставили посреди кухни, а к убитому собрату-муравью. Он с ходу впился в его брюшко громадными челюстями, прокусил хитиновый покров и начал жадно пожирать-всасывать полужидкую плоть. Тут же подскочил второй, третий, пятый... Между ними завязалась драка, в результате которой еще один муравей был убит, растерзан и сожран без остатка — со всеми лапками, усиками и глазами-мониторами.

Меня тошнило от зрелища, но я, как зачарованный, не отводил взгляда и даже пересчитал тварей — их, без съеденных «сотоварищей», оставалось ровно 14 (четырнадцать) особей. Я почему-то уверен был, что это — весь «личный состав». А где же остальные тысячи, десятки тысяч из этой муравьиной семьи? И тут меня озарила догадка. Мне не давала покоя мысль, почему же муравьи, в отличие от пчел, продолжали делиться-увеличиваться на клеточном уровне безостановочно, словно по принципу ядерной реакции? И вот, именно сидя на холодильнике «СТИНОЛ», я пришел к гипотезе (которую потом надо будет проверить экспериментальным путем), что муравьи, пожирая плоть своих сородичей (вплоть до хитина!), уже прошедших реакцию деления, запускают, видимо, в собственном организме новый цикл деления, еще более мощный и быстрый — в десятки, может быть, в сотни раз...

Между тем, твари (никак сознание не хотело считать их мурашами!), покончив с «собратьями» и остатками собаки, вполне недвусмысленно окружили холодильник, оглядывая меня, наклоняли туда-сюда головы, «переговариваясь» между собой при помощи кинописца — языка поз. Некоторые даже вставали на задние лапы, средними упирались в холодильник и, совсем по-собачьи, скребли передними, доставая до двух третей высоты. К счастью, лапы их, несмотря на зубцы-зазубрины, соскальзывали с гладкой эмали. Но они упорно карабкались, даже залезали друг другу на спины, и один из них чуть было не дотянулся уже до моего ботинка. Я вскочил, прижался спиной к стене. Я понимал, что обречен. Рано или поздно эти твари до меня доберутся. Если моя теория «естественного отбора» права, то через день, два, три их будет оставаться все меньше, зато станут они будут все больше и, в конце концов, по крайней мере последний муравей, который будет, вероятно, размером с корову, стащит меня с этого «СТИНОЛА» играючи. Правда, если я к тому времени не умру

от жажды: холодильник открыть было нельзя — муравьи-убийцы вмиг добрались бы до меня по его полкам. Самое обидное — дурацкий мобильник я оставил на столе, так что о службе спасения или милиции оставалось забыть.

Тупик.

И вдруг, когда я уже смертельно устал и совершенно отчаялся (была глубокая ночь, часа два), загремели запоры входной двери. Твари замерли, устали на нее, три или четыре сразу бросились в свой подвал. В приоткрывшуюся дверь осторожно заглянул человек с пистолетом в руке. Он неестественно громко завопил: «А ну прочь! Про-о-очь, я сказал!! Цыц!..» — и дважды выстрелил. Монстры бросились наутек, толкаясь, исчезли один за другим в дыре. Последним скрылся раненый муравей, с отшибленной лапой. Парень, не решаясь зайти, отчаянно махал мне рукой: «Быстрее! Быстрее, Виктор Петрович! Бегом!» Упрашивать меня не пришлось. Рискаю сломать ноги, я спрыгнул с холодильника, выскочил вслед за спасителем из кошмарного дома, он запер дверь и увлек меня по тропинке меж сосен в темноту...

Это оказался тоже мой бывший студент — однокурсник Быкова (признаюсь, я его не сразу узнал). Имя его называть пока не буду. Он спрятал меня у своего деда-лесника на кордоне, совсем недалеко от города. Я хотел попытаться как-нибудь тайно продать квартиру и уехать за границу, в Луганск — там у меня живет сестра. Но вот узнал, что в особняке Быкова произошла трагедия, и он сам погиб. Не сомневаюсь, что к этому причастны «мои» муравьи. Вам же, тов. Потапов, пишу все это по одной простой причине: несмотря на то, что мне уже 57 лет, я согласен 3-4 (три-четыре) года отсидеть за неосторожное, косвенное (или как там это у вас называется) убийство, но я отнюдь не хочу после своего признания попасть в руки приятелей и подручных покойного Быкова, которые, можно не сомневаться, уничтожат меня без всякого суда. Ответьте мне на Главпочтамт до востребования (предъявителю удостоверения № 0277). Буду ждать в течение недели.

С уважением Синицын В.П.»

— Да-а-а... — неопределенно протянул я.

— Впечатляет? — спросил Потапов, оторвавшись от своих бумаг.

— И где же сейчас этот профессор Синицын — на улице Московской? — понимающе усмехнулся я: на Московской у нас располагается областная психбольница.

— Нет, господин сочинитель, это вы зря иронизируете, — серьезно сказал майор. — В газетах не сообщалась весьма любопытная деталь: на пепелище была обнаружена странная вещь — нечто, напоминающее сплюснутую заднюю часть туловища гигантского муравья. Муравей, судя по всему, был в длину более метра. Впрочем, наши оперативники и фээсбэшники решили, что это часть какой-то новомодной надувной игрушки — сейчас ведь всякие японцы да корейцы чего только для богачей не делают.

— Да неужели все это правда?! — вскричал я. — Где же тогда профессор? Сидит?

— Никак нет. Я когда с ним встретился, настоятельно посоветовал ему ни полсловечка больше никому и никогда не говорить про свое участие в этом деле — соврать что-нибудь про свое исчезновение, а затем молчать в тряпочку и жить, как жил. Во-первых, ему все равно никто бы не поверил, и вот именно, загремел бы он в психушку. А, во-вторых, я бы

профессору Синицыну еще и премию выдал, если б от меня зависело: депутат и бизнесмен Олег Иванович Быков по кличке Бык вот где у нас всех сидел! — майор Потапов ожесточенно похлопал себя по шее. — Туда ему и дорога! Придурок, судя по всему, применил огнемёт, а у него там, в подвале, гараж на три машины с запасом бензина и котельная на мазуте. Вероятно, кроме него и двух псов-охранников, погибших с ним, о муравьях-гигантах никто не знал. В курсе был еще тот сторож-однокурсник, да он исчез бесследно, думаю, убежал куда подальше, опасаясь разборок. Теперь уже все затихло, так что можете со спокойной совестью сочинять обо всем этом роман. Только фамилии, конечно, замените...

— Ну, уж нет! — засмеялся я. — Спасибо, конечно, за материал и занятный сюжетец, но в эту фантастическую историю ни один читатель не поверит... Тем более в нашем Баранове. А я своей репутацией, или, как сейчас принято говорить, своим имиджем писателя-реалиста рисковать не хочу. Бог с вами!..

На том мы в тот раз с Потаповым и расстались. Я, быть может, совсем уже и забыл бы про нелепых муравьев размером с раскормленного пса, если б совсем случайно не увидел на днях в рекламной местной газетенке «Все для нас» ну очень любопытное объявление в разделе «Услуги»:

Только для состоятельных господ! Уникальное средство для уничтожения муравьев, тараканов, клопов и пр. домашних насекомых. Очень дорого. С гарантией.

Ба-а, да уж не Синицын ли это вышел на тропу войны с местными «новорошами»? Не подопечный ли майора Потапова профессор-энтомолог объявил войну нашей доморощенной барановской мафии?..

Давно пора!

Валентина Тихоновна Дорожкина родилась в Ми-
чуринске. Окончила Тамбов-
ский государственный педа-
гогический институт. Рабо-
тала учителем, редактором
региональных газет, редак-
тором Центрально-Черно-
земного книжного издатель-
ства. Автор поэтических
сборников «Причастность»,
«Венок солдату», «Неот-
правленные письма» и др.
Заслуженный работник
культуры РФ, Почетный
гражданин г. Тамбова, лау-
реат многих литературных
премий. Награждена орденом
Дружбы. Руководитель дет-
ского литературно-творче-
ского объединения «Тропин-
ка». Член Союза писателей
России. Живет в Тамбове.

Валентина Дорожкина

У ВДОХНОВЕНЬЯ НЕТ ОТСРОЧКИ

* * *

Благодарю Тебя, Создатель,
За то, что есть и друг, и брат.
Как хочется мне все раздать им,
Да только взять не захотят:

Ведь им оранжевые листья
Дороже слитков золотых.
Благодарю, что бескорыстьем
Ты наполняешь души их.

Что Ты спасаешь от отчаянья,
И грешным посылаешь свет,
Что научил словам печальным,
Но безысходности в них нет.

* * *

Я мамин голос больше не услышу,
В душе не разольется благодать...
На старом доме провалилась крыша,
И некуда мне больше приезжать.

Мой городок — старинный и невзрачный,
Здесь где-то детство прячется в садах.
Здесь все мои и беды, и удачи
Проехали на скорых поездах...

Глядит былое выцветшей афишей
И с грустью отзывается в душе.
А голос детства — с каждым годом тише.
И вот совсем не слышится уже.

* * *

У вдохновенья нет отсрочки,
И музыке не дашь отбой...
А вены стихотворной строчки
Набухли кровью голубой.

Она пульсирует, живая,
И грудь теснит — грозит стрелой,
Как будто кто-то вызывает
На поединок роковой...

Слова не делятся на буквы,
Во вдохновенье нет греха.
И строчки венами набухли
От напряжения стиха.

* * *

Не без причины я тоскую —
Грустна пора осенних дней...
Листаю книжку записную:
О, сколько выбыло друзей!

И снова сердце больно сжалось —
Огнем утраты обожгло.
Как много встреч уже прошло,
Но сколько их не состоялось...

Я вижу в небе птичью стаю:
Чьи это души вдаль летят?..
Я книжку бережно листаю,
Припоминаю каждый взгляд.

И мне не верится пока,
Что я уже не встречу с ними...
Не поднимается рука,
Чтоб вычеркнуть хоть чье-то имя...

* * *

В пучину, в бездну — все равно ко дну...
И проступает вырожденья метка,
Когда потомки осуждают предков,
Свою никчемность ставя им в вину.

Молотит время новую копну
И подменяет ржавую монеткой
Богатство. Дерево — сухою веткой.
А ветер гонит мутную волну.

Пришельцы чертят хитрые круги:
Не за горами — новые напасти...
Лежат судьбы обугленные части,
И слышен голос: «Боже, помоги
Прозреть хотя бы у последней кромки,
Где все равны — и предки, и потомки».

Валерий Михайлович Хворов родился в 1957 году в селе Беломестная Криуша Тамбовского района Тамбовской области. Учился в вечернем Московском химико-механическом техникуме, затем на историческом факультете Тамбовского государственного педагогического института. Дальнейшая работа связана с педагогической деятельностью. Публиковался в журналах «Наш современник», «Подъём», региональных изданиях. Автор 10 книг стихов. Член Союза писателей России.

Валерий Хворов

ЗАРНИЦЫ

**ИЗ ПОЭМЫ
«ТАМБОВСКАЯ ВОЛЬНИЦА»**

Проносились стрижи вдоль реки,
Разрывая в полетах туманы...
Ох, как дали времен далеки,
Когда бились за власть атаманы!
Ох, как кровушка щедро лилась,
Рядом с крепью Татарского вала
И война за Россию велась
Та, с которой беда ликовала.
Нет царя никакого нигде,
В головах полыхали зарницы...
Только горе не в ратном труде,
А в лихом одиночестве жницы.
Кто стремился судьбу изменить,
Рвал в запале сермягу зубами!
Лишь Христос мог любя накормить
Всех голодных своими хлебами.
Бог не светит на лютом ветру
И грехи не отпустит мирские,
Если яростно в волчьем яру
Будут биться такие-сякие.
Волчьим эхом откликнулась даль,
Для рубивших крестьян увлеченно...
Полыхнула возмездием сталь,
И упал комиссар обреченно.
Неизбывна военная весть
О победах с немислимой славой!
Только в душах народная месть
Клокотала взывающей лавой.
Ох, как тихо вокруг и светло,
Словно сеча не вырвалась в поле...

И вблизи не сгорело село,
Где молились о праведной доле.
Каждый ищет свою череду
В вольном крае тамбовских бурьянов.
Только в снежном февральском бреду
Мчатся тени былых атаманов.

* * *

Кричат грачи и строят гнезда
На кроне царственной ветлы.
И пожелать еще не поздно
Любви на кончике стрелы.

Амур стреляющий чудесен,
Витает тихо, не бузит.
Он с луком счастья интересен,
Когда сердцам стрелой грозит.

С грачиным граем возжелаем
В пустынях жизни не пропасть.
Вдвоем мы ведаем и знаем —
Печаль закрыла волчью пасть.

И тень печали стала тощей,
Гонимой ветром, чуть живой.
Отринуть груз ошибок проще
Без черных туч над головой.

Весна сияет с вербой рядом
И дарит радость бытия.
Узрим мечту влюбленным взглядом,
Порыв душевный не тая.

Нина Петровна Цурикова родилась в селе Подгорное Староюрьевского района Тамбовской области. Окончила Тамбовское музыкальное училище, Тамбовский филиал Московского государственного института культуры. Работала в Новиковской средней школе, Староюрьевской детской музыкальной школе, где продолжает преподавать и в настоящее время. Автор многих поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Нина Цурикова

ПЕРЕВАЛ

ЧАСЫ ЖИЗНИ

А часы все стучат:
Тик-так...
Что-то в жизни моей
Не так.
Будто с рельсов сошел
Состав,
От безвремения
Устав.

Зим и весен
Водоворот,
Лета, осени вечный
Ход.
И шаги неумолчных
Дней,
Словно топот шальных
Коней.

Впереди — крутогорье
Троп,
Дуют встречные ветры
В лоб.
Позади — колокольный
Звон.
Дышит в спину усталый
Конь.

Пересилив засилье
Гроз,
Призадуматься бы
Всерьез:

Все ли сделала, что
Смогла?
С перевала спустилась
Мгла...

По тропе наугад
Бреду,
Как по скользкому речки
Льду.
Удержаться бы,
Не упасть
В черно-злобную
Пропасть-пасть!

Замерла тишина
На миг.
Вырывается стоном
Крик!..
Кто-то там, на той
Стороне
Тянет руку свою
Ко мне.

* * *

Давно закат осенний догорел.
Но почему-то снова на заре
Мне чудится сквозь сон кукушкин стон,
Рос утренних хрустальный перезвон.

Тропую чуть заметной луговой
Гуляет вольно ветер низовой.
Но бережет осенняя река
Под берегом от стужи рыбака.

Мне слышится, как крылья шелестят.
Не птицы ль возвращаются назад?
Но шепчет ночь: закрой окно скорей,
То листья осыпаются с ветвей.

Как опустевший мой тоскует сад!
Я знаю, ось не вертится назад,
Но странное в осенней тишине
Весны многоголосье слышно мне.

Зинаида Алексеевна Королёва родилась в городе Свердловске. Окончила Тамбовский кооперативный техникум, Московский институт Центросоюза. Работала на заводе «Электроприбор», в пионерском лагере. Занималась в литературном объединении «Радуга» под руководством поэта Семёна Милосердова. Публиковалась в региональной печати. Автор более 20 книг стихотворений и прозы. Член Союза писателей России.

Зинаида Королёва

ОЖИДАНИЕ

Рассказы

КУЗОВОК РАДОСТИ

У подъезда встретились две соседки: Татьяна Ивановна шла с рынка с тяжелой сумкой и полиэтиленовым пакетом, а у Марии Ивановны в руках только легкая корзина из ивовых прутьев с букетом лесных цветов. Обе присели на скамейку — перевести дух перед штурмом лестницы.

— Как рынок-то сегодня? Вижу, хорошо затарилась, — Мария Ивановна обмахивалась листом папоротника, как веером, а на лице блуждала веселая загадочность.

— Да что рынок, он как тучка на небе — с одного края уже дождь капает, а другой край подсыхает и к середочке прижимается. Так и на рынке — у одного продавца цены к облакам рвутся, а другой — домой собирает и остаток продукции почти задарма отдает. Вот и я обошла рынок кругом три раза и насобирала кое-чего.

— Да это уже не «кое-чего», а целый куш сорвала, — восхищенно произнесла Мария Ивановна, глядя на тяжелую сумку.

— А ты вот на это посмотри, — Татьяна Ивановна с затаенной радостью открыла пакет, где лежали красные, сочные, один к одному помидоры.

— Ого, какие красавцы! Наверное, рублей по двадцать, а то и дороже? Как это ты такую дороговизну решилась взять? —

Мария Ивановна с нескрываемым удивлением смотрела на помидоры и не могла отвести от них взгляд.

Татьяна Ивановна приглушенно рассмеялась, боясь расплескать свое неожиданное счастье. Она взяла одну помидорину, любовно повертела перед глазами, рассматривая красную глянцевою кожицу, нежным прикосновением руки погладила, будто еще не веря, что это богатство принадлежит ей.

— Посмотри вот на эти, — она показала на сморщенные бледно-желтые помидоры. — Я полкило по десять рублей за килограмм взяла. Пойдут на заправку борща. А вот этих красавцев два килограмма и тоже за пятерку.

— Да ты что?! Как же так? — Удивлению Марии Ивановны не было предела.

— А я и сама еще не верю. Взяла тех желтопузиков и к выходу повернула, но вдруг сзади слышу: «Гражданочка, подождите!» Обернулась, а это сосед того продавца смотрит и зовет меня. Я даже не поверила, уж очень хорош товар у него был: что помидоры, что яблоки. Я три раза проходила мимо и все любовалась на них. Видно, что с большим уважением к покупателям относится. Подошла. Яблок уже нет, а от помидоров осталась вот эта горка. Предложил мне за пять рублей взять. Грех было отказаться. А еще знаешь, что сказал? «У меня в саду много яблок, приходите, наберете. Приходите с соседкой»... — В голосе Татьяны Ивановны звучало непонимание. — Так что, может, сходим? Он на завтра назначил свидание на рынке.

— А почему же не сходить? Когда падалицы много, то рабочие руки нужны. Поможем ему и себе наберем. Сочку на зиму сделаю, — мечтательно произнесла Мария Ивановна.

— Уж из нас работники в наши-то годы...

— Подумаешь, возраст, всего-то за семьдесят. До ста еще далеко. Слушай, а этому мужчине сколько лет? Может быть, он фронтовик? Да-а, дожили, килограмму помидоров, как большому кладу, радуемся.

— Кто бы мог подумать, что одна фронтовичка, другая полной мерой хлебнувшая все прелести трудового фронта, не могут позволить себе купить, что хотят. Как будто и пенсия стала приличной, набрала на похороны себе, заказала памятник, потому что после это сделать будет некому, — протяжно вздохнула Мария Ивановна.

— Осталось самой себя закопать, — усмехнулась грустно Татьяна Ивановна.

— Только и осталось, — согласилась Мария Ивановна. — Собрать-то собрала на похороны, а операцию сделала и все мои гробовые улетели. Теперь по новой собирать надо. Вот от этих мыслей я и не спала всю ночь, о будущем подумала, и что-то страшновато стало: как одной быть, если сляжешь? Сама вот бегаю, всем помогаю по медицинской части, а ведь точно знаю, что ко мне-то прийти некому будет. Дождалась утра и уехала в лес. Иначе от этих мыслей не освободишься.

Одна вглубь леса побоялась идти, а нашла поляночку с поваленным деревом недалеко от тропинки. Села, отдохнула, позавтракала бутербродиком со стаканом чая, крошками поделилась с птичками — на пенечек им насыпала. Ох, Татьяна, а какая же там красота! Я голову всю отвертела — то в одну сторону посмотрю, то в другую, и везде свое чудо. Рядом березка стоит в зеленом наряде в редкий желтый горошек. А чуть поодаль уже взростая березка свесила золотистые косы, но каждая коса перехвачена зеленым бантом. Не удержалась, подошла к ней, обошла кругом,

обняла, нашептала, как с близкой подружкой. И тут лист кленовый на руку упал. Посмотрела, а рядом клен-великан стоит в великолепном наряде: некоторые уже густо пурпурно-красные, у других окрас еще не устоялся, а у некоторых только краешки окрашены, как будто у художника не хватило краски, и он убежал за ней в магазин.

Налюбовалась я да и пошла искать рядышком грибочки. Да так быстро собрала полкузовка. Но с непривычки спина устала кланяться за каждым грибочком. Вернулась к дереву, посидела, прислушиваясь к пению, перекличке птиц. Сидела, а душа наполнялась всем увиденным и услышанным. Выложила грибы на пакет рядом с деревом и пошла на новый круг. Набрала еще грибов половину кузовка. И опять пошла отдохнуть. Уже подходя к месту отдыха, увидела, что на пакете пусто. От неожиданности и навалившейся усталости безвольно опустилась на дерево. Только мысли бежали одна за другой: «Кто мог взять? Кто-то с тропинки свернул? Но можно было заметить, не так далеко была...»

Засиживаться не стала, а выложила грибы теперь уже вовнутрь пакета, положила его на бок, оставив открытым. И заспешила к примеченной грибной семейке. И все же везло в этот день: быстро заполнился кузовок упругими маслятами, опятами, попадались подберезовики. Довольная, шла к месту отдыха. Пакет лежал пузатенький, значит, никто не тронул. Даже прикасаться не стала к нему, а пошла за примеченными поздними цветами. Сорвав их, полюбовалась букетом, а когда развернулась, чтобы идти назад, то замерла от неожиданного зрелища: рыжая белка спрыгнула с лукошка с грибом в зубах и напрямиком на дерево, на самую макушку. Но примерно через секунду она была уже в лукошке, и все повторилось. А может быть, это была другая белка, но когда я подошла, то лукошко было пустым. Подумала: хорошо, что в пакете остались грибы. Подняла его — что-то упало на дно, стукнувшись друг об друга. Заглянула, а там две большие сосновые шишки. Я за такими давно охотилась, нужны были для лечения. Присела отдохнуть перед дорогой домой, а в мыслях какая-то чехарда: надо бы расстроиться, а у меня улыбка до ушей — где еще можно увидеть такую красоту, когда белка заготавливает грибы для сушки? Какая запасливая умница, как заботится о семействе.

Подумала так, и вдруг с дерева что-то упало и прямо в корзину. Посмотрела, а там большущий белый гриб. Вот посмотри.

Мария Ивановна подняла букет цветов, а под ним лежал гриб-красавец.

— Ну вот, тебе на суп хватит, зато сколько впечатлений останется.

— Да что ты, я его посушу, а потом буду по капельке добавлять в суп, и мне надолго хватит воспоминаний, — в голосе Марии Ивановны звучало неподдельное ликование. — А ведь мы с тобой по кузовку радости принесли.

— И то верно. Понесем в дом эту радость. Да и отдохнуть надо, а то завтра рано вставать. — Татьяна Ивановна встала, а за ней и Мария Ивановна, и обе вошли в подъезд.

ОЖИДАНИЕ

Накануне праздника Покрова Пресвятой Богородицы на общей кухне малосемейного общежития возле газовой плиты суетилась старенькая бабушка Лукерья. В широком стареньком халате, вся иссохшая, она казалась невесомой пушинкой. Губы ее беззвучно шевелились. Она то под-

ходила к столу, на котором стояли мешочек с мукой и пол-литровая банка простокваши, то вновь возвращалась к плите, где на одной горелке в кастрюльке подогревалась вода, а на другой, незажженной — стояла сковорода. Замешательство старушки заметила Люся, соседка с их этажа.

— Ты что это тут колдуешь, бабушка Луша? Или гостей ждешь?

— Дык Полинка должна прийти, праздник-то у нас престольный, — задумчиво произнесла Лукерья.

— Дождешься ты свою Полинку, как же, придет она, — сердито произнесла Люся. — Она, наверное, целых полгода не была у тебя. Вон грязная марля на форточке как висела целый год, так и моталась бы до сих пор, если бы мы с Верунькой не сняли.

— Ты о чем говоришь-то, Люся?! Какие гости летом? Огород, а там работа. По нашим временам иметь постоянную работу — большое дело. За нее как держаться-то надо, ты понимаешь? — возмущенно говорила старушка, жестикулируя руками.

— Я-то понимаю, да молодежь ничему не научилась. Лето давным-давно прошло, глубокая осень на дворе, скоро белые мухи полетят, а у твоей Полинки все какой-то огород. Если бы захотела, то нашла свободную минутку и прибежала бы. Сейчас совсем другие взгляды, иная мораль у людей. Вот для вашего поколения работа — святое дело. Потому как дисциплина была. А мы привыкли искать любую лазеечку, чтобы увильнуть от нее, родимой. Но зарплату свою считать и требовать мы умели. А вот про это время что говорить — один базар да бордель с самого верха и донизу. Вот потому сейчас все некачественное: продукты в рот не возьмешь, а промтовары два раза простирнешь и выбрасывай.

— А ты что вырядилась так: к плите и в праздничной одежде? — осуждающе произнесла Лукерья, глядя на длинную черную юбку и новый свитер.

— Так я про что говорю-то: месяц назад купила на рынке, а швы толком не сострочены, вот петли и поползли. А юбка посеклась, будто из гнилого материала сшита. На улицу в таком наряде не выйдешь. Покупают за границей всю дешевку, а нам, дуракам, втридорога продают, — сердито произнесла Люся, и ее серые, с озорнинкой, глаза потемнели.

— Да-а, и не доживешь до хороших времен, — грустно проговорила старушка.

— Ой, баба Луша, ну ты и даешь! Мы, сорокалетние, и то боимся не дожить, а ты о себе толкуешь, — невесело рассмеялась Люся.

— А жалко, — старушка подошла к столу, облокотилась об него. — Мы же хорошего-то почти ничего не видели: то революция, то гражданская война. А как коллективизация началась, то все перемешалось вокруг: то разные банды понаедут, расстреляют активистов. За ними красные нагрянут, выгонят бандитов. А в промежутках местные богатеи старались побольней укунуть бедноту. Это сейчас балаболят, что бедняки — все лодыри. А может, богатеи сами свои земли обрабатывали, а? Да они не знают, с какой стороны к сохе подходить, как в руках косу держать. Вот этих балаболов заставить бы денек помолотить цепами, они сразу бы перестали языки чесать зазря... А потом поутихло все, стали налаживать, поднимать хозяйство — и колхозное, и свое. Ох, Люся, какие же ситные караваи пекли перед войной! Я таких тут ни разу не видела. А какую домашнюю колбасу делали! Бывало, когда по осени зарежут свою какую-либо скотину, то кишки все вычистишь, промоешь, а потом начинаешь начинять: то кашей пшенной али гречневой с салом, то еще

чем. А в первый-то день с кровью, с печенкой, да с салом, да чесночку побольше. Жаришь на сковороде в печке, а там все шкворчит в сале-то, подрумянивается. Ох, какая же вкусотища была! А аромат — аж на улице чувствовался, — вспоминая, Лукерья улыбалась, ее морщинистое лицо разгладилось, а выцветшие от времени некогда карие глаза увлажнились. Распрямившись, она стояла у стола, а взгляд был устремлен в пространство, как будто там она хотела увидеть всю прожитую свою жизнь.

— Бабуля, что же ты делаешь со мной, я же зарплату не получила, сидим на одном хлебе, а ты о таких деликатесах говоришь. Я же могу в обморок упасть, если все это представлю на столе, — Люся смущенно и как-то жалобно смотрела на старушку.

— А ты не падай, недолгой нам была такая лафа — война началась. Все наши мужики ушли на фронт, а мы взвалили на свои бабьи плечи всю мужицкую работу: пахали на быках да на коровах, и сеяли, и косили, и молотили. А я вот своего Васятку заменила в кузнице. Где так, где не так, а сами ремонтировали плуги, сеялки, бороны. Да еще и соседям помогали — у них не было кузнеца. А я ловкая, здоровая да удалая была.

Потом, к кому вернулись мужики с фронта, те зажили, детей нарожали, а мы, вдовы, так до конца горе мыкаем. Вспомнили тут о нас, пайки стали выдавать, как и живым участникам войны. Опять мы головы подняли, распрямились. Да, видно, нам не судьба, распрямившись ходить. Кто-никто стремится нас в дугу согнуть, в узел завязать. Явились на нашу голову супостаты со своей непутевой перестройкой — сколько народищу загубили.

Вот ты говоришь — в гости не идут. А с чем идти? Они не привыкли ходить ко мне с пустыми руками — какой-никакой гостинчик все равно приносили. А сейчас цены на все кусаются. Вот потому и не идут. Будь она неладна, такая жизнь, — бабушка Лукерья вытерла со щеки выкатившуюся слезинку, поправила свой пестрый платок и затянула концы его на затылке.

— Не расстраивайся, бабуля, перекантуемся как-нибудь, — Люся погладила старушку по плечу. — Ты чем решила гостей встречать?

— Да вот я и сломала всю голову, что делать — не знаю. А вдруг и, правда, завтра не придут — день-то рабочий. А я истрачу продукты, а в выходной чем встречать? Вот морока.

— Бабуля, вот и скажешь, что лучше одной быть, чем такую родню иметь, правда?

— Да ты что, девка, сдурела совсем? — не на шутку рассердилась старушка, глаза ее гневно засверкали. — Как ты можешь такое говорить? Да пусть хотя бы один раз в год придут и совсем с пустыми руками, но я этот год буду их ждать, надеяться. И опять же, ежели что случится со мной, то вы сообщите им, и они придут. А одинокие, они как свечи-огарыши, так во всю мощь ни разу и не засветились.

— Баба Луша, ты извини меня, я не хотела тебя обидеть, — смущенно произнесла Люся и заглянула в кастрюлю, в которой вымачивалась курица. — Ты что, курицу решила сварить?

— Вот все раздумываю, что делать. Купила ты мне этого куренка на президентскую полсотню, вот и ношу с ним, как с писаной торбой, не знаю, какой праздник осчастливить таким «богатством». Раньше это было обычной едой. Бывало, постоишь в очереди, купишь штуки три по рубль шестьдесят за килограмм и ешь почти весь месяц. И колбаска по два во-

семьдесят, и котлеты со стола не сходили. А какие вкус-ныи-и! А сейчас на великое разговенье купишь грамм двести колбасы, откусишь и проглотить не можешь, так как она несъедобна, и выбросить жалко, потому что деньги большие заплатила. Вот какая закавыка, — взгляд старушки был задумчив и немного растерян.

— Ничего, бабуля, по телевизору говорили, что мы скоро самыми богатыми будем, — утешила Люся.

— Вот-вот, оттого у нас на столе одни обещания вместо продуктов, что мы все в небесах витаем, ждем какого-то чуда.

— Не сердись, баба Луша, ты права — ленимся мы шевелить мозгами. Вот что, давай-ка сварим мы сейчас курицу — она же размороженная и даже вымытая. Тем более что до выходного два дня остались. Если завтра не придут, то положим ее в мою морозилку, там продукты лучше сохраняются. Конечно, будет не свежак, но к первосортному мы не привыкли. А если потом обжарить с чесночком — пальчики оближешь. И давай замесим домашнюю лапшу, все-таки ее не сравнишь ни с какими макаронами. А утром я тебе блинцов напеку, а для начинки лук с яйцами сделаем. Вот и стол хорошим будет. А если в середочку поставим королеву нашу — картошечку с огурчиками солеными, капустку квашеную, то с таким закусоном нас ни один закордон не одолеет, — весело рассмеялась Люся.

— Ох, и балаболишь ты. А с другой стороны посмотреть, так иначе и не выживешь, — рассуждала повеселевшая старушка. — Так ты говоришь, что поможешь мне? Одна-то я не справлюсь, что-то силы мои убывают.

— Конечно, помогу. Давай опустим курицу, вода уже закипела, — Люся подвязала фартук, опустила курицу в кипяток, тщательно вымыла руки. — Ну вот, а теперь с чистыми руками примемся за тесто. Бабуля, а ты не знаешь, почему так бывает, что как только я начинаю месить тесто, то все мое раздражение, вся моя злость исчезают?

— А так и должно быть. Мука-то из зерна сделана, а зернышко через колосок с корнями стебелька силу из земли забирает. Большая сила в зерне. Вот она тебе и передается. А там где сила, злобе места нет. Злость — она от слабости, от беспомощности, — бабушка Лукерья уселась возле стола и любовно смотрела на проворные Люсины руки, месившие тесто.

— А как же кое-кто говорит, что мучное вредно? — усмехнулась Люся.

— Дык это кто говорит-то? Тот, кто хочет извести весь наш народ. Да разве можно выжить без хлеба? — возмущалась старушка. Ее лицо стало сердитым, а взгляд колючим, как будто перед ней была не Люся, а тот, кто говорил, что хлеб вреден. — Надо есть всего помаленьку, вот тогда и не потолстеешь, и жив будешь.

В нашем селе жила умная женщина, Василиса-знахарка. Все она знала — и травы, какие от которой болезни, и заговоры разные. Она всем говорила, что любое дело надо делать с доброй душой и лучше всего с песней. Говорит, бывало: «Если грустно тебе — затяни грустную песню, а потом веселая сама запоется. Или молитву про себя читай. А горе придет в такой двор, услышит песню или молитву почует и покатится дальше, искать, где скандалят или печалются. Вот к ним оно и прилепится. И скандал до драки дойдет, а уж слез-то выльется целое море. А горе будет на все это смотреть да радоваться. Недаром припевка такая есть:

Будешь петь и веселиться —
Горе не увидит,
Будешь плакать и рыдать —
Курица обидит.

Вот такая она была, наша Василиса-знахарка. Люся, хватит раскатывать, а то порвется круг, уж такой тонкий да ровный получился. Давай, сходи ко мне в комнату и принеси большую подушку и скатерку, что на ней лежит сложенная, — попросила старушка, видя, как Люся накачала на скалку большой круг теста.

Люся ополоснула руки, вытерла о старинное льняное полотенце бабы Луши и вышла из кухни. Через минуту она вернулась с большой подушкой в чистой белоснежной наволочке с вшитыми в углы кружевными треугольниками.

— Ой, как ты быстро обернулась! А я иду, иду по коридору, — удивилась старушка. — Ноги что-то совсем не дружки стали, заплетаются одна за другую.

— Бабуля, кружева-то сама, наверное, вязала? — спросила Люся, рассматривая наволочку.

— Сама. В девках еще, при лучине. Наволочка порвется, а я их выпорю и в другую вошью. У меня еще такие есть, те поновее. Хочешь — подарю. А то внучка не желает брать, говорит, что не модно. Выходит, что все мои вещи выбросит в мусорку. А мы каждую тряпочку берегли, сохраняли. Так из рук в руки и переходило. А сейчас не ценят вещи, мода эта всех загубила, — сокрушенно рассуждала старушка.

— Подари, они мне очень понравились. Вспоминать тебя буду, — Люся поставила подушку на свободный стул.

— Спасибо тебе, порадовала. Добрая ты девка. Давай, стели скатерку и раскатывай круг, пусть он поветрится минут 10-15, тогда он хорошо резаться будет.

Люся расстелила на подушку белую самотканую льняную скатерку и раскатала на нее круг теста. Она подошла к плите, попробовала вилок в кастрюле курицу, посмотрела на часы и повернулась к старушке:

— Бабуля, а если я сейчас испеку блинцы, а то вдруг завтра пропсю, а?

— Пеки, пеки. Сами утром позавтракаете, да и я поем ради праздничка, — согласилась старушка, умиротворенно глядя на большой, тонкий круг теста. Она давно мечтала о домашней лапше, но сил уже не хватало, чтобы вот так красиво раскатать. Руки становились непослушными, вялыми. Она смотрела на Люсю, которая месила тесто для блинцов, и думала, что все-таки судьба милостива к ней: то рядом была дочь и во всем помогала, а как ушла без времени на тот свет, то рядом оказалась вот эта чужая, но такая внимательная, добрая женщина. И мусор вынесет, и на рынок сходит, а то когда и стирает. Да и просто словом приветит. Права она — внучку не дождешься. А куда деваться — родная кровь. Вот и приходится ждать и надеяться на лучшее.

Люся пекла блинцы и что-то веселое рассказывала, смеялась. А старая Лукерья сидела у стола, подперев голову руками и прикрыв глаза. Мысли ее гуляли по страницам прожитой жизни. Они то останавливались надолго, то перескакивали, не задерживаясь. Но вот она почувствовала прикосновение к руке и встрепенулась.

— Бабуля, ты что, задремала под мою болтовню? Пойдем ложиться спать. Я блинцов немного напекла, а завтра с работы приду пораньше и

перепеку остальные. Я и лапшу нарезала. На вот покушай, какие блинчики получились, — Люся подала старушке свернутый блинчик и показала рукой на свой стол, где на расстеленной скатерти сохла тонко нарезанная лапша.

Старушка взяла блинчик, осторожно развернула его и посмотрела на свет через многочисленные дырки в нем. Она поцокала языком, покачала головой и, довольно улыбаясь, произнесла:

— Надо же, как кружевной! Ну и мастерица ты: и лапшу нарезала тонкой паутинкой.

— Да я же у тебя научилась, бабуля, — заулыбалась довольная Люся.

— И-и, куда мне, я уже ничего не могу делать, — грустно проговорила старая Лукерья.

— Это сейчас ты просто устала. А раньше все общежитие восхищалось твоей стряпней и училось у тебя. Пойдем, пойдем, я тебя уложу, — Люся повела старушку из кухни.

Ночью Лукерья не спала: она ворочалась с боку на бок, потом встала, выпила сердечное лекарство, посидела у стола, поглядывая на платяной шкаф. И все же, не выдержав, она подошла к нему, открыла дверцу и стала перебирать вещи, лежащие там.

С верхней полки старушка достала свой смертный узел, развернула и перебрала все его содержимое. Каждую вещичку она бережно развешивала, разглаживала своими старыми сморщенными руками с узловатыми скрюченными пальцами. Все пересмотрела, аккуратно сложила и стала рассматривать на свет связанные шерстяные тапочки. Но все было в порядке, моль не тронула их и она, облегченно вздохнув, завязала узел и положила на стул рядом со шкафом.

Затем старушка взяла маленький узелок, также развязала его и перебрала лежащие там бусы, сережки, перстеньки. Вот она приложила к себе бусы, посмотрела в зеркало и тихонько засмеялась, вспоминая что-то веселое. Она осторожно связала узелок крест-накрест и положила его на большой узел.

Из другого отделения Лукерья достала новое шерстяное жаккардовое одеяло, расстелила его на койку, помяла руками пушистый ворс, перевернула на другую сторону, сложила и водрузила на большую подушку. Туда же положила два комплекта постельного белья и сверху поместила маленький узелок с украшениями. Глядя на эту образовавшуюся гору вещей, старушка облегченно вздохнула, подошла к окну и посмотрела на улицу — там чуть-чуть начинало светать. Небо было чистым, безоблачным. Ее старинные настенные ходики давно вышли из строя, а новые часы она не хотела покупать — зачем тратить деньги, когда днем по радио можно узнать время, а ночью они и совсем ни к чему. Она услышала шаги в коридоре и заспешила на кухню. Там у плиты стояла Люся. Увидев старушку, удивилась:

— Ты что это, баба Луша, ни свет, ни заря вскочила? Праздник же сегодня. Спала бы себе и спала.

— Что-то не спалось мне. Ты не греми кастрюлями, а накорми своими блинцами. А сейчас пойдем ко мне, я тебе кое-чего дам.

В комнате она показала на сложенные вещи и решительно махнула рукой:

— Забери все это к себе!

— Это еще зачем?! — удивилась Люся.

— А я не тебе даю, а Веруньке в приданое. У нее бабушки нет, пода-

рить некому. А это от меня на память. Может, когда могилку мою обиходит. Давай, забирай, забирай и иди, корми своих домочадцев, а то на работу не успеешь.

— Чудная ты сегодня, — засмеялась Люся, смущенная таким дорогим подарком. — Чего ты торопишься? Сама на свадьбе и подаришь.

— Нет, Люся, не дотяну я. Ты вот узел мой положи на полку, чтобы знала, где он лежит.

— Да ты что, помирать собралась? — встревожилась Люся. — Тебе что, плохо живется? В тепле, худо-бедно накормлена. Привыкла я к тебе, баба Луша. У меня же никакой родни нет. Поживи ты подольше. Ты же никому не мешаешь. До ста лет, а, бабуля?

— И-и, до ста — вот сказанула! А хоронить-то меня кто будет — все постареют чай, — развеселилась старая Лукерья. — Ты, видно, девка, с голодухи такое брякнула. Давай-ка, забирай приданое и иди завтракай, а то опоздаешь.

Люся вышла, а старушка подошла к окну и долго смотрела на парадку: а вдруг Полинка перед работой забежит и поздравит с праздником и с днем рождения — ведь ей сегодня исполнилось девяносто годков! Никогда она не отмечала их, эти дни рождения, но так захотелось, чтобы кто-то поздравил — ей и надо-то лишь одно доброе слово.

Почти весь день старушка провела у окна: то подходила к нему и долго стояла там, то отходила. Но какая-то неведомая сила вновь тянула ее к окну. А вечером она вышла на улицу. На ней был новый яркий халат, пестрый платочек, теплая шерстяная кофта и черные, с белой опушкой, тапочки. Женщины, вышедшие выносить мусор, пошутили:

— Бабуля, ты как на именины нарядилась.

— Так не вам же одним отмечать, — отшутилась старушка.

Женщины переглянулись между собой и, высыпав мусор, быстро скрылись в здании.

А старушка долго еще стояла на площадке у входа, подслеповато глядя на угол здания, откуда должна была появиться Полинка. Она все тяжелее опиралась на палку и чаще переминалась с ноги на ногу, но, так и не дождавшись, пошла домой. Она медленно поднялась на свой второй этаж и у самой лестницы почти столкнулась с Люсей. Та нежно обняла ее и с упреком сказала:

— Ты что же это, старая, скрываешь, что у тебя день рождения? Пойдем на кухню, там тебя сюрприз ждет.

— Какой сюрприз? — заволновалась старушка.

— Пойдем, пойдем, там увидишь, — улыбаясь, Люся вела ее по коридору.

Войдя в кухню, старушка остановилась от неожиданности: все три стола были сдвинуты на середину, накрыты белой скатертью. В самом центре стола красовался букет цветов. А за столом сидели все три семьи, пользующиеся этой кухней. Ее стали поздравлять, усаживать за стол. За разговорами и песнями не заметили, как стемнело. Старая Лукерья даже забыла о своем ожидании внучки. Растроганная таким вниманием и заботой, она пришла в свою комнату умиротворенная и еще около часа просидела с Люсей, которая расспрашивала ее о прошлой жизни. Впервые за свою жизнь Лукерья спокойно вспоминала и легко рассказывала обо всем и была рада такой доброй и благодарной слушательнице. И еще она радовалась тому, что в ней появилась уверенность и надежда, что в беде ее не оставят, да и схоронить помогут, и помянут по-человечески. А что еще

надо старому человеку, до конца прошедшему свой жизненный путь? Проходить на своих ногах, а не лежать прикованной к постели, и умереть легко, спокойно, и на людях, чтобы брэнное тело твое не испортилось, не истлело здесь, на земле не схороненное. Это единственное, о чем она мечтала в последнее время. Именно боязнь умереть в одиночестве заставляла ее так неистово ждать Полинку. А сейчас страх прошел, исчез.

Ночью Лукерье спалось легко и спокойно. Утром она встала позже обычного. Она подошла к окну, раздернула штору и улыбнулась светящему солнцу и голубю, воркующему на карнизе окна. Посмотрев вниз на дорожку, она увидела Полину с мужем и дочкой — они приветственно махали ей рукой. Старушка засуетилась, заспешила к двери навстречу к ним.

Александра Николаевна Николаева родилась в городе Тамбове. Поэт, прозаик, переводчик. Публиковалась в центральных и региональных периодических изданиях, коллективных сборниках. Автор трех книг стихотворений, поэм и переводов. В настоящее время работает старшим корректором в редакции научного журнала «Вестник Тамбовского государственного университета» при издательстве ТГУ имени Г.Р. Державина. Член Союза писателей России.

Александра Николаева

МАТЕРЬ ЖИЗНИ

* * *

В зеркале речных тягучих вод
Ночь встает серебряно-тугая.
Смуглая мордовка запоет,
Смоляные косы расплетая.

Пляшут искры в жертвенном костре,
Прославляя Анге — мать жизни,
Чтобы меч стальной в бою горел,
Крепкий мед бурлил на пышной тризне.

До чего неистовая ночь!
До чего же огненные звезды!
Жениха я вымолю и дочь —
Солнце и луну — у ночи грозной.

И для дочки люльку я сплету
Из ветвей высокой тонкой ивы.
Анге ей подарит красоту,
Звезды ей нашепчут сон счастливый.

Сохрани же, Анге, ты мой дом
От набегов половцев поганых...
Льется ночь над жертвенным костром,
Тихою рекой и степью пряной.

* * *

Белый храм в ожерелье резных фонарей,
Грай вороний над каменным
русским раздольем.
Здесь венчали на царство московских царей
Мономаховой шапкой с опушкой собольей.

Золотым куполам до скончания лет
Осенять в багрянице кремлевские стены.
Здесь молитву творил патриарх Филарет,
Возвратившись в отчизну из польского плена.

И, склонившись до рыжей пожухлой земли,
Входит скорбная осень в ликующий город,
Будто в тяжких оковах на казнь привезли
Пугачева Емельку — злодея и вора.

Не от снега седая ее голова,
Не забыть древним улицам — сестрам и братьям,
Как звенела, горела, страдала Москва,
Непокорная наполеоновой рати.

Не забыть ни парадов, ни пышных балов,
Вихрей вальса и вихрей восстаний кровавых...
Ты царица, волшебница, мать городов
Неумолчных побед, нескончаемой славы!

* * *

Посвящается моей племяннице Маше

Под высоким дубом во дворе
Девочка взлетает на качелях.
Нам с тобой подарена неделя
В этой летней сказочной поре.

Целых семь неповторимых дней
Так малы в уютном мире детства!
На плечо положишь щечку мне —
От печали нет целебней средства.

Ласковая звездочка моя,
Мамы с папой рыжая шалунья,
Храбрая принцесса, в полнолуние
Мчащаяся в дальние края

На гнедом и резвом скакуне
Бить крылатых огненных драконов...
Утром улыбаешься во сне
Солнцем на резной макушке клена.

С ним одним в неистовой игре
Синева на юный город льется.
...Девочка взлетает и смеется
Под высоким дубом во дворе.

Геннадий Иванович Шеховцов родился в 1957 году в селе Нижнее Шеховцово Курской области. Окончил Тамбовский институт химического машиностроения. Работал инженером. Публиковался в региональных периодических изданиях. Автор шести поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Геннадий Шеховцов

КОГДА ЛУНА КУПАЛАСЬ В СОННОЙ ЦНЕ

РОДНИКОВАЯ РУСЬ

В самом сердце России,
Как бесценный тайник,
Отыщу самый синий,
Самый чистый родник.

Где спускаются ветки
Полушалком до плеч,
Там звенит, как монетки,
Бирюзовая речь.

Перед ним на коленях,
Словно в храме молюсь,
И дает исцеленье
Родниковая Русь.

Я твой голос, бывает,
Слышу где-то вдали,
Будто сердце считает
Пульс родимой земли.

Помню, с детской ватагой
Я родник находил,
И прохладная влага
Придавала мне сил.

И губами касался
Я воды как «живой»,

И опять возрождался
Дух ослабленный мой.

Знать, мне дарит в награду
Светлоокая Русь
Родниковую радость,
Родниковую грусть.

* * *

Ты лишь одна у каждого на свете,
Мне о тебе шептал прохладный ветер,
Когда луна купалась в сонной Цне,
Когда сирень вздыхала в тишине.

Ты в парке, что над речкою влюбленно
Склонил дубы могучие и клены,
Ты в полуночной песне соловья
Единственная, милая моя!

Ты в детском смехе радостном и чистом,
Ты в сумерках и в утре золотистом,
Ты в синем небе, в белых облаках,
Ты в материнских ласковых руках,

Ты в пенье птиц в высоком поднебесье,
Ты в чаще леса, в светлом мелколесье,
Ты в ниве, что, колосьями звеня,
Рождает песню в сердце у меня.

С тобою рядом солнце ярче светит,
Люблю в снегу тебя и в ярком цвете,
Люблю твои просторные поля,
Родная и любимая земля!

Ты лишь одна у каждого на свете,
Мне о тебе шептал прохладный ветер,
Когда луна купалась в спящей Цне,
Склонилась тихо Родина ко мне.

Александр Михайлович Макаров родился в 1946 году в селе Еремеево Старо-журьевского района Тамбовской области. Служил на Северном флоте. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал плотником, библиотекарем. Печатался в журналах «Подъём», «Наш современник», не раз был лауреатом премий этих журналов. Автор многих книг стихов. Лауреат областной премии имени Е.А. Боратынского. Член Союза писателей России.

Александр Макаров

«ТЫ РАНЬШЕ ВЕРБОЮ БЫЛА...»

* * *

...И глаза у цветов угасают.

Э. Роттердамский

Роттердамский сказал, есть глаза у цветов.
Я поверил, поскольку был верить готов,
Потому что смотрел на меня гладиолус.
Но глаза угасают, — поэт продолжал.
И когда первый лист на ветру задрожал,
«Я не верю, не верю», — услышал я голос.

А цветы удивленно смотрели в глаза,
Когда осень, как старость, вступила в леса.
«Я не верю, не верю», — кричал понапрасну
Самый юный и глупый в семействе дроздов.
А поэт продолжал, что глаза у цветов,
Когда осень приходит со старостью, —
гаснут.

Жизнь прекрасна, но есть и осенние дни,
И поэму о старости пишут они.
И я верить готов, повторяя дословно:
«И глаза у цветов угасают...» Поэт,
Он один только знает, что это не бред,
Понимая, что путь у метафор — условный.

* * *

Я ушел, окликая убежавшие дни.
Там зарницы сверкали и шептали: «Взгляни...»
За деревнею милой песню пел соловей.
Он сидел над могилой в колыбели ветвей.
Над равниною коршун нес зайчонка в когтях.
И я чувствовал кожей боль большую и страх.
Разглядел я в пространстве прошлый день невзначай.
И сказал ему: «Здравствуй!» Он ответил: «Прощай!»
Я ушел на рассвете. Босиком, без пальто.
И никто не заметил. Будто был я никто...

— Как дела? — я спросил. Он ответил мне: «Плохо...»
Я не мог удержаться от грустного вздоха,
И вослед ему долго с печалью смотрел.
Появились в душе незнакомые мысли.
Будто рухнули в бездны веселые выси.
Загрустилось. А я ведь грустить не хотел.

— Как дела? — я спросил человека другого.
Он ответил: «Прекрасно!..» Хорошее слово
Добрый светом согрело меня изнутри.
Понимаю, что мир, он и хмурый, и ясный.
Ну а жизнь, даже грустная, все же прекрасна.
Не печалься. А если есть слезы — утри...

* * *

Ты хрупкая. Тщедушный, хмурый рок
Тебя порвет. Ты для него — не знамя.
А опыт повседневных бед — не впрок.
Живем себе. Но мы себя не знаем.
Скажу: ты раньше вербою была.
Ты радовалась солнцу, в небо глядя.
В веках ты женский облик приняла,
Сменила имя. Стала зваться — Надя.
Я, вероятно, раньше был вязком.
Лицо, как лист осенний, стало желтым.
И если верить памяти — знаком
С объятьем ветра — нежным и тяжелым.
Душой поймешь, но как постичь умом,
Когда на свет из тьмы незнанья выйдешь,
Вот этот человек, он был холмом,
Из-за холма простора не увидишь.
Холмы, гнедые крупы темноты,
Гробницы крика треснувшей оглобли,
Приобретают новые черты,
Земля их воплощает в новый облик.
Кто были мы? Кем будем через час?
Себя мы не узнаем. Не желая
Вбирать в себя и пот, и кровь, и грязь,
Как может лишь одна земля живая.

Михаил Анатольевич Гришин родился в 1959 году в селе Саюкино Рассказовского района Тамбовской области. Окончил Тамбовский железнодорожный техникум. Литературным творчеством увлекается с середины 1970-х годов. Автор многих книг прозы, издававшихся в Тамбове и Москве. Лауреат международного конкурса детской книги им. А. Толстого. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Михаил Гришин

МЕДВЕДЬ ПО КЛИЧКЕ ЗАПЛАТКА,

или

Новые приключения Витьки Картошкина и его верной команды

Повесть

1

В том, что работа дрессировщика сильно опасная, Витька убедился лично. Как-то гостил в их городке приезжий цирк, и во время представления прямо у Витьки на глазах тигр напал на дрессировщика. Общими усилиями самого дрессировщика и его помощников тигра с трудом удалось загнать в клетку. Хотя серьезного урона полосатый зверь причинить не успел, дрессировщик дальше выступать наотрез отказался и в расстроенных чувствах в тот же день покинул несчастливый для него Зареченск.

Но самым злым, как, оказалось, считается совсем не тигр, а кто бы мог подумать — медведь. Это только с виду они такие добродушные, а на самом деле очень коварные, как бы себе на уме. Поэтому их все время и держат в крепких намордниках от греха подальше. Конечно, кое-что

Витька знал о медвежьих повадках из школьной программы, но такое ему приходилось слышать впервые. А главное, Витька и представить себе не мог, что ему самому однажды придется иметь дело с настоящим медведем.

В тот день Витьке пришла мысль отправиться в одиночное кругосветное путешествие вокруг родного Зареченска. Много у Витьки было там любимых мест, по всем он соскучился. Раньше побывать там как-то не доходили руки, потому что все время находились неотложные дела, то да се...

Имелась и еще одна веская причина: на день рождения родители подарили велосипед, и следовало незамедлительно испытать его в действии. Оно если честно рассудить, родителям давно пора было расстараться и купить ему велосипед. А то у всех есть: и у вертлявой Люськи, и у задохлика Вовчика, и даже у Пельменя. Он хотя и лучший друг считается, но, если сказать по правде, какой из толстого и ленивого Пельменя ездок? Он на уроке физкультуры шестьдесят метров толком пробежать не может, а тут все же техника, здесь с умом надо педали крутить, а не абы как. Иначе сразу запыхаешься и к дальней дороге будешь не готов. Что, впрочем, частенько с Пельменем случается и его приходится брать на буксир. Для этого у Витьки даже специальная капроновая веревочка припасена. А еще большим скоплением людей на природу нельзя выезжать из-за того, что от них много шума. А на природе надо вести себя тихо, чтобы все слышать и видеть. А с ними разве что увидишь? Один дуралей Пельмень разорется так, что у всех уши начинают вянуть. А уж про разных птиц и зверей и говорить нечего — сразу улетят или разбегутся.

Но это так, к слову. А вообще Витька на своих друзей не в обиде, лучше них никого на свете нет.

Так Витька размышлял и в то же время наслаждался тишиной, катая на новеньком велосипеде по лесной тропинке. Правда, эта тишина была особенная — разногласие пели невидимые в кроне деревьев птицы, где-то далеко-далеко одиноко куковала кукушка, методично стучал дятел, а в одном месте Витьке дорогу перебежала лисица. Хорошо в лесу, просто замечательно! Прямо сам собой оздоравлиешься, потому что ничего для этого делать не надо — просто дыши глубже и все.

Тут и услышал Витька рык, похожий на медвежий. От неожиданности вздрогнув, он даже забыл, что на руле имеется специальная ручка для торможения, и затормозил обыкновенно — ногами. Прислушался, вертя головой в разные стороны, изо всех сил напрягая слух. И опять услышал короткий рык. Раньше Витьке никогда не приходилось слышать медвежьего рыка, если не считать, конечно, телевизионной передачи про зверей. Чтобы удостовериться, что не ошибся, а заодно поглядеть на живого медведя в дикой природе, как, например, знаменитый исследователь Миклухо-Маклай наблюдал за папуасами на острове Пасха, Витька решил провести разведку. Конечно, он слегка переживал, что медведь может не разобраться, для чего он сюда пожаловал, и напасть. Но Витька надеялся, что летом они сыты и все обойдется.

Он прислонил велосипед к дереву, несколько раз глубоко вдохнул, проделал парочку гимнастических упражнений для успокоивания нервов, одновременно набираясь храбрости, и осторожно двинулся вперед. Стараясь ничем не выдать себя, от кустика к кусту, где скрываясь в высоком папоротнике, где по-пластунски, он незаметно подобрался к месту, откуда, по его расчетам, и исходил рык. Когда Витька выглянул в про-

свет между резными листьями боярышника, его глазам открылась удивительная картина: на поляне располагался самый настоящий зоопарк. Каких только зверей в клетках не было! Тут тебе содержались и лисицы, и еноты, и зайцы, и барсуки, и белки, и кабаны, и лоси, и волки и даже один бурый медведь каким-то образом затесался в их компанию. Правда, все звери выглядели уж как-то... подозрительно больными. Можно сказать, выглядели совсем ужасно — облезлые, тощие, настоящие дохляки.

Между клеток сновали какие-то люди с озабоченными лицами в синих, забрызганных кровью комбинезонах. Ошибочно приняв их за ветеринаров, Витька собрался выйти из укрытия и хорошенько расспросить знающих людей о странной болезни, постигшей бедных животных.

Но тут появился дядька угрюмого вида, ведя на цепи огромного волкодава. Пес с налитыми кровью глазами страшно злобствовал и рвался с цепи. Дядька еле его сдерживал, упираясь двумя ногами в землю.

Витька точно знал, как называется эта порода: недавно сам видел у Вовчика в книге под названием «Собаководство» фотографию и вычитал, что собаки этой породы особенно злобные. А этот вдобавок оказывается еще и бешеный, вон у него как обильно текут слюни. На всякий случай Витька решил переждать в засаде. И правильно сделал. Потому что скоро увидел такое, отчего у всех нормальных людей волосы дыбом поднимаются.

— Вареный! — крикнул угрюмый дядька кому-то: — Открывай вольер, притравку начинаем.

Откуда-то из-за клеток появился другой дядька, сутулый и в резиновых сапогах.

— Нормалек, Палач, — отозвался он веселым голосом и деловитой походкой направился к вольеру, где находился медведь.

— Еще раз палачом обзовешь, — процедил сквозь зубы угрюмый, — я из тебя самого притравку сделаю.

— Уж и пошутить нельзя, — беспечно ответил Вареный и распахнул калитку вольера. — Запускай.

Палач подвел волкодава к вольеру и спустил с цепи. Озверевший пес с ходу набросился на медведя.

Тотчас вокруг столпились возбужденные зрители в камуфляже. По облику Витька без труда определил в них охотников. Среди мужчин были даже несколько женщин. Может быть, сами любительницы охотиться на беззащитных животных, а может быть, просто жены охотников.

Вареный оглядел всех глазами, горевшими хищным огнем, и кровавадно потер руки в предвкушении.

— Ох, и потеха сейчас будет!

«Вон оно что!» — сразу смекнул Витька, вспомнив когда-то услышанное о том, что существуют так называемые испытательно-тренировочные станции, на которых тренируют собак: чтобы не сплеховать на охоте, собаки должны почуять запах свежей крови.

Витька, далекий от охотничьих премудростей, крупно ошибся, когда подумал, что огромный медведь быстро расправится с волкодавом. На самом деле оказалось, что медведь с самого начала был поставлен с волкодавом в неравные условия: он бегал на цепи вдоль короткого троса и достать обидчика никак не мог. Тут не только Витька, но и любой непосвященный мог догадаться, для чего это делалось. А делалось это для того, чтобы медведь не изувечил ценную собаку. Бедному мишке только и оставалось что уворачивать свои тощие бока от разъяренного волкодава.

— Ату его! — страшными голосами ревели кровожадные зрители. — Ату!

Когда волкодав вырвал из бока медведя здоровенный кусище мяса, и брызнула кровь на два метра, Витька в ужасе попятился. Не сводя вытаращенных глаз с кровоточащей раны, он медленно отступал и отступал, пока не опрокинулся на спину. Тогда Витька быстро перевернулся, какое-то время полз на коленках, скуля по-щенячьи, потом вскочил на ноги и, не разбирая дороги, ломая кусты, понесся к велосипеду.

— Убийцы! — выкрикивал он, глотая слезы, как последняя девчонка и даже хуже. Но сейчас ему было ничуть не стыдно за свою мимолетную слабость. — Самих вас, гадов, заставить надо залезть в шкуру медведя и напустить на вас всех собак на свете. Чтобы знали, как бывает больно, когда собачьи клыки рвут ваше тело на части. Это глупо, глупо тренировать собак таким образом...

Он добежал до дерева с прислоненным к нему велосипедом, подхватил велосипед и спешно вывел на тропинку. Там он запрыгнул в седло и быстро-быстро заработал ногами. Время от времени Витька оглядывался и еще сильнее налегал на педали, будто за ним гнались.

2

Во дворе Витькиного дома на лавочке сидели Люська, Вовчик, Пельмень и гадали, куда мог подеваться их доблестный командир. Предположений на этот счет было высказано великое множество, от самых, казалось бы, обыденных до экзотических. И даже фантастических.

— Пока Картоха нас поджидал, — высказал свою мысль необразованный Пельмень, — его похитили инопланетяне.

— Днем у инопланетян нет привычки воровать землян, — с ходу отмел его несуразную мысль сильно начитанный Вовчик.

— Да и вообще не такой Витя человек, чтобы поддаться каким-то там инопланетянам, — пренебрежительно скривилась Люська.

Пельмень страшно удивился:

— Это кто же его спрашивать будет? Накинут сверху металлическую сеть, и будь здоров... ты уже в космическом корабле. Глядишь себе в иллюминатор и только диву даешься, как быстро уменьшается земной шар.

Вовчик, до глубины души задетый тем, что ленивый Пельмень, не прочитавший не только ни одной книжки в жизни, но даже не дочитавший до конца ни одного учебника, так легкомысленно рассуждает про инопланетян, возмутился.

— Ничего не знаешь про инопланетян, — выкрикнул Вовчик, — и не спорь тогда лучше.

Пельмень, известный спорщик, ухмыльнулся:

— А чего тут спорить! Я и так знаю, что Картоха у инопланетян. Даже если они его и не своровали, он все равно сам к ним напросится. Уж такой у него характер. Что, не правда, скажешь?

На что Вовчик резонно возразил:

— Этак к ним любой может примазаться. А какой им интерес всех подряд брать с собой? Никакого нет интереса. Сказать, почему? Потому что для опытов подойдет не каждый экземплярчик, а только тот, в котором они крайнюю нужду испытывают...

Тут откуда ни возьмись, появился на велосипеде сам пропащий Вить-

ка и так резко затормозил перед скамейкой, что чуть не отдал все ноги. Но никто этого даже не заметил.

— Я говорила, что не такой он человек, чтобы поддаться инопланетянам, — обрадованно заявила Люська, — пускай и прибывшим с другой планеты!

Пельмень заулыбался во все свои толстые щеки и весело сказал:

— А мы думали, тебя инопланетяне похитили!

Не обращая внимания на его слова, лестные в другое время, Витька торопливо приказал:

— Хватит тут прохлаждаться. За мной, быстро!

Развернулся и покатил в дальний конец двора, где ржавела отжившая свое заброшенная карусель. Когда Люська, Вовчик и Пельмень подъехали, Витькин велосипед стоял на подножке, а его хозяин ходил взад-вперед, сам с собою разговаривал и размахивал руками, сжатыми в кулаки.

— Вить, с тобой все в порядке? — осторожно осведомилась Люська.

Витька не сразу ответил на ее слова, а продолжал ходить еще какое-то время. Потом замер на месте и уставился на них колючими глазами, так что им стало немного не по себе. Еще не было такого случая, чтобы Витька, известный своей простотой и незлопамятностью, глядел на своих друзей такими глазами. Под его взглядом Люська даже слегка поежилась, будто ей тотчас стало холодно.

— Вить, — жалобно спросила она, — что-нибудь случилось?

— Случилось! — рявкнул Витька. — Очень даже что случилось! — Он опять нервно заходил взад-вперед. — Помните ромашковую полянку за городом? Ну, там еще кривая сосна с березой росли, переплелись, будто родные сестры? Помните?

Все трое разом кивнули.

— Так вот, там сейчас находится притравочная станция, где натаскивают охотничьих собак. А в качестве подсадного зверя используют медведя и других диких животных. А чтобы они не поранили дорогостоящих собак, у этих самых подсадных животных удалены клыки и когти. А у волка между зубами вставлена деревяшка. А еще используют совсем маленьких лисят и зайчат.

Люська испуганно ойкнула и торопливо зажала рот ладонями.

Витька на нее покосился и продолжил:

— Барсуков, енотов и лис пускают в специально построенную деревянную нору и натравливают на них собак, которые, нагнав, рвут их зубами на части.

— Дураки какие-то, — дрогнувшим голосом сказал Вовчик, — измываться над беззащитными животными.

— На что у меня нервы крепкие, — признался Витька, — но и я чуть не заплакал, когда все это увидел.

Пельмень, любитель всяких намеков и подковырок, в этот раз сочувственно поддержал:

— Тут кто хочешь, заплачет, — и решительно заявил: — Это так оставлять нельзя.

— О чем я и толкую, — зло выпалил Витька. — Кое-кого надо как следует проучить.

— Проучим, — солидно отозвался толстый Пельмень и, видно, намекая на «черных копателей», которых в прошлом году они с Витькой и Вовчиком взяли в плен и сдали в полицию, добавил: — Нам не привыкать.

— И как вы их собираетесь проучить? — заинтересовалась Люська.

— А то сама не знаешь, как, — воинственно ответил Пельмень и показал при помощи жестов, что они сделают с теми, кто измывается над беззащитными животными.

— А не боитесь, что они сами вам... — Люська повторила его жесты.

— Это еще почему? — оторопел Пельмень.

— Потому что они взрослые, а вы еще подростки.

— И что с того? — не мог понять бестолковый Пельмень.

— А то, — язвительно ответила Люська. — У них силенок побольше вашего будет.

— Мы с пацанами Слона вон связали, — привел неоспоримый факт из своей жизни Пельмень. — И не одного, а с Пузырем. А они бандиты еще те. А о том, что они вооружены были, я даже и вспоминать не желаю.

— И все равно вы не справитесь, — настырно заявила въедливая девчонка. — Потому что тогда у вас имелось время на придумывание разных ловушек, а сейчас его нет. Пока вы будете думать, эти живодеры всех зверей искалечат. А то и умертвят.

— А и не надо ничего придумывать! — вдруг осенило Витьку. — Мы просто откроем все клетки и выпустим пленных зверей на волю. И все дела!

Пельмень, который имел привычку со всеми меряться силой, отчего не раз получал от старшеклассников строгое внушение в виде подзатыльников, пинков под зад и других не менее болезненных физических воздействий, запротестовал:

— Этак любой может поступить. Чего тут сложного? Надо чтобы было все обставлено так, как будто мы проводим военную спецоперацию. С бабаханьем петард, хлопушек, взрывпакетов...

— Не выдумывай, чего не следует, — осадил его суровым голосом Витька. — Нам дело серьезное предстоит, а тебе все бы играть.

Пельмень обидчиво раскатал свои губищи:

— Я хотел как лучше... А если вы не желаете, то я...

— Разговорчики! — закричал Витька так громко, что все вздрогнули. — Я сам знаю, что делать! Кто командир: я или вы?

Пельмень сразу прикусил свой болтливый язык, зная по личному опыту, что Витьку лучше не злить.

— Хорошо бы их самих в те клетки посадить, — подал голос Вовчик, который все это время молчал и о чем-то усиленно думал.

Миролюбивый Вовчик был противником скандалов, драк и других недостойных проявлений человеческой природы, поэтому все с удивлением на него воззрились.

— Там видно будет, — наконец буркнул Витька. — А сейчас нам надо торопиться, чтобы они и, правда, в своей живодерне всех зверей не растерзали.

Отважная четверка спешно оседлала велосипеды — они давно уже дожидались, чтобы помочь своим юным хозяевам сделать какое-нибудь полезное дело, и резко рванули с места. Подбадривая себя дикими воплями и улюлюканьем, ребята на скорости миновали детскую площадку с возившейся там безмозглой мелюзгой, которая ни сном, ни духом не ведала, на какое рискованное дело отправались их старшие земляки. Молнией промелькнули мимо подъездов с сидящими на скамейках старушками, которые даже не успели как следует их разглядеть, чтобы пожало-

ваться потом родителям на их опасную езду. Искусно лавируя между припаркованными в разных местах машинами, ловко перепрыгивая через низкие ограждения, ребята вскоре домчались до выезда со двора. Им осталось преодолеть какой-то десяток метров между деревьями и очутиться на улице, а уже по ней без препятствий домчатся до леса, в котором творилось безобразие, и которое срочно требовалось пресечь. Может стать, даже ценой собственной жизни. Потому что Палачу и его подручным, собственно, нет никакой разницы, на кого им собак натравливать: на безобидных животных или на ребят.

3

Тут им некстати повстречалась баба Нюра, Витькина соседка. Увидев ребят, баба Нюра всплеснула руками:

— Ой, ребятки, как хорошо, что я вас встретила! Просьба у меня к вам одна имеется, уж вы ради Бога не откажите старушке. Сыночек посылку мне прислал, который день на почте дожидается, а я что-то слаба стала, ноги совсем отказываются идти. Плетусь, как древняя черепаха. Мне бы посылочку к дому доставить.

Отказать пожилому уважаемому человеку ребятам не позволила совесть. Тем более баба Нюра слыла старушкой доброй, не сплетницей какой-нибудь и никогда про Витьку и его друзей плохих слухов во дворе не распускала, а наоборот: всегда их на людях нахваливала, так что им порой даже неудобно становилось.

— Вы, баб Нюра, не переживайте, — успокоил ее Витька, взглянув на расстроенное лицо старушки. — Мы вам мигом поможем. Доставим посылку в лучшем виде.

— Вот спасибо, — обрадовалась старушка. — А то я уж совсем не знала, что делать.

— А как же со зверями? — тихо спросил у него Пельмень.

— Думаешь, я сам не переживаю за них? — зашипел рассерженным гусаком Витька. — Только теперь ничего не поделать, придется им немного подождать. Сейчас быстренько посылку привезем и на всех парах помчимся туда.

Пельмень перевел хмурый взгляд на бабу Нюру, которая еле передвигала ноги.

— Что-то не похоже, чтоб мы быстро обернулись, — пробормотал он.

Витька и сам видел, что таким темпом ранее, чем через час до почты им ни за что не добраться. Однако повлиять на тихоходную старушку был не в силах. Они молча плелись за старушкой, ведя велосипеды в руках, и невольно прислушивались к ее тихому голосу.

— ...он у меня сыночек-то с малых лет был любитель строить всякие макеты кораблей, — делилась воспоминаниями баба Нюра. — Бывало принесет книгу, а там каких только кораблей нет... Вот он целыми днями и сидит дома за столом, все мастерит и мастерит... И ведь не прошло его увлечение даром — вначале поступил в мореходку, а потом взял, да и перевелся в военное училище. Говорит, буду Родину защищать. Сейчас мой Петенька капитан первого ранга, большой начальник... Сам президент ему орден за дальний поход вручил. Во как! И внук у меня растет, ваш ровесник, Митей зовут. От его имени и пришла посылка. А что в ней находится, прямо ума не приложу.

На почте баба Нюра пробыла еще целый час, пока ребята дожида-

лись ее на улице. Расположившись напротив почты в самых живописных позах, они держали совет, как заставить бабу Нюру шевелиться чуть быстрее. Потому что пока они тут прохлаждаются, на притравочной станции наверняка теперь кого-нибудь из животных растерзали собаки.

— Надо подвезти ее на велосипеде, — высказал замечательную мысль Вовчик.

— А что, я могу, — сразу согласился Пельмень. — У меня силища сами знаете, какая. Я не то, что захудалую бабу Нюру, а самого бегемота могу увезти хоть на край света. Так что даже и не найдете его никогда.

— А у тебя багажник есть? — поинтересовалась вредная Люська. — Был бы багажник, тогда другое дело. А у нас ни у кого багажников нет.

Это обстоятельство поставило заговорщиков в тупик, и они опять приуныли.

Наконец, в дверях появилась долгожданная баба Нюра, неловко неся посылку в охапку, как поленицу дров. Ребята вскочили и наперегонки кинулись ей на помощь. Витька принял посылку и сноровисто прикрепил ее на свой велосипед. Вот и для другой цели пригодилась капроновая веревочка, а не только буксировать толстого Пельменя.

Неожиданно даже для самого себя, и тем более для других, Витька сообразил:

— Баб Нюру, а вы на велосипеде умеете ездить?

Баба Нюра ничуть не удивилась заданному вопросу.

— Девчонкой, бывало, ездил, — улыбнулась она мечтательно. — А что б в возрасте ездить, нет, не приходилось...

— А вы попробуйте, — предложил Витька.

— Бог с тобой! — испугалась баба Нюра.

— А чего здесь такого, — схитрил Витька. — Отсюда и до дома.

— Вам, наверное, некогда? — быстро разгадала его замысел умудренная жизненным опытом старушка. — А я тут вас задерживаю?

— Что вы, — смутился Витька, внутренне сетуя, что дал слабину — нет, чтобы по-честному признаться, а он только еще больше запутывает срочные дела.

— Ай и вправду мне попробовать? — вдруг надумала баба Нюра, а, скорее всего, над ними просто сжалившись. — Неужели я хуже других. А, ребятки?

Пельмень, Вовчик и Люська ее дружно поддержали:

— Конечно, надо попробовать! Пускай вам все завидуют, — старенькая, а вон как на велике рассекает!

Не обращая внимания на зевак, которых тотчас набралась вокруг целая толпа, хоть их никто сюда и не приглашал, бедовая старушка подобрала юбку и взгромоздилась на велосипед, который ей услужливо подкатил Пельмень.

— Поехали! — весело скомандовала она, крепко вцепившись в руль. — Где наша не пропадала!

Баба Нюра оттолкнулась, и неуверенно покатила в сторону дома, поддерживаемая с двух сторон Витькой и Пельменем. Позади налегке ехали Люська и Вовчик. Слабосильный Вовчик одной рукой рулил, а в другой держал Витькин велосипед, катя его рядом с собой. Он все время вилял из стороны в сторону, отчего все прохожие от него шаркались.

На всем пути горожане, чуть завидя их, остолбенело замирали на месте и ошалелыми глазами долго провожали небывалую процессию.

Довольно скоро баба Нюра в почетном сопровождении эскорта была доставлена до самого порога.

— С доставкой на дом, — пошутила она.

Но не обошлось и без маленького эксцесса: в самый неподходящий момент из соседнего подъезда вдруг вышла их общая с Витькой знакомая.

Увидев бабу Нюру на велосипеде да еще с растрепанными седыми волосами, она осуждающе покачала головой и подковырнула:

— Анна Васильевна, вы никак велосипед себе на старости лет приобрели?

Баба Нюра заговорщицки подмигнула своим провожатым и самым беззаботным голосом ответила:

— Да вот ребятки покатаются на недельку одолжили, чтобы я в форме себя держала. Говорят, это сильно года продлевает.

Знакомая, которая была поперек себя шире, приняв слова на свой счет, скорбно поджав губы, удалилась.

Посылку в квартиру вызвался доставить Пельмень, кичившийся своим отменным богатырским здоровьем. Хотя на самом деле его необъятные габариты никакого отношения к здоровью не имели.

— Сейчас я моментально обернусь туда-сюда, — заявил он громко, чтобы услышала баба Нюра и торопливым шепотом для своих добавил: — А потом мы скорее отправимся в лес. Чую, что без нас там зверям устроили совсем невыносимую жизнь.

Он взвалил посылку на плечо, как делают грузчики, и, пыхтя как паровоз, тяжело ступая, отправился наверх по ступенькам.

— А вы что ж, аль не зайдете? — обратилась баба Нюра к остальным, видя, что никто из них не тронулся с места.

— У нас еще кое-какие дела имеются, — отказался за всех Витька, переживая, что они и без того сильно задержались.

Баба Нюра оказалась с понятием и настаивать не стала, только сказала:

— Тогда заходите, когда будет свободное время. Я всегда вам буду рада.

Видно, в душе она все-таки очень горевала, что не смогла как должно отблагодарить своих неожиданных помощников.

— Зайдем, — пообещал Витька.

И баба Нюра заторопилась за Пельменем, поминутно подавая ему ценные советы:

— Ты, Коленька, осторожнее, здесь ступенька выщербнута, еще, не приведи Господи, ногу подвернешь. А здесь гвоздик торчит, еще поцарапаешься. А то, не ровен час, и одежду порвешь.

Когда их голоса стихли, Витька, Вовчик и Люська начали уточнять план предстоящей операции.

— Самое главное, — предупредил их Витька, — беспрекословное подчинение мне, как своему непосредственному командиру. Никаких самовольностей я категорически не потреплю. А то я вас знаю. Тут дело серьезное, а не игра какая-нибудь, как кое-кто тут думает, — по всему видно, имея в виду своего бестолкового дружка Пельменя.

Военный совет уже завершился, получив полное одобрение со стороны собравшихся, а Пельменя все не было и не было. Когда ребята окончательно потеряли терпение и собрались уехать без него, на балкон вышел Пельмень. В руках он держал закрученную спиралью морскую раковину. Пельмень поднес ее к губам и вдруг затрубил, будто в горн, огла-

сив окрестности протяжным приятным звуком. Потом он поглядел вниз и важно удалился, не проронив ни слова.

Сухопутный Зареченск никогда не числился приморским городком, а только возле него протекала мелководная речка Цна, в которой водились обыкновенные двустворчатые ракушки. В них даже жемчуг никогда не попадался, сколько ребята не пробовали его разыскать. Поэтому все сильно остолбенели, увидев столь удивительную раковину. Переглянувшись, ребята быстро забыли про свои велосипеды и, не сговариваясь, ломанули к подъезду, наперегонки понеслись вверх, перепрыгивая сразу через несколько ступенек.

— Ну-ка покажи, — с ходу потребовал Витька, когда компания ворвалась в квартиру.

Но Пельмень, видно, и сам еще не успел вволю надудеться, и ни за что не хотел расставаться с такой замечательной раковиной. Чтобы не устраивать тарарам в чужой квартире, Витьке пришлось пообещать отдать прижимистому Пельменю одну штучку, которую он давно у него выпрашивал, рассчитывая разобраться с ним позднее, когда не будет видеть баба Нюра. Но и тогда Пельмень еще долго колебался, как видно, собираясь раковину присвоить, пока Витька не озлился и сам не отобрал.

4

С раковиной в руках Витька, как давеча Пельмень, вышел на балкон и с замиранием сердца затрубил на весь двор. Потом Витька (хоть ему вовсе и не хотелось расставаться с раковиной), под ехидным взглядом Пельменя, с нарочитой бодростью передал раковину Люське. Чтоб Пельмень не подумал, что он такой же крохобор, как и он. Затем Люська передала раковину Вовчику. По очереди подудев, компания с неохотой вернулась в квартиру.

Ясное дело, что они и еще бы подудели в свое удовольствие, но надо и совесть знать, потому что бабе Нюре, наверное, тоже хочется подудеть, и она ждет не дождется, когда они покинут ее гостеприимный дом. Небось, уже думает, что не успел ее внук прислать ей такую интересную раковину, а тут вот приперлись и начали ее всюю эксплуатировать — так недолго и сломать. Но не отнимать же у них, все-таки помогали до дома доставить посылку с этой самой раковиной.

Тем временем Пельмень, с которого обида давно сошла, горячо рассказывал, желая поразить друзей своей осведомленностью:

— Раковина — это еще не все! Здесь макетов кораблей великое множество, штук сто! Все баб Нюрин сын делал, когда еще в школе учился! Вон они стоят!

Действительно, в старинном серванте за стеклом находились макеты всевозможных кораблей: шлюпы, крейсера, подводные лодки, пиратские парусники и другие корабли, название которых никто не знал. На стенах висели карты, вдоль и поперек расчерченные красным карандашом.

— Это тоже он рисовал, маршрут себе прокладывал, чтобы отправиться в морское путешествие, — разъяснил Пельмень, улыбаясь во весь свой лягушачий рот; Баба Нюра говорила, что тогда его уже под Новороссийском сняли с поезда. Видать, тот еще пацан был.

Витька, Люська и Вовчик тоже засмеялись, восхищенные отчаянным поступком баб Нюрино сына, который в то время был их ровесником. Пока они с восторженными лицами рассматривали корабли, карты и дру-

гие не менее примечательные документы, которые поспособствовали становлению будущего капитана первого ранга, баба Нюра накрыла стол.

— Сейчас будем пить чай с пирожками, — сказала она. — Всех попрошу за стол.

— Нам некогда, — быстро проговорил Витька.

— Вы уж меня не обижайте, — умоляюще прижала руки к груди баба Нюра.

Чтобы не обидеть своим отказом гостеприимную старушку, пришлось опять согласиться.

— Вот и хорошо, — обрадовалась баба Нюра. — Сейчас чаю попьете и пойдете себе на здоровьице. Чай настоящий, цейлонский, мне его сынок прислал, когда с дружественным визитом его кораблю пришлось на том острове побывать.

— А слонов он там видел? — невнятно спросил Пельмень, который уже уплетал за обе щеки.

— Не пойму, — покачала головой баба Нюра.

— Он спрашивает, слонов ваш сын видел? — пояснила Люська.

Баба Нюра всплеснула руками:

— Не только видел, но и катался на них.

Вовчик деликатно поинтересовался:

— Бабушка, а у вас фотографий нет? Что-то мне охота на живых слонов взглянуть.

Оказалось, что взглянуть на живых слонов захотелось всем, тем более что верхом на них сфотографирован не какой-то посторонний человек, а свой земляк.

— У меня этих фотографий целый альбом, — сказала баба Нюра и ушла в другую комнату. Скоро она вернулась, неся двумя руками толстенный альбом.

— Ничего себе, альбомчик! — даже приподнялся Вовчик.

— Вы кушайте, кушайте, — сказала сердобольная баба Нюра, видя, что они перестали есть. — А альбом еще успеете поглядеть. Никуда он не денется.

Не сводя глаз с альбома, все принялись дружно жевать. Когда тарелка с пирожками опустела, щедрая баба Нюра предложила:

— Может быть, еще вам пирожков подложить?

— Нет, что вы! — перепугался тщедушный Вовчик, который с самого рождения имел довольно плохой аппетит, а сейчас ел только из-за того, чтобы побыстрее взглянуть на слонов, а если повезет — и на обезьян, которых, по его сведениям, на острове водилось несметное число. — У меня и так живот вот-вот лопнет.

Остальные тоже отказались. Ну, может быть, если только проглот Пельмень еще не наелся, но Витька исподтишка показал ему кулак, и тот отчаянно замотал головой.

— Не, больше в нас не влезет. У меня и без того живот стал тугой, как барабан, — заявил он и, чтобы у бабы Нюры не осталось никаких сомнений на этот счет, постучал себя кулаком по животу, глядя на Витьку преданными глазами.

— Вот и хорошо, — сразу успокоилась хлебосольная баба Нюра. — Теперь на сытый желудок и альбом можно посмотреть.

Она раскрыла разложенный на столе альбом. Люська быстро подвинулась к ней и расположилась рядом, как барыня. Вовчик, на правах любителя слонов, расположился с другой стороны, а Витьке и Пельменю

досталось стоять за спиной бабы Нюры и, вытягивая шею, оттуда заглядывать в альбом с цветными фотографиями.

Когда все налюбовались слонами и обезьянами, с которыми, как выяснилось, тоже был сфотографирован дядя Петя и кое-кто из его команды, переключились на другие фотографии.

— Это мой Петенька в дальнем походе, — пояснила баба Нюра, указывая заскоруженым пальцем на синий океан с военным кораблем посредине, который был снят не иначе как с вертолета, а то, гляди, и с самого боевого самолета. На крошечном сверху корабле дяди Пети видно не было, потому что он, скорее всего, в это время находился на капитанском мостике, командуя вооруженным до зубов линкором. — А это Петенька почти что на Северном полюсе, в Северном Ледовитом океане. Видите, какие там льды? — Баба Нюра жалостливо шмыгнула носом.

— Да не переживайте вы так, — авторитетно заявил Витька. — Знаете, какие у нас мощные военные корабли? Они в любую стужу и в любую жару хоть куда доплывут. Даже на край света, если бы он был. Потому что непотопляемы!

— Так-то оно так, — не стала спорить с ним технически отсталая баба Нюра. — А все-таки боязно, чай он сынок мне, а не чужой.

— Он вам что, ребенок какой? — выступил в защиту дяди Пети Витька. — Он не кто-нибудь, а капитан первого ранга, у него самого в подчинении триста человек. А вы о нем тут как о ребенке рассуждаете?

Баба Нюра стало стыдно за свое малодушие, и она больше даже и не заикнулась о трудностях, которые на каждом шагу подстерегают ее любимого сына.

— Он когда в отпуск приедет? — заинтересованно спросил Вовчик.

— Кто ж его знает, — печально вздохнула баба Нюра. — Сама по нем соскучилась.

— А то мне надо с ним кое о чем потолковать, — пояснил Вовчик. — Поподробнее расспросить о его пребывании на Цейлоне, который, чтоб вы все знали, теперь не Цейлон называется, а Шри-Ланка. Уж больно мне интересно про слонов и обезьян узнать. Вы тогда сообщите мне, когда дядя Петя приедет, — дал строгий наказ Витька.

Баба Нюра согласно закивала:

— Конечно, сообщу, а как же иначе!

Тут громко заработали часы, как если бы на корабле пробили склянки. Все вздрогнули и поглядели на высокие напольные часы, которые находились в углу. По всему видно, это тоже был подарок капитана первого ранга. На круглом циферблате, выполненном в виде штурвала, стрелки указывали ровно шесть часов.

— Опаздываем, — запаниковал Витька. — Вы уж, баба Нюра, извините, некогда, дела кое-какие у нас еще обстоят. До свидания! Ребята, айда за мной!

Витька круто развернулся и, как угорелый понесся к выходу.

— Мы еще зайдем! — пообещал Пельмень, окинув ненасытными глазами пустой стол, и, немедля, рванул следом за ним.

— Спасибо! До свидания! — торопливо выкрикнули Вовчик с Люской и мгновенно исчезли из поля зрения бабы Нюры.

— Вот, непоседы, — со вздохом покачала она головой и в наступившей тишине одна продолжила рассматривать дорогие сердцу фотографии.

Очувтившись на улице, Витька незамедлительно подхватил свой велосипед, на ходу на него запрыгнул и понесся вдоль улицы с такой скорос-

тью, что на спине пузырем надулась рубаха. Пельмень тоже попытался на ходу заскочить, но велосипед под его тяжестью несколько раз вильнул. Пельмень не смог справиться с управлением, не удержался и грохнулся на землю, ободрав колено. Зато этот небольшой инцидент послужил для него хорошим напутствием: Пельмень, стоя, так налег на педали со всей своей дурью, что быстро нагнал Витьку. Через некоторое время их догнали и Вовчик с Люськой, которым также пришлось для этого приложить немало усилий.

— Про зверей совсем забыли! — орал на ходу Витька. — Они там погибают, а мы все никак с баб Нюрой расстаться не можем.

Витька говорил сущую правду, поэтому никаких оправдательных возражений со стороны его подчиненных не последовало.

Выжимая из своих велосипедов все, на что они были способны, ребята неслись по шоссе с предельной скоростью. Водители пронесившихся мимо машин весело сигналили, ошибочно принимая их за спортсменов. А может быть, думали, что они просто катаются для своего удовольствия. Никто из водителей и пассажиров даже и представить себе не могли, что никакие они не спортсмены и тем более не отдыхающие, а на самом деле отважные спасатели, которые мчатся на помощь диким животным, как Чип и Дейл, которые всегда спешат кому-нибудь на помощь. Только мультяшным героям до них — ох, как далеко! Потому что хомякам и не снилось, на какие подвиги способны неразлучные друзья.

5

Довольно скоро велосипедисты были на месте. Оно и неудивительно, если они развили скорость сто километров в час, а то и больше. Кто ее замерял, что ль?

По знакомой тропинке ребята углубились в лесную чащу. Там Витька соскочил с велосипеда и, озираясь по сторонам, быстро зашептал:

— Значит так, оставляем велики здесь, чтоб они нам не мешали, а сами незаметно подбираемся к клеткам. С великами остается Люся.

Прислонив велосипеды к стволу толстого дуба, Витька, Пельмень и Вовчик скрылись в лесной чащи. Оставшись одна, Люська тяжело вздохнула и с обреченным видом принялась ходить вокруг, иногда застывая на месте и прислушиваясь к лесным звукам.

Тем временем отважная тройца незаметно подобралась к притравочной станции. Затаившись поблизости в кустах, ребята стали наблюдать за ее обычной жизнью. К вечеру здесь было особенно многолюдно: охотники в камуфляже держали на поводках собак всевозможных пород, с нетерпением дожидаясь очереди напустить своих кровожадных питомцев на бедных зверюшек, которые и без того истекали кровью.

— Живодеры! — бормотал впечатлительный Вовчик, сжимая кулаки так, что у него побелели костяшки пальцев. — Сволочи, каких мало!

Очередь заметно продвигалась: одни охотники с готовностью спускали собак, другие уходили, возбужденно делясь между собой приобретенным опытом, впечатленные кровавыми схватками. Последним уезжал низкорослый кривоногий дядька в охотничьих сапогах, в которых он выглядел совсем как кот в сапогах, потому что они были ему велики и с раструбами. Невзрачный на вид дядька оказался на удивление кровожадным и беспощадным: этот коротышка то и дело доплачивал деньги, дожидаясь, когда его кривоногий ротвейлер насмерть загрызет тощего, обо-

дранного до мосластой кожи волка. На беду у волка между зубами была вставлена деревяшка, и он мог только кидаться и огрызаться, стойко защищая свою жизнь.

Силы были неравны, и, в конце концов, ротвейлер разорвал несчастному волку горло. Его бездыханное тело осталось лежать в клетке, а над ним с окровавленной мордой неподвижно застыл пес, дрожа от возбуждения.

— Bravo, Пират! — радостно зааплодировал садист-мужик. — Bravo!

Вовчик торопливо нащупал камень и хотел было запустить в них, но Витька вовремя перехватил его руку и навалился на него сверху.

— Пусти, — хрипел Вовчик, барахтаясь под ним.

— Я тебе кину, — предостерегающе шипел Витька, пытаюсь разжать его руку. — Всю операцию сорвешь. Помочь ты ему теперь ничем не сможешь, а другие звери из-за тебя могут пострадать. Ты этого добиваешься?

— Все равно я его ненавижу! — не сдавался Вовчик, который неожиданно оказался крепким, хоть и выглядел всегда как задохлик.

— Я тоже его ненавижу, — согласился с ним Витька. — И вообще всех ненавижу, кто тут над зверями издевается. Только я имею соображение раньше времени их не трогать. Тебе это понятно или нет?

— Я тебя не слушаю, — мотал головой Вовчик. — Не слушаю. Даже можешь и не уговаривать.

Витька скосил глаза в сторону Пельменя, который с интересом наблюдал за их отчаянной борьбой.

— А ты чего смотришь? — возмутился Витька. — Лучше помоги!

Пельмень на коленках подполз, умело нажал на какую-то болезненную точку на руке Вовчика, и тот сам разжал кулак.

— Дурак что ль, — затряс Вовчик кистью, — не соображаешь, куда жать.

— Этому меня мой дядька-омоновец научил, — хвастливо заявил Пельмень, сильно довольный, что у него получилось. — Они в полиции так ножи у преступников отбирают.

— Я тебе никакой не преступник, — с обидой заявил Вовчик, — чтоб со мной, как с каким-нибудь преступником обходиться.

Пельмень показал ему свой пухлый кулак:

— Если бы ты был настоящим преступником, я бы тебе враз в глаз врезал, а не возился бы здесь с тобой.

6

Мужик с ротвейлером на поводке подошел к своему подержанному внедорожнику и распахнул заднюю дверь.

— Пират, место! — скомандовал он.

Пес послушно запрыгнул в машину и уселся на сиденье, глядя в заднее стекло. Его окровавленная морда с черными складками была настолько противной и самодовольной, что Вовчик опять не утерпел, вскочил на ноги и принялся кривляться и телом и лицом, желая хоть так досадить псу-убийце. Со стороны станции его видно не было, и Витька не стал вмешиваться. Пес разинул пасть, чтобы зевнуть в свое удовольствие и остолбенел, увидев бесстрашного мальчишку, всем своим видом выказывающего ему полное презрение.

— Р-р-р... — грозно подал голос Пират, что можно было расценить

так: если ты сейчас не прекратишь меня дразнить, глупый мальчишка, то я тебе задам такую взбучку, что на всю жизнь запомнишь.

— Скверная собака! Плохая собака! — вполголоса выкрикивал Вовчик, продолжая изо всех сил кривляться. — Ничтожество! Которое только и может, что с незащитными животными расправляться. Попробовал бы ты с ним в дикой природе встретиться! Живодер!

Глядя на его вызывающие жесты, Пират начал бросаться в окно, а сердобольный Вовчик еще сильнее принялся выделять своим худосочным телом разные непотребные позы. Внедорожник все отдалялся и отдалялся и Вовчик напоследок решил окончательно унижить неуравновешенного пса: стал на четвереньки, обернулся задом и задрал ногу, недвусмысленно намекая на свое отношение к Пирату. Такой наглости Пират, возмнивший о себе неизвестно что, стерпеть просто не мог и начал метаться по салону, ища выход, чтобы выбраться наружу.

— Ишь ты, как разнервничался, — ухмыльнулся Пельмень, довольный, что они довели пса до истерики. — Будет теперь знать, как невинных животных губить.

Тут неподалеку появились Палач с Вареным, и ребятам пришлось срочно прятаться в кустах. Душегубы обходили свои позорные владения, держали в руках ведра и подкармливали из них зверей, специально продлевая им жизнь, чтоб на другой день опять начать над ними издеваться.

Пельмень с загоревшими глазами предложил:

— А давайте на них нападём! Пока они очухаются, уже будут у нас в плену.

Действительно, численный перевес был на их стороне: трое против двоих. Только по правде признаться это мало чего значило, потому что неизвестно, сколько их там на самом деле находится. Набросишься на Палача и Вареного, а они со страху возьмут и позовут на помощь других душегубов, которые с ними здесь могут трудиться.

А так как у Витьки не было полной уверенности в победе, он отчаянно замотал головой, давая понять, что пока не время для атаки.

Управившись по хозяйству, Палач и Вареный оставили ведра на улице, а сами зашли в вагончик, который располагался под деревьями.

— За мной! — скомандовал Витька и, пригибаясь, побежал к вагончику.

Там он прижался спиной к его теплому боку и быстро огляделся вокруг. Убедившись, что других живодеров на станции не наблюдается, Витька незаметно заглянул в единственное зарешеченное окно. Внутри вагончика за дощатым столом сидели Палач с Вареным и беззаботно играли в засаленные карты.

— В карты играют, — шепотом доложил Витька Пельмену и Вовчику, которые ни на шаг не отстали от своего командира.

На Вовчика это обстоятельство подействовало особенно сильно.

— Играют! — рассвирепел он. — Будто ничего и не произошло!

Вовчик метнулся к двери и накинул заложку, а в петлю просунул какой-то металлический шкворень, подобранный тут же у порога.

— Эй, кто там? — донесся из вагончика веселый голос Вареного.

— Смерть ваша пришла! — выкрикнул измененным голосом Вовчик с такой ужасающей интонацией, что даже Витьку с Пельменем пробрала дрожь.

— Кончай дурить! — опять подал голос Вареный, считая, по своей глупости, что с ними кто-то шутит.

— Бойтесь нас! — включился в опасную игру и Витька и, прячась под окном, что есть силы, забарабанил в дребезжащее стекло кулаком.

На короткое время душегубы затаились, по всему видно, соображая своими куриными мозгами, что сегодня такое могло произойти: вроде бы жили себе, не тужили и вдруг эти непредсказуемые угрозы.

— Вареный, — угрюмо сказал Палач, — я что-то не въехал, ну-ка выйди, посмотри, кому это там нейдется.

Вареный с кривой ухмылкой поднялся, бросив карты на стол, подошел к двери и дернул за ручку.

— Не понял, — процедил он сквозь зубы, когда дверь не подалась. Опиет несколько раз дернул, потом обернулся к своему напарнику. — Слышь, Палач, по ходу нас заперли.

— Чего ты гонишь, — не поверил ему Палач, подошел и тоже дернул за ручку.

Вареный вопросительно уставился в его лицо, которое исказила злобная гримаса.

— Чего зенки пялишь? — тотчас придрался к нему Палач. — Не знаешь, что делать надо?

— А что тут сделаешь? — развел руками недалекий Вареный.

Услышав за стеной звонкие ребячьи голоса, Палач в два шага подошел к окну и поглядел на улицу. Увидев, что какие-то незнакомые мальчишки самовольно открывают клетки и выпускают всех зверей на волю, он пришел в бешенство.

— Урою! — не своим голосом заревел Палач, подскочил к двери и со всей дури шархнул в нее ногой.

Входная дверь, которая была сделана из толстых досок, к тому же обитая металлическими листами, лишь слегка сотряслась. Понятное дело, что это обстоятельство еще больше разъярило Палача, и он продолжал долбить и долбить в нее ногами.

Подстегиваемые доносившимся из вагончика грохотом, ребята с удвоенной или даже с утроенной скоростью перемещались между клетками, распахивая дверцы направо и налево.

— Пацаны, давайте скорее! — на бегу кричал во все горло Витька. — Эти придурки дверь вышибают.

7

Выпущенные на свободу животные вначале не поверили в свое счастье, а когда до них дошло, что они могут бежать на все четыре стороны, так чиканули, что только их и видели.

Вареный, который с нервным напряжением глядел в окно, вдруг завопил, будто ужаленный осой, а, скорее всего, даже змеей — такой у него был противный голос.

— Палач, звери разбегаются! Трындец нашему бизнесу!

Палач подлетел к окну, оттолкнул Вареного и со зверским выражением на лице (которое, если честно рассудить, и лицом-то назвать язык не поворачивается), уставился на пустые клетки и на своих недавних пленников, убежавших к лесу.

В это время Витька, Пельмень и Вовчик находились в вольере с медведем, не решаясь к нему подступиться.

— Мишка, Мишенька, — уговаривал его Витька, медленными шажками приближаясь. — Хорошенький Мишка. Добрый Мишка.

— Мы не для того сюда пришли, чтоб над тобой издеваться, — объяснил Пельмень. — А наоборот, чтоб освободить.

— Мы люди миролюбивые, — тонким голоском увещевал стоявшего на задних лапах огромного медведя маленький и сухощавый Вовчик. — И желаем тебе только добра.

Витька между тем подобрался к медведю совсем близко, присел на корточки и с опаской протянул руку к металлическому браслету на его ноге.

— Мишенька, — бормотал Витька, искоса взглядывая снизу вверх на медвежью тушу, которая хоть и выглядела сильно исхудавшей, но все равно представляла для него реальную опасность. Потому как это был настоящий медведь, а не плюшевый.

Медведь оказался действительно умным, а не дуралеем каким-нибудь: как будто поняв Витькины намерения, опустил на все четыре лапы и протянул ему заднюю, чтоб мальчишке было удобнее расстегнуть браслет.

Сидя на корточках, Витька попробовал вручную открутить гайки, но они оказались настолько сильно затянуты, что даже и пытаться было нечего. Тогда Витька хотел разорвать цепь руками, что, понятное дело, тоже не увенчалось успехом.

— Труба дело, — расписался в собственном бессилии Витька. — Здесь по-хорошему требуется зубило... Или какая-нибудь железяка.

— Я лом видел, — вспомнил Пельмень, подскочил, будто сидел на пружинах и понесся куда-то в конец станции, на бегу крича: — Никуда не уходите, ждите меня!

Палач, видно, еще не привык, что в его хозяйстве распоряжается кто-нибудь посторонний.

— Гадом буду! — страшно зарычал он. — Я это так не оставлю! Зуб даю!

В подтверждение своих слов Палач метнулся на другой конец вагончика, сорвал помповое ружье со стены, и выстрелил в то место на двери, где по его расчетам находилась заложка со шкворнем.

Пельмень, который уже возвращался с ломом в руках, быстро пригнулся и принялся петлять, как заяц, разумно рассудив, что так труднее будет в него прицелиться.

Тотчас образовавшаяся в двери огромная пробоина, однако, взвинченного Палача не остановила, и он еще несколько раз выстрелил.

— Пацаны, — заполошно закричал Пельмень, подбегая, — нас обстреливают!

— Знаем, — коротко ответил Витька, вырвал у него лом и просунул между звеньями цепи. — Помогайте!

Мальчишки уцепились за лом и почти на нем повисли. Неподдающийся до этого металл, начал медленно миллиметр за миллиметром разжиматься.

Палач произвел еще один выстрел — контрольный, и дверь окончательно слетела с петель, будто на самом деле была сделана из непрочного материала. Следом за дверью наружу вылетел Палач с ружьем в руках и Вареный, который уже успел прихватить с собой кухонный нож.

— Где! Кто? — заорал Вареный, размахивая в разные стороны ножом.

— Пацаны, быстрее! — завопил Вовчик, глядя себе за спину. — Они бегут сюда.

Мальчишки поднатужились, и цепь заметно раздвинулась.

— Все равно не успеем, — переживал Пельмень, навалившись животом на лом и дрыгая ногами.

Витька, который то и дело оборачивался на приближающихся к ним Палача и Вареного, оценивая сложившуюся обстановку, от бессилия закрипел зубами.

— А ну отошли все от медведя! — дико заревел Палач. — Урою!

Медведь, как только услышал неподалеку от себя ненавистный голос, испуганно рванулся в сторону. Этого оказалось достаточным, чтобы цепь не выдержала и порвалась.

Обретя долгожданную свободу, медведь тотчас скрылся в лесу через пролом в ограждении вольера, который сам и проделал.

— Нам тоже пора сматываться! — скороговоркой объявил Витька и круто развернулся на пятках.

Палач, совсем потерявший соображение, вскинул ружье и выстрелил в улепетывающих во весь дух мальчишек.

Олег Валентинович Алёшин родился в 1964 году в Тамбове. Окончил Высшие литературные курсы в Москве. Автор нескольких поэтических сборников. В настоящее время — журналист областной газеты «Тамбовская жизнь». Член Союза писателей России. Живет в Тамбове.

Олег Алёшин

ТИХИЙ САД

КАМЕРА-ОБСКУРА

Какая странная затея детства,
Смотреть в глазок дощатого забора.
И ощущать бездомное соседство
Среди теней каштановых узоров.
Наверно, кто-то свыше в утешенье
Времен наставших мне тогда позволил
Почувствовать неясность предвкушенья
Шагов босых и чуть беспечных — то ли
Застольных дней июля на террасе,
Заставленной букетами в стаканах;
Пригоршня спелой вишни на атласе
Размотанного синего тюрбана.
И вот закрылась камера-обскура,
Как будто тихо опустилась штора:
Увидел вдруг три крапинки в прищуре
С обратной стороны забора.

МАЙСКИЙ ЖУК

На шаткой лестнице — жасмин в моем саду,
И майский жук летит куда-то, как в бреду.
Что изменилось здесь? Наверно, ничего,
Но если не считать старенья моего.
Забавы детские припомнила рука:
Я на лету сбил шапкой майского жука.
Вселил его в пустой от спичек коробок
И к уху приложил нехитрый погромок:
Предавшись обреченно вечной суете,
Карабкался куда-то пленник в тесноте.
И все казалось мне, не знаю отчего,
Что это тайный шорох детства моего.

* * *

Бросаю хлебный мякиш уткам
Забавы ради. Но весь март
Подобен монотонным суткам,
Которых не снести в ломбард.
Дичаю, как и все на свете,
Наверно, потому и рад,
Простым вещам, как эти дети,
В тени безродных колоннад.
Здесь азиатский теплый ветер
Гоняет пыль с сухим песком.
Любимый век мой обесцветил
Под проржавевшим козырьком.
И только детская забава,
Кормить беспечно диких птиц,
Дает, быть может, в жизни право
Не узнавать знакомых лиц.

* * *

Зачем мне спорить с вами? Вы, конечно, правы.
И даже яблоко на ветке, сгнившее, за вас.
И нет на свете бесполезнее забавы:
У незнакомца спрашивать — который час?
Все тлен, печаль, беспомощность и омертвенье.
Все это так. Но как бы вам попроще объяснить?
...Представьте: тихий сад, осеннее свеченье,
Тропа под кленами, летящей паутины нить...
Но вдруг вы набрали на высохшую ветку,
Что хрустнула от тяжести устало под ногой.
Не страх — другое что-то, но, увы, нередко
Озноб вы ощущаете чуть сгорбленной спиной.
Но в тихом отзвуке природы омертвелой
Есть то, что заставляет лист над головой кружить.
И долго сморишь вверх с улыбкою несмелой,
И хочется еще, не зная для чего — пожить.

Татьяна Львовна Курбатова родилась в Тамбове. Окончила Тамбовское музыкальное училище им. С.В. Рахманинова, Тамбовский государственный педагогический институт (ныне университет имени Г.Р. Державина). Преподавала в Тамбовском государственном музыкально-педагогическом институте имени С.В. Рахманинова, в Пятиримовской духовной гимназии, Тамбовском колледже искусств. Возглавляет литературно-творческое объединение «Радуга». Автор многих книг поэзии. Награждена знаком «За заслуги в культуре». Член Союза писателей России.

Татьяна Курбатова

В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ РАСПАХНУТО ОКНО

МАЙ

Май уморил невиданной жарой, —
За тридцать градусов, а может быть, и выше!
Коты страдали на горячей крыше,
Плыл над землю раскаленный зной.

Тень скудная пролады не сулила.
Наотмашь било солнце в глаз и бровь.
Ярилось разъяренное светило.
Казалось, в жилах закипала кровь.

В такой-то день, в невесть каком году
На поводу у солнечных коллизий
Оркестр военный в городском саду
Пытался возродить народы к жизни!

И выдувал оркестр из меди зной,
К губам горячим трубы припаялись
И звуки раскаленные сливались
И звали, увлекая за собой.

И, плавясь, надрывался саксофон.
В сердца врывался вечный Марш славянки...
Хотелось встать и маршем спозаранку
Шагать в строю с оркестром в унисон!

Май плавился. В саду трубила медь.
Собраться б с силами: ожить, шагнуть,
запеть...

Летели звуки к солнцу или выше, —
Коты удрали с раскаленной крыши.

БЕССОННИЦА

И ни души, и тишина, и ночь
С бессонницей, сestroю вдохновенья,
Мучение полночного забвенья,
Затменья ли, прозренья? — Но невмочь
Без сна, где явь, как сновиденье, —
То позовет, то гонит прочь
В холодный сумрак тьмы осенней,
Не в силах разуму помочь.

И ни души, и тишина, и свет,
Струящийся сквозь звездные ресницы.
За мной в рассвет бессонно время мчится,
Эпиграфом, рождающим сюжет.

Нет ни души, лишь тишина и боль
За все и всех, кто рядом и далече,
Но, догорая, догорают свечи,
Когда свою доигрываем роль.

И боль, и ночь, и тишина, и дом, —
Он все вздыхает, жалуясь на старость.
И ко всему живому в мире жалость,
Как плач между бессонницей и сном.

РАСПАХНИ ОКНО

В последний раз распахнуто окно.
Уже прохладно.

Дней веретено,
Кружась, листву осеннюю сметает.
На травах иней солью проступает,
В бокале озера прозрачное вино
Янтарным блеском призрачно мерцает.
Уже светает.

Желтый диск луны
В сатине синем медленно бледнеет
И неба край за облаком алеет.
Не нарушая чары тишины,
Язык волны

лениво берег лижет.
Все ближе день. Распахнуто окно.
В глубинах озера просвечивает дно.
И первый луч росу на нить нанижет
И бросит осени на светлое чело.

Челнок скользит по глади водоема,
Разрезав надвое прозрачное стекло.
Страницы пожелтевшего альбома
Листает осень.

Распахни окно!

Валерий Александрович Марков родился в 1948 году в селе Петровка Сампурского района Тамбовской области. Окончил Тамбовский государственный педагогический институт, Северо-Кавказский социально-политический институт. Работал учителем, журналистом, пресс-секретарем главы администрации области. В настоящее время — заместитель главного редактора газеты «Тамбовская жизнь». Автор нескольких книг поэзии и публицистики. Заслуженный работник культуры РФ. Награжден знаком Союза журналистов России «За заслуги». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Валерий Марков

ОБНИМАЕТСЯ С МОКШЕЮ ЦНА

* * *

*Другу
из поколения «детей войны»*

Ты старше меня и ближе к войне:
За это тебя уважаю вдвойне.
Отца потерял,
ад бомбежек изведал,
В том мае по праву
кричал ты: «Победа!»
По жизни идешь,
как в атаку солдат, —
Боятся тебя казнокрад,
бюрократ...
И если я в жизни чего-то и стою,
То лишь потому,
что стремлюсь за тобою.

* * *

У того, кто не ленится,
Во дворе — поленница,
Жар — в печи,
На столе — калачи.
А кого обуяла лень, —
Как замшелый пенёк.
Не горит, не тлеет —
От зависти злеет.

* * *

— Как дела?

— Лучше, чем в окопе.

Из разговора фронтовиков

Седина, как ордена,
Как тот дым Хатыни...
Значит, были времена
Погорчей полыни.
Были, точно. Но давно.
Не ломайте копий!..
Нынче трудно? Все равно
Лучше, чем в окопе.
Седина, как ордена,
Признак оптимизма...
Но приснится вдруг война,
По погибшим призна.
Вдруг приснится страшный бой
И патрон последний...
В том бою и стал седой,
Словно свежий снег зимой,
А денек был летний.
Седина, как ордена,
Как халат сестрицы...
Не закончилась война,
Бой тот страшный длится.

* * *

Обнимается с Мокшею Цна,
Ну, а та, как подруга, с Окой,
Дружба с Волгою ширью
красна,
Глубиною и мощью морской.
Этой дружбе — тысячи лет,
Этой дружбе — тысячи
верст.
Эта дружба — до самых звезд.
В этой дружбе
предательства нет.
Так давайте учиться у рек
Нашу дружбу веками крепить,
Нашу Родину верно любить,
Чтобы с этим родился и жил
человек.

Александра Барабанова. Студентка отделения русской филологии Тамбовского государственного университета. Литературным творчеством занимается чуть больше трех лет. В 2015 году заняла 2-е место во Всероссийском конкурсе малых литературных форм.

Александра Барабанова

ВАРЯ

Рассказ

Над темной полоской рельс поднималось солнце, медленно, но неуклонно скользя вверх по странной невидимой оси. В проснувшемся на рассвете ветре кружились яркие резные листья. Утро выдалось свежим.

Меньше получаса оставалось до подъема, и из обшарпанных вагончиков, разбросанных там и сям, уже выходили, зевая и потягиваясь.

- Доброго утра, девчата!
- Доброго утра!
- Эй, Зинок, хорошо ль тебе спалось?
- Отвяжись!
- Ну, Зинок!
- Отвяжись, кому сказали!

Раздался дружный смех, Иван стушевался и исчез в известном одному ему направлении.

Иван мне нравился тем, что всегда был веселым и волосы у него вились, как у барашка. Но нет более подходящего человека, чтобы узнать, что такое неудача, поэтому все звали его Иван-беда. Поскольку ему не поручали ничего серьезного, он, от нечего делать, вечно донимал девчонок и неизменно, раз за разом, терпел сокрушительное фиаско, а затем улыбался снова, откидывая со лба кудрявый чуб.

Рано утром наша женская половина бежала снимать выстиранное вечером белье, а после готовить завтраки на скорую

руку и обеды с собой, на участок. Мужчины выходили позже, только Васька вскакивал с первыми лучами солнца и уносился в лес через дорогу. Мы долго не понимали зачем, но однажды он принес несколько уток и зайца, и его прозвали Охоткой, ласково, не смеясь.

Через час прибежит девочка со станции и скажет, куда нам отправляться, что с собой брать и как работать. Обычно наша бригада по восстановлению железных дорог занималась мелочами. Те, что постарше, еще помнят, как им приходилось вручную скручивать винты в креплениях, соединяющих искореженные взрывами рельсы, или пытаться выпрямить эти чугунные макароны огромными молотками. Сейчас мы меняем шпалы, выдергивая их, как гнилые зубы, прокладываем новые дороги, разравниваем гранитные насыпи и, в общем, делаем то, что скажут. Я обязана всегда носить большой аптечный чемоданчик. Но часто меня отправляют с участка, объясняя это тем, что справятся, и я подрабатываю на станции, на перегоне, чтобы отправить хоть немного больше домой, в Кожаны.

— Слушайте все, слушайте! — закричала Нюрка, откинув назад свою тяжелую пшеничную косу. — Леночка прилетела, сказала на пятый участок бежать. Там авария. Страшная.

— А что случилось?

— Какая авария?

— Ой, плохо как! А у меня белье с вчера не стирано, это когда ж нас оттуда отпустят-то?

— Когда все разгребем, тогда и отпустят! Не скулите! Эх, бабье! А ну собираться! — гаркнул Ефим Петрович, мужчина сильный, бывалый, бывший солдат.

Дальнейшие сборы прошли быстро и тихо. Пятый участок находился чуть дальше второй станции. На дороге уже были выставлены красные флажки, и мы пошли пешком. Время от времени кто-нибудь подгонял отстающих. В воздухе висело напряжение. Среди нас немногие видели аварии на железнодорожных путях, в основном бригада сталкивалась с последствиями.

Как только Иван-беда решил поднять боевой дух товарищей песней, с начала толпы волной покатился сдавленный вздох. Песня умолкла, так и не начавшись. Рот открылся, так и не закрывшись. Рука Ефима, взлетевшая для подзатыльника, так и осталась висеть в воздухе.

Пыль перемешалась с воздухом и застилала глаза. Когда-то яркое синее небо отравлял черный дым, валивший из странной огромной кучи искореженного металла. Будто василиск, поднявшийся на хвосте для смертельного броска, поезд замер, однажды взметнувшийся вверх и навсегда приземлившись на другой, почтово-багажный. От лобового столкновения зеленый змей метнулся влево и перевернул третий, проходящий мимо товарный поезд, набок. Почтовый, пострадавший больше всего, совсем потерял голову и выпускал эту струю грязи. Где-то далеко сзади его последние вагоны засыпало зерном от хвостового удара соседа. Землю вокруг припорошили упаковки таблеток и ампул. Раздался запоздалый женский крик. Поднялся шум.

Никто не заметил, как Варвара сорвалась с места и принесла ящик, как поставила его в центр спорщиков. Она влезла на ящик и начала скандировать:

— Ду-ра-ки! Ду-ра-ки! Ма-ши-нист! Ма-ши-нист! Ра-не-ный!

Почему-то образовалась тишина. Никто не начал работу. Все снова

замерли. Очнулся один Ефим, ох, и погнал же он нас! Все немедленно получили указания, взяли в руки лопаты и мешки и принялись убирать — зерно отдельно, лекарства — отдельно. Нюрку отправили на станцию, телефонировать и вызывать вышестоящие службы, технику, людей. Я побежала с Варей смотреть машинистов.

Одного мы вытащили без сознания. У него кровила голова, но все обошлось — он вскоре придет в себя. Мужиков попросили вытащить второго: его сильно придавило, наверное, сломало ноги. Третьего мы не нашли.

Спустя час мужики начали собираться кучками — курить. Спорили, куда делся третий машинист. Второго уже увезли в больницу, а первый пока не очнулся.

Тут Варя начала меня дергать за рукав, чтобы я не засматривалась, и повела за собой.

— Тютеха, ты хоть посмотрела, что это за поезда?

— Ну, товарные и почтовый.

— А то, что к почтовым пассажирские вагоны цепляют, ты не подумала? Мы когда до хвоста дойдем, они там помрут под этим зерном! Пошли смотреть!

Мне ничего не оставалось, кроме как молча идти за ней. Варя — маленькая, наполовину татарка, с черными-черными косами и бровями. Я хоть и больше, но она сильнее.

Мы шли и смотрели в каждый вагон, заглядывали в окна. Потом начали стучать, звать. И тут нам отозвались. В последнем, почти сошедшем с рельс вагоне были молодые солдаты. Они кричали, чтобы мы не приближались, что вагон может упасть. Просили организованной помощи.

— Уля, беги на станцию и нашим скажи, что здесь люди. Телефонуйте заново. Оставь мне чемоданчик. Хотя стой. Иди-ка сюда, — сказала Варя и подлезла под вагоном на другую сторону, туда, где еще не исчезла точка опоры.

— Эй, кто там? Пострадавшие, раненые есть?

— Есть. Тут один руку сломал, кость вышла. Кровь не останавливается. Без сознания.

— А ну, посторонись! Уля, посади!

И вот уже Варя в вагоне, и не думает, что из-за нее он мог перевернуться. Дура. Скорей на станцию.

Когда я прибежала, машинист уже пришел в себя, и все спорили, случайно это вышло или специально. Думали, что делать: самим вытащить солдат или ждать указаний. Снова спорили. Потом прибежала Нюрка и, задыхаясь, сказала, что надо идти к дороге у станции, ждать танки — будут расцеплять поезда.

Время шло к обеду, и мы были рады хоть немного побыть в другом месте. У дороги мы облюбовали замечательнейшее место: на обочине валялось несколько мешков с чем-то мягким, рядом — какой-то птичий корм, на траве, на дороге, в довольно большом количестве. Наверное, и в мешках тоже корм. Мы свалились со смехом на эти мешки и приступили к обеду.

Внезапно из кустов выбежала тучная лохматая женщина и начала кричать:

— Да вы знаете, куда вы сели! Лодыри!

— Знаем, — отвечаю я и смеюсь. — И что?

— Да сейчас хозяин как приедет! Чтоб вас через пять минут тут уже не было!

Все засмеялись. Лохматая замялась.

— Да тут скоро от твоего корма ничего не останется!

— Как не останется? Неужто кто заберет? Уж не вы ли?

— Никому он не нужен, да не останется. Вот посмотришь.

Лохматая сочла это за наглость, немного подумала и бухнулась рядом, на мешки.

— О, а вот и наши танки!

— Какие танки?! — ее глаза округлялись все больше и больше, а открытый рот обнажил некрасивые зубы.

— Какие-какие... наши. Освобождай дорогу, ведется спасательная операция!

И снова все вернулись на пятый участок. Другая бригада доставала всякие крепления, цепляла их к вагону, потом к танку, потом танк их тянул. Несколько раз отцепленный вагон чуть не перевернулся, но все обошлось.

Первой из вагона вылезла веселая Варя, придерживая солдата с перевязанной рукой, за ними остальные. У некоторых были незначительные травмы, но Варька уже всем помогла и, довольная, гордо вышагивала вдоль вагона.

Когда пригнали тягачи растаскивать поезд и все начали работать с еще большим рвением (нам дали всего сутки на восстановление движения), женщины повели потерпевших на станцию, там обещали предоставить ночлег и ужин.

Основную часть завала ликвидировали без меня, вместе со второй бригадой и техникой. Помню только, с каким страхом и трепетом мы запускали этот почтовый поезд. Никто не был уверен до конца, что с дорогой все в порядке. Мы крестились, бранились, шутили и снова крестились. Но вот метр, еще метр. Наш почтовый медленно, но верно отплывал дальше по своему маршруту. Солдаты высунулись из битых окон, махали нам руками и кричали «спасибо», кто-то обещал писать. Поезд набирал ход, и вот уже его хвост скрывается за поворотом, а мы слышим лишь слабый прощальный сигнал.

Прошло несколько месяцев. Все шло своим чередом. Мы по-прежнему вставали рано утром и уходили на новые участки, но тот случай невероятно сблизил нас. Только Варя стала очень странной, постоянно бегала то на станцию, то в почтовое.

В тот день, когда ударил первый мороз, она прибежала с обеда радостная, как прежде, и даже счастливая. Ей пришло письмо от того солдата, Сережки, и она начала читать вслух:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивой силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц, —
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»...

— Красиво-то как! — вздохнула Варька, раскрасневшись и сняв платок.

— Дура, это ж Некрасов!

— Ой, Ванька, не порть песню! Не порть!

Денис Гудин. Родился в городе Котовске. Студент-филолог. Литературным творчеством занимается с семнадцати лет, ориентируясь на любимых классиков — Достоевского, Бунина, Пастернака, Маркеса.

Денис Гудин

БРЕМЯ ЧЕРНЫХ

Рассказ

Надо воспользоваться тем, что боль, какую причиняла ей красота, наконец оставила ее, надо дойти до кладовой. Но... не странно ли это? Впервые в жизни ей хотелось съесть апельсин. Она улыбнулась — да, улыбнулась. Ах, какое наслаждение! Съесть апельсин.

Г. Гарсиа Маркес.

«Ева внутри своей кошки»

Она не спала. Много ночей не смыкала она глаз, лежа в своей постели, невыносимо огромной для одного человека. Она забыла потушить свечи, и к утру спальня наполнилась запахом расплавленного воска. Нужно было открыть маленькие ставни — проветрить, но она не смогла заставить себя подняться. Она лежала с открытыми глазами, ожидая, когда лучи холодного солнца коснутся витража и свет пронзит разноцветную розетку. Но желто-зеленые блики так и не заиграли на голом каменном полу.

О том, что наступил рассвет, она догадалась, услышав шаркающие шаги. Это слуга набрал в кувшин холодной воды и теперь осторожно ступает, боясь расплескать его в неосвещенном коридоре. Она знала, что скоро он постучит в дверь ее кельи, войдет, не дождавшись разрешения, и произнесет глупейшую из своих

шуток. «Как вам спалось?» — спросит он. А она упрекнет его в том, что он опустился до банальностей. Потому что нет ничего более жалкого, чем шут, не способный вызвать улыбку. Он терпеливо будет сносить оскорбления и колкости, пока она, вконец обессиленная, не бросит: «И зачем мне держать при себе такого, как ты?» Тут-то он напомнит ей о самом важном. О том, что ей не следует забывать. «Вы так и не научились отпускать, моя госпожа», — скажет он и умолкнет. *Все будет так*, потому что каждое утро последнего столетия было неизменным. *Все было так*.

Он поставил медный таз на табурет рядом с кроватью и наполнил его до половины водой. Она вымыла руки, а потом сложила их ковшиком. Он наклонил кувшин, чтобы она могла умыться под струей воды. После — помог надеть платье. Черное, закрытое, до пола, — какое и полагалось носить вдовствующей королеве. С тех пор, как постель ее опустела, она неизменно в черном. Но холодными ночами, проклиная бессонницу и свое одиночество, она мечтает о том дне, когда облачится в простой льняной наряд. Да, — утешает она себя, — пройдут многие годы, прежде чем полотно будет закончено, но она дождетя этого. Многие судьбы оборвутся, и из обрывков ей удастся выткать себе последний покров.

Она подошла к окну. Заскрипели ставни, и осенняя сырость проникла внутрь. А вместе с ней проникли и воспоминания — такие же холодные и ранящие, как колкий ноябрьский дождь.

Струи скатывались по черепице и устремлялась вниз — на серо-зеленую брусчатку внутреннего двора. Там в безмолвии замерли ее предки, увековеченные в камне. Некогда великие и самовластные, они вынуждены теперь стоять под дождем, подобно бродягам, что не смогли отыскать приют. Дождь оmyвает их лица — решительные и строгие — от былой красоты не осталось и следа. Когда-нибудь время — ветер обратят в пыль и память о славном роде королевской крови — сотрут все следы его, что остались в истории мира, как стерли красоту с мраморных лиц.

«Дождь», — тихо пробормотал шут, коснувшись витража. Змейками сползали капли. В каждом из разноцветных стекол отразилось его морщинистое худое лицо. «Его величество не любил сезон дождей». Он отвернулся и снял затертый, с отрезанными бубенцами, колпак.

Поглядев на его редкие седые волосы, которые затрепетали от слабого ветра, она поняла, как сильно изменился шут. Да, терзаемая воспоминаниями, она не хотела замечать, что последний из ее слуг теперь полысел и начал клониться к земле, а шаг его замедлился и стал тяжелым. Неизбежная осень настигла его — иссушила тело, впрыснула слабость в суставы, посеребрила остатки волос.

«Ты постарел», — сказала она без тени жалости. Она не старалась причинить боль, но в ее словах чувствовалась утренняя изморось. Он же с усмешкой ответил, что старость — это участь тех, кто познал юность и красоту, а на его век не выпало ни того, ни другого. Она взяла со стола старое зеркальце в потемневшей серебряной оправе и протянула ему. «Возьми это и уходи, — отчеканила королева, — надеюсь, что собственным глазам ты все-таки поверишь».

Алая печать на лице не выдала его смущения.

Идеальная последовательность черного и белого. Темный коридор, которому, кажется, нет конца. Но он знал, что выход есть. Конец неминуем. Эту истину он постиг давно.

Его шагам вторило эхо.

Он вспомнил день позднего лета, когда воздух наполнился запахом прелых яблок и только что опавших листьев. В тот день он впервые поймал на себе взгляд ее серых глаз — в них не чувствовалось страха перед *грядущим*. Ни страха, ни даже проблеска волнения не заметил он тогда. Гордо, чуть ли не с вызовом, она смотрела на гостей, прибывших на торжество и преклонивших колени перед величием ее дома.

Он вспомнил, как к полночи смолкли скрипки и прохладный ветер, ворвавшись в открытые окна, затушил часть свечей. «Час пришел!» — вскрикнул он тогда и огласил зал звоном бубенцов. «Час пришел!» — сотни голосов, слившись, вторили ему, как и полагалось. Крепкие руки подхватили ее. Десятки рук. Бубенцов не было слышно — все утонуло в хохоте и песнях. Тени плясали на стенах. И сам он, превратившись в тень, бежал за толпой по лабиринтам коридоров. Но вдруг все смолкло — захлопнулась дверь спальни. И брачное ложе, украшенное белыми лилиями, соединило двоих.

Да, он помнил, как сидя потом на каменных ступенях, захлебывался смехом, пока небо на востоке не стало багряным.

Таким же, как шутовское клеймо.

А дождь по-прежнему терзал ее предков — камни, покрывшиеся плесенью и грибком. Заплесневелые лица. Словно черная смерть коснулась их своей скользкой ладонью. Ей казалось, что она тоже покрылась грибком — изнутри. И боль, что таилась в ней, с каждым отзвуком сердца, с каждым его гулким ударом, достигала легких. Ей приходилось дышать болью — пропускать через себя отравленный отчаянием воздух. И каждое мгновение этой несправедливо долгой жизни было мучительным.

Когда шаркающие шаги утонули в тишине коридора, она тихо заплакала — страх поразил ее. *Страх предательства*. Она села за ткацкий станок — работа прогоняла дурные мысли. Витиевато разрастался бесконечный узор — увядшими лилиями, белыми хлопьями, облаками, сокрывшими солнечный свет.

«Нет, — сказала она себе, успокоившись, — время не сможет его забрать. Он не посмеет меня покинуть».

Он ждал ее внизу, у подножия каменной лестницы, но она так и не появилась. Впрочем, ему нередко доводилось справляться в одиночку. Он уже привык, ведь это был его выбор. Бремя, что он принял по собственной воле.

Медная судорога неустанно сотрясала воздух, возвещая о том, что нужно торопиться. Он накинул на плечи дорожный плащ и взял в руки деревянную палку, чтобы опираться при ходьбе. Он всегда брал с собой палку, когда покидал замок. Он снял засов с тяжелой дубовой двери, отворил ее и вышел во внутренний двор, что охраняли безмолвные стражи. Несмотря на сгустившиеся сумерки, он различил их силуэты — они наблюдали за ним со своих постаментов. Пустые безжизненные взгляды впились в него.

Тени себя предыдущих.

Он глубоко вдохнул, наполнив легкие влажным заплесневелым воздухом, в котором по-прежнему чувствовался металлический привкус утихающего колокола. Шут надел капюшон на голову и закрыл глаза. Темнота поглотила его.

Миг отречения.

Старик в заношенной исподней рубахе не переставал шептать, несмотря на удушливый кашель. Одной рукой он ухватился за горло, другой — отчаянно крестился. Но, поняв, что молитвы не могут отогнать красное марево, обессилевши, упал на колени и спрятал в ладонях лицо. *Бог не слышал его.*

Старик молил Царицу Небесную о спасении и сострадании. Святую Марию, что когда-то склонилась в плаче над израненным телом Сына, снятого с креста. Но и Она оставалась безучастной. О его славном сыне некому скорбеть.

Всхлипы. Вместо слов — хрип. Хрип животного — не человека. Его ступни посинели от холода. Старческие руки дрожат. Черные вены — прожилки иссохших ломких листьев — в них не теплится жизнь. *Бог оставил его.*

Шут укрыл старика плащом, и хрипы стали тише, словно доносились теперь из другого мира.

Свечи, тускло освещавшие комнату, наполовину расплавились, когда со скрипом отворилась дверь, и шут согнулся в поклоне. Пламя затрепетало. Королева не удостоила вошедшего вниманием. Перекрестие нитей — переплетение судеб. Она продолжала ткать полотно — белое, будто снег, что видишь январским утром. До самого горизонта — снег.

Шут подошел ближе, и на его алом лице заиграли огненные отсветы.

— Я слышала, как надрывался колокол, — произнесла королева, на мгновение оторвавшись от работы, — почему ты не дождался меня?

— Это был старик, моя госпожа. Мелкий лавочник.

— Неважно, кто этот заблудший путник. Ты должен был дождаться. Должен был.

— Это его не спасло бы. Тем, кто отрекся, — помочь невозможно. Таково бремя черных. Тех, кто решился покончить с Великим Отчаянием.

Шут всегда напоминал ей о самом важном. Но мало кто знал об этом лучше нее самой.

Она затушила свечи и легла, не раздеваясь. В комнате еще витала ядовитая усмешка шута о том, что пеньковые галстуки, хотя и давно вошли в моду, но ни одному человеку не пришлось к лицу. Она представила несчастного старика-лавочника, задыхающегося от горя и бессилия, а после — себя — в тот день, когда ей пришлось надеть вдове платье. Это было так давно, казалось, в одной из прошлых жизней, что, сменяя друг друга, усиливали ее страдание.

Плата за отречение — смерть. Но если отречься от жизни?

Долгие ночи — бессонные ночи, сколько еще их нужно вытерпеть, прежде чем боль оставит ее? Но она знает — конец неизбежен.

Она знает, что день придет, принесет избавление. День, когда лучи холодного зимнего солнца, пронзив витражную розетку, сотнями бликов рассыплются по каменному полу, но она не увидит их — остекленевший взгляд будет направлен к сводам. Она так и не сомкнет глаз.

Скрипнет дверь, и шут тяжело переступит порог. Впервые за многие годы он не услышит упреков, и тогда кувшин выпадет из его рук и со звоном ударится о каменный пол. Шут все поймет, но не захочет поверить своей догадке. Быстро, как только может, он заковыляет по коридору к своей камерке, чтобы взять старое зеркало в серебряной оправе, что ког-

да-то сам принял в дар от разгневанной королевы. Он поднесет зеркало к ее губам, но амальгама останется незамутненной. Тогда, дрожащими руками, он снимет со станка законченный саван и бережно укроет им остывшее тело так же, как первый январский снег укрывает землю.

«День придет, — вместо молитвы все шептала и шептала королева до тех пор, пока из коридора не слышались медленные шаги, возвестившие о наступлении утра, — непременно... день придет, а вместе с ним — и время шута».

*Стихи:
молодые голоса*

МОЛЧАЛИВАЯ НЕЖНОСТЬ

Анастасия Серова

СЧАСТЬЕ

Наше счастье бродит где-то рядом
Рыжей кошкой в солнечном дворе.
Только нам его увидеть надо
В юном мае, в спелом сентябре.

В соснах, дотянувшихся до неба,
В синих звездах, заводях и снах,
В аромате молока и хлеба
И надежных папиных руках,

В яблоне, цветущей у калитки,
Шорохе и вздохе ветерка,
В ласковом дыхании молитвы,
Огонек колышущем слегка,

В первом шаге, в первом робком «мама»
И в родном молчаньи светлых глаз.
Нам порой для счастья надо мало:
Знать, что кто-то молится о нас.

* * *

Беспокойное небо в заплатках
Выворачиваем наизнанку.
Измеряется счастье в зарплатах,
Вечерами играем в молчанку.

Из начищенного самовара
Ржавый чай по надколотым чашкам.

Среди взрослых проблем и кошмаров
Детский плач: «Нарисуйте барашка!»

В суете позабытое «милый»
Рвется в сердце, остывшее к людям.
Плачет ангел, склонившись над миром.
Мы в ответе за тех, кого любим.

Александр Журавлев

* * *

Ускакала ты, бабка, далеко на серой кобыле...
Все приданое, бабка, вослед за тобой захватили.
Не догнать тебя, бабка, ни с кем да и не ухватиться.
Что же, видимо, бабка, тогда остается проститься.

Снова ждет тебя поле в тумане густом, невесомом.
Управляющий дремлет, а лошадь трусит полусонно
К просветлевшему дню, к подступающей жаркой работе...
Так отчетлива ты в этих снах, словно снова из плоти.

Анастасия Кондратьева

ДОРОГИ

Все мы — чьи-то дороги,
Кому-то нужны и дороги,
По нам едут любимых дроги.

Он — весенний бульвар с распустившимися сиренями,
Что прохожих в свой плен зазывают, точно сирены.
Опьяненные странники будут бродить там все лето,
Пока чары не сгинут.

А она — полутемная узкая улочка,
По которой так гулко стучат каблучки,
И подмигивающий фонарь добавляет ей тайны и шарма.
Приведет ли она к цветнику или уткнешься в тупик?..

Ты — лесная тропа. По тебе то поляна, то чаща
С уханьем сов и блеском болотных огней в полной темени,
Пряный запах хвои и особых грибов.
Ты, неверная, слишком легко оборвешься.

Я — ночное шоссе. Я — асфальтовый дух автострад.
Безголосая тишь, разрываемая ревом гонки.
По мне — в дождь босиком. Со мной — в новую жизнь
С узелком, налегке, без претензий.
Карты знают меня хорошо. Слишком, слишком.

Может, где-то сегодня с утра родились уже наши путники.

Ольга Тодосейчук

ПТИЦЕ

Ng.T.M.

Ты — красивая, вольная птица,
Когда хочешь, стучишься в окно,
С моих рук часто любишь кормиться —
Для тебя запасаю зерно.

Я тебя приручить не пытаюсь,
Для меня дружба — это свобода.
Лишь слегка твоих перьев касаюсь
И губами даю тебе воду.

Даже если однажды забудешь
Ты дорогу ко мне на окно —
Оно ярко светить тебе будет
И тебя будет ждать все равно.

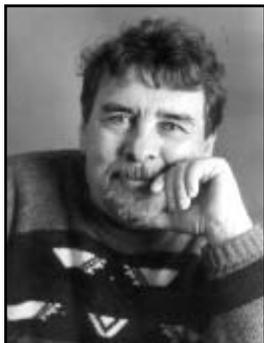
Если ты — не дай Бог — постучишься
Птицей раненой в створку окна,
Ты без гордой красоты своей — слышишь? —
Будешь мне еще больше нужна.

Ирина Моисеева

* * *

Молчаливая нежность моя никогда не находит ответа.
Я тоскую, как яростной сворой израненный лис.
Как цветок, к безразличной земле пригибаемый ветром,
Подмастерье, глядящий за праздником из-за кулис.
Я разбит и расклеван, во мне Прометеевой мощи
Не найти. И в наследство Сизифовы муки даны.
Без тебя мое сердце и воеет, и злится, и ропщет,
Вором дерзким в твои иногда пробирается сны.
Как следы на песке возникает укор и исчезнет.
Звезды с неба, наверное, падают именно так.
Я с любовью смотрю в провидением данную бездну
И ищу в том падении счастье. Не веря никак
Ни в твоё безразличье, ни в собственный крик о пощаде,
Ни в насмешку коснувшейся лба серебрилки волос.
Как в печальные дни донести до тебя, что я рядом,
Твой покинутый друг, твой отчаянно преданный пес?
Не способен отречься. И значит, потерян для чуда.
И пройдет еще тысяча лет, только я как сейчас

Исполинской любовью незримо с тобою пребуду,
Защищая от зла, не сомкну недоверчивых глаз.
Молчаливая нежность уже не отыщет ответа.
И расписаны встречи влюбленных на вечность вперед.
И с любовью к тебе я обрел неприкаянность ветра,
Хорошо бы еще обрести его смелый полет.

Аркадий Васильевич Макаров родился в 1940 году на Тамбовщине. Служил в Группе советских войск в Германии. Окончил институт химического машиностроения, работал инженером, мастером и преподавателем в ПТУ. Публиковался в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Подъём», «Аврора», в «Литературной газете», «Литературной России» и др. Автор нескольких сборников стихов и прозы, трех изданных романов. Лауреат многих региональных конкурсов, всероссийского литературного конкурса «Национальное возрождение Руси», «Российского Писателя». Член Союза писателей России.

Аркадий Макаров

РОДНИКИ СТАНОВЯТСЯ РЕКОЮ

*...На мои и чужие следы
Опадают зеленые листья...*

Юрий Кузнецов

1

-Сутемень, а ты все сидишь, глаза ломаешь. Читарь! Книгу-то закрой, посиди так вот. Скоро ужинать будем. Красавку подою, и молочко попьешь. А то вон зеленый какой!

Хорошо с Красавкой! Она у нас в семье как родственница добрая. Вроде бабушки. Всегда с гостинцами. Молоко в кружке парное, белой пеной вскипает. Пахнет молоко материнскими руками, теплыми, мягкими, всегда добрыми. А еще пахнет молоко улицей нашей вечерней, когда стадо возвращается с пастбища, заполняя ее, улицу эту, запахами трав, свежего навоза и деревенской пыли. Но летний вечер долог, еще шмели путаются в мохнатых тяжелых цветах, а за домами, с краешка, по горизонту, вроде кто крутобоких овец в отару сгоняет, разбрелись за день...

Хорошо было, сытно с коровой, пока не пришлось за долги по самообложению (вот ведь налоги какие были! Самообложение! Вроде сам на себе петлю затягиваешь!?) Красавку в счет госпоствак под нож свести.

Лето... Ах, лето! Давно это было. А теперь глубокая осень, каникулы кончились, на улице густые сумерки и небо темно-синее, холодное в предвещии первого снега. Мать хрустящим пучком ском-

канной газеты, предварительно подышав в стеклянный пузырь керосиновой лампы, протерла осевшую на его стенках копоть и вставила стекло в жестяной венчик. Пламя на фитиле сразу осело, уплотнилось, раздвинулось вширь, и в доме стало обыденно и скучно: все те же выгоревшие от времени цветы на обоях, бледная немота еще не протопленной печи, ушастая лохань для коровьего поила у дверей и лохматые тени, боязливо шныряющие по углам нашей просторной избы. Мир моего детства, суровый и неприглядный в своей реальности. Передо мной раскрытая книга. Закружился, заплутался я в строчках дивных и доселе неведомых, таких, от которых радостью и светлой грустью полнится мое мальчишеское сердце. Засмотрелся в окно, задумался...

А там, в окне, в сумерках поздней осени мнится мне другой, чудесный мир. Он живет рядом, такой близкий, на широкой сельской улице под синеющим к ночным заморозкам небом:

Дремлет взрытая дорога,
Ей сегодня примечталось,
Что совсем, совсем немного
Ждать зимы седой осталось...

Сердце заходится от неизъяснимого чувства рожденного этими строками; удивительными, необычайно чистыми, как вон тот, только что народившийся месяц. И опять:

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане,
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани...

И еще. И еще!

Неуловимая печаль, светлая, просиненная небом, разлитая в небольшой изношенной книжечке с желтой обложкой и встревоженной под неожиданным ветром березкой, теплым котенком шевельнется в груди и замрет в ожидании счастья.

С того предзимнего вечера, холодного и неприветливого, от этой маленькой книжечки на всю жизнь осталась сладкая мука невероятной, недостижимой рифмованной строки. Тогда в меня с хрупких от времени страниц, изданных в тридцатые осторожные годы, пролилась поэзия русского образа, так заметно отличавшаяся от казенных, хрестоматийных стихотворений разных поэтических генералов.

Всякие имена были в школьной программе, а Есенина не было. На его книжку стихов я наткнулся случайно, помогая библиотекарше, незабвенной Марье Дмитриевне, разбирать и обновлять фонд.

Те школьные стихотворения, заученные мною наизусть, не вызывали никакого чувства, кроме радости полученной хорошей оценки в дневник. А в книжечке той желтой — все другое!

Гой ты, Русь, моя родная!
Хаты, в ризах образа.
Не видать конца и края,
Только синь сосет глаза...

Вот и сидел я в тот вечер, и «сосали мои глаза»: изрытая дорога, телега с поднятым вверх, как спаренный пулемет зенитки, оглоблями, тонкий месяц в прозрачном воздухе, выгнутый в сверкающее кольцо, наши сельские избы, нахохленные, озябшие под соломенными крышами, почерневшими от бесконечных и нудных дождей, и — тишина, тишина, тишина...

Ничего, скоро белые лебеди сядут на луг, и камчатая, из вязаной шерсти накидка прикроет грудь задремавшей у дороги ели. Избы одернуты в белые заячьи тулупчики и будут попыхивать красными трубами в низкое снеговое небо. Скоро зима.

Далеко мне до юности. Ой, как далеко! Мне бы на красном коне проскакать по звонкому весеннему ледку, но это все будет завтра, а пока — вечер, холодная синева в окне и узкий, осыпающий золотой пылью глаза, новорожденный месяц.
Детство...

2

Тогда у нас на Тамбовщине выходили только две областные газеты: «Тамбовская Правда» и «Молодой Сталинец».

«Молодой Сталинец» — газета была, конечно же, комсомольская.

В те времена всякие благие и другие начинания связывались с именем вождя. А как же! Он — отец счастливого детства, родной человек...

Читаешь свою молодежную газету и радуешься, что вон как у нас в стране хорошо живут — и пионерские «зорьки» играют, и тимуровское движение во всех школах силу наращивает, отличники и хорошисты с отстающими занимаются, тянут за собой в светлое завтра, где коммунизм, где все отличниками будут, где хлеб ситный... Хорошо в стране нашей — светло, уютно. Лишь бы войны не было. Немецкого зверя раздавили, и американского гада раздавим. У нас сила есть.

В газете еще стихи про природу бывают, про деревню, про любовь. Но мне нравятся больше стихи о природе, о животных, о городах и заводах, а о любви совсем не нравятся.

Тогда в газетах чаще всего попадались стихи именно такого плана, которые мне нравились, подписанные то ли фамилией, то ли псевдонимом — С.Милосердов.

Если фамилия, — то уж больно хорошая, заступническая. Я фамилию эту сразу запомнил.

В стихах этого С.Милосердова солнышко играет по-пасхальному, дождинки с травой перешептываются, небесные тайны рассказывают — что видели, что слышали, какая жизнь там за морями горькая под капиталистическими магнатами. Дождь из тучи сыплет, а тучи издалека, из-за кордона пришли.

Вот бы встретиться с этим поэтом, поговорить о стихах, о Есенине, почитать что-нибудь, что я сам сочинил...

Трудно писать стихи. Мучительно. Но сладко. Хотя получается ерунда какая-то, не стихотворение, а так, что-то вроде нескладухи: «луна, как призрак, в небе бродит и гонит ночь. А ночь пришла и не уходит прочь...», ну, и так далее. А у Милосердова все складно получается. Получается вот как:

Словно детская игрушка,
Белый парус вдалеке,
И серебряную стружку
Ветер гонит по реке.
.....
Горечь тонкая осины,
Сладость нежная цветка...
Хватит радости в России
Не на день, а на века.

...Может, эти, может, какие другие стихи прочитал я в то время, но какая-то свежесть от всех стихов, подписанных С.Милосердовым, всегда присутствовала.

Трудно писать о своем селе, о Бондарях, о природе местной. Бедная природа — бугор да яма, да речушка, несмотря на гордое название Большой Ломовис, тихая, маленькая такая, что я ее всю переныривал за один заход от берега до берега. А леса у нас нет, луга одни, да и то колхозные — обездчки туда не пускают...

О чем писать? Об этой кочковатой дороге за окном? Мерзлая дорога, холодная. Неинтересно! Пойти бы куда-нибудь туда, где белые лебеди снегов скоро с неба спус-

тятся, да в валенках ходить рано, а ботинок или резиновых сапог у меня нет. Правда, галоши вон в углу стоят рубчатые, они у нас «шахтерками» называются, но они для школы. Обуешь — и бегом, чтобы ноги не успели застыть.

Однажды я попробовал написать стихотворение о своей жизни. Правдивое стихотворение. Вроде складно получилось. Читал матери, а она почему-то заплакала и велела эти стихи никому не показывать. Говорит: «Беду в дом принесешь. Не пиши больше. Не забивай голову. Не надо...»

А мне похвалиться хочется. Слова с языка так и просятся на волю. У Некрасова тоже похожие стихи есть, а мои — тоже ничего:

Кушай хлеб, Аркаша,
Молочка-то нет.
Где ж коровка наша?!
Взяли в сельсовет.
Вечерами длинными —
Холода и дрожь...
А ее, родимую,
Увели под нож.
Ты ее по имени
Больше не зови...
Молочко из вымени
Потечет в крови.

Корову нашу, Красавку ненаглядную, действительно увели в счет госпоставок мяса...

Потихоньку, чтобы никто не видел, показал учительнице русского языка. Пожилая учительница, она еще в земской школе до нового времени уроки вела. Клавдией Петровной звали.

Схватила Клавдия Петровна за голову:

— Ты что? Детям о таких вещах писать нельзя. Забудь эти строчки! И я их не слышала! Понял? Пиши о нашей пионерской дружине, о классе своем.

О пионерской дружине я никогда не писал и не пробовал. Потому что не был я пионером. Поведение не то. Но о классе, может, что и получится...

На другой день написал о вечной прогульщице уроков Маше, соседке своей. Скучно одному за партой сидеть. А соседка часто пропускает школу. Болеет — говорили. Вот я и написал в стенгазету:

У Чекмаревой Марии
Каждый день аварии:
В понедельник — день бездельник,
А во вторник — выходной,
В среду в класс пришла больной...
А в четверг и пятницу
Без конца сопатится.

...Попробовал бы теперь прощения попросить... Да где там? А-у! Не догонишь. Обиделась на меня Маша Чекмарева. Попросила нашу классную учительницу пересадить ее на другой конец. Клавдия Петровна так и сделала. А ко мне посадили Тоньку Пономареву, двоичницу. Она все контрольные у меня списывала. Пододвинется, бывало, плотно-плотно, вроде озябла, и сует нос в тетради: «Что это у тебя? А это что?»

Я ей однажды нос бельевой прищепкой зажал и подержал немного. Пружина стальная. Потом от соплей руки никак не мог оттереть. Драл меня отец за это так, что я сидеть за партой не мог, и стоял все уроки.

— Что ты не садишься? — спрашивали.

— Простыл вот, — говорю, — чирей у меня на этом месте!

— А-а... Тогда стой. Большим вырастешь.

Большим я так и не вырос, в армии, когда служил, в строю почти в самом конце стоял по ранжиру. Не вырос большим, но девочек с тех пор больше не обижал, хотя от них терпел всякое...

А в классе восьмом-девятом хлынули стихи вроде этих:

...Ты восхищалась красками лета,
Луной, что смеялась в небе.
Просила меня: «Опиши все это
В лирической поэме.
Я целовал твои локоны
По-детски, еще неумело.
Ромашки цвели около
Белые-белые...
Наши мечты и ласки
Слушал задумчивый пруд...
Так почему же ромашки
Теперь не цветут?

Но это я воображал больше. В росте себе прибавлял. А на самом деле даже не целовался еще...

Вот и пришло то заветное «завтра». Школа осталась где-то там, за пыльной дорогой, по которой я ушел в город. Глаза слезило от пыли... Не оглянулся. Не схватился за голову. Оттолкнул дверь — и не посмотрел назад.

3

В тот самый год я вытащил счастливый билет, счастливее которого не бывает. Я остался жить.

Молодость больна несуразностями и бредовыми идеями, поступками, объяснить которые я не могу даже сейчас, оглядываясь назад. Почаще бы надо было делать это, чтобы правильнее смотреть и видеть...

Тогда был у меня друг Валек, Валентин Тищенко — малый отчаянный, как теперь говорят — крутой, склонный к разным поступкам. А поступки эти и у меня были не совсем безобидными.

Валек страдал фобией бродяжничества. Ко всему прочему, и меня заразил сладостной, щемящей тоской расставания навсегда с пронсящим мимо пространством: поселками, изменчивым ландшафтом, людьми — со всем тем, что, знаешь уже заранее, никогда не встретится. Странное чувство...

Крыши вагонов летящего к горизонту поезда не совсем подходящее место для философских раздумий и созерцаний, отвлекись на минутку и тебя сдует, как соринку с ладони, ойкнуть не успеешь.

...Валек сидит, прислонившись к вентиляционной трубе спиной, подставляя худую, но напористую грудь встречному ветру.

Летим!

Куда летим — неизвестно, но хорошо-то как! Валек смеется. Он всегда смеется, когда я пытаюсь объяснить ему свои ощущения от стремительности полета, когда чувствуешь, что земля по-настоящему круглая и вращается, пронся мимо русскую бескрайность. Мне становится грустно и сладко, что я уже никогда не вернусь в эту, равную одному мгновению взора, точку на земном шаре, где у станционного домика копошатся куры в придорожной пыли, где девочка в красном сарафанчике, приложив ладонь к глазам, с удивлением смотрит на нас, а потом, спохватившись, вскидывает вверх худенькие руки, по-родственному провожая нас. Счастливого тебе детства, девочка! Не уходи далеко от родного дома! Пропадешь!

Я пытаюсь передать другу свои чувства к этой станционной девочке, к ее одиночеству, а он иронически смеется. Он всегда смеется. Особенно ему весело, когда я читаю свои, только что составленные стихи, придерживая рукой колотящееся от волнения сердце. В это время в который раз в моей душе рвутся все дружеские связи с ним, и вскипает желание столкнуть его туда, в пролет между вагонами, под разящий выскерк колес. Но ненависть, клокочущая во мне, равна привязанности к нему, и я не сталкиваю его в пропасть, где сверкающие катушки по-сумасшедшему мотают и мотают стальное полотно дороги, бесконечную ленту, похожую на стремительную от-машку опасной бритвы возле лица.

И вот мой друг сидит, прижатый к вентиляционной трубе напористым ветром, а я стою перед ним — восторженный и счастливый от удачно найденной строчки. Широко расставленные ноги припаялись к тверди вагона — не сдует! Поезд несется черт те знает куда, и я взмахиваю руками, как крикливая птица. Читаю взхлеб свои новые стихи, которые слышит только ветер да веселый Валек, друг и товарищ.

Ветер одобрительно шумит мне в уши, а Валек смеется. Валек не понимает меня... Восторг и злость вскипают в груди. В глазах только синеватая предвечерняя дымка с уплывающей рощицей каких-то деревьев. И — во все стороны небо!

Вдруг ноги мои отрываются от тверди, от железного настила крыши, и я, с гениальной застывшей ко рту строчкой, опрокидываюсь навзничь. Надо мной, на расстоянии вытянутой руки, каменный черный свод, поезд, вихляясь, проскакивает короткую перемычку — то ли тоннель, то ли старинный мост через дорогу. Еще какая-то доля секунды, и мне с проломленным черепом валяться бы на сыпучем мазутном гравии железнодорожного откоса безымянного переезда.

Валек, не зачарованный моими поэтическими всплесками, увидав неожиданно летящую на нас каменную громаду, сдернул мои ноги за метр от, казалось бы, неизбежного.

Так могло бы все кончиться глупо и бессмысленно.

Скоро была сверкающая огнями большая станция, и местный вокзал с буфетом был бы для нас раем, если бы были деньги. А их у нас в то время никогда не было.

Но что деньги? Деньги — навоз, когда рядом мой друг Валек! Он мгновенно превращается в обыкновенного идиота, которых много странствует по российским дорогам и весям в поисках пропитания и лучшей жизни. У моего друга, как только мы вступили на перрон, мгновенно отвисает челюсть и с дрожащего подбородка белесой струйкой начинает стекать тягучая слюна, белки глаз вывороченно розовеют... Несчастный юноша! А такой молодой!

Моей задачей было поддерживать его трясущееся тело и называться братом «несчастливого».

Валек сразу, как только подошли к буфету, по-животному замычал, стараясь показать всем видом, как ему хочется есть. Женщины, даже буфетчицы, сердобольны. Кто откажет в куске хлеба двум несчастным подросткам, ушибленным судьбой?

Горячие пирожки с мясом и стакан компота сделали свое дело. Неожиданная сытость после голодного дня умиротворяет, — захотелось сразу домой, в уют, под надежную крышу...

В последний раз на сверкающей праздничными огнями железнодорожной станции, название которой не удержалось в памяти, я обманывал сердобольную буфетчицу, называясь братом своего непутевого друга.

Братом ему я не был.

Теперь все это — и большие огни вокзалов, и стремительность полета, и вольный ветер, раздувающий пузырем рубаху, и летящие мимо пространства — холмы, перелески, лоцины — все стало не более чем озорством, и только. Я неожиданно вспомнил, что после школы надо было где-то и чему-то учиться, и молча снял с плеча Валькину руку, хотя и верную, но зыбкую...

Забившись в угол машинного отделения тепловоза, отправляющегося в сторону Тамбова, я навсегда распрощался с детством.

Я никуда не успел поступить, но в отдел кадров монтажного управления не опоздал. Рабочие тогда были в такой цене, что потребовалось более десяти лет, чтобы понять — счастье не в кузнечном грохоте завода...

На другой день я уже с подъемными деньгами под подушкой спокойно спал на чистых казенных простынях рабочего общежития, пахнущих свежим, только что выпавшим снегом. Началась новая, ни с чем не сравнимая жизнь рабочего парня с городской окраины, со всеми ее прелестями и забавами.

«Дурак ты, — говорил мне незабвенный дядя Володя Богданов, бригадир и наставник, — тебе учиться надо, а ты с нами, пропойцами, связался...»

4

Среди гомона, грохота и грома цехов и стройплощадок, где наша бригада «Ух!» монтировала всевозможные и невозможные металлоконструкции и механизмы, возвышенные душевные силы стали уступать место физическим. Инструмент монтажника — кувалда и гаечный ключ с монтировкой-«крокодилом», а все остальное — руки. Как говорили мои тогдашние учителя жизни, плоское катаем, круглое таскаем, а что не поддается — ломиком!

Так вот с кувалдой и ломом я вошел в свою новую жизнь плотно, как патрон к патроннику, и начал делать ее, эту жизнь.

После рабочей смены такой труд валил с ног, как стакан горькой теплой водки. В чем-чем, а в этом у нас в бригаде недостатка никогда не было.

Там, в рабочей среде, среди фабричных и заводских ребят во всех отношениях ценились быстрота и натиск. Девчонки, в основном такие же недавние школьницы из оргнабора и комсомольских путевок, вырвавшиеся на волю, подальше от родительского глаза, недоступностью не страдали. Короткие, ни к чему не обязывающие результативные стычки, вместо свойственных в других условиях романтических встреч с дрожанием голоса и рук, были для нас наградой за каждодневный угробистый физический труд.

Попав в водоворот, я кружился в нем, как листок, сорванный с родной ветки в осеннем потоке. И я забыл все, чем полнилась моя душа до этого.

Когда память возвращалась, я уходил в одиночество: оставлял свои рабочие будни за высокими массивными дверями областной библиотеки, которая тогда располагалась в монументальном красном кирпичном здании нынешней картинной галереи.

Тихое блаженство читального зала. Настольные лампы под зелеными абажурами. И — книги, книги, книги, которые я еще не читал, журналы, газеты. Голод неразборчив, и я поглощал все печатное, пропадая в запойном книжном мире. Лучших дней у меня не было. Они только и остались, как первая любовь, от всей моей рабочей юности, незабываемые и светлые...

Дальше начиналось сумбурное и неприбранное. Время встреч и несвершившихся ожиданий.

5

Тогда с двумя громкими поэтами, почти моими сверстниками — Толей Куприным и Вячеславом Шутковым, уже печатающимися в молодежной газете, я познакомился там же — в библиотеке.

Сойтись на короткую ногу с гонористыми городскими ребятами мне, деревенскому пареньку, было не так-то просто.

О том, что эти двое занозистых — поэты, я узнал по их восторженным разгово-

рам в курилке и по тому, как они, словно сельские петухи, закрыв глаза и вытягивая шею, выкрикивали удачные строчки своих стихов, будто только что нашли в навозе жемчужное зерно.

Я страшно завидовал им, толкался около и слушал, слушал. Мое сердце растворялось в рифмованных строчках, как сахар в кипятке.

Эти молодые стихотворцы читали вслух не только свои, по-мальчишески запальчивые строчки, но и неизвестных мне еще; Багрицкий, Луговской, Заболоцкий, Слуцкий, Кирсанов — имена этих поэтов не числились в наших школьных учебниках.

Теперь все мои старые понятия о стихосложении опрокидывались навзничь. Оказывается, в хороших стихах не всегда необходима так называемая складность, а нужно что-то еще крепкое, неуловимое, что забирает душу в кулак, и она, эта душа, начинает тихо постанывать, истекая сладостными чувствами.

Мои новые знакомые не сразу, но постепенно, видя мою заинтересованность ими, признали меня за своего, чем я гордился необыкновенно. Особый восторг пришел тогда, когда я прочитал им что-то свое и получил снисходительную похвалу и поддержку.

В один из таких вечеров, поздней промозглой осенью, когда ветер приносил из соседнего парка палые листья и лепил их на мокрые высокие окна читального зала, к моим новым друзьям подошел высокий очкастый мужчина лет сорока и, к моему удивлению, тоже, глухо прокашлявшись, стал читать стихи немного тягучим грудным голосом.

Его солидный возраст, осанка тяжеловатая и неспешная, рифмованные строчки, неподходящие его возрасту, поставили меня в тупик — такого у себя в Бондарях я вряд ли когда-нибудь услышу. Сельские наши мужики больше специалисты по пахоте, если что и рифмовали, то с «картинками», как у нас говорили, то есть с матерщиной. Ну, если когда и запоют что-нибудь душевное, то только после хорошей пьянки. А этот мужик, учитель, что ли, читал стихи чудные, запрокидывая голову, словно снимал с потолка уже готовые, с хорошей рифмовкой строчки. От его великолепных очков, как от маленьких прожекторов, по выбеленной плоскости потолка пробегали светлые пятнышки, словно искали что-то и находили.

Стихи о вымокших стогах на поле, тягучие дожди над размытыми дорогами, пьяный подсолнух, горестно уронивший на изгородь свою непутевую голову — все это мне было знакомо и близко так, что стихи очкарика воспринимались по-живому и сразу, вроде я их и сам написал — такие обычные слова...

Но я тогда ошибался. Это была как раз та самая тихая лирика, на которой потом выросли Рубцов, Передреев, Куняев и наш земляк Вячеслав Богданов... Русская лирика, русский голос, не властный, но выразительный до защемления сердца.

— Это кто? — спросил я, отведав Славу Шуткова в сторонку.

— Как, ты не знаешь? Это же Семен Милосердов! — в голосе товарища слышалось неподдельное уважение. — Он, — Слава кивнул головой в сторону, откуда все еще слышался грудной напевный голос, — настоящий поэт! Только из тюрьмы вышел, — притушил Шутков со значением голос.

Тогда для меня человек, вышедший из тюрьмы, был роднее родного брата, за таким человеком тянулся шлейф романтики и бунтарства, непокорности власти и многое, многое другое. Значит, он — мужик что надо! У нас, в бригаде монтажников, почти все оттуда, с той стороны, мировые ребята! Что покурить, что выпить с ними, что поговорить — одно удовольствие!

Я не поверил Шуткову. Чтобы этот интеллигент, да еще в очках, был бывшим зеком — да не в жизнь! Поэтому, знакомясь с очкариком, я, нагло сплюнув себе под ноги, как делаю бывалые ребята, протянул свою, хоть и небольшую, но достаточно мозолистую ладонь. Мол, знай наших! Но очкастый или не заметил моей наглости, или не придавал такому хамству значения, пожал вежливо мне руку и назвал свое имя.

Тогда я, имея честно заработанную трешку в кармане, предложил сбегать за бутылкой и отметить, но очкарик отказался, что меня несказанно удивило. Удивило даже больше, чем отсутствие наколок на руках и всяческих перстней на пальцах, говорящих о лагерном авторитете.

«Ненормальный какой-то, — подумалось мне. — В очках... стихи читает... — Конечно, ненормальный!»

Юношеский максимализм и самоуверенность в то время так и перли из меня наружу, за что я неоднократно расплачивался одиночеством.

6

Если фамилия что-то говорит о человеке, то о Семене Семеновиче Милосердове фамилия сказала все.

Милосердов был очень мягким и легким в обращении человеком, деликатным, несомненным ни одиночной камерой смертников, ни лагерным униженным существованием.

Много чего рассказывал Семен Семенович о себе в редкие минуты откровения. Так получилось, что я много раз был его внимательным и признательным слушателем.

Поэт никогда не жаловался на свои бесполезно истраченные за колючей проволокой и на лесоповалах годы. Наверное, действительно, страдания очищают и возвышают человека, как говорит Священное Писание.

Мне никогда не приходилось видеть его недоброжелательным к кому-либо. А это, признаться, в среде писателей многого стоит.

О своих лагерных злоключениях Семен Семенович Милосердов рассказывал с мягким юмором и короткими смешками. Но во всех его тюремных байках проскальзывала тихая грусть. Как будто легкий дождичек источался из его слов, — там он был молод, талантлив, но со связанными за спиной крыльями.

Полученная на войне рана искалечила его ногу, но в зоне это не давало никакого снисхождения и преимущества. Там были другие законы и понятия. За пайку надо было ломиться и горбатиться так, что не разогнешься до самой смерти. Вольготно жилось только уголовным авторитетам, ворами в законе, для которых труд — «запало». Пайку с добавкой им зарабатывали такие, как Семен Семенович — «мужики» по лагерному кодексу. «У авторитетов всегда — пайка с маслом и водка с квасом», — говорил, посмеиваясь, бывший зек, поэт Милосердов. «Мужик Семен» — так называли его в лагере.

Кроме утробистой физической работы, у Семена Семеновича была еще и негласная обязанность — помогать писать друзьям по несчастью прошения о помиловании. Многие его «ходатайства» за «мужиков» получали положительные решения у прокуроров, и Милосердов занимал среди сокамерников такой авторитет, настоящее уважение, которое ни в коей мере не равнялось на авторитет воров в законе, но все-таки приносило поэту послабление от товарищей.

Блатные, наслушавшись баек о писательских талантах «мужика Семена», нанимали его писать душещипательные письма-«малявы» своим оставленным на свободе подельникам и «марухам», за что «мужику Семену» разрешалось разделять трапезы с авторитетами. В лагерных условиях — невиданное дело!

Блатные «мужиков» не трогали, но и рядом с собой не сажали. Каста не та. А «Семена» угощали на равных, значит, тоже признанный авторитет, хотя и не блатной.

Слава о «мужике Семене» расходилась по лагерю, как чифир по кругу.

В уголовной среде держит «масть» сила, а ее, этой силы, у Милосердова, израненного и искалеченного, не то чтобы маловато, а совсем ничего. А тут, как на грех, по лагерю почин объявился.

Поэт Семен Милосердов выступает на Дне поэзии,
начало 1960-х годов

Рассказывая об этом почине, Семен Семенович поднимал голову, высверкивая очками, и с таинственной улыбкой посматривал в потолок.

Дело в том, что начальственная власть изощрена и на выдумки горазда. Вот и придумали в политорганах Гулага хитроумный способ повышения норм выработки.

И, действительно, после объявления этого почина, плановые задания и без того высокие, перекрываться стали на двести и более процентов.

На лесоповальных участках такого до сих пор не случалось. Раньше работали только за пайку да за воров в законе, других стимулов не было, а теперь работали еще и за «интерес». Лагерь завозился, как улей. Отрядные только головами покачивали: «Ну, «мужики»! Кормежка вроде все та же, а сила изо всех щелей прет! Вот-те да! Вот-те заманка!..»

Замысел начальников был психологически и физиологически выверен. Прост, как все гениальное. Действовал безотказно.

Замысел состоял в том, что в двух километрах от мужского лагеря, где отбывал свою повинность поэт Милосердов, располагалась женская колония, и это надо было как-то использовать в трудовом соревновании.

Женщины в основном работали на обрубке сучьев, веток, уборки территории лесоповала. Работа, надо сказать, тоже не из легких.

Женщин выводили из зоны и вводили обратно с работ до объявления «почина» в разное время с мужским лагерем, чтобы, не дай Бог, двум колоннам встретиться вместе. Мало ли что могло случиться? Остерегалось начальство эксцессов, боялось. А тут каждый день женщин стали водить таким образом, что дороги их с мужичками на короткое время пересекались. И тогда — захлебывались горлом не только сторожевые собаки. Охрана для острстки стреляла поверх голов, но крики восторга унять да и перекрыть выстрелами не могла, а, может, и не хотела. Даже давали команду замедлить шаг. И что тогда было! Человеческий котел взрывался слезами и смехом. Кричали все разное, но смысл был один — непресякаемая и неуничтожимая тоска по естеству.

«Представь себе, — говорил, посмеиваясь, Семен Семенович, при этом глаза его за стеклами очков молодо загорались оптимизмом бывшего зека. — Представь себе — после невыносимых ограничений — и невероятно! Мужики и бабы. И все это на расстоянии вытянутой руки. Но — шаг в сторону считался побегом. Пуля с той или с этой стороны обеспечена. Не промахнется, поцелует — это уж точно — последним смертельным поцелуем. Вот и кричали, исходили воплями обе колонны — видит око, да зуб неймет... Конечно, изощренность инквизиторская. Сатанинская. — Семен Семенович теперь уже возмущенно поблескивал очками. — Все было выверено и рассчитано по законам биологическим. А тут и приказ-распоряжение зачитали по отрядам: победителей соревнования, это тех, кто в течение полугода даст не менее двухсот процентов выработки, ждет «культпоход» в женский лагерь со всеми вытекающими отсюда последствиями, так сказать. — Милосердов улыбнулся своим воспоминаниям. — Начальство закамуфлировало встречу этих двух миров, говоря проще, мужиков и баб, под обмен опытом в художественной самодеятельности. Ну, мужики и пошли вкальвать! За двойную пайку так не горбатились. За месяц квартальный план выполнили. Женщины — великая сила! Ха-ха-ха! — Семен Семенович, сняв очки, стал протирать завлажневшиеся глаза, наверное, не все так было смешно...

Надо сказать, Семен Семенович Милосердов, несмотря на лагерное прошлое, «феней» никогда не пользовался. Интеллигент — он и в Африке интеллигент.

От неумных матерных слов Милосердов всегда морщился и останавливал под каким-нибудь предлогом матерщинника. Ну, никак не прививалась к нему эта наука русского словотворчества.

Бережное отношение к слову переносилось им и на поэзию, в его стихи, в чем можно убедиться, открыв на любой странице его сборники. Берег он слово, не транжирил понапрасну.

С той же бережливостью относился он и к женщине. Поэтому красочный рассказ его о встречном обмене передовиков обошелся без крутого перчика и клубнички.

— Так вот, — улыбался Милосердов, — отобраны лучшие из лучших — ударники подневольного труда. Не обошлось, конечно, и без блатняков. Те не утомлялись, но очень рвались в женскую колонию. «Марухи, — говорили, — у нас там. Нам повидаться надо. Поквитаться. Приласкать кого надо. Должок спросить».

В лагере без блатняков ни один почин не бывает. Паразиты, одним словом. За ними сила воровских законов. Поддержка.

— Ну, вот, — продолжает Семен Семенович, — приехали. Как только мы вышли на сцену, так нам и показать свою самодеятельность, попеть-поплясать не дали. Со сцены женщины нас на руках выносили. Поплыли эти танцоры с певунами и мастерами художественного слова. Заначки, они и в лагере, заначки. Щелей и чуланчиков разных много. Вот и рассредоточились. А кому не досталось укромного места, так и под небом хорошо, лучше не бывает, — Семен Семенович смеется лукаво, весело. Наверное, поозорничать и ему пришлось. Вспомнил вот, и снова мальчишкой стал, вроде и не было обид и страданий лагерной жизни. — Вохровцы, — говорит, откашлявшись Милосердов, — потом почти целые сутки собирали счастливых. Неумеренность даже в этом деле сыграла плохую службу. После этого указ вышел о переводе начальника лагеря куда-то на юг Ледовитого океана. Далеко. Так и остался почин этот без продолжения. Не поняли начальники в Москве душевных порывов. Не получилось. Так вот...

Вспоминая этот рассказ, я и теперь вижу сверкающие очки и зазорное, запрокинутое к небу, по-русски добродушное лицо Семена Милосердова. Он всегда парил выше уровня горизонта, какие бы трудности ему ни встречались. Но к быту, обыденным вопросам жизни он, как мне казалось, был мало приспособлен, что можно подтвердить одним характерным случаем: однажды, встретив меня на улице, Семен Се-

менович посетовал на то, что в такую жару он не может принять душ — что-то случилось с краном.

Ну, кран, водопровод, батареи отопления, железяки всякие были как раз по моей специальности. Только что инженерный институт окончил.

— Проще простого! — говорю я Семену Семеновичу. — Ставь бутылку, и кран будет работать, как у молодого! — ерничаю.

— Ну, бутылки у меня нет, а вот спиртику пузырек найду. Пошли!

Приходим на его новую, большую, в три комнаты квартиру. Он заводит меня в ванную комнату.

— Смотри! — отвернул кран.

Из сверкающего никелем крана душевой установки, как из простуженного детского носика, сопелька бежит. И все.

Каково же было его удивление, когда я, прямо на его глазах легко отвернул блестящую коронку на кране, освободил седелку клапана от окалины, и мощная струя загудела, запела, ударяясь о дно ванны. И мы с Семен Семеновичем тоже ударили по рукам.

Спирт — вещь ходовая в любое время. Разве откажешься? Но сам хозяин мой энтузиазм насчет питья поддержал только в самых маленьких количествах, сославшись на здоровье. Может быть, поэтому я в тот день оказался далеко-далеко от дома и не совсем в уютной обстановке. О чем и рассказывать не хочется.

Семена Семеновича не смогли сломить ни военные годы, ни годы лагерей, где редкий человек выдерживает, не меняясь. Пил он всегда умеренно. И то только сухие и слабые вина, которыми мы, его младшие товарищи и почитатели, всегда пренебрегали, испорченные волей и безотцовщиной.

Несмотря ни на что, поэт Милосердов любил молодых и всячески опекал нас, был снисходителен, но и по-товарищески требователен.

Первым, от кого я услышал добрые слова о себе, был, конечно, Семен Семенович. Не раз мои стихи появлялись в областной печати с его напутствующими строчками, что в настоящее время встречается редко, а зря. Добрые творческие высказывания старших окрыляют и вселяют веру в собственные силы.

Но что говорить? Теперь и времена другие, и нравы...

Мне до сих пор памятен тот день, когда Милосердов поздравил меня по телефону и радостно сообщил, что в обширной академической работе Института русской литературы «История советской поэзии за 1941-1980 годы» есть упоминание и о моем творчестве. Милосердов весело шутил, мол, задаваться теперь станешь, в классики вышел! Нам, старикам, и руки не подашь. Но это было сказано от всей щедрости и благодушия доброго человека, безо всяких подначек, на которые так богата творческая братия.

Семен Семенович был романтиком с головы до пяток. Мог восторгаться чужими стихами так, как будто только что написал их сам. Но иногда и поругивал: «Аркадий, не говори красиво!» — и хлопал меня по плечу, повторяя слова одного из героев Островского, когда я, захлебываясь эпитетами, увлеченно читал ему при встречах что-нибудь свое новое.

Я обижался, но Семен Семенович был абсолютно прав всегда. Излишняя метафоричность делала тогдашние мои стихи подобием развесистой клюквы, кружев разных...

Но как радовался Милосердов, когда кому-то из наших молодых удавалось сказать свое неповторимое слово. Семен Семенович в этом отношении был настоящим педагогом, умным и благожелательным. Недаром же он до конца своих дней вел литературное объединение «Радуга». Это объединение было настоящей школой для начинающих писать. Теперь об этом, увы, осталась одна память...

...Тогда, в далеком пятьдесят седьмом году прошлого века, мы вышли из областной библиотеки имени Пушкина: Семен Милосердов, молодой еще, Анатолий Куприн, задиристый и уверенный, Вячеслав Шутков, ироничный и всезнающий, и я — деревенский, но достаточно наглый, оставив за спиной такой таинственный и тихий свет зеленых ламп читального зала.

Вышли на широкую улицу. Стояла поздняя осень, и легкий к ночи морозец уже намекал на скорую зиму. В городе гулко и просторно. Празднично горят высокие фонари на столбах. На перекрестке, возле бывшего музыкального училища, как большая круглая луна, светились электрические часы с огромными стрелками. Тогда почти по всему городу такие часы висели, напоминая влюбленным о свиданиях, а женам — о домашнем уюте и горячей чашке чая. Сколько под такими часами пережито вздохов и разочарований! Сколько томительных часов!

Но это было потом. А пока на улице оживленно и суетно. Заканчивался рабочий день. Люд, оставивший свои производственные заботы за проходной, торопливо шел, обгоняя нас, увлеченных молодостью и стихами.

Помнится, Слава Шутков как раз обкатывал звучного Эдуарда Багрицкого, по-сматривая на нашу реакцию. Багрицкий тогда был на слуху и у тамбовских поэтов в большом почете. А как же? Поэт, отвергающий напрочь мещанский быт и обыденность: «От черного хлеба и верной жены мы бледною немочью поражены», отвергающий своих родителей — «...И надо мною ржавые евреи косых бород скрестили лезвия», пренебрегающий семейными устоями — «...Я покидаю ржавую кровать. Уйти? Уйду! Тем лучше. Наплевать!».

Нам ли, вкусившим волю, не чтить этого поэта? Строчки «По рыбам, по звездам проносит шаладу...» меня привели в совершенный восторг. Багрицкого у нас в школьной программе не было, а факультативных занятий тогда не велось. Какой факультатив, когда в нашей маленькой сельской школе занятия проходили в две смены, а классы были настолько уплотнены, что к радости всех учеников, опрос любого был не чаще одного раза в месяц — тридцать пять, сорок человек в малосенькой классной комнате! Поэтому мои познания поэзии дальше общеизвестных поэтов революционной и социальной направленности не распространялись, и я шел, теперь поглядывая на своих попутчиков, оглушенный их эрудицией.

Высокий, слегка прихрамывающий Милосердов больше был похож на мудрого учителя, чем на поэта. Очень он уж аккуратен был!

Помню тогда, в тот осенний хрусткий вечер, он на радость нам прочитал «дядю Володю» — это так мои знакомые поэта Луговского звали, еще живого, его знаменитую «Песнь о ветре».

Читал Семен Семенович, конечно, мастерски, по-соловьиному перекачивая игручную словесную ртуть в горле, и эта его манера чтения будила во мне творческий азарт и вдохновение.

Потом были еще стихи Сельвинского, Иосифа Уткина, Павла Когана. От отчаяния у меня наворачивались слезы на глазах; я был настоящим профаном в поэзии и литературе, и понял: надо учиться, во что бы то ни стало, зубами цепляться за университетские знания.

То было незабываемое время! Время политической оттепели. Необычайно вырос интерес к поэзии и литературному слову. Устраивались вечера в студенческих аудиториях, рабочих общежитиях, в клубах, и везде нас встречали с неизменным успехом, особенно девочки.

Всю ту зиму после встречи с молодыми и начинающими поэтами-сверстниками, после встречи с Семеном Милосердовым я с головой окунулся в поэзию начала двадцатого века, которая наиболее полно отвечала моему тогдашнему представле-

нию о настоящей жизни в искусстве. А летом я поступил в местный пединститут на историко-филологическое отделение, правда, на вечерний факультет. Ко мне, как к рабочему парню, при зачислении на учебу отнеслись с большой снисходительностью. Требования к абитуриентам тогда были необычайно высокие. Учиться в институте, в силу моей несдержанности и неряшливого образа жизни, мне тогда не удалось. После службы в армии мне все же удалось закончить вуз, но только технический...

Добрые были времена! Хорошие времена! О них-то я и вспоминаю сейчас с доброй улыбкой, хотя и грустной. Как там сказано у Слуцкого, кажется: «Давайте после драки помашем кулаками. Не только пиво-раки мы ели и лакали. Нет, назначались сроки, готовились бои. Готовились в пророки товарищи мои!..»

Как молоды мы были! Как верили в себя!

Господи! Уже почти полвека прошло с той поры, а я все мальчишествовую, строю планы... Тороплю жизнь. Так ли мы думали тогда? Ведь тоже торопились, мальчишествовали, строили планы...

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В мире все взаимосвязано, одно перетекает в другое, в третье... Из тоненького светлого ручейка, каковым является жизнь одного человека, рождаются мощные реки национальных объединений и народов, которые, в свою очередь, вливаются в моря, наполняя мир недолговечных разумных существ собою.

Кажется, бился родничок где-то, жил, толкался, промывая песчинки, пестал солнце, его заваливали мусором, забрасывали бетонными глыбами, душили земляной насыпью, но он снова пробивался. А рядом — точно такой же родничок. И тоже, грохоча и круша ивняковую поросль, подъехал грузовик-самосвал, железная душа, и засыпал щебнем солнечную струйку, но и тот смог просочиться сквозь осколки и осколки бытия. И вот эти два ручейка сплелись-обнялись. И им уже стало легче вдвоем, размывая запруды, искать свою реку, свою Волгу...

С письмом, которое лежит передо мной, я ознакомился позже. Гораздо позже того, когда оно было написано.

Иван Игнатьевич Овсянников, заместитель редактора «Тамбовской Жизни», сам большой друг, любитель и пропагандист творчества поэта Милосердова, знакомясь с этим маленьким повествованием о моих тогдашних встречах, показал мне письмо из Донецка.

Автор письма, художник, и тоже хлебнул горьких и кислых щей, по-другому сказать, лагерной баланды вместе с Семеном Милосердовым в одном бараке.

Вот ведь как бывает в жизни! Действительно, гора с горой не сходится, а человек с человеком...

Правда, письмо не застало на этом свете Семена Милосердова. Краток век человека...

Вот само письмо. Оно интересно своей подлинностью и доброй человеческой памятью. Привожу его целиком: «26 апреля 1989 года, возвращаясь самолетом из ялтинского санатория маршрутом Симферополь-Тамбов-Донецк, в газете «Литературный Тамбов» я прочитал статью о поэте С.С. Милосердове. Фамилия редкая и очень запоминающаяся.

Волей изменчивой судьбы в 1949-1955 годах я оказался в числе опальных в Унжлага Горьковской области и в 1954 году попал на шестой ОЛПе, где работал художником, участвовал в художественной самодеятельности, благодаря которой имел некоторые послабления. Там у нас был кружок любителей поэзии, среди которых были Милосердов, Глебов, Басюк, Ермолаев и я. Мы нередко обменивались мыслями, читали друг другу свои стихи и находили в этом определенное утешение. Среди других

товарищей особо отличался «мужик» Семен Милосердов талантом и своим тихим нравом, скромностью. Какой-то задумчивостью.

И вот теперь... через 54 года, увидав портрет поэта, я узнал его. А потом засомневался... Он ли это? Может быть, брат или однофамилец того человека, с которым мы сблизились в сталинских лагерях.

За эти годы я забыл его имя, но, увидев портрет в газете, сразу вспомнил — так это же Семен, «мужик» Семен!

Первой моей мыслью было написать ему письмо, но в дальнейшей статье было сказано о его смерти, о чем я искренне скорблю и сожалею.

Еще мне запомнилось, что первым человеком, сообщившим мне об амнистии осенью 1955 года, был он, мой друг по несчастью — Милосердов. Он всегда приносил какие-нибудь радостные вести. Действительно — Милосердов.

С уважением, Бочаров Леонид Григорьевич».

Вот такое письмо...

Алексей Александрович Багреев родился в 1979 году в городе Ленинграде. Окончил Инжавинскую среднюю школу № 1. Член творческого объединения «Откровение». В 2006 году прошел конкурсный отбор на участие в третьем слете «Дети Солнца» в Москве. Публиковался в региональных изданиях, коллективных сборниках, «Тамбовском альманахе». Автор трех поэтических сборников. Член Союза писателей России.

Алексей Багреев

«Я ЛЕТЕЛ ВО ТЬМЕ ЧЕРНЫМ ВОРОНОМ...»

* * *

Мне часто снится поле Куликово
И пеший строй, в котором я стою.
Гудит булат, что был дедами кован,
Хмельная ярость полнит грудь мою.

Засадный полк пока еще далече,
А до орды один полет стрелы.
Последний вздох перед великой сечей,
Сомнения ничтожны и малы.

Дрожит земля, траву качает ветром,
Сияет небо, синевой маня,
А я молюсь богам, уже запретным,
Чтоб предки не стыдились за меня.

* * *

Не стучи тяжелым молотом
По вискам.
Не трави ты душу холодом,
Грусть-тоска.

Что там сыплется да колется —
Маета.
Кто-то там надрывно молится
Неспроста.

Рвется в небо лист березовый —
Не у дел.

Весь какой-то желто-розовый
Полетел.

Снова дождик льет за окнами,
Снова грязь
Мутно-серыми волокнами
Поднялась.

Что там в омуте колышется?
Соль, вода?
Что-то мнится, что-то слышится —
Ерунда.

Тяжело дышать с надрывами —
Воздух крут.
Мысли старыми нарывами
Вены рвут.

Все разломано, расколото —
Недосуг.
И завыл в лесу от голода
Серый друг.

* * *

Я летел во тьме черным вороном,
По лесам бежал зверем раненым.
Я искал зерно, зерно истины,
А нашел лишь боль, одиночество.

И жила мечта неприкаянно
Среди черных бед белым пламенем.
А почудилось, будто сбудется.
И забился страх в сердце бедное.

Коли сбудется — что останется?
Не померкнет ли солнце ясное,
Для других светить переставшее,
Все в мою мечту перешедшее?

И опять во тьме крылья черные.
И шумят леса заповедные.
Путь вперед бежит, извивается...
...Может, он и есть счастье вечное?

Евгений Егорович Боев родился в 1952 году в городе Липецке. Окончил Тамбовский институт культуры и педагогический институт. Работал преподавателем в вузе, школьным психологом. Публиковался в региональных изданиях. С 2000 года в Тамбове и Воронеже издал более двадцати стихотворных книг. Член Союза писателей России.

Евгений Боев

ПРИСЯДЕТ СТАРОСТЬ НА СКАМЬЮ

* * *

Металась ночь в сырой постели
Дождей, разостланных внаброс.
Мы ничего так не хотели,
Как воплощенья юных грез.
Но все темней и суше низка,
Куда нанизывают дни.
И облака плывут так низко,
Как будто ранены они.
И совершают путь последний
На самый краешек земли,
Где похоронят наши бредни
В общекосмической пыли...
Мы так привыкли жить, не зная
О смысле брэнного пути,
Как будто книжка записная
Потеряна. И не найти...

* * *

Право, не пришлась мне ко двору
Скользкая, как ящерица, тишь.
На таком двусмысленном ветру
Дольше жизни вряд ли простоишь.
Лучше сразу в омут вечных мук,
Или в снег бессмысленной вражды,
Где хитросплетенья глаз и рук
Виснут, как сосульки с бороды.
О, всемировое шутовство —
Стоязыкий клоунский колпак!

Под удары бубна твоего
Я плясать не разучусь никак,
Оттого, наверно, что привык
Выводить сплошные вензеля
В стиле оптимистов-горемык,
На которых держится земля.

* * *

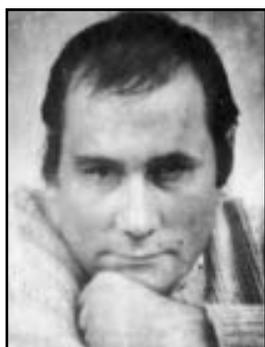
Морщинистой и неудельной
Присядет старость на скамью
И на гармошке сновидений
Сыграет мне про жизнь мою.
Расправятся и грудь, и плечи,
И уголки сухого рта...
Есть что-то в человеческой речи
От музыки и от кнута.
Мистерия пинков и клавиш —
Хребет любого языка.
И опорочишь, и прославишь,
И исказишь, наверняка.

* * *

Как снегирь, раскраснелась душа
И порхает от злобы к добру.
До чего же ты, жизнь, хороша
Поутру!
А потом изнуряющий зной
Неизвестно откуда приполз
И кидался, и выл, как цепной,
Пару суток некормленный пес...
Та беда миновала давно.
Нынче поздняя осень в саду
Разбавляет дождями вино,
Что еще я у жизни краду.

* * *

Жизнь переходя, как речку, вброд
Или по удобному мосту,
Отщипните от своих щедрот
Страждущему рту.
Обласкайте бархатных стрекоз,
Похвалите шустрых пескарей.
Всех нас время бросит под откос —
Это ли не повод стать щедрей?..

Анатолий Александрович Остроухов родился в 1959 году в городе Вахрушево Луганской области (Украина). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал журналистом, учился на Высших сценарных курсах Госкино СССР. Публиковался в тамбовских изданиях, в журналах «Подъём», «Наши современники», коллективных сборниках. Автор нескольких книг поэзии. Член Союза писателей России.

Анатолий Остроухов

ЧЕРТЫ ВЕЧЕРНЕГО ЛИЦА

* * *

Шли кони медленно по краю
откоса темного. Легка,
ладья скользила по Дунаю.
Дунай — славянская река.

Кукушка скелето и больно
вещала песней вековой.
И над равниною раздольной
кружил стервятник молодой.

Но опечаленные други,
в сетях задумчивых глубин,
качались в седлах, свесив руки,
закрыв глаза. И лишь один

комонь горячий, одинокий,
гнул шею и печалил взор,
смотря назад, в голубокий,
навек оставленный простор.

Там дым разлуки поднимался,
разлуки, длящейся в веках.
И без остатка растворялся
в плывущих мимо облаках.

* * *

Бабушка процеживает молоко.
Махотки стоят в полукруг.
Дужка звякнет — слышать далеко
домашний вечерний звук.

Достанет она чугунок с водой,
ведро сполоснет слегка.
Выйдешь на улицу — запах густой
лета и молока.

Месяца тень замерла на лугу.
Росы ее серебрят.
Тихо кругом. На колхозном току
желтые лампы горят.

Звезды с громадного неба мерцают,
в рощах растут колдовские грибы,
белые лебеди пролетают
сквозь распахнутые окна избы.

* * *

Когда из мутного былого,
из водоворота бытия,
взошло листом осенним слово —
немая вздрогнула земля.

Я говорю, а пар морозный
стеклянно стынет на устах.
Мне страшно видеть холод звездный
в твоих темнеющих глазах.

О, сад осенний, сад осенний,
страхни с ветвей звенящий лед.
За что мне горечь откровений
сознание больное жжет?

...Долина неба снег уронит,
и сразу — молния в глаза!
Держал снежинку на ладони,
взглянул — а там лежит слеза.

* * *

Жизнь озера невыразима.
Неравнодушна, как слеза.
Пусть перед озером трясина,
но в небе озера — звезда.

Но в небе озера — разлука,
сквозит разлука без конца!
Отпрянул я — такая мука
в чертах вечернего лица.

Волна ночная, набегая,
колышет звездный небосвод.
Печально девушка нагая
по дну озерному бредет.

Виденьем странным очарован,
иду к воде. Но что со мной?
Не стронусь с места. Я прикован
какой-то силой неземной.

А девушка глядит с упреком,
навек уходит в небеса...
и светят в омуте глубоком
ее печальные глаза.

Волна дневная набегает,
шумит и плещется, шутя.
Ночные наважденья тают.
Иду, трясины обойдя,

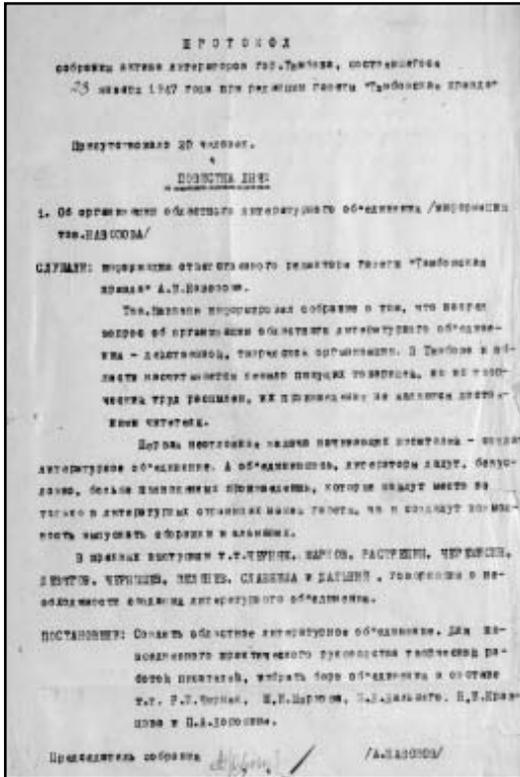
к ручью. Его я слышу речи
в недалеком низком сосняке.
Спрошу его — но он лепечет
на непонятном языке.

Что знаю я о жизни этой,
о тайной жизни в глубине?
О девушке? Но нет ответа,
никто не отвечает мне.

Жизнь озера невыразима,
неравнодушна, как слеза.
Пусть перед озером трясины,
но в небе озера — звезда!

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Протокол собрания литературного
актива при редакции
газеты «Тамбовская правда».
23 января 1947 г.

Сергей Михалков и
писатели — участники
альманаха «Литератур-
ный Тамбов», вверху
(слева направо)
Н. Растрёпин, С. Голова-
нов, А. Попов, Д. Девя-
тов, внизу (слева напра-
во) И. Кучин, С. Михал-
ков, П. Дорошин. 1950 г.

Поэты Николай Ладыгин, Александр Стрыгин, Майя Румянцева, Семен Милосердов, Иван Кучин на вечере поэзии в Тамбове. 1966 г.

Лидия Перцева выступает на занятии литературного объединения «Радуга»

Члены литературного объединения «Радуга» на вечере встречи с тамбовскими писателями. Январь 1985 г.

Валентина Дорожкина

ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ...

(Из летописи Тамбовской писательской организации)

Тамбовской областной писательской организации исполнилось 55 лет... Можно было бы и не говорить о ее истории, а выставить все книги, изданные за прошедшие годы, рецензии на них, газетные и журнальные публикации. Во всем в какой-то мере отражена жизнь автора и его окружения. Но, во-первых, для подобной выставки потребовалась бы не одна экспозиция и даже не один зал; во-вторых, всех публикаций уже не собрать; в-третьих, интересно иногда и в документы заглянуть. Ведь в художественном произведении не найдешь ни протокола собрания, ни «постановления», ни полной биографии автора. А в архивных документах отыщешь иногда такое... Ну, скажем, давным-давно забытое. А забывать не надо, потому что за каждой, самой затертой бумажкой, — человек, в данном случае писатель, творец, его жизнь и судьба.

Вот и начнем именно с архивного документа.

«11 ноября 1960 года Секретариат правления Союза писателей РСФСР принял постановление «О создании отделения Союза писателей РСФСР в г. Тамбове». Его первым ответственным секретарем был избран Александр Васильевич Стрыгин, а весь административный штат состоял из ответственного секретаря и бухгалтера.

С 26 мая 1967 года на основании нового устава Союза писателей СССР, принятого на шестом съезде Союза, областное отделение стало именоваться областной писательской организацией.

На 1 января 1969 года членами Союза писателей являлись 10 прозаиков, поэтов и драматургов и 20 членов литературного актива. В некоторых учебных заведениях Тамбова и области стали действовать литературные кружки и объединения»...

Вот такой официальный документ выдала 8 августа 2000 года служба Государственного архива Тамбовской области, уточнив тем самым дату создания писательской организации. Раньше этой датой считалось 22 декабря 1960 года. Однако, как теперь стало известно, в этот день в Тамбове состоялся торжественный вечер, посвященный знаменательному событию...

Безусловно, документ требует расшифровки — с именами, событиями, «убытием» и «прибытием» писателей.

Оказывается, до образования Тамбовского отделения Союза писателей РСФСР в Тамбове существовала писательская организация, но документы за тот период не сохранились. И все-таки кое-что удалось найти и узнать из разных источников.

9 декабря 1932 года в газете «Тамбовская правда» была опубликована заметка «Оживить работу писательской организации». В ней говорилось, что 5 декабря 1932 года состоялось общее собрание членов Тамбовского отделения Союза советских писателей, на котором был заслушан доклад оргкомитета «О перестройке литературных организаций на основе Постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года», принят план работы, предусматривающий широкое развертывание деятельности Тамбовской писательской организации. С чтением своих произведений на собрании выступали Труфанов и Соловых. В плане намечалось проведение ежемесячных собраний, вечеров, встреч с читателями...

Значит, еще почти за тридцать лет до создания писательской организации существовала литературная предтеча, у которой тоже, наверное, были свои корни...

Если заглянуть в историю глубже, то можно узнать, что писательская организация берет свое начало с еще более ранних лет.

В 1918 году в Тамбове был создан Пролеткульт, начавший свою деятельность с издания журнала «Грядущая культура» и организации нескольких студий, в первую очередь — литературной. Важную роль в этом сыграли поэты Александр Поморский и Владимир Кириллов. Здесь начинали свою творческую деятельность поэты М. Слободской, П. Слетов (Кудрявцев). В литературном приложении к газете «Тамбовская правда» печатались произведения И. Катаева, Б. Дальнего, В. Докукина, С. Евгенова, Г. Якубовского.

В 1920-е годы была создана Тамбовская ассоциация пролетарских писателей, которая периодически отчитывалась о своей деятельности. В одном из документов, опубликованных в книге «Культурное строительство в Тамбовской губернии в 1918-1928 гг.» (Воронеж, 1983), говорится: «Тамбовская ассоциация пролетарских писателей к данному времени (ноябрь 1927 года) объединяет 12 человек. Занятия проводятся еженедельно...»

Других сведений о литературной деятельности в Тамбове и области за те годы в архивах нет...

Обратимся к более позднему времени. В 1947 году при редакции газеты «Тамбовская правда» было создано областное литературное объединение, просуществовавшее 13 лет, то есть до 1960 года, когда вышло постановление о создании в Тамбове отделения Союза писателей РСФСР. За это время были изданы книги рассказов и повестей Александра Стрыгина, Федора Белохвостова, Бориса Черемисина, Николая Кузьминова; сборники стихотворений Сергея Голованова, Ивана Кучина, Герасима Приземлина, Павла Дорошина. Пьесы драматургов Дмитрия Девятова и Николая Архангельского ставились на сцене драматического театра имени А.В. Луначарского.

Бюро литературного объединения дважды направляло ходатайства в Правление Союза писателей РСФСР об открытии в Тамбове отделения писательского Союза. И, как мы теперь уже знаем, 11 ноября 1960 года прошение было удовлетворено...

В формировании Тамбовской областной писательской организации принял активное участие писатель Эммануил Казакевич. Еще в 1955 году он, по поручению Союза писателей СССР, побывал в Тамбове, общался с молодыми литераторами. Скорее всего, это была реакция на первое ходатайство бюро литературного объединения. В разговоре с тамбовскими авторами Казакевич узнал об их тяжелых жилищных условиях и обратился в обком партии к тогдашнему первому секретарю Алексею Михайловичу Школьникову (1914—2003) с просьбой о помощи.

Вернувшись в Москву, известный советский писатель не забыл о проблемах

тамбовских собратьев по перу. В письме к Школьникову он напоминает о необходимости выделения жилья Ивану Кучину, Герасиму Приземлину, Сергею Голованову и благодарит первого секретаря обкома КПСС: «Спасибо Вам за то, что Вы, как и обещали, дали указание предоставить стандартный домик молодому способному литератору Стрыгину. Домик этот он из лесхоза получил и, естественно, счастлив...»

Вот эти, тогда еще молодые литераторы, о которых так беспокоился Казакевич, и стояли у истоков Тамбовской областной писательской организации. Первыми членами Союза писателей РСФСР были: критик и переводчик Эмиль Беккер, поэты Сергей Голованов, Иван Кучин, прозаики Владимир Комов и Александр Стрыгин, избранный на собрании писателей первым ответственным секретарем. Он проработал на этом посту до 1968 года.

Александр Васильевич Стрыгин (1920—1999) родился в деревне Беломестная Кривоша Тамбовского района. Только-только заблагоухала юность — с первыми признаниями, мечтами, — как началась Великая Отечественная война. Двадцатилетний лейтенант, окончивший Тамбовское артиллерийское училище, попал на фронт. Бои, ранения, партизанские отряды...

Тяготы военной поры позже найдут отражение в произведениях Александра Стрыгина. Природный дар и крестьянская закалка не раз помогали ему выживать. А легкой жизни он не искал никогда.

Вернувшись после войны на родную Тамбовщину, он устроился на работу в Тамбовский художественный фонд, одновременно занимался литературой, тягу к которой чувствовал с детских лет. Все настойчивее было желание поделиться переполнявшими душу чувствами с другими людьми, особенно с детьми, передать им красоту и богатство слова, русской литературной речи. Несколько лет были отданы работе с подрастающим поколением: Александр Васильевич был сельским учителем, воспитателем в детском доме. Интересные события, происходившие в стране, наблюдения за всем, что творилось вокруг него, не могли оставить равнодушным этого человека. Его «Записки воспитателя», рассказы и очерки о земляках стали появляться в местных и центральных газетах и журналах.

Александр Стрыгин — автор многочисленных книг очерков, рассказов, пьес, повестей, романов, стихов: «Простые люди» (1954), «Расплата» (1965), «Красный камень» (1966), «Терны» (1979), «У порога» (1985), «Голос из далека» (1994). В 1998 году вышел его однотомник «Романы», куда помимо прозаических произведений вошла автобиографическая поэма «Материнский зов». В последние годы жизни писатель занимался также живописью. И это творческое разнообразие помогало ему плодотворно работать до конца дней. Его книги и живописные полотна содержат в себе богатую историю страны и малой родины, творческие портреты выдающихся людей и простых тружеников, к которым писатель относился с любовью и уважением.

Большую роль в развитии литературного процесса в Тамбовском крае сыграло Центрально-Черноземное книжное издательство. После закрытия в 1963 году местного издательства книги тамбовских авторов стали выходить в Воронеже. Прочной связи писателей и издателей способствовала **Майя Александровна Румянцева** (1928—1980), возглавлявшая областную писательскую организацию с 1968-го по 1980 год. В этот период численность организации значительно возросла: членами Союза писателей стали прозаики Борис Панов, Александр Акулинин, Василий Кравченко, продолжавшие плодотворно работать и в XXI веке.

Родилась Майя Румянцева в Москве. На ее долю выпало тяжелое детство. Она была еще подростком, когда началась Великая Отечественная война. Уже тогда

будущая поэтесса понимала, что каждый человек должен внести свой вклад в дело победы над врагом. Труд, иногда и непосильный, сопровождал ее всю жизнь. «Не верят мне, что работала грузчицей», — написала Майя Александровна в одном из стихотворений. Да, в это трудно поверить тем, кто мало ее знал. Грузчицей она действительно работала, и вообще ей не чужд был любой труд. Она обладала удивительным даром опозитизировать все и всех.

Сколько стихов подарила читателям Майя Румянцева! Сколько профессий воспела в своих произведениях! Один из ее сборников «Характеры» — это книга посвящений: основцам, мичуринцам, липчанам, целым коллективам и организациям. Она писала о доярках, шоферах, учителях — о людях труда, с которыми вела доверительный разговор и делилась самыми сокровенными мыслями. Этот сборник вышел в свет, когда Майя Румянцева жила уже в Тамбове. А до этого работала в Москве лаборанткой в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, училась в Литературном институте имени А.М. Горького. Позже переехала в Липецкую область, а в конце 1960 годов — на Тамбовщину. Здесь, в черноземном крае, давшем Отечеству великое множество выдающихся людей, поэтесса обрела друзей, написала немало стихотворений и поэм, имела огромную аудиторию слушателей.

Тамбовский край стал для Румянцевой второй малой родиной, щедро дарившей ей темы и героев произведений:

Здесь удивляюсь каждой жизни,
Здесь судьбы к сердцу пролегли,
Для коих ширь большой Отчизны
С Тамбовской началась земли.

Первая книга стихов Майи Румянцевой вышла в 1962 году, а через год в Москве проходило Всесоюзное совещание молодых писателей. Майя Александровна попала в семинар известного поэта Николая Тихонова, который сразу обратил внимание на необыкновенную лирическую силу ее стихов, на их тонкий психологизм и светлое ощущение мира у автора. Через несколько лет еще один известный писатель — Илья Сельвинский — назвал Майю Румянцеву в числе талантливых русских поэтов.

Она много ездила по стране, а уж Тамбовскую область исколесила, как говорится, вдоль и поперек. Собираясь в очередную командировку, улыбалась: «Еду за стихами». И привозила их из каждой поездки. Стихи рождались после встреч с людьми, после каждого значительного события в жизни страны в целом и Тамбовщины в частности. Этот край Майя Румянцева полюбила всем сердцем. Обращаясь к столице в день прощания, поэтесса писала:

Москва, ты мне все прости —
И этот прощальный стих,
И то, что в разлуке с тобой
Сдружилась с другой землей.
И то, что сегодня под вечер
С волнением Тамбовщину встречу.

Творчество Румянцевой никогда и никого не оставляло равнодушным. До сих пор в библиотеках области пользуются спросом книги ее стихотворений и поэм: «Грузчица» (1962), «Чайка» (1965), «Твое имя» (1969), «Размах» (1971), «Как поэт опоздал на свиданье» (1974), «Характеры» (1977), «Дорога, встречи, любовь» (1978), «Избранное» (1980), а также сборники, изданные посмертно Тамбовским обществом любителей книги: «Встречи и разлуки» (1991), «Раскрепощенность» (2002). В 2006 году в Тамбове был выпущен том избранных произведений Майи Румянцевой «Неоткрытая глубина» в серии «Литературные родники Тамбовского края».

Сменивший Майю Румянцеву на посту ответственного секретаря писательской организации **Иван Сергеевич Кучин** (1924—2000) внес большой вклад в дальнейшее развитие литературной жизни края. Его имя хорошо известно тамбовским читателям разных поколений. И сегодня трудно найти жителя Тамбова, кто не знал бы знаменитые строки из стихотворения «Тамбов», написанные как своеобразный ответ автору «Тамбовской казначейши»: «Тамбов на карте генеральной // Кружком означен *навсегда!*»

Родился Иван Сергеевич в деревне Березовка Шехманского (ныне Петровского) района Тамбовской области в бедной крестьянской семье, учился в сельской школе, трудился на колхозных полях, работал учетчиком. В 1938 году вступил в комсомол, по комсомольской путевке из 9-го класса ушел на строительство оборонительных сооружений, а в 1942-м — в действующую армию. Рядовым пулеметчиком сражался на Юго-Западном фронте, под Сталинградом. Был ранен и контужен. После войны окончил факультет русского языка и литературы Тамбовского педагогического института, ряд лет был на газетной работе. Его стихотворные сборники «Наследство» (1959), «Январские розы» (1963), «Цветы и порох» (1968), «Линия жизни» (1984), «Чтобы жить» (2000) и многие другие всегда пользовались, пользуются и сейчас, спросом читателей.

Когда в издательстве «Советская Россия» вышел сборник Ивана Кучина «На том стою» (это был первый его сборник, изданный в Москве; до этого вышло девять поэтических книг в Тамбове и Воронеже), на нее откликнулись не только тамбовские почитатели таланта Ивана Сергеевича, но и известные московские поэты. Так, Владимир Котов, высоко оценив творчество нашего земляка, процитировал строки из стихотворения, открывающего сборник:

Если стоять — то скалой,
Если упасть — то в бою,
Если лететь — то звездой,
Веря в орбиту свою.

И особенно подчеркнул: «Сказать хлестко и многозначительно сегодня умеют многие. А вот сказать скупой и богато, чтобы буквально за каждым словом была энергия и точность мысли, как в этом стихотворении, на это нужно право — право гражданской личности».

Кучин это право имел, он его заслужил, доказал и оправдал всей своей жизнью. Он много внимания уделял работе с молодыми литераторами, из которых большинство стали потом профессиональными поэтами и прозаиками. Почти все они посещали занятия литературной группы при молодежной газете «Комсомольское знамя».

Эту газету несколько лет редактировал журналист и писатель **Георгий Дмитриевич Ремизов** (1930—1991). Не одному начинающему автору помог он выйти к читателю. Он сидел над их рукописями, все чаще откладывая работу над своими повестями и рассказами. Ремизовым написано немало, в его письменном столе остались незавершенные и уже подготовленные к печати рукописи. При жизни были изданы две книги: «Снежный рейс» (1973) и «В двадцати шагах от дома» (1987).

Этот человек всегда жив в сердцах тех, кто с ним общался. В память о нем «Книжная лавка писателя» Александра Акулинина в 1994 году учредила литературную премию, которая ежегодно вручается поэтам и прозаикам за активную и результативную творческую работу.

При писательской организации много лет работал Литературный фонд, заботившийся о материальном положении профессиональных литераторов. Его возглавлял участник Великой Отечественной войны драматург **Николай Васильевич Архангельский** (1917—2005). Первые его пьесы «Печать доверия» и «Упорные сердца» были поставлены в 1950-е годы в Тамбовском драматическом театре имени А.В. Луначарского. В 1974 году театр включил в свой репертуар еще одну пьесу драматурга — «Тропинки».

Николай Васильевич был известен в Тамбове и как хирург, около полувека проработавший в железнодорожной больнице. Медикам посвящены многие рассказы Архангельского, вошедшие в книги «Возвращение» (2000), «Право на жизнь» (2001).

Трудные людские судьбы нашли широкое и яркое отражение в творчестве тамбовского писателя и журналиста **Бориса Константиновича Панова** (1924—2008). Читая его произведения, реально представляешь героев, кем бы они ни были, — директорами колхозов или совхозов, полеводцами, трактористами, сельскими врачами, ветеранами войны и труда: писатель жил и работал бок о бок с ними, воевал, о тяжелом крестьянском труде знал не понаслышке; не чужды ему и проблемы горожан.

Родился Борис Константинович Панов в селе Елань-Колено Воронежской области. Окончив здесь семилетку, поступил в Бутурлиновский технологический техникум, но завершить учебу помешала война. Уходя добровольцем на фронт, будущий писатель и не предполагал, что все испытанное им на войне, ее трагические и счастливые моменты лягут, много лет спустя, горячими страницами в его рассказы, повести и романы.

Вернувшись после Победы домой, Борис Панов постоянным местом жительства выбрал Тамбовский край. Здесь он работал в районных и городских газетах, активно печатался на страницах областной прессы. Его очерки о тружениках сел и деревень Тамбовщины никого не оставляли равнодушным, обсуждались на райкомовских планерках и часто способствовали тому, что долго не решаемые вопросы сельской жизни наконец-то сдвигались с места. Не случайно Борис Константинович за серию проблемных публикаций в 1969 году стал лауреатом премии имени первого редактора газеты «Тамбовская правда» И.А. Гаврилова.

В разные годы в Центрально-Черноземном книжном издательстве выходили книги писателя и журналиста Бориса Панова: «Мартовским днем», «Хозяин», роман-трилогия «Посреди степей». В 2009 году, к 85-летию писателя, в Тамбове посмертно вышел однотомник его повестей и рассказов «На окраине».

Хорошо, когда слова любви, признательности, восхищения стихами говорятся поэту при жизни. **Семен Семенович Милосердов** (1921—1988) не был обделен вниманием читателей и критики. У него и почитателей было (и есть) немало. Его стихи не только не забыты, они постоянно звучат на вечерах в школах, в библиотеках, просто в кругу любителей поэзии.

Семен Семенович Милосердов родился в поселке Семеновка Тамбовской губернии. Потом семья переехала в Тамбов. Здесь будущий поэт окончил среднюю школу № 5, поступил в Саратовский университет имени Н.Г. Чернышевского, но завершить учебу не удалось: началась Великая Отечественная война. Много фронтовых дорог прошел молодой боец. В бою под городом Севском, на Брянщине, он был тяжело ранен, находился на оккупированной территории. Не долечившись, уходит в партизанский отряд, который позже влился в действующую армию. На белорусской земле, под Гомелем, Семен Милосердов получил серьезное ранение и в 23 года стал инвалидом. На фронтовых дорогах, в госпиталях, в минуты озаре-

ния он писал стихи, мечтал о литературной деятельности. Дерзнул после демобилизации поступить в Литературный институт имени А.М. Горького. Радости не было конца: осуществилась давняя мечта! Но в 1949 году его незаконно репрессировали, и пришлось ему изведать еще и горечь сталинских лагерей. Все это потом нашло отражение в стихотворениях и поэмах Милосердова.

В 1956 году он вернулся в Тамбов, был реабилитирован. Работал в районной газете. В 1982 году создал литературное объединение «Радуга», которым руководил до конца дней.

Несколько сборников вышли у Семена Милосердова при жизни, а после кончины, благодаря усилиям вдовы поэта Любови Михайловны Гориной, были изданы: «Белые колокола», «Люби меня, люби...», «России чистая душа», «Нюансы», «Халцедон»...

Отрадно сознавать, что читатели, приходя в библиотеки, спрашивают книги о Великой Отечественной войне. Роман **Алексея Емельяновича Шилина** (1924—2007) «Четвертый патрон» зачитан, как говорится, «до дыр».

Уроженец Тамбовского края, будущий писатель, окончив семилетку, работал почтальоном, заведовал сельской избой-читальней... Вернувшись с фронта, связал жизнь с железной дорогой, работал машинистом. Первый рассказ был напечатан в газете «Комсомольское знамя» в 1953 году. Потом появились книги рассказов и повестей. И вот в 1970 году увидел свет роман «Четвертый патрон».

Автор, бывший моряк, прошедший войну, написал книгу как собственную биографию: здесь все — правда, суровая, беспощадная правда. Оттого и читается она с неослабевающим интересом.

Своеобразным продолжением «Четвертого патрона» является очерк Алексея Шилина «Чайки над фьордом», опубликованный в газете «Правда» 25 августа 1983 года. Автор переносит нас в далекие военные годы, но как современно звучат антивоенные мотивы, как остро поставлена проблема счастья детей всей земли, независимо от национальной принадлежности.

Вот один эпизод из воспоминаний писателя. Военный катер задержался в Киркенесе, чтобы очистить от вражеских мин фьорды, но неожиданно налетел на мину и получил пробоину. Кое-как добравшись до причала, моряки занялись ремонтом. «Я подошел к шлюпке, — пишет Алексей Емельянович, — но что-то заставило меня обернуться. Женщина и мальчик стояли на берегу, за хлопьями падающего снега. Женщина держала руку на плече мальчика, и я заметил под снегом кончики ее тонких, словно из белого мрамора, пальцев. Другую руку она прижала к груди. И эта ее рука снежно белела на черном легком пальтишке. «Кушать», — произнесла женщина на ломаном русском языке. Я метнулся на камбуз. И вот уже, словно выстрелы, захлопали дверцы шкафа: мои товарищи брали с полок пачки сахара, хлеб, банки с мясной тушенкой... Толкаясь, мы поднялись по трапу на причал. Женщина, как в моей деревне... молитвенно сложила на груди руки...»

И через многие годы видел писатель глаза норвежской женщины и ее сына, и теплом наполнялось его сердце от воспоминаний о том, как в едином порыве поспешили помочь ей советские моряки. Они вовсе не думали о том, что женщина и ее сын — «чужие». С гордостью говорит Алексей Шилин о незаурядном характере русского человека. Это он и о себе сказал...

Процесс становления личности, раннее взросление юношей и девушек в годы войны показаны в произведениях **Валентина Петровича Баранова** (1924—2004). Он родился в селе Верхнеспаское Рассказовского района и всю жизнь посвятил родному Тамбовскому краю. Только война на несколько лет разлучала его с малой родиной.

После войны будущий писатель и общественный деятель работал директором школы, секретарем райкома партии, занимался краеведением и научно-исследовательской работой, связанной с проблемами культурной жизни Тамбовской области. Много лет был ректором Тамбовского института культуры. Начиная с 1985 года, выпустил несколько книг, большинство из них — о Великой Отечественной войне.

Точность географических названий, описание конкретных фронтовых событий отличают повесть «В дни грозовые».

Не оставляет равнодушными читателей и еще одна книга Валентина Баранова — «Эхо войны». Автор рассказывает в ней о поездках по местам сражений, о неожиданных встречах с людьми, испытавшими на себе тяготы военных лет, о друзьях-однополчанах. Он не скрывает горечи от сознания того, что на дорогах войны потеряны миллионы людей, среди которых были, возможно, будущие ученые, писатели, художники, музыканты. Но страницы книги полны и радостью от сознания величия победы, от того, что вернувшиеся с фронта встали в строй мирной жизни — созидания и творчества. Валентин Баранов тепло пишет о бывших воинах, ставших впоследствии университетскими профессорами, отдавшими много лет воспитанию студенчества; об известном писателе Юрии Бондареве, воевавшем в составе 2-й Гвардейской армии, формировавшейся на Тамбовской земле.

Есть в книге В. Баранова «Эхо войны» и горькие раздумья о настоящем дне России, о том, как живут сегодня победители и побежденные. Несколько очерков посвящены послевоенному поколению — тамбовским поэтам, чьи отцы не вернулись с войны, но светлая память о погибших живет в сердцах и творчестве детей.

И память о Валентине Петровиче Баранове, скончавшемся 6 декабря 2004 года, жива в сердцах его воспитанников, читателей его книг, которые наряду с книгами других писателей дополняют историю нашего края и страны в целом.

Много лет была связана с Тамбовской писательской организацией **Галина Ивановна Татарикова** (1923—1987), по рождению москвичка, дочь писателя И.М. Новокшенова, соратника М. Горького. В 1962-1985 годах Галина Ивановна жила и работала в Тамбове. В газетах и коллективных сборниках публиковались ее очерки о тружениках Тамбовского края. На тамбовском материале созданы повести «Мои родные» (1974), «Вечный двигатель» (1980). В центре их — люди разных профессий: работники торговли, заводские труженики, представители интеллигенции. Писательница, изображая своих современников, наделяет их сильными характерами, благородными помыслами — всем, что было присуще ей самой.

Чувство ответственности перед читателем никогда не покидало Татарикову, она всегда помнила, что написанная книга должна быть прочитана, а не отодвинута в сторону. С интересом воспринимаются ее повести «Температура души» (1984), «Соло для арфы с барабаном» (1985), роман «Малая Бронная» (1986).

В середине 1970-х годов в Тамбов из Сибири приехали два прозаика с солидным литературным багажом — Любовь Асеева и Иван Елегечев. О творчестве **Любови Прокопьевны Асеевой** (1934—2010) писали в центральной прессе известные столичные авторы — Вячеслав Шугаев, Виктор Кочетков. А Георгий Коновалов свою рецензию на одну из книг Любови Асеевой назвал так: «Талант, чуткий на правду». Книги писательницы выходили в Томске, Москве, Воронеже, Тамбове: «Глафира» (1969, 2004), «Настасьино счастье» (1970), «Суровая летопись» (1979), «Птица вещая Гамаюн» (1989). Рецензенты асеевских книг отмечали прежде всего колоритные характеры героев, с любовью написанные портреты

женщин. Радостью и гордостью за героиню, самоотверженную труженицу, проникнуты строки повести «Глафира», тревогой дышат страницы повести «Настасьино счастье», рассказывающей о покорной и забитой крестьянке, которая в конце концов прозревает и совершает по сути дела подвиг: отдает накопленное и тщательно скрываемое золото на нужды фронта. Для другого человека — это всего лишь гражданский долг, а для Настасьи — подвиг, потому что произошло ее нравственное перерождение.

Человек-созидатель получил достойное отражение в прозе **Ивана Захаровича Елегечева (1927—2011)**. В предисловии к одной из книг автор подчеркнул: «...Я писал искренне о виденном в жизни, о пережитом, о тех, с кем провел немало дней: то на борту судна-буксировщика, то на плоту, то у таежного костра за тихой беседой о смысле жизни и людском счастье...»

Приехав в 1976 году на постоянное жительство в Тамбов, Елегечев написал и издал несколько книг, в том числе и романы «Губернатор» (1987), «Оккупация» (1991). По мотивам романа «Губернатор» автор создал пьесу «Что есть истина?», премьера которой состоялась 29 октября 1983 года в областном драматическом театре имени А.В. Луначарского. В 2002 году в Тамбове издано собрание сочинений И. Елегечева в двух томах, в 2007-м — роман-трагедия «Голгофа» в четырех частях, двух книгах.

Событием в литературной жизни стал выход в 2008 году однотомника «Что есть истина», в который автор включил драматическое произведение в двух актах, давшее название всей книге, роман «Губернатор» и драму «Эшафот». Это — трилогия о высоком нравственном подвиге человека во имя истины...

В жанре поэзии конца XX века активно работал **Герасим Павлович Приземлин (1917—1995)**. Потеряв в юные годы зрение, он нашел свое призвание в литературе. Деятельное участие в судьбе Приземлина принял известный писатель Николай Рыленков, помогавший автору из Тамбова публиковать стихи. Первый сборник Герасима Павловича увидел свет в 1955 году. Позже в Воронеже и Тамбове были изданы книги: «На сторонке нашей» (1959), «Мой костер» (1970), «В кругу друзей» (1977), «До последнего вздоха» (1987). На стихи Герасима Приземлина написано несколько песен о Тамбове.

Одним из ответственных секретарей Тамбовской писательской организации был прозаик и издатель **Александр Михайлович Акулинин (1938—2010)**. Родился он в селе Большая Лозовка Токаревского района Тамбовской области. После окончания школы работал в колхозе, на стройках Тамбовщины и Сибири. Еще в детстве он решил стать писателем: упорно рифмовал слова и предложения. Потом попробовал себя в прозе. Начал с небольших заметок в газету «Комсомолец Кузбасса», в которой был внештатным корреспондентом, когда работал в Новокузнецке. В этой газете и появился первый рассказ начинающего литератора.

В 1967 году Александр Акулинин вернулся в Тамбов и полностью посвятил себя творчеству. Первое объемное произведение писателя — автобиографическая повесть «Шурка-поводырь». Он посылал рукопись во многие журналы, издательства, но ее не печатали. Живя и работая по законам народной мудрости «Терпенье и труд все перетрут», Акулинин писал, переписывал, бросал и начинал снова. И вот — терпенье и труд вознаграждены: в 1975 году повесть была опубликована в журнале «Волга». Это случилось после того, как Акулинина послали на Всесоюзное совещание молодых писателей, и он попал в семинар к редактору «Волги» Николаю Шундику. Ему повесть понравилась, он напечатал ее в своем журнале. А через год она вышла отдельной книгой в Центрально-Черноземном книжном

издательстве в Воронеже. И в том же году Александра Акулинина приняли в Союз писателей — по одной книге: редкий случай!

В последующие годы произведения тамбовского прозаика периодически появлялись в журнале «Подъём», издавались отдельными книгами в Воронеже и в Москве.

Заметным явлением в истории литературы Тамбовского края стал роман Александра Акулинина «Крепость на Цне», выдержавший три переиздания. В нем показана многосторонняя, разнообразная жизнь: люди с их добрыми и злыми поступками; крупные и мелкие события, связанные со строительством крепости Тамбов.

Поиски нравственных идеалов отличают произведения тамбовского прозаика **Василия Васильевича Кравченко** (1937—2013). Из города Брагино Гомельской области, где родился, он в 1950-е годы приехал в Тамбовскую область, поступил в Мичуринский педагогический институт. После его окончания работал учителем в Белоруссии. Но все настойчивее тянули к себе понравившаяся тамбовская природа, люди, с которыми успел подружиться в студенческие годы. И Василий Кравченко окончательно переезжает в Тамбов.

Путь в литературу у этого писателя, как и у многих других, начинался с журналистики. Василий Кравченко работал в областной молодежной газете «Комсомольское знамя». Именно эта газета с его литературным объединением была творческим прибежищем для многих начинающих поэтов и прозаиков. Среди них уже достаточно серьезным жизненным и литературным опытом выделялся Василий Кравченко. Его творчество высоко оценивали не только местные критики. В 1972 году в журнале «Молодая гвардия» была напечатана повесть «Братья Карандеевы», которой дал «добро» известный писатель Владимир Дудинцев.

Несколько книг Василия Кравченко выходили в Центрально-Черноземном книжном издательстве: «Время долгих ночей», «Беспокойный человек», «Грустная история», «Личное дело следователя Дудникова». В начале 2000-х годов в Тамбове были изданы романы «Графский наследник» и «Сага о заблудших». Сборник рассказов «Дым отечества» вышел в 2012 году, к 75-летию писателя. Много осталось у него не напечатанного. Несколько лет пролежал в письменном столе подготовленный к изданию роман «Не довелось нам жить в Париже», увидевший свет уже после кончины автора.

Среди молодых поэтов 1960-х годов особым даром выделялся **Евгений Иванович Харланов** (1942—1993). Его стихи печатались в газетах «Тамбовская правда», «Комсомольское знамя», «Народный учитель»; около тридцати стихотворений вошли в коллективный сборник «Голоса пяти городов» (1969). Эти публикации и самостоятельные сборники — прижизненный «Зеленая Вселенная» (1983) и посмертный «У придорожного камня» (1993) — не отражают всей полноты творческого потенциала Евгения Харланова, но и по ним можно судить о незаурядной личности талантливого поэта. Его стихи всегда отличали необыкновенная образность, неожиданность сравнений, богатство содержания и отточенность формы.

Даже заголовки разделов сборника «У придорожного камня» говорят об оригинальном мышлении автора: «Грамматика луга», «Разбилось, потому и стало зримо», «Миров мучительная близость», «Иголка в иволге».

Евгений Харланов преподавал философию в Тамбовском институте культуры (ныне — ТГУ имени Г.Р. Державина), насыщая ее поэзией, а поэзию он обогащал философией. Его стихи не просто удивляют, они иногда поражают тем, как поэт мог в нескольких строчках уместить мир, соединив простоту с непостижимостью.

Как свернутую скатерть,
Куст сирени
Мы развернем
От комнат до комет!

«Жить на земле, душой стремиться в небо — вот человека редкостный удел...» Эти строки Владимира Солоухина использовал в качестве эпиграфа к своей поэме «Высота» тамбовский поэт **Геннадий Константинович Якушенко** (1939—1976). Поэма была напечатана в 1972 году в газете «Комсомольское знамя». Больше со-рока лет прошло, а впечатление такое, будто бы только что написаны строки, полные тревожных раздумий о будущем: «Не слава нас волнует, а вопрос: // После себя оставишь что грядущему?..»

Теперь можно с уверенностью сказать, что сам автор оставил после себя не только могильный холм, но и стихи — как продолжение жизни.

Первый сборник Геннадия Якушенко «Синие ливни» вышел в 1967 году в Воронеже. Свежесть поэтического восприятия мира, по-новому увиденные картины природы Тамбовского края, проникновение в глубины человеческой души — вот что характеризует стихи этого поэта.

В 1983 году был издан второй сборник Геннадия Якушенко «Строка». Он начинал готовить рукопись сам, но завершить работу не успел. Это сделал старший товарищ по перу Иван Кучин. «Разбирая архив моего погибшего товарища, — писал он во вступительном слове, — я старался сохранить намеченный автором замысел книги, отбирая для нее все, что, на мой взгляд, могло бы представить поэта в его наиболее характерных творческих проявлениях».

Много лет работал в жанре детектива, приключения и фантастики тамбовский писатель **Анатолий Яковлевич Косневич** (1935—2010). Начинал он с рассказов для детей. Вначале они печатались в местных газетах, а в 1981 году вышла в свет книга «У весны голубые крылья». Автора волнуют проблемы становления характера подростка, формирование его мировоззрения и чувство ответственности за свои поступки. Несколько рассказов в книге посвящены теме Великой Отечественной войны — времени, когда дети рано выросли и вместе со всеми мужественно переносили тяготы военных лет.

Одновременно с детской тематикой Анатолий Косневич продолжал глубоко разрабатывать детективный жанр, в котором значительно преуспел. Начиная с 1990-х годов, в Тамбове вышли его книги «Портрет неизвестного со шпагой» (1990), «Похищенная корона» (1996), «Злые чары» (1998). Десять раз Анатолий Яковлевич был победителем конкурсов Тамбовского управления внутренних дел на лучшее произведение о работниках милиции.

В 2004 году Анатолий Косневич выпустил два сборника детективных рассказов для подростков — «Опасное сходство» и «Следы Фантомаса». Писал он и лирические повести и рассказы, которые вошли в книги «Стрельба вишневыми косточками» и «Пик льва» (обе — 2005). О плодотворной работе писателя говорит тот факт, что с 2006 по 2009 год изданы девять его книг.

С детских лет начал писать стихи и рассказы **Геннадий Александрович Попов** (1940—1997), но первая публикация появилась только в 1988 году. Это были сатирические стихотворения на злобу дня. Многие из них задолго до публикации были известны близкому окружению автора, но даже во время перестройки (напомним, что она началась в 1985 году) не всегда удавалось их напечатать. Его сатира была острой, порой беспощадной. Это не могло нравиться чиновникам и бюрократам, которые в коротких, но емких стихах узнавали себя:

Коль он — начальник, ты — дурак.
И к этому привык народ...
Лезь в руководство — только так
Все сделаешь наоборот!

В 1990-е годы у Геннадия Попова в «Книжной лавке писателя» Александра Акулинина вышли сборники: «Размышления» (1990), «Улыбнитесь, пожалуйста!» (1991), «Осенняя грусть» (1993), несколько книг стихов и рассказов для детей. Он писал также пьесы и сказки, которые инсценировались в детских коллективах художественной самодеятельности.

В 2000 — 2001 годах в Тамбове вышло двухтомное собрание сочинений Геннадия Попова, включившее практически все, что он успел написать.

Поэт и прозаик **Игорь Вячеславович Лавленцев** (1963—2005) за свою короткую жизнь создал немало произведений, которые занимают значительное место в литературе конца XX — начала XXI веков. В 16 лет он стал инвалидом, и с этого времени занятия литературным творчеством наполнили его жизнь. Первый стихотворный сборник «Черный турман» вышел в 1992 году. Он не прошел незамеченным, как это часто бывает с первыми книгами молодых авторов. Игоря Лавленцева поддержали товарищи по перу из областной писательской организации; его стихи, повести и рассказы стали появляться в журналах «Москва», «Юность», «Сельская молодежь», «Подъём». Хорошие отклики в прессе получили стихотворные сборники «Элегия скола» (1997), «Смирренная декада» (2001). В них — произведения гражданского звучания, философская лирика, духовные стихи; в них — проблемы века.

«Песня певцу не всегда благодарна», — подобных выводов-афоризмов в стихах Игоря Лавленцева немало. Нередко в них звучит боль. Но не отчаянье. У этого писателя всегда в душе присутствовали вера, надежда и любовь. И это помогло ему жить, творить и быть уверенным в том, что «Зависит речи глубина // От звука сказанного слова».

Примером самоотверженной преданности литературному труду был писатель **Евгений Анатольевич Яковлев** (1938—2008). Около тридцати лет работал он над романом «Ярмарка». Это многотомное произведение рассказывает об известных фабрикантах Асеевых. С 1990-го по 1998 год вышло шесть книг «Ярмарки».

Начиналось творчество Евгения Яковлева с небольших рассказов, которые иногда появлялись в местных газетах. Как и многие его собратья по перу, он посещал занятия в литературной группе при газете «Комсомольское знамя», а затем — в литературном объединении «Радуга», прошел серьезную школу прозаика Георгия Ремизова и поэта Семена Милосердова.

Став членом Союза писателей России, Евгений Яковлев продолжал осваивать крупные литературные жанры: в 2005 году в Тамбове был издан его новый роман — «Царица Тамар» (в двух частях), рассказывающий о женщине, стоявшей в XIII веке во главе грузинского царства.

С «Радугой» связано творчество еще одного тамбовского поэта — **Николая Михайловича Замятина** (1928—2008). Он пришел в литературное объединение в 1980 году — уже в достаточно солидном возрасте, почувствовав, что ему не дают покоя стихи, которые стали все чаще появляться в блокноте. Желание серьезно заняться творческой работой привело его в «Радугу», где начинающие поэты и прозаики от 17 до 70 лет, общаясь друг с другом, прислушиваясь к советам своего руководителя, медленно, но верно выходили на литературную дорожку, не надеясь на снисхождение профессионалов, понимая, как нелегок путь писателя.

Прошло немало времени, пока стихи Николая Замятина стали публиковаться в коллективных сборниках, а потом появились и собственные книги: «Черное, красное, белое» (2001), «Семь дорог в будущее» (2003). Автор пишет о Великой Отечественной войне, в которой он по возрасту не участвовал, но тема эта ему близка; о жизненных перипетиях, в которые попадает человек, о собственных переживаниях, о прошлом и сегодняшнем времени; его волнует все, что происходит в стране: «Нельзя спокойно жить на свете, // Не те сегодня времена...»

Николай Замятин пробовал себя и в прозе. В книгу «Семь дорог в будущее» помимо стихотворений вошли четыре рассказа.

Неожиданно быстро ушла из жизни **Людмила Ивановна Котова** (1959—2014). Окончив Тимирязевскую академию, она работала главным агрономом в тамбовском хозяйстве «Тепличное», одновременно занималась литературным творчеством. Печататься начала с 1980 года. Подборки ее стихов появлялись в областных, городских и районных газетах, а в конце 1990-х годов в Тамбове были изданы книги «Дарите радость людям» (1997), «Я отпускаю душу на свиданье» (1999). В них доверительный разговор о любви, о красоте русской природы — вдохновительницы всех творческих людей, обо всем, что нас окружает. «Поговори со мною о любви», — просит своего избранника лирическая героиня, но предупреждает: «Не торопись назвать любовью // Внезапно вспыхнувшее чувство...»

Любовь, к сожалению, не всегда бывает взаимной, и много стихотворений Людмила Котова посвятила не только встречам, но и разлукам. Но настоящее чувство, убеждает нас поэт, пусть даже и безответное, возвышает человека, делает его богаче:

В сборнике «Рожденная под знаком Близнецов», изданном в Москве в 2004 году, Людмила Котова продолжила доверительный разговор с читателем обо всем, что было дорого и близко ей самой. В год кончины Людмилы Ивановны писательская организация выпустила посмертный сборник ее произведений...

Выход к читателю поэта, прозаика, журналиста **Владимира Алексеевича Чернышова** (1947—2005) начался в 1960-е годы с газетных публикаций. Позже подборки его стихотворений стали печататься в коллективных сборниках, выходивших в Тамбове, Воронеже, Москве. Он много писал о природе, видел ее зорким глазом охотника и трепетным сердцем поэта, об армейской службе, переносить тяготы которой помогала все та же природа:

«Где красиво — там Россия», — написал Владимир Чернышов в одном из стихотворений. И воспринимал эту красоту как дар, осознавая, что без нее не было бы поэзии.

С охотничьим ружьем исходил поэт всю Тамбовскую область, и часто случалось, что, прицелившись в птицу или зверька, не делал выстрела: залюбовавшись обезоруживающей красотой, опускал ружье и доставал блокнот, который всегда носил с собой.

Владимир Чернышов успел издать два стихотворных сборника — «Это было со мной» (1997), «От прозвищ — к отчествам» (2003). В 2004 году вышла книга прозы «Для зоркости глаз!» Познакомившись с ней, читатель откроет для себя много ранее неизвестных мест родного края, насладится картинами восходов и закатов, отметит колоритную речь тамбовских жителей.

В полемических заметках критиков и литературоведов нет-нет, да и мелькнет мысль о том, что рассказ развивается менее активно, чем другие жанры. Возможно, для подобных высказываний и есть основания, но они не могут в полной мере относиться к тамбовским прозаикам, в чьем творчестве рассказ занимает видное

место. Об этом свидетельствуют книги писателя **Валерия Анатольевича Кудрина** (1940—2010), состоящие в большинстве своем из рассказов.

Валерий Анатольевич родился в Тамбове. Здесь он окончил школу, начал заниматься творчеством. Тяга к литературе привела молодого человека на филологический факультет педагогического института, который он окончил в Ярославле. Работал учителем в Знаменском районе Тамбовской области. Глубокое проникновение в суть этой благородной профессии дало возможность писателю создать впоследствии прекрасные образы учителей, не представлявших своей жизни без работы с детьми.

Первые рассказы Валерия Кудрина были опубликованы в областной молодежной газете «Комсомольское знамя». Позже он и сам связал свою судьбу с журналистикой — был редактором районной газеты в Знаменке. Встречи с людьми, прежде всего с жителями своего района, обогащали жизненный опыт и давали темы не только для газетных материалов, но и для художественных произведений. Герои рассказов и повестей Валерия Кудрина — не выдуманные, а реальные люди, живущие и работающие рядом с ним. Поэтому и читаются произведения с большим интересом.

Доброта, душевная щедрость, способность и готовность прийти на помощь другим — вот качества, присущие героям книг Валерия Кудрина.

Уход из жизни каждого человека — невосполнимая утрата. Тем более когда уходит тот, с кем сдружился, в кого поверил, кто мог бы сделать гораздо больше, чем довелось. Таким был **Александр Александрович Зотов** (1953—2014). Он родился в Тамбове. Здесь окончил школу и культпросветучилище. После окончания Ленинградского военного училища 26 лет отдал службе в армии. Майор запаса. Армейская жизнь и стала главной темой его произведений.

Печататься Александр Зотов начал с 1992 года. Его рассказы появлялись на страницах городских и областных газет. А в 1993 году вышла в свет первая книга «Белое танго». В последующие годы были изданы книги повестей и рассказов: «Мы увидим рассвет», «Батальон-2. Офицеры», «О людях в погонах». Последнюю книгу, дополненную новыми произведениями, выпустила вторым изданием Тамбовская писательская организация в 2014 году, когда автор был уже тяжело болен. Он ждал выхода этой книги и успел поддержать ее в руках...

...Горько и обидно говорить в прошедшем времени о товарищах по писательской организации. Только за последние 10 лет (с 2005 года) ушли из жизни 15 поэтов и прозаиков. А если считать со дня появления в 1960 году писательской организации, то эта цифра значительно возрастет...

Мы помним одного из первых тамбовских членов Союза писателей РСФСР *Эмиля Марковича Беккера* (1889—1963), писателей-фронтовиков: *Николая Васильевича Кузьмина* (1919—1979), *Павла Алексеевича Дорошина* (1913—1977), *Сергея Ивановича Голованова* (1917—1976); помним поэтов, оставивших немало стихотворений о России, о Тамбовском крае, о любви: *Анатолия Андреевича Куприна* (1937—1967), *Виктора Александровича Острижного* (1936—1998), *Лидию Георгиевну Кобзеву* (1952—2006), *Андрея Михайловича Белкина* (1934—2008), *Альфреда Евгеньевича Мильрата* (1932—2014), *Нину Николаевну Измайлову* (1946—2015).

Память об ушедших писателях — вечна. И мы не просто помним их, а бережем богатое литературное наследие для будущих поколений.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО

Николай Архангельский

Сергей Голованов

Павел Дорошин

Книги В. Богданова, А. Акулинина, С. Милосердова с автографами-подписями Майе Румянцевой

Иван Елегечев

Первое празднование Дней С.Н. Сергеева-Ценского
в Тамбове. 1995 г.

Участники первых литературных Богдановских чтений. 1997 г.

Лариса Васильевна Полякова родилась в деревне Редькино Староурьевского района Тамбовской области. Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру при нем. Доктор филологических наук, профессор Института филологии ТГУ имени Г.Р. Державина. Автор более 400 научных работ, в том числе 10 монографий. Основатель тамбовской литературоведческой школы. Член комиссии по литературному наследию С.Н. Сергеева-Ценского при Союзе писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени С.Н. Сергеева-Ценского, ряда региональных наград. Член Союза писателей России.

Лариса Полякова

С.Н. ТЕРПИГОРЕВ: ТИПОЛОГИЯ И ЖАНРОВЫЙ ГРАДУС РУССКОГО ОЧЕРКА

1

Для понимания, глубокого прочтения прозы писателя, почитаемого современниками создателя художественных очерковых циклов «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика», «Потревоженные тени», «Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле» и других замечательных творений необходимо привести его жизнеописание, изложить творческий путь. С.Н. Терпигорев (С. Атава, 1841-1895), бытописатель русского помещичьего дворянства, его психологии и нравов, принадлежит к плеяде русских писателей, творчество которых начало формироваться в период резких общественных перемен, связанных с крестьянской реформой 1861 года, и в целом мало исследовано. Широкому читателю известны в основном лишь предисловия к избранным произведениям писателя¹. А последние две работы о Терпигореве написаны в Тамбове и являются кандидатскими диссертациями А.Л. Сухорукова и Н.А. Русского². В 1990-х годах также написаны монография и докторская диссертация в Иркутске и Москве³.

Терпигорев Сергей Николаевич родился в селе Никольском Усманского уезда Тамбовской

губернии. Его отец был обедневшим, но довольно родовитым, образованным и авторитетным дворянином. Николай Николаевич Терпигорев занимал место уездного предводителя дворянства, «служил по выборам», был попечителем уездного училища. Мать, дворянка Варвара Ивановна Рахманинова, — женщина гораздо менее образованная, но сердечная и добрая, что сказалось на характере будущего писателя. Сам Николай Николаевич в свое время учился в Санкт-Петербургском университетском пансионе, но к тому времени, как подросток его сын, средства семьи истощились настолько, что пришлось оставить мечты о столичном привилегированном учебном заведении. В 1855 году, успешно сдав вступительный экзамен, тринадцатилетний Сергей поступил в третий класс Тамбовской губернской гимназии и стал воспитанником «Благородного пансиона» при ней. Жизнь в пансионе и учебу в гимназии С.Н. Терпигорев подробно описал в своих «Воспоминаниях», написанных в зрелом возрасте, в 1880-х годах. Опубликованы они уже после его смерти в шестом томе собрания сочинений писателя, вышедшем в Санкт-Петербурге в 1899 году⁴. В воспоминаниях не только ярко воспроизведены картины жизни гимназистов, их взаимоотношений с наставниками, но и через зеркальное отражение этих взаимоотношений ярко показан колорит эпохи.

Анализу «Воспоминаний» посвящена статья «С.Н. Терпигорев о Тамбовской гимназии 1850-х годов...» Н.А. Русского. «Стиль автобиографической прозы Терпигорева, — пишет автор статьи, — как и все его творчество, отличается простотой, искренностью и незаурядным юмором. Именно в этом произведении писатель отмечал, насколько чуждо ему пристрастие к дешевым эффектам⁵: «...Из всех моих написанных рассказов, очерков и повестей нет ни одного, который был бы хотя немного рассчитан на эффектные места в нем, на громкие фразы... Говори, как знаешь, как умеешь, как было или должно быть дело на самом деле, и это в миллион раз любезнее. Что может быть выше простоты? Что может быть благороднее ее?»

Из моей долголетней практики или жизни — как назвать — я вынес то убеждение, что чем выше дело, тем оно проще идет, естественнее и не нуждается ни в каких эффектах. Эффекты только портят его, лишая правды и благородства. То же самое и о людях. Чем выше, развитее, толковее, учение человек, тем он тише, скромнее, доступнее» (с. 522, 523). Таково своеобразно выраженное творческое кредо писателя.

Свои гимназические годы Терпигорев вспоминает с теплом и благодарностью. «Благородный пансион, — подчеркивал писатель, — был во многих отношениях замечательное заведение. Обращая к нему свой взгляд теперь, через тридцать с лишком лет, я склонен думать, что, несмотря на массу безобразий, совершавшихся иногда в нем, по духу своему, по отсутствию мертвечины в преподавании и в отношениях начальства к нам, воспитанникам, он стоит неизмеримо выше теперешних многих образцовых заведений подобного рода» (с. 428).

Пансион помещался на углу двух главных улиц Тамбова: Дворянской (ныне Интернациональной) и Большой Астраханской (ныне Советской) в красивом особняке с колоннами, хорами, стеклянными галереями, большим залом и столовой. Этот просторный барский дом — подарок дворянству от тогдашнего губернского предводителя С.М. Лиона. Воспитывались здесь дети окрестных помещиков, среди которых были и очень богатые — всего около сорока человек. Вместе с воспитанниками жили приехавшие с ними из имений «дядьки» — лакеи, которых зачисляли в служители пансиона. О своем крепостном Филиппе Ивановиче С. Терпигорев вспоминал как о «сокровище» не только для него, но и для его друзей-гимназистов. Позже он с любовью опишет этого добросердечного, умного человека в повести «Две жизни: поконченная и призванная». Получится как бы знаковый образ — несмотря на искреннюю преданность бывшему барину и особенно

барчуку, Филипп Иванович после объявления «воли», то есть Положения 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права, решает уйти от хозяев и основывает свое небольшое «дело» — постоялый двор.

После утренней молитвы и чая дежурный воспитатель вел обитателей пансиона в гимназию, а после окончания уроков сопровождал их обратно в пансион, где мальчики обедали, гуляли, играли, готовили уроки, ужинали, вставали на вечернюю молитву... И так изо дня в день. Писатель уточнял, что, несмотря на кажущуюся монотонность, в глубинах этой казенной программы жила «новая жизнь, росли и зрели живые стремления и идеалы, вырабатывались будущие взгляды на жизнь, складывались характеры...» (с. 431).

Как сообщают авторы изданного в 1999 году справочника-путеводителя «Тамбов (центральная часть)» А.А. Горелов и Ю.К. Шукин, Тамбовская мужская гимназия была основана в 1825 году на базе народного училища, которым тогда руководил И.П. Менделеев, отец будущего ученого-химика. С 1827 года гимназия размещалась в двух кирпичных корпусах, расположенных на улице бывшей Пензенской, которую с того времени называли Гимназической (ныне улица Коммунальная). Фасадами эти здания выходили на главную — Большую Астраханскую улицу. Сорок лет спустя эти два корпуса объединили пристройкой, в которой соорудили гимназическую церковь. Губернская гимназия в прежнем своем качестве просуществовала до 1918 года. В годы гражданской войны в ее здании располагался военный госпиталь, а позже в нем размещались различные учебные заведения. С 1958 года — учебный корпус первого в области технического учебного заведения, филиала Московского института химического машиностроения, позже — ТИХМа, в наши дни — Тамбовского государственного технического университета.

Вспоминая своих наставников, работавших в 1850-е годы пансионских воспитателей и гимназических учителей, надзирателей, инспекторов, директора, Терпигорев не жалел красок для их портретов. Получились сатирические карикатуры, иной раз — прекрасные образы настоящих подвижников-педагогов.

«Пять наших дежурных воспитателей — два в гимназии и три наших пансионских, долженствовавшие руководить нашей нравственностью, следить за нею и подавать нам собою примеры ее, предпочитали заниматься своими делами или придти спать от скуки, чем соваться со своими непрошенными руководствами. Два самых старших из них — m-r Коломб и m-r Беке, были дезертирами из армии Наполеона в 1812 году, хвастали этим как подвигом, заслугой перед Россией, вторым их отечеством. Обоим им в то время было с лишком по восемьдесят лет. Один был в «великой армии» горнистом, второй... барабанщиком...» (с. 432), — вспоминал писатель.

Третий пансионский воспитатель m-r Брон, человек гораздо более молодой — лет тридцати, оказался, по наблюдениям Терпигорева, откровенным «альфонсом», не скрывающим перед подростками своих связей с богатыми тамбовскими старухами, у которых был на содержании. Гимназических же воспитателей и надзирателей, с которыми ученики имели дело в учебные часы, «директор в глаза ругал дураками, топал на них, кричал и вообще третировал несколько не лучше, чем сторожей и дворников. Он даже и говорил им не «вы», а «ты» (с. 437).

Отдельными юмористическими вставными новеллами можно считать рассказы автора о мальчишеских выходках и проделках гимназистов на скучных уроках бездарных учителей — законоучителя, члена консистории, «знаменитого в губернии мздоимца» отца Якова, преподавателя математики Г.И. Рыльского, совершенно не умевшего себя поставить в отношениях с учениками. «У этого уж буквально были целые представления на лекциях. Собирались из соседних классов учителя, ученики, сторожа и в отворенную дверь, покатываясь со смеху, смот-

рели на происходящее у нас» (с. 438). «У остальных учителей, если и не в такой степени, то тоже все равно, черт знает что шло в классах, особенно у двух еще — латинского и географии, приходивших всегда пьяными и иногда до того, что прямо тут же сразу засыпали в креслах, а мы, в благодарность, что они освобождали нас таким образом от урока, сидели в классе тихо, занимались своими делами или вполголоса разговаривали, чтобы не мешать им и их не разбудить» (с. 441).

Счастливым исключением казались такие педагоги, как историк Е.В. Крунок и преподаватель русского языка Л.Е. Кованько. Эти два закадычных друга, выпускники Харьковского университета, вместе приехавшие в Тамбовскую гимназию и бок о бок проработавшие в ней два десятка лет, пользовались искренним уважением и любовью учеников. «Можно положительно сказать, что этим двум мы обязаны были всем, что только пробудила чистого, живого и человеческого в нас гимназия» (с. 441), — писал Терпигорев.

В последний год пребывания в гимназии к этим двум «светлым личностям», как определил их автор «Воспоминаний», присоединились еще трое: инспектор А.М. Белозеров и только что окончившие курс в Петербургском университете математик Фразитский и латинист Преображенский. «Эти пятеро сразу и составили отдельный совершенно кружок, надежду и утешение всего, что было порядочного в гимназии. Встречаясь с ними, все невольно чувствовали, что что-то есть гарантирующее от притеснения, глупости, произвола» (с. 442).

На страницах воспоминаний Терпигорев тепло рассказывал о своих самых близких товарищах, с которыми он подружился с первых дней пребывания в пансионе: Александре Львове, Александре Энкеле и Иване Гуадонине. «Беда одного из нас была бедой и всех; точно так же и радость... все мы по совести могли сказать, что ни один из нас не съел ни одного кусочка один, не поделившись с остальными. То же самое тесное единение было у нас и в обсуждениях волновавших нас задач и вопросов» (с. 430). Львов потом стал видным юристом, служил в Пензе прокурором, Энкель избрал военную карьеру, а главный затейник гимназических проказ Гуадонин в те годы, когда писались «Воспоминания», был тамбовским городским головой.

Замечательны слова писателя о гимназистах и их учителях: «Наш собственный гимназический или, правильнее, пансионский, кружок... был отличен особенным их (любимых педагогов. — Л.В.) вниманием... Наш кружок был положительно, и я беспристрастно это говорю, самым интеллигентным из всех таких же товарищеских кружков... Жажда чтения доходила у нас... до степени какого-то запоя. Мы читали вечерами, ночами, утром, для чего вставали за час и больше до общего положенного по расписанию времени и зимой читали при свете топившейся печки. Бывало, холодно, темно еще совсем, а мы, укрывшись шинелями, сидим у печки, она трещит, пылает, один кто-нибудь вслух читает, а остальные слушают. И читали мы не вздор какой-нибудь, а все серьезные вещи: историю Соловьева, Белинского, который тогда только что вышел, Тургенева, Костомарова, Гончарова, только что появившегося тогда Добролюбова... И я, и все мы можем прямо сказать, что этому чтению, или этой охотой к чтению, развитому в нас преимущественно Кованькой вначале, а потом и другими, о которых я упомянул, мы обязаны всем нашим развитием» (с. 442-443).

С интересом читаются две главы «Воспоминаний», посвященные рассказу о личности директора гимназии Г.И. Бернгарда и о том, как гимназисты с ним «воевали». «Бернгард, как личность, был в полном смысле слова ничтожество. Жалкий низкопоклонник перед ни на что не нужным ему старым развратником губернатором, перед губернским предводителем, ничтожный и презренный трус перед начальством округа, наезжавшим к нам время от времени из Харькова, и темный, самый бесстыдный взяточник, который брал всем, ни от чего не отказывал-

ся: брал деньгами, мукой, крупой, гусями, даже свежей рыбой, пойманной тут же в реке. В качестве директора училищ губернии он ежегодно летом, после наших экзаменов, отправлялся в объезд ревизовать уездные училища, и тут уж смотрители этих училищ, грабившие тоже без зазрения совести с кого попало и что попало, в свою очередь обдирались им как липки.

Что происходило во время этих его объездов и пребываний его в уездных городах во время ревизии уездных училищ — это целая эпопея казнокрадства, мздоимства и лихоимства... Ездившие с ним в эти экспедиции наши пансионские служители рассказывали нам потом все это... Возвращался он из экспедиции, обремененный добычей. Он вез с собой подаренное ему сукно купцами, у которых дети были в училищах, шелковые и шерстяные материи, шали, платки, ковры, полотна, чай, сахар... А возвратившись домой, он встречал у себя дома новое изобилие, которое заключалось в привезенных с каникул дарах родителей гимназистов...» (с. 444-445).

Автор «Воспоминаний» приводил разговоры вернувшихся из дома гимназистов о привезенных начальству денежных суммах и иных подношениях. Вот пример. Родители Энкеля, навестив директора на дому, вручили ему традиционную взятку. Довольная их поведением директорская чета напоила гостей чаем и вышла провожать в прихожую. Но тут, одеваясь, мать Энкеля подобрала платье, и директорша увидела богато вышитую юбку. Жена начальника гимназии беззастенчиво выразила свое желание иметь подобную деталь туалета, причем не хотела ждать, пока вышивальщицы в имении сделают новую. В итоге гостье пришлось тут же снять и отдать свою...

Незадолго до окончания Терпигоревым гимназического курса произошло следующее. Старшие гимназисты давно замечали, что Г.И. Бернгард подчеркнута несправедливо относится к тем их товарищам, чьи родители не были в состоянии давать ему взятки. Так было с двумя скромными старательными юношами по фамилии Кватц и Пикок. Один из них был немец, второй англичанин — впоследствии оба они стали хорошими докторами. Придравшись к какому-то пустяку — оторванной пуговице или не по форме остриженным волосам, Бернгард поставил Пикока в классе на колени. Вспыльчивый юноша воспринял это как оскорбление. Нечто подобное было проделано и с тихим, но упрямым Кватцем, который в душе тоже затаил обиду на директора.

Эти молодые люди, кстати, глубоко интересовавшиеся химией, затеяли своеобразно отомстить за себя и заставить чиновного обидчика покинуть гимназию. К ним присоединился деятельный и горячий Иван Гуадонин и заодно под большим секретом привлек к участию в опасной каверзе Сергея Терпигорева. Роли распределились следующим образом: Терпигорев как лучший литератор пишет текст — «прокламацию», которая должна была раскрыть горожанам глаза на взяточничество директора гимназии. Гуадонин, умевший изменять почерк, многократно ее переписывает. «Химики» Кватц и Пикок, которые к тому времени уже запаслись банками со зловонной аптечной жидкостью — асафетидой, расклеивают ночью по всей округе эти «прокламации» и совершают само «покушение» — бросают вонючие «бомбы» в окна директорской квартиры (она была на территории гимназии).

В лучших традициях приключенческого жанра автор «Воспоминаний» описал эпопею «войны» с директором, привлекая к обстановке в гимназии внимание городских властей и жандармов, рассказывает о собственных переживаниях.

Опасная затея удалась: скандал с «покушением» стал достоянием городских слухов. Семейства Бернгарда пришлось надолго эвакуироваться из провинциальной квартиры. Злоумышленников не нашли. Но первая попытка все же не привела к желаемому результату — директор не покинул своего поста. И тогда заговорщи-

ки повторили ее с немалым риском для собственного будущего — все это происходило накануне выпускных экзаменов. И тут они добились своего: недруг подал прошение об отставке и впоследствии бежал из гимназии, бежал из Тамбова. Тайну своей причастности к случившемуся, так и не раскрытую в ходе следствия, дружная компания сохранила на долгие годы.

Выпускные экзамены Терпигорев сдал успешно. В работе экзаменационной комиссии принимал участие приехавший из Харькова в связи с шумевшей историей инспектор округа Ф.Л. Тюрин. Встреча с этим «худым, бритым стариком в вицмундире со звездой, ходившим несколько сутуловато и даже согнувшись» (с. 473), оказалась важной для будущего писателя. Написав интересные сочинения по истории и русской словесности, он заслужил одобрительный отзыв Тюринна и получил от него приглашение без экзаменов поступить учиться в Харьковский университет. Но молодого Терпигорева манила столица...

«Зато одно из его экзаменационных сочинений — очерк «Черствая доля», — как сообщает Н.А. Русский в уже цитированной статье, — был вскоре, в самом начале студенчества, опубликован в Петербурге, в журнале «Русский мир», который издавал А.С. Гиероглифов. Кстати, по сообщению «Тамбовской энциклопедии», изданной в Тамбове в 2004 году, Александр Степанович Гиероглифов (1825-1900), публицист, переводчик, журналист, тоже в свое время окончил Тамбовскую гимназию...

2

В 1860 году Терпигорев поступил на юридический факультет Петербургского университета, где познакомился со многими деятелями самого радикального журнала тех лет «Современник» (дядя по матери Ф.И. Рахманинов был цензором и одно время контролировал этот журнал). Особенно ценил автор будущего «Оскудения...» Некрасова, Чернышевского, о которых оставил яркие воспоминания. В 1862 году за участие в студенческих волнениях, приведших к закрытию Петербургского университета, Терпигорев был исключен из этого учебного заведения и выслан из Петербурга под надзор полиции на родину, в Тамбовскую губернию.

В начале 1860-х годов Терпигорев сотрудничал в юмористическом журнале «Гудок», здесь публиковал свои заметки «Цнинский воевода Дурандас и регистратор», «Темный уголок, сцены из быта цнинских обывателей» и другие, где высмеивал нравы тамбовских бюрократов. В журнале «Русское слово» в 1863 году опубликованы очерки Терпигорева «Из записок неудавшегося чиновника», написанные по личным наблюдениям писателя над нравами Тамбовской губернии (интересные историко-региональные наблюдения в этом плане дает сопоставление заметок и записок С. Терпигорева с повестью А. Платонова 1920-х годов «Город Градов», написанной по следам впечатлений автора от жизни в Тамбове в 1926-1927 годах).

В 1867 году Терпигорев вновь переехал в Петербург, возобновились связи с Некрасовым, и в журнале «Отечественные записки» в 1869-1870 годах появились очерки Терпигорева «В степи» и комедия «Слияние», которые впервые были подписаны псевдонимом «Сергей Атава» (видимо, по созвучию с «отавой», травой, которая вырастает на месте скошенной; на выбор этого псевдонима Терпигорева, скорее всего, натолкнул Н.А. Некрасов, как-то в беседе с ним обронивший: «И по скошенному лугу отава хорошо растет»). Именно эти произведения заложили основу для последующего цикла «Оскудение...» и обозначили тематическую направленность, ведущую тональность терпигоревской художественной публицистики.

В очерке с подзаголовком «Степная деревня, ее жизнь, печали и радости» автор приглашал посмотреть на реальную жизнь тамбовской деревни периода крес-

тьянской реформы без опоры на поверхностные впечатления от завораживающих деревенских пейзажей и от жизни крестьянства, с которым будто бы мечтают местные либеральные дворяне сблизиться. «Какая бесконечная разница явится в вашем взгляде на эту жизнь, когда вы окунетесь в нее с головою и узнаете всю ее подноготную. Какой наглой ложью покажутся тогда вам эти первые благодушные впечатления... В этих низких, запущенных снегом и бесконечным рядом протянувшихся избенок, из окон которых так красиво бежит полосками свет на улицу, половина сидит уже без хлеба, перебиваясь кое-как работишкой, да продавая последнюю скотину, да отдавая в наем ту землю, которую весною следовало бы им самим сеять и которую теперь будет засеивать целовальник, местный лавочник, мещанин или два-три мужика-богача». «Во всей Тамбовской губернии едва ли найдется десяток или два незаложенных помещичьих имений»⁶, — заключал автор.

На страницах «цнинских» очерков выработывался почерк, стиль, оттачивался жанр, которые спустя десятилетие, уже на страницах «Оскудения...» (а частично и в очерке «Тамбовские Семирамидины сады», опубликованном в суворинском «Новом времени» в 1883 году — здесь Терпигорев публиковался до конца своей жизни), станут характерными художественными атрибутами прозы писателя. Современник автора П.Н. Полевой оставил замечательные «Воспоминания о С.Н. Терпигореве» с оценкой его произведений, где подчеркнул: «Это был ряд живых, превосходно написанных и широкой кистью набросанных очерков из жизни нашей провинции, нашей деревни, наших дельцов, крупных чиновников и всякого рода Колупаевых и Разуваевых... все это читалось нарасхват и с величайшим интересом»⁷.

Объемный цикл Терпигорева «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» публиковался в течение всего 1880 года на страницах одного из ведущих журналов — «Отечественные записки». Подписаны очерки псевдонимом «Сергей Атава». Эти публикации были яркими, сразу вызвали реакцию читателей и предположение о возможном авторстве этого цикла самого редактора «Отечественных записок» — М.Е. Салтыкова-Щедрина. Критика дворянского оскудения на страницах произведений была настолько резкой, что совершенно естественно возникли ассоциации именно с сатирой автора публицистических очерков «Письма из провинции» (1868), «История одного города» (1870), «Господа Головлевы» (1880). Однако при внимательном чтении «Оскудения...» было нетрудно заметить оригинальность не только сюжетов, напоминавших многое из биографии самого автора, но и языка, творческой манеры, жанровой выразительности прозы именно С.Н. Терпигорева: внутренняя логическая структура произведений, наличие постоянных, переходящих из одного произведения в другое мотивов, особое место автора в повествовании, значительность очерковой и документальной фактуры, интерес к противоречивым характеристам, доминирование моральных и нравственных характеристик, акцент не только на процессе оскудения дворянства, но и разрушении национального характера в целом, главной причиной чего, по наблюдениям писателя, был у русского человека разных сословий разрыв воли и действия, духовности и практической смекалки.

Цикл «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика», по тематике и проблематике очень близкий не только «Помпадурам и помпадуршам», «Господам Головлевым» Салтыкова-Щедрина, поэзии Некрасова, из которой взяты эпиграфы к ряду очерков «Оскудения...» («Увертюра», «Отхожие промыслы», «На промыслах»), но и «Малым ребятам» Г.И. Успенского, роману Н.Н. Златовратского «Устой», «Степным очеркам», «Горю сел, дорог и городов» А.И. Левитова, представляет собой выдающееся явление в русской очерковой прозе и мало соответствует пафосу авторского признания в заметке «От автора», пред-

варяющей двухтомный цикл произведений «Оскудения...» — «Отцы» и «Матери». В этой заметке Терпигорев обращался к читателю и настаивал: «Мне необходимо объясниться».

«Прежде всего, — как бы разъяснял автор, — я вовсе не писатель. Я до известной степени грамотный и наблюдательный человек, и — только. Мне довелось видеть и наблюдать такие факты, которые, как я убедился потом, к сожалению, даже и по слуху неизвестны очень многим настоящим писателям. Это, конечно, досадно...

Тем, что я уже написал, то есть вот этими первыми двумя томами очерков, — я пожалуй что и доволен. Но если бы мне удалось очерки дворни и потом — моя заветная мечта — очерки мужичьего оскудения, — я был бы счастливейший человек...»⁸

Как это признание напоминает нам реакцию на критику своей работы другого выдающегося представителя русской литературы, только начинавшего тогда, в конце творческого пути С.Н. Терпигорева, входить в литературу, — М.Горького! В истории русской литературы начала XX века известен яркий факт самокритики этого автора, которого к тому времени уже называли классиком. В 1915 году в журнале «Летопись» была напечатана публицистическая статья М.Горького об особенностях русского национального характера «Две души», вызвавшая бурную реакцию в прессе. И вот тогда автор написал, оговорившись, что он «плохой публицист»: «С литераторами я не стану спорить, ибо не чувствую, чтоб мои противники ориентировались в вопросе о ценности активного и пассивного отношения к жизни, не вижу, чтобы они вполне ясно — для себя и для меня — определили свое отношение к отрицательным началам русской психики...

Я знаю также, что я плохой публицист, — это мне известно лучше тех, кто указывает на недостатки моих статей, я не считаю себя человеком, призванным поучать до смерти заученных людей, но я человек, кое-что переживший, знающий русскую жизнь не меньше любого из моих противников, и я желал бы сообщить результаты «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» грамотному и вдумчивому русскому обывателю через головы гг. литераторов...»⁹

Как видим, оба писателя особенно ценили знание «фактов» и чувствовали потребность — и об этом сообщали читателю — поделиться своими наблюдениями над русской жизнью. Разница была лишь в том, что Терпигорев убеждал своего читателя, что он «вовсе не писатель», а М.Горький — что он «плохой публицист». Это, конечно, была вынужденная и несправедливая самокритика: Терпигорев в своей очерковой прозе был не «вторичной травой», хотя бы и способной «расти по скошенному лугу», а блестящим художником, за что и ценили его многие современники, в том числе Н.С. Лесков, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, А.П. Чехов и другие, а М. Горький написал многочисленные выдающиеся публицистические работы, основные идеи которых развивал в своих классических художественных произведениях. Не случайно именно этот художник в ряде работ, в частности, в статье 1930 года «О литературе» призывал художников писать очерки современной действительности: «Очерк всегда считался критиками низшей формой литературы, — уточнял он, — что вообще неверно и несправедливо». Называя «Записки охотника» Тургенева, очерки Салтыкова-Щедрина, Писемского, Лескова, Помяловского и других, М.Горький говорил о «высокой форме» очерка, и «широкий поток очерков» в XX веке назвал «явлением, какого еще не было в нашей литературе»¹⁰.

Наиболее характерным для цикла «Оскудение...» можно считать очерк С. Терпигорева «Новый барин». Сразу замечаем: из одиннадцати очерков, помещенных в часть первую «Отцы», серии очерков «Благородные», только название «Новый барин» взято в кавычки. И уже это настраивает нас на мысль о том, что «новый

барин» на страницах очерка — это по сути старый, прежний, хорошо знакомый нам по другим произведениям писателя персонаж, хозяин. Потому мы легко распознаем авторскую иронию, заложенную в эпиграфе: «Новая метла чище метет», и читательское ожидание подтверждается при окончательном прочтении произведения.

Очерк построен по всем канонам этого жанра: в основе сюжета — события, имевшие место в действительности, в жизни не только самого автора, но и тех людей, с которыми он общался и хорошо их знал, хотя вряд ли можно говорить об автобиографизме произведения: отец и мать Терпигорева не принадлежали к суровым и безответственным крепостникам. Наоборот, по отношению к своим крестьянам родители Терпигорева, как свидетельствуют исторические факты, отличались гуманностью, справедливостью. Их жизнь и нравы, судя по литературным источникам, больше соответствовали великолепию и красоте жизни Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича из «Старосветских помещиков» (1834) Н.В. Гоголя: Товстогуб «всегда почти улыбался», «он всегда слушал с приятною улыбкою гостей», а Пульхерия Ивановна «была несколько сурьезна, почти никогда не смеялась, но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица». Даже морщины на их лицах расположены были «с приятностью»¹¹. «Старосветские помещики» — художественное исследование жизни мелкопоместного провинциального дворянства. Идеальное домоустройство, хозяйственность исключали возможность деградации, хотя наивные и трогательные в своей непосредственности герои приходят к трагической развязке.

Однако Терпигорев в очерках «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика» повествует об ином историческом периоде национальной жизни, о том, в связи с которым Некрасов в поэме «Современники», повторяя слова Н.Д. Хвоцинской из рассказа «Счастливые люди» (1875), написал: «Были времена хуже — подлей не бывало». Очеркист писал о русских помещиках именно первых лет крестьянской реформы и первого послереформенного десятилетия, о периоде дворянского оскудения. На жизнь помещиков, болезненно и закономерно переживавших свое «оскудение», писатель насмотрелся в имениях своих многочисленных «дядюшек», «тетенок», «дедушек» и соседей. Как справедливо пишет автор одного из предисловий к очеркам «Оскудение...», Н.И. Соколов, «картины крепостной жизни навсегда и неизгладимо запечатлелись в сознании мальчика. Торговлю крепостными, битье на конюшне, издевательство над дворовыми и мужиками, трагические судьбы отдельных крепостных, безудержное самодурство крепостников, их паразитизм, бесчинства, аморализм — все это Терпигорев знал во всей бытовой конкретности. На глазах писателя прошли и последние годы крепостного права, предшествовавшие реформе, и сама реформа»¹².

Автор написал своеобразную краткую летопись жизни тамбовской деревни в период ее реформирования. Эта жизнь мало изменится не только к 1880-м годам, когда создавались очерки «Оскудения...» Интересное свидетельство о тамбовской деревне оставил, например, известный художник — театральный декоратор и костюмер, портретист, пейзажист, исторический живописец, создатель монументальных росписей, иллюстратор и книжный график, шаржист М.В. Добужинский (1875—1957), автор иллюстраций к «Тамбовской казначейше» М.Ю. Лермонтова. В своих воспоминаниях «Деревня» он писал о Семеновке, расположенной «в сорока верстах от уездного города Кирсанова» (ныне Инжавинский район), где жил у матери, оперной певицы Е.Т. Добужинской, и отчима, музыканта Ивана Васильевича, и куда он приезжал в 1893 году. Художник, автор картины «Семеновка» (1904) вспоминал свою дорогу от Кирсанова до той деревни, о которой мать,

посмеиваясь, говорила, что он едет к «старосветским помещикам, в провинциальное болото, где трудно жить и дышать, и что там единственный культурный человек — Иван Васильевич». «Однообразный пейзаж менялся мало, — писал Добужинский, — редкие деревни, которые мы проезжали, не радовали глаз, все было удивительно бедно — соломенные и тростниковые крыши, серые избы с маленькими оконцами и крылечками, и нигде я не видел ни одного резного узора и даже наличника на окошке. Лишь кое-где колодезный журавль или одинокая растрепанная ветла оживляли бедный деревенский силуэт. Я вспомнил Литву, пейзаж возле Вильны и сравнивал: там везде в деревнях палисадники, все лето полные цветов, высокие резные кресты у въезда в деревню, березы, елки, сосны и фруктовые сады»¹³.

Жанру художественного очерка соответствует и тип авторского повествования «Нового барина», в значительной степени публицистического, однако с преобладанием диалога. Именно диалоги создают особое, озвученное пространство терпигоревской прозы. В ней легко различаются голоса не только помещиков («благодетелей»), купцов, приказчиков, «попов», исправников, буфетчиков, становых, мужиков, представителей многочисленных социальных слоев, но и автора, который очень часто не просто констатирует события и факты, оценивает их, а и обращается непосредственно к своему читателю. Ему, читателю, принадлежит в очерке большое место, он, по представлениям автора, главный оценщик происходящего и на страницах очерка, и в самой жизни. Потому автор выдвигает целую серию аргументов и прилагает максимум усилий для того, чтобы его повествование было предельно понятным и понятным читателем.

Одним из обязательных жанровых критериев художественного очерка является наличие в произведении достаточно развернутого сюжета. События и логика их развития на страницах очерка «Новый барин» построены на осмыслении С.Н. Терпигоревым взаимоотношений города и деревни в период дворянского «оскудения» и связанной с ним деградации всей русской жизни. Констатацией авторского вывода и открывается очерк: «Прежде, то есть до начала нашего оскудения, город и деревня были совсем в других отношениях, чем теперь. Прежде вся сила была в деревне, несмотря даже на то, что начальство и подьячие жили в городе..., городом мы, так сказать, лакомились, ездили туда, как на пикник какой; увлекались, легкомысленничали там одни или все семейно, и, возвращаясь домой, возвращались *к делу*. Совсем иначе относился к нам город. Он смотрел на нас серьезно, с почтением, даже подличал перед нами. Мы были ему необходимы, потому что он нами жил. Он покупал у нас пшеницу, рожь, овес, лошадей, птиц, масло и проч... Тогдашний представитель города, купец, так же мало походил на теперешнего купца, как теперешний оципаный помещик походит на прежнего помещика... Таковы были взаимные отношения города и деревни вплоть до 19 февраля. Тут все сразу изменилось» (с. 77, 79, 80).

Это как бы авторская преамбула, введение к очерку, размышления Терпигорева, после которых выстраивается энергично развивающийся сюжет, мастерски и в деталях воспроизводящий картину жизни, быта, нравов тамбовского помещичьего двора: «жизнь, выбитая из прежней колеи, тащилась по какой-то новой, совсем неведомой дороге, где что ни шаг, то сюрприз», «а «попы» между тем злорадствуют и хоть называют нас по-прежнему «благодетелями», но это «один обман»: по глазам видно, что злорадствуют»:

— Да, барин, житье-то не прежнее, я вижу. Трудно, что и говорить!

И вслед за этим вдрут:

— Великая милость дана народу! (с. 81, 82).

Не дождавшись, когда бывший владелец Осиновки выедет окончательно и

навсегда из своего «гнезда», «новый барин» Подугольников уже начал в него перебираться. Над просторной избой, в которой жили никому не нужные три старика, он прибил вывеску с надписью «Питейный дом». Сад и парк были вырублены и распаханы плугами под бахчи. Та же участь постигла и огороды с парниками и цветник. Барский дом был сломан и перевезен в город, где его опять собрали, оштукатурили, выкрасили и пустили туда жильца, а сам Подугольников для «летнего приезда» оставил себе флигель, в котором до него жили гувернер-немец и семинарист Скворцов, преподававший детям «русские предметы».

Одним из поклонников таланта С.Н. Терпигорева не случайно был А.П. Чехов. И мы понимаем, что, по меньшей мере, не только рассказ Чехова «В овраге» с лежащим в овраге селом Уклеево, где преобладает пейзаж одиночества («О, как одиноко в поле ночью... среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому все равно — весна теперь или зима, живы люди или мертвы...»), засвидетельствовал интерес этого писателя к тому материалу, который интересовал Терпигорева, не только к судьбе русской деревни, ее оскудению, но и к трагедии, «оскудению» дворянства, отраженным в «Вишневом саде».

Терпигорев специально уточняет деталь поведения «нового барина»: «Одну только штучку пощадил Подугольников — триумфальную арку, бог уж знает для чего выстроенную при въезде во двор. Очень уж «прекрасна» была эта арка... с распластанными наверху белыми девами, трубящими славу. Он даже влюбился в нее. Просто глаз от нее оторвать не мог»:

— И ведь что им, прости господи, господам этим в голову лезло. В грех меня ввели! Когда я первый раз въезжал, ведь я их за херувимов принял и крестное знамение сделал, а они вон даже и не ангелы совсем, — говорил он батюшке, приехавшему служить благодарственный молебен.

Кроме Подугольниковых, город дал деревне для формирования нового помещичьего сословия, как пишет Терпигорев, «кандидатов другого образца»: «когда Подугольников ломал и драл силой», новые помещики «в свои отношения к «мужикам» внесли, так сказать, нравственно-воспитательный элемент» (с. 86). Секретарь консистории Сладкопевцев, купивший ту же Осиновку, ввел для крестьян особую штрафную систему: «Положим, мужик снял у «барина» три десятины «под озимое»; это значит, ему следует заплатить (я возьму цены Козловского уезда Тамбовской губернии) «барину» 54 рубля (18 рублей за десятину).

— Да ведь у тебя, Гриша, — ласково говорит ему Сладкопевцев, — денег нет, и сразу ты мне «всю сумму» отдать за землю не можешь?

— Известно, какие наши достатки, где же нам!

— Ну вот так бы и говорил. Нечего делать, я тебе рассрочу, но только ты ведь сам мужик не глупый и понимаешь, что это тебе дороже будет стоить. Ведь те деньги, которые ты бы мне заплатил, в кармане у меня не лежали бы, а были бы в обороте и приносили бы проценты...» (с. 90).

Сладко «поет» барин, на то он и Сладкопевцев. Используя «говорящие» фамилии, С.Н. Терпигорев на страницах очерка создает обобщенный образ «нового барина» (оттого и взято название очерка в кавычки). И писатель формулирует вполне определенное свое заключение о том, что все попытки Сладкопевцевых и Подугольниковых совершенствовать само «сельское хозяйство» не только ни к чему не привели, но даже еще более способствовали оскудению жизни деревни. И — итог, вывод как следование жанровому канону очерка, завершающие строчки произведения, не без авторского замысла, с целью акцентирования каждой мысли, каждой детали расположенные как бы «столбиком». Речь идет о том, могли ли старые

помещики выдержать конкуренцию с «новым баринном», который был «во всеоружии знания, опыта, закаленного характера»:

«И в тысячу первый раз подтвердилась тут великая истина: «в мехи старые не вливают вино новое»...

Нам оставалось только удивляться ему и отступить перед ним.

И мы отступили» (с. 98).

Подметив в прозе «Оскудения...» пристрастие автора к циклизации «очерков, заметок и размышлений тамбовского помещика», бытовым, пейзажным подробностям, диалектной речи Центрально-Черноземного региона, открытому разговору писателя с читателем, сам жанр отдельных произведений (очерки, заметки, записки, размышления), мы невольно задумываемся о влиянии на Терпигорева не только, скажем, М.Салтыкова-Щедрина или Г.Успенского, но в первую очередь И.Тургенева как автора «Записок охотника», которые многие русские писатели считали для себя «учительной книгой» (В.Г. Короленко). Во второй половине 1840-х и до 1851 года на страницах «Современника» публиковались разрозненные «записки», которые отдельной книгой вышли уже в 1852 году (Тургенев потом многие произведения, главным образом язык, дорабатывал, включал в цикл другие произведения).

Бесспорно, Терпигорев с детства читал их и находился под магнетическим воздействием тургеневского взгляда и слова. Сын тамбовских помещиков, а потом и сам тамбовский дворянин, конечно же, он не мог не отметить для себя очеркового рассказа этой книги «Лебедянь» (первая публ. 1848 года), где Тургенев повествует о своем посещении ярмарки в тамбовском городишке Лебедяни, славившемся коннозаводческой деятельностью.

И хотя «Записки охотника» создавались при крепостном праве, мы все же при прочтении их вспоминаем уже знакомую нам почти афористическую мысль С.Н. Терпигорева, сформулированную им в «Новом барине»: «...такой силы нет, которая могла бы нас поднять на ноги и спасти. Кроме нас самих, нас никто не спасет и спасти не может».

Жизнь тамбовской деревни, жизнь помещиков и крестьян, чиновников и обывателей логично вывела Терпигорева к историческим истокам, и в 1888 году из-под пера этого художника вышло историческое повествование, построенное на архивных материалах «Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле», где автор изложил свое понимание происходящих в «степной» деревне событий прежде всего после крестьянской реформы 1861 года. Это историческое повествование включено в IV том первого собрания сочинений Терпигорева¹⁴.

«Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле» представляют собой публицистику в жанре исторического очерка. Он состоит из 8 главок, каждая из которых имеет свой сюжет. Очерк написан главным образом на основе исторических свидетельств И.И. Дубасова из его многочисленных статей, вошедших потом в книгу «Очерки из истории Тамбовского края» (Тамбов, 1897), хотя не во всем писатель соглашается с известным тамбовским краеведом.

В первой главе сосредоточены размышления писателя о причинах восстания Степана Разина. «Сам Стенька Разин Тамбовской земли не воевал, — пишет С.Н. Терпигорев. — Не воевали ее также и ближние и подручные атаманы его. Главная грозная туча прошла стороной, зацепив только одним краем своим Тамбовскую землю. Но и этого было достаточно, чтобы вызвать в ней такой переполох, о котором и до сих пор, через двести лет, еще вспоминают, и живы предания...

Тамбовский переполох, то есть радость одних при известии о приближении Стеньки и ужас других, произошел совершенно по тем же причинам, как и везде, куда подходил Стенька; радость и надежда у бедного (подлого) и крепостного люда

избавиться от помещичьего и чиновничьего гнета и смятение и ужас помещиков и чиновников (подъячих и воевод) перед расплатой и неминуемыми страшными истязаниями за вымогательства и угнетения...» (с. 111).

«Новооткрытые и новообъявленные документы — находки и труды архивных комиссий, преимущественно тамбовской и рязанской, — относящиеся к этой эпохе, столь поучительной и назидательной, — нового, в смысле установления нового взгляда на событие, дают не особенно много; но зато, — уточняет автор, — они дают такую массу детальных подробностей, так характеризующих ужасную, темную, безотрадную жизнь населения, что, перечитывая их, поразительно ясно представляешь себе, что тогда происходило, и невольно останавливаешься, не зная, чему более удивляться: наглости и бесстыжеству ставленников тогдашней власти и их помощников и приспешников, или одичалой тупости и терпению в конце почти запуганного, забитого и загнанного населения» (с. 111-112).

И в последующих главах писатель подробно рассказывает о быте и нравах власти, помещиков, администрации и об их взаимоотношениях с крепостным людом. Называет Тамбовскую землю «несчастливым, истрадавшимся краем» (с. 154). «Но не было порядка гражданского, не было его внутри, ни в администрации, ни в судах, ни в выборах, ни во взаимных отношениях сословий друг к другу... Закон рассматривал человека совсем как скотину...» (с. 115). Несколько главок посвящены собственно истории и этнографии края, в частности, мордовским корням Тамбовской земли. Терпигорев напоминает перевод названия «Тамбов» с мордовского как «омут». Кстати, писатель приводит притчу о возникновении названия села Пичаево, тоже с мордовским названием. Как-то, очень давно, как рассказывает легенда, один мордовский князь кочевал на месте этого села. Тут у него умерла любимая жена, и в память о ней огорченный муж вырезал из дерева статую, Пичь-аву, т.е. основную бабу» (с. 118).

Вскоре на коренное население «нахлынули, с одной стороны, русские, с другой — татары. Русские били татар, татары били русских, и те и другие вместе били мордву. Наконец, русские окончательно осилили татар и завладели и мордовской землей...» (с. 118).

Главным предметом авторского осмысления в историческом очерке «Раскаты Стенькина грома в Тамбовской земле» является жизнь тамбовских крестьян, которые, с одной стороны, угнетались помещиками-магометанами, с другой — своими, христианами. Церкви до этой «паствы» «было также мало дела». С.Н. Терпигорев рассказывает об истории на Тамбовской земле монастырей, исторической деятельности тамбовского воеводы «думного дворянина» Якова Хитрово, о его победах над отдельными бандами и их главарями, о роли Юрия Долгорукого в разгроме разинского восстания.

День 19 февраля 1861 года — отмена крепостного права — Терпигорев рассматривает как спасительный для тамбовского крестьянства, хотя в последующие годы на страницах своей художественной прозы правдиво расскажет о тяжелых отношениях помещиков и крестьян.

В последние годы жизни Терпигорев работал над новым циклом очерков и рассказов «Потревоженные тени», вышедшим отдельным изданием в двух книгах в 1888-1890 годы. Современники снова, как и в случае с «Оскудением...», поставили имя Терпигорева рядом с Салтыковым-Щедриным. Один из критиков, в целом невысоко оценивающий все творчество Терпигорева, при оценке «Потревоженных теней» все же не удержался от заключения: «Это почти эпос, приближающийся по своим достоинствам к «Пошехонской старине» Салтыкова»¹⁵. Таков был художественный уровень нового цикла, подтвердившего высокое реноме писателя.

Сноски и примечания:

¹ *Быков П.В.* С.Н. Терпигорев. Биографический очерк // *Терпигорев С.Н.* Собр. соч. С.Н. Терпигорева (С. Атава): в 6 тт. Т. 1 / Ред. С.Н. Шубинского. С биогр. очерком, сост. П.В. Быковым и портретом С.Н. Терпигорева. СПб., 1899. Далее: Терпигорев С.Н. (Сергей Атава). Соч.; *Соколов Н.И.* С.Н. Терпигорев и его очерки «Оскудение» // *Терпигорев С.Н.* (С. Атава). Оскудение: в 2 тт. Т. 1. М., 1958; *Илешин Б.И.* Замечательный писатель Черноземья // *Терпигорев С.Н.* Избранное. Тамбов, 1958; *Болдырев Ю.Л.* Востребованное прошлое // *С.Н. Терпигорев.* Потрясенные тени. М., 1988; *Шелаева А.А.* «Обыкновенный талант» // *Терпигорев С.Н.* С простым взглядом. М., 1990.

² *Сухоруков А.Л.* Художественная картина мира в прозе С.Н. Терпигорева: дис... канд. филол. наук. Тамбов, 2005; *Русский Н.А.* Публицистика С.Н. Терпигорева: проблематика и жанровая специфика: дис... канд. филол. наук. Тамбов, 2008.

³ *Андреева Г.Т.* С.Н. Терпигорев (Атава): очерк жизни и творчества. Иркутск, 1995; *Андреева Г.Т.* Художественный мир С.Н. Терпигорева в контексте русской литературы XIX в.: дис... докт. филол. наук. М., 1998.

⁴ *Терпигорев С.Н.* (Сергей Атава). Соч.: в 6 тт. Т. 6. СПб., 1899. Далее цит. это издание с указанием страниц в тексте.

⁵ См.: *Русский Н.А.* С.Н. Терпигорев о Тамбовской гимназии 1850-х годов (по «Воспоминаниям» писателя) // Тамбовский край и вопросы развития культуры в регионе. Материалы научно-практической конференции. Тамбов, 2006. С. 74-86.

⁶ Отечественные записки. 1870. № 4. С. 599-600.

⁷ Ежемесячное приложение к журналу «Нива». 1899. № XII. С. 761-762.

⁸ *Терпигорев С.Н.* (С. Атава). Оскудение: в 2 тт. Т. 1. М., 1958. С. 4. Далее цит. это издание с указанием страниц в тексте.

⁹ *Горький М.* Письма к читателю // Горький М. Статьи (1905-1916). М., 1916. С. 199.

¹⁰ *Горький М.* Собр. соч.: в 30 тт. Т. 25. М., 1953. С. 256, 257.

¹¹ *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 8 тт. Т. 2. М., 1984. С. 7, 8.

¹² *Терпигорев С.Н.* (С. Атава). Оскудение: в 2 тт. Т. 1 / Предисл. Н.И. Соколова. М., 1958. С. 4.

¹³ См.: *Добужинский М.В.* Тамбовские впечатления / Отв. ред. Н.Н. Воронков. Тамбов, 2001. С. 15, 16.

¹⁴ *Терпигорев С.Н.* (Сергей Атава). Соч. в 6 тт. Т. 4. СПб., 1899. Далее «Раскаты...» цит. по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁵ Русская мысль. 1899. № XI. С. 236.

Олег Алёшин

«ЕГО ПОЭЗИЯ БЛИСТАТЕЛЬНА И ХОЛОДНА...»

(Творческая изысканность Василия Комаровского)

1

Есть поэты, которые оглушают сразу, словно пронсящиеся на полном ходу грузовые поезда. Потом долго не можешь прийти в себя от внезапно настигшей глухоты. Кто-то пытается тебе что-то говорить, даже кричать, в чем-то убеждать, но ты не слышишь, слабо улыбаясь, как блаженный, ничего не разбирая, только повторяешь про себя запавшие в душу строки: «Засуну руку в рукавицу — // Горячую, как волчья пасть», «Но искра уже не вернется // В тот камень, где раньше спала», «Уважь, Господь, мои печали // Не проклинай моих дорог»... Мимо меня пронеслось несколько таких поездов, оглушив мое поэтическое сознание: Павел Васильев, Юрий Кузнецов, Николай Тряпкин...

Но с недавних пор я полюбил тишину, если так можно сказать о поэзии. Точнее стал больше любить то, о чем не говорят, а умалчивают поэты. Странно.

Хотя, если разобраться, мы живем в век атомных взрывов, давно пора привыкнуть и к разрушительной силе искусства. Только вот с возрастом, а, может быть, по другим причинам хочется умной тишины, какая стоит в заброшенных царско-сельских садах в печальную пору увядания, когда так отчетливо слышен шорох собственных шагов по земле, когда чувствуешь, как деревья отдают последнее тепло остывающему и равнодушному пространству. Хорошо бродить под сводами забытой всеми аллеи и думать, что где-то здесь на исходе неверного дня, отвернувшись от суетного мира, любил сидеть на одинокой скамейке Иннокентий Анненский.

2

Но через минуту почти случайно замечаешь в глубине осенних холодных теней беломраморную статую девы, склонившую голову в какой-то нездешней печали. Сначала чувствуешь необъяснимый страх от внезапно увиденной человеческой фигуры в безлюдном, почти диком месте. Проходит еще какое-то время и охватывает трепет от ненавязчивой изящности, созданной рукой незнакомого ваятеля.

Потом, когда начинаешь рассматривать каждую складку каменных одежд, отстраненный, даже равнодушный к запустению взгляд, беспомощные руки не то пытающиеся тщетно скрыть от чужих глаз целомудренную наготу, не то указывающие на грех, — невольно ощущаешь восторг совершенства.

3

Точно такое ощущение у меня возникло, когда почти случайно среди литературного запустения я вдруг обнаружил беломраморную поэзию Василия Комаровского.

СТАТУЯ

Над серебром воды и зеленью лугов
Ее я увидел. Откинув покрывало,
Дыханье майское ей плечи целовало
Далеким холодом растаявших снегов.
И равнодушная, она не обещала —
Сияла мрамором у светлых берегов.
Но человеческих и женственных шагов
И милого лица с тех пор как будто мало.
В сердечной простоте, когда придется пить,
Я думал, мудрую сумею накопить,
Но повседневную, негаснущую жажду...
Несчастный! — Вечную и строгую любовь
Ты хочешь увидеть одетой в плоть и кровь,
А лики смутные уносит опыт каждый!

1914

Судя по стихам Василия Комаровского, у него не было так называемого периода «метания» — мучительного поиска собственной манеры и художественного лица. С первых строк, дошедших до нас, мы видим уже зрелого художника, «смирненно» подчинившего творческую гордыню законам гармонии.

Еще поэт Вячеслав Иванов заметил, что раб воспитывает раба в мятеже, цари, напротив, растят будущих владык — в повиновении.

Бунтарский дух современной поэзии стремится к разрушению, ему не дает покоя слава Герострата.

Поэтому и удивительно явление Василия Комаровского, возникшего незадолго до атомного взрыва русской поэзии в конце XIX и начале XX века. К счастью, ему не дано было увидеть над Россией, как поднимается этот страшный столп...

В оглушительном распаде никто не услышал слов Анны Ахматовой: «Знать Комаровского — это марка...»

Но что значит смирить творческую гордыню? Неужели личность художника в поэзии должна быть ничтожна? Нет, конечно. Иначе он впадет в банальную стилизацию, когда начнет копировать лишь внешние признаки какого-нибудь литературного направления. Лакей и в царских одеждах остается лакеем. Поэт должен духовно вырасти до царских одежд поэзии.

Поэзия Василия Комаровского — не форма, а дух классической традиции...

4

Не случайно Василий Комаровский часто обращался к сонету, к скучнейшей, как нам теперь кажется, форме поэзии. Но нужно быть настоящим мастером, чтобы вдохнуть новую жизнь в эту изящную оболочку.

То летний жар, то солнца глаз пурпурный,
Тоска ветров и мокрый плен аллея, —
И девушка¹ в тоске своей скульптурной
В осенний серый день еще милей.
Из черных урн смарагдовых полей
Бежит вода стремительно и бурно, —
И был тяжел ей лета пыл мишурный,
И ей бодрей бежать и веселей.
Над стонущей величественной медью
Бежит туман взволнованною твердью,
Верхушки лип зовут последний глеч.
Идет сентябрь, и бодрыми шагами,
В предчувствии осенних перемен,
Он попирает сучья под ногами.

*(Первая публикация: «Звено»,
Париж, 1924, № 69).*

5

Василий Комаровский жил в эпоху рассвета лирической поэзии, но остался чужд ее сладким напевам. Хотя лирика — наиболее музыкальный, личностный вид поэзии. Но одновременно чистая лирика лишена внешних осязаемых образов. Только скульптура способна отбросить тень на землю, обрести плоть, а вместе с ней и душу. Только в пластике можно добиться неразличимости формы и содержания — облечь бесконечное в конечное. А это уже, по определению Шеллинга, — красота.

Проводя некую аналогию, можно сказать, что поэзия Василия Комаровского — это «застывшая» музыка. Известно, что этот знаменитый афоризм также принадлежит Шеллингу. Так он говорил о пластических видах искусства, подчеркивая, что в скульптуре (в реальной осязаемой форме) одновременно можно выразить и сущность, и идеальную сторону вещей. Это и есть ключ к пониманию поэзии Василия Комаровского.

Поэтому его поэзия скульптурна, даже несколько холодна, как знакомая нам мраморная дева в тенистых аллеях Царского Села. Кстати, поэт Георгий Иванов однажды заметил: «Его поэзия блистательна и холодна». Но это не холодное равнодушие — это признак поэтического аристократизма. Он кроется в отказе от намерения льстить грубым человеческим чувствам. Василий Комаровский не смакует грех, его поэзия чужда насмешки, унижительной иронии, пошлости, «плебейской жажды» к издевке над прекрасным. Он специально избегает вульгарности в слове, действии, как это делают современные поэты, наивно полагая, что «рвать до пупа рубаху» — это и есть признак искренности и открытости души.

Он, словно говорит своему читателю между строк: «Мне не интересен человек, когда он падает или впадает в грех, мне интересно, когда он поднимается, преодолевает себя».

БЛУДНЫЙ СЫН

Печален воздух. Темен стыд.
И не обут, и не умыт,
У запертых еще дверей
Стою. Репейник и пырей

¹ Статуя «Молочница» в Царском Селе.

Покрыты каплями росы.
Пускай мне ноги лижут псы
В саду почтенного отца.
И не заплата беглеца,
Не копоть омертвелых рук,
Водивших в зное рабий плуг
И с принужденностью тупой
Свиной в скалистый водопой;
Но эта пыль земного зла
В душе так тускло-тяжела,
Что даже если б и возник
Родителей веселый крик,
Когда бы даже мать сама
Меня бы повела в дома,
Чалму стараясь развязать,
Я не сумел бы рассказать...
Отцу бессовестный палач,
Не удержал бы женский плач!

Испить на дне пустой души
Не укус казни... только вши,
Исчадьё вавилонских дев,
Испытывать внезапный гнев
И устыдиться, что на суд
Несешь заплеванной сосуд!

1911

6

Безусловно, на мировоззрение Комаровского повлияла античность. Кто-то может сказать, что Комаровский типичный декадент. Да, многие критики и литературоведы записывали в декаденты тех, кто так или иначе увлекался античностью, был далек от революционных и новаторских идей, кто больше разделял взгляды Паскаля, а не позитивиста Монтеня. Но штамп легко поставить, труднее понять, что именно античность сформировала классицизм — как миропонимание.

Еще русский философ Алексей Лосев противопоставил классицизм и романтизм — как две формы современного мировоззрения. Для романтического сознания мир еще не сформирован — он развивается неизвестно куда и для чего. Отсюда и неустойчивость формы, ее постоянная трансформация. Для классического сознания мир — это творение Бога, каждый отдельный человек — часть этого мира. Отсюда и возникает понятие соборности, когда судьба одного человека неразрывно связана с судьбой всего народа. Эту общность чувствовал и Василий Комаровский.

Поэтому в поэтическую даль можно смотреть по-разному. Одни разрушают до основания созданный веками «храм поэзии», чтобы он не застил бесконечный простор искусства, и уже на пустом месте они пытаются воздвигнуть свой «монастырь» — это литературный нигилизм. Другие, как Комаровский, напротив, пытались развить то, что было создано нашими предшественниками. Такие поэты смотрят в обманчивую даль поэзии с высоты колокольни Ивана Великого.

7

Приятно осознавать, что судьба Василия Комаровского тесно связана с Тамбовщиной. Детство провел он в старинном родовом имении Ракша Моршанского уезда, принадлежавшем деду по материнской линии, графу В.Г. Безобразову. В зрелом возрасте Комаровский вместе с братом, художником Владимиром, и дру-

зьями много раз бывал в имении. Здесь им написана поэма «Ракша». По одним сведениям он родился 21 марта (по старому стилю) в Ракше, по другим — в Москве. Его отец, Алексей Егорович Комаровский (1841—1897), служил хранителем Оружейной палаты. Мать, Александра Васильевна (урожденная Безобразова), страдала тяжелой формой эпилепсии. Двадцать лет жизни, до самой своей смерти в 1904 году, она провела в психиатрической лечебнице. Ее страшную болезнь унаследовал один из ее сыновей — Василий. Тяжелые приступы болезни не позволили Василию Комаровскому закончить юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Тем не менее, он получил блестящее домашнее воспитание: свободно владел французским и древнегреческим языками. Кстати, латинский язык существенно повлиял на стилистику поэта. С 1897 года жил в Царском Селе в доме своей тетки Любови Егоровны.

Его высоко ценил Николай Гумилев. Известный литератор-эмигрант Юрий Иваск записал свои беседы с поэтом Георгием Адамовичем. Основатель «Парижской ноты» говорит: «Он (Гумилев — О.А.) всегда ценил Анненского, а тут сказал, что в нем разочаровался. Великий поэт — это граф Комаровский...»

В Царском Селе Василий Комаровский познакомился не только с Николаем Гумилевым, но и Анной Ахматовой, Николаем Пуниным, Сергеем Маковским и другими видными литераторами того времени. В ноябре 1911 года в литературном альманахе «Аполлон» появилась первая публикация стихов и прозы Комаровского — пять стихотворений и рассказ «Sabinula». А через два года, в октябре 1913-го, тиражом 450 экземпляров в Петербурге вышла единственная книга стихов и переводов поэта «Первая пристань». После смерти были незначительные журнальные публикации. И все. И только в 2000 году одно из издательств Санкт-Петербурга осмелилось издать книгу, где собраны стихи, проза, письма, а также статьи видных критиков и литераторов. Интерес к творчеству Василия Комаровского возник в 70-е годы прошлого столетия. Именно в то время появились посвященные его творчеству работы, в частности Виктора Топорова и Томаса Венцлова.

22 сентября 2014 года исполнилось 100 лет со дня памяти Василия Комаровского. Он похоронен в Москве на кладбище Донского монастыря, к сожалению, могила его не сохранилась.

Валерий Аршанский

БРАВО, АКТРИСА!

(Незаурядная прима Мичуринского театра
Татьяна Николаева)

В есть о присуждении премии правительства Российской Федерации имени Федора Волкова «За особые заслуги в развитии театрального искусства» (их ежегодно выделяется только три на всю страну) застал отпускницу — заслуженную артистку РФ Татьяну Николаеву — в родном ее городе на Неве. В том самом, по Мандельштаму, «знакомом до слез, до прожилок, до детских припухлых желез» Ленинграде, где еще девочкой она занималась в драматическом кружке при участии мэтров театра имени В.Ф. Комиссаржевской. А затем играла на сцене этого театра ввиду subtilности своей фигурки... мальчиков в спектаклях «Димка-невидимка» Коростылева, «В поисках радости» Розова... Это была легендарная сцена, на которой совершали чудеса перевоплощения перед благодарным зрителем народные артисты СССР В. Чемберг, С. и Н. Боярские, где блистала всеми гранями таланта всесоюзно известная Мария Бабанова.

— Татьяна Федоровна, дорогая! — передавая из рук в руки телефонную трубку, дозванивались мы с директором Мичуринского драматического театра Галиной Поповой к виновнице торжества. — Поздравляем от имени всех Ваших поклонников, коллег, всех, кто Вас знает и любит! Ждем Вас! Как отдыхаете в Питере?

— Спасибо всем сердечное! Счастлива, конечно, безмерно... Еще бы, такая высокая награда, о которой и не мечтала. Ощущаю прилив новых сил, творческой радости. Тем более у нас еще одно приятное событие: получение внучкой диплома врача спортивной медицины! А как отдыхаю? Вечером идем на гастрольный спектакль «Современника» с Мариной Нееловой, вчера были на музыкальном концерте, наслаждались капеллой. А завтра поеду в актерский Дом ветеранов, встречу с нашим Юрием Сергеевичем Логиновским, от всех мичуринских зрителей привет и добрые пожелания ему передам. Уже соскучилась по нашему наукограду, театру...

Вот такой — вполне характерный для непоседы Николаевой — «отдых», не имеющий ничего общего с беспечным диванным лежанием у балагурящего сутки напролет телевизора. Учись, театральная молодежь, как нужно накапливать новые силы и впечатления для предстоящей работы...

Но, хорошо. Татьяна Федоровна благополучно пребывает в Петербурге. А что же делать в Мичуринске без нее «бедному» журналисту, взявшемуся за очерк о выдающемся лауреате правительственной премии? Мало ли, что знаю ее «сто лет»... А все ли знаю? Выход оставался один: составить для читателя ее портрет,

исходя из отзывов о ней коллег, тех людей, вместе с которыми годы, а с кем и десятилетия (набежало уже почти сорок лет) она благоговейно служит мичуринской Мельпомене. Прийти на встречу, даже прервав законный отпуск, не отказался никто! Тоже показатель...

Галина Попова, заслуженный работник культуры РФ, директор театра:

— Вы помните актрису Николаеву в роли странницы Феклуши в «Грозе» по Островскому? Нашем коронном спектакле, включенном в золотой фонд театральной классики России? Только появляется она из-за кулис в стоптанных башмаках, с тощей котомкой за плечами, устало вглядываясь туда, за горизонт, и — не успевает еще произнести свое знаменитое «Благолепие, милая, благолепие», — как зрительный зал замирает от восторга, а затем взрывается восхищенными аплодисментами. Так — в каждой ее роли. А их за творческую жизнь заслуженной артисткой РФ, лауреатом престижной областной театральной премии имени Марина Татьяной Николаевой сыграно свыше двухсот, представляете? Это сколько же надо было на стационарной сцене и в период гастролей по городам, райцентрам, селам страны отдать душевных сил, энергии, чисто физических затрат для показа своих героев — разноплановых, разнохарактерных, разновозрастных наконец, ни в чем не схожих между собой...

В биографии Татьяны Федоровны — активнейшей деятельницы Всероссийского театрального общества — Ленинградский государственный институт театра, музыки, кинематографа, где занятия проводили выдающиеся педагоги, а на одном курсе с ней учились будущие народные артисты СССР Ефим Падве, Ольга Волкова, Нина Дробышева. Затем были годы работы в Алтайском ТЮЗе, куда уехала добровольно, хотя поступало приглашение в прославленный питерский БДТ, к самому Товстоногову! Но ей хотелось больше самостоятельности, новых открытий, широкого познания своей страны... А самым лучшим авторитетом и университетом для Татьяны Федоровны всегда был муж — участник Великой Отечественной войны, в мирное время прекрасный режиссер многих, в том числе и нашего театра, воспитатель десятков юных дарований, лауреат Государственной премии имени К.С. Станиславского Глеб Константинович Томилин, ныне, к сожалению, покойный. Как говорит сама Татьяна Федоровна, судьба отпустила им пожить в счастливом браке, как в той сказке: целых тридцать лет да еще три года... Всегда я вижу в ветеранах театра свою самую лучшую поддержку и опору, желаю всем счастья и прекрасного долголетия! Они гордость и радость всего нашего замечательного коллектива.

Актеры МДТ Ирина и Сергей Дубровские, лауреаты областных театральных премий за профессиональное мастерство:

— От общения с Татьяной Федоровной всегда испытываешь восторг, такое исходит от нее душевное тепло. Мы начинали работать в театре 20 лет назад молодыми, неоперившимися актерешками. Кто всегда был рядом с нами, деликатно подсказывал, направлял, помогал? Конечно, Татьяна Федоровна! Ее дружеские, дельные замечания помогали нам и в «Дамах и гусарах», и в «Дорогой Памеле», да разве перечислишь все репертуарные спектакли... А для дебютантов мнение, оценки мастеров — на вес золота, крайне важны. Она неистощима на добрые дела, каждый ее приход в театр — это милые подарки, презенты, сувенирчики — просто по велению сердца, чтобы видеть благодарную ответную улыбку друзей-актеров, технических работников, осветителей, радистов, вахтеров... Учимся ее науке делать людям добро... Рады ее большой, заслуженной награде!

Ирина Урядникова, заведующая художественно-постановочной частью театра:

— Татьяна Федоровна, это знают все, человек высокой культуры, чуждая любому проявлению пошлости, грубости, хамства. Требовательна к себе до полной

самоотдачи. Причем, вплоть до мелочей. Если, например, ей покажется на репетиции, что платье или костюм «не то», не так сидит, молча возьмет домой, доведет наряд сама до ума и наденет, как ей удобнее. Любит разные кокетливые шляпки, коллекционирует шарфики, каждый раз приходит в новом и повязывает их так красиво, так ловко, что ни одному гримеру-постижеру-бутафору-декоратору не уследить... Чувство юмора безграничное... Однажды, 1 апреля (!), это ж надо было такое придумать, на полном серьезе пришла к директору театра с творческой заявкой на роль... 20-летней Люси Ведерниковой в спектакле «Годы странствий». Начальство поначалу обомлело от испуга: возрастная актрисе играть девушку? А когда разобрались — хохот стоял невероятный... Всегда Татьяна Федоровна с томиком стихов, прозы, прекрасно читает классику, часто выступает на творческих вечерах-презентациях книжных новинок местных авторов в городской и районной библиотеках, рабочих, сельских, школьных, студенческих аудиториях, участник всех наших театральных «капустников». После ухода из жизни мужа перебралась из благоустроенной квартиры в театральное общежитие, лишь бы рядом были «свои», как она считает, люди, понимающие ее. И со всеми одинаково приветливо общается, по вечерам для развлечения заводит старинный патефон с грампластинками времен своей молодости... Вся ее семья так преданно служит людям, так благородно воспитана. Вот и дочь избрала труднейшую, наверное, но благороднейшую профессию социального работника — трудится в Петербурге в хосписе...

Ведущая актриса театра Татьяна Шишкина:

— Даже если Татьяна Федоровна не занята в спектакле, она обязательно придет и на рабочие репетиции, и на генеральный прогон и сдачу, не говоря уже о премьере. Всех поздравит, скажет всем добрые ободряющие слова. При официальном обсуждении выскажет свое мнение объективно, взвешенно, зная, что к ее суждениям внимательно прислушиваются и актеры, и режиссеры. Приучает молодежь с первых же шагов чувствовать себя не гостями, а хозяевами театрального дома, относиться к сцене почтительно, уважительно, свято. Она образец для подражания во всем, в том, например, как, когда это нужно, принесет раритетную вещь из дома или купит что-то из необходимого для роли в магазине на свои деньги, не помышляя ни о какой «компенсации». Так, играя одну из старух в комедийном спектакле «Выходили бабки замуж», для усиления образа взяла да купила в музыкальном магазине очень «крутую» гитару. И когда вышла с ней в начальной мизансцене, лихо перевесив инструмент через плечо, публика легла от смеха. Мы знаем из ее рассказов, как ее поколение служило театру, выезжая на районные гастролы в стареньких грузовиках, которые надо было плечом толкать, самим пешком шагать... Не представляю наш театр без Татьяны Федоровны. Вообще, все старшие наши товарищи — неиссякаемый источник, чистый родник профессионального мастерства и честного отношения к делу.

Иван Долгий, молодой актер Луганского академического театра имени Павла Луспекаева, второй сезон работающий в МДТ после известных событий на юго-востоке Украины:

— Мичуринская труппа приняла меня и жену — тоже актрису — в свой состав сразу, дружески, доверительно, по-родственному. Татьяна Федоровна стала очень близким человеком для нас. Это волшебная фея из сказки, жить и работать рядом с которой не просто удовольствие, а наслаждение. С каким вкусом, добросовестностью, выдумкой относится она к каждой роли, как трогательно проживает жизнь своих персонажей... Я пробую себя и в режиссуре, а потому смело могу сказать: Татьяна Федоровна — синтетическая актриса. Ей одинаково подвластны и мелодраматические, и сугубо драматические, и комедийные, фарсовые роли. Это бесценный дар для актера... А чисто по-человечески восхищает то, что ее беско-

рыстие, щедрость не знают границ; я был невольным свидетелем, как она в беседе с директором театра предложила установить для молодых актеров свою личную, пусть небольшую, но все же стипендию, поскольку, дескать, ей пенсии и заработной платы с лишком хватает...

Много ли у нас таких меценатов даже в среде сверхпреуспевающих личностей? (Пусть простит меня Иван, эту фразу я, уже в развитие темы, произношу от себя)...

* * *

В декабре теперь уже такого далекого 1977 года в первом своем героическом спектакле «Допрос» ступила на сцену Мичуринского драматического театра актриса Николаева. И уже тогда ее непредсказуемую героиню-женщину, то красивую и беспомощную в своем очаровании, то беспощадную и озлобленную в предложенных режиссером обстоятельствах, актрису, виртуозно меняющую «маски» от эпизода к эпизоду, строгий и требовательный мичуринский зритель воспринял как профессионала с ходу, безоговорочно. И не ошибся! До высоких трагических нот в неизменном сочетании с романтичностью, драматизмом, но и с ироничностью, глубоким пониманием души своих персонажей поднимается Николаева в «Фаусте», «Памеле», «Леди на день»... И ее прекрасно принимают как в столичных театральных залах, так и на гастролях в Воронеже, Тамбове, Липецке, Твери, Рязани, Рыбинске, Вышнем Волочке, Кинешме, в мало приспособленных для сцены сельских Домах культуры...

В середине сентября в славном городе Ярославле, где еще в XVII веке любитель искусства Федор Волков стал основателем первого на Руси постоянного провинциального театра, Татьяна Николаева выходом странницы Феклуши в некоем волжском городке Калинове открыла визитную карточку Мичуринского драматического театра — спектакль «Гроза». А потом, после финала, когда, словно делая вызов темному и лживому миру Калинова бросится в Волгу Катерина, когда отзвучат рукоплескания и закроется занавес — вышла на сцену, уже вне роли, без грима актриса Николаева. Вышла, чтобы согласно ритуалу и традиции получить специальный приз, Почетный правительственный диплом, чек на солидное (100 тысяч рублей) денежное вознаграждение. Достоинно приняла поздравления. И, подойдя вплотную к рампе, сказала притихшему залу свои самые сердечные, искренние, прочувствованные слова, услышав и увидев в ответ такое же искреннее признание, зрительское выражение чувств.

Сомкнулся театральный занавес. Но распахнулась новая страница яркой жизни светлого человека. Всегда готового к тому, что в час спектаклей по всей стране — в час вечерний, час закатный, осенью ли, зимой, весной — но вот он, приветливо прозвучит из радиной студии в примерную операторский звонок. И не внутренний голос, а сам зов судьбы тихо и властно скамандует: «Ваш выход, товарищ артист!»

И надо идти. Люди ждут...

Валерий Марков

ПАМЯТНИК У ДОРОГИ

(История Отечества начинается с человека)

Из восьмидесяти двух мемориальных комплексов, открытых на Тамбовщине в ходе региональной героико-патриотической акции «Вспомним всех поименно», памятник в знаменской деревне Кикинка далеко не самый грандиозный. Но для местных жителей и уроженцев этого милого и скромного уголка, а Кикинку вы уже не найдете на современной карте области, и в особенности для Алексея Васильевича Афанасьева, он самый прекрасный и дорогой.

Почему именно для Афанасьева? А потому что памятник этот появился во многом благодаря этому человеку. В 2013 году Алексею Васильевичу исполнилось 75 лет. А тут еще праздник профессиональный подоспел — День строителя. А он в этой созидательной роли — вплоть до пенсии. Короче, впал в лирическое настроение и в субботний предпраздничный день из Котовска махнул в деревеньку своего детства и своей доармейской, а точнее дофлотской юности. Около часа езды на «жигуленке», а чего только не вспомнилось по пути на малую родину. И как рыбешку удочкой таскал из речки Сявы, и как первые трудовые мозоли получил, работая на родной земле, и как приезжий земляк-шахтер татуировки им, сельским пацанам, стремившимся быстрее стать взрослыми, понакалывал. Ох, и

влетело ему тогда от матери! Да и после за этот необдуманный мальчишечий поступок ему не раз перед собой стыдно было...

А вот и Кикинка!.. К сожалению, от былой и многолюдной когда-то деревни остались только воспоминания. Вне лучшее для нее время попала она в разряд так называемых неперспективных населенных пунктов и медленно угасала, как догорающая свеча. Нынче здесь всего лишь в десятке домов, как в затерявшихся в зарослях родниках, еще пульсирует жизнь. Многие дома заброшены, а от многих и фундамента не осталось. Вот такая незавидная судьба постигла эту деревеньку, расположенную, если так можно сказать, в неглубинной (до областного центра всего каких-нибудь полсотни километров) глубинке.

Но летом Кикинка оживает. От приезжих дачников и отпускников, прадеды, деды и отцы которых щедро поливали потом эту плодородную землю и, не жалея живота своего, защитили ее в лихую годину на самой страшной войне. Так что с кем поговорить-повспоминать, попеть задушевные песни под гармошку, нашлось. Человек двадцать собралось. А вот на вопросы, когда образовалась Кикинка, как жили ее первопоселенцы и многие другие, возникшие в ходе этого общения, ответить никто не смог.

Казалось бы, на следующий день об этом можно было бы и благополучно забыть. Но вопросы эти, словно занозы, сидели в голове Алексея Васильевича и не давали покоя. Так он оказался в областном архиве и занялся, выражаясь научным языком, поисково-краеведческой работой. Сейчас об истории родной деревни он может многое рассказать-поведать. К примеру, от Алексея Васильевича узнал, что в 1911 году в Кикинке было аж 103 дома и проживали 727 душ: 360 мужского пола и 367 — женского. В сравнении с нынешними демографическими показателями цифры эти очень даже впечатляют и побуждают о многом задуматься.

А в год 70-летия Великой Победы, когда в области с особой активностью развернулась героико-патриотическая акция «Вспомним всех поименно» и в сельских населенных пунктах один за другим открывались памятники погибшим воинам-землякам, Алексей Васильевич пришел к непоколебимому убеждению, что такой памятник необходимо воздвигнуть и в Кикинке. Уроженцы его деревни, храбро сражавшиеся с лютым врагом и отдавшие свои силы и жизни за великую Победу, достойны этого.

Сам Афанасьев был трехлетним мальцом, когда призвали на фронт отца. Но его память до сих пор цепко хранит горькую картину расставания с дорогим человеком и надрывный плач матери, провожавшей отца на защиту Отечества. А они, несмышлениши, оставались с ней мал мала меньше с застывшим в глазах немым вопросом: вернется ли домой их кормилец? Им повезло — отец вернулся. А сколько их, уроженцев родной деревни, полегло на полях сражений, пропало без вести, умерло от ран в госпиталях, приняло мученическую смерть в фашистских концлагерях?

Чтобы ответить на этот вопрос и выявить всех погибших на войне пофамильно и поименно, пришлось немало потрудиться. В библиотеках основательно проштудировал областные изда-

ния «Книга Памяти», «Они вернулись с победой» и другие источники, сделал необходимые выписки, систематизировал их. С помощью старожилов Кикинки Натальи Дмитриевны Деминой и Антонины Афанасьевны Алырычкиной составил план деревни, воспроизвел на нем каждый дом и установил, кто из какого дома уходил на войну. В этой работе, по его признанию, важна была выверенность, чтобы никого не забыть, не пропустить, не обидеть.

Параллельно занимался проектом памятника. Варианты в творческих муках рождались разные. И каждый из них он отвергал, пока, наконец, не остановился на приемлемом душой и сердцем образце. При этом мысленно не уставал себя корить за забывчивость, за то, что на протяжении более двух десятилетий, пока возглавлял Котовский завод железобетонных изделий, входивший в систему «Тамбовсельстроя», не смог возвести в родной деревне такой мемориал, который несомненно укрепил бы родовую, кровную связь уроженцев Кикинки со своей малой родиной и, возможно, сдержал бы отток населения из этих мест... А теперь, как говорится, возможности не те. Его нынешние усилия, как порой ему казалось, были подобны усилиям альпиниста, карабкающегося на высокую отвесную скалу. Из пальцев сочилась кровь, иссякали силы, но он не отступал, делал все новые и новые усилия к намеченной цели...

Здорово окрылила, придала сил и уверенности встреча с руководителем строительной фирмы «Козерог» П. Горбуновым, человеком на Тамбовщине известным и авторитетным.

— Павел Иванович, — говорит Афанасьев, — прежде всего поддержал меня морально и скрепил своей подписью мой проект и предупредил: «Главные трудности у тебя еще впереди. Но не вздумай, моряк, отступить, пойти пятками назад. Помни, я с тобой!»

Заручившись такой поддержкой, Афанасьев вскоре оказался в рабочем кабинете первого заместителя председателя областной Думы, координатора

акции «Вспомним всех поименно» В. Карева, на малой родине которого, в сампурском селе Верхоценье, десять лет назад и зародилось это массовое патриотическое движение. Кстати, все памятники в ходе него возводились и возводятся без единой бюджетной копейки, на спонсорские, благотворительные средства и, как правило, в отношении крупных населенных пунктах. Имена воинов-земляков из близлежащих небольших деревенок и исчезнувших увековечивались на плитах этих мемориалов, так сказать, не по прямому историческому адресу. И в этом своя, продиктованная сложившимися обстоятельствами, логика. Так и ухаживать за памятниками удобнее, и стоят они не в гордом одиночестве, а в многолюдных благоустроенных местах. Так что предложение Афанасьева о возведении памятника в «неперспективной» Кикинке было в некотором роде отступлением от сложившейся практики.

Алексей Васильевич это понимал. Но он и Карева знал со времен, когда тот успешно руководил крупным хозяйством в Сампурском районе. Знал как сына фронтовика, как человека мудро и умеющего находить оптимальные решения в непростых обстоятельствах, и поэтому Афанасьев верил, что в данном случае он поступит не формально, а по совести, с учетом всех обстоятельств.

— Ну, рассказываешь ты хорошо, — с участливой улыбкой прервал своего настойчивого собеседника Владимир Николаевич, — а давай-ка, показывай свой проект...

Сразу же обратил внимание на то, что центром композиции автор проекта сделал изображение женщины, глубоко скорбящей над погибшим воином. Афанасьев пояснил, что позаимствовал это символическое изображение из художественной росписи мемориала на Мамаевом Кургане. Такой акцент, на его взгляд, ярко и убедительно подчеркивает то, что это еще и памятник женщинам-матерям, сестрам, женам, вынес-

шим на своих хрупких плечах вместе с мужчинами все тяготы войны...

А потом были выезд на место, в Знаменский район, встречи с руководителями этого района, Кузьминского сельсовета, на территории которого находится Кикинка, с населением. Владимир Николаевич внимательно слушал доводы людей, ни на кого не давил своей должностью и авторитетом. А потом уехал, дав им возможность самостоятельно принять взвешенное решение.

И оно было принято — в пользу Кикинки. Место для памятника выбирали долго и тщательно. В итоге остановились на склоне — у оживленной объездной дороги, соединяющей волгоградское и воронежское направления и пересекающей Кикинку. И памятник на облюбованном для него месте стал своего рода объединительным, собирательным символом.

Под мемориальное место отвели гектарный участок. И, как говорится, закипела работа. Сдержал свое слово Горбунов — помог транспортом, металлом, щебенкой, бетоном...

— Это, наверное, лучше, чем деньгами? — полюбопытствовал я у Афанасьева.

— Конечно, лучше, — твердо констатировал он. — Но многие друзья-строители, с кем работал и учился (а учился он заочно в Моршанском строительном техникуме и Московском строительном институте), и деньгами помогали — кто пять, кто десять тысяч рублей выделял. Все деньги, до единой копейки, на памятник пошли.

По мнению Алексея Васильевича, крайне важны и полезны были и консультации, которые по ходу строительства регулярно давали П. Горбунов и специалисты его строительной компании. Многие сделали для того, чтобы этот памятник состоялся, местные фермеры В. Хохлов, В. Елагин, Н. Гродненский. Огромную помощь в его возведении оказала глава Кузьминского сельсовета Любовь Владимировна Ипатина, которая, по словам Афанасьева, подняла народ на это дело. Люди работали с

огоньком, не жалея сил. А работа была не из легких. К примеру, глиняный грунт под бордюрную плитку (чернозем в свое время выбрали при строительстве дороги) был такой крепости, что его пришлось разрыхлять «болгаркой». Так что попотеть всем изрядно пришлось. В числе «ударников» и два сына фермера Хохлова — Алексей и Константин, а также Александр Демин, Юрий Макаров и другие механизаторы фермерского хозяйства, специалисты администрации сельсовета, педагоги Кузьминской школы и, конечно же, жители деревни Кикинка. И еще за старательность Афанасьев выделяет А. Дрожжина и В. Афанасьева.

...В день торжественной церемонии открытия, 8 августа, памятник предстал многочисленным собравшимся во всем своем великолепии, символизируя своими прямоугольными стелами, на которых в строгом алфавитном порядке запечатлены фамилии воинов-земляков, и другими любовно и на совесть выполненными элементами, высшую степень благодарности и поклонения подвигу земляков от потомков за Великую Победу. Неузнаваемо было и очищенное вокруг него от мусора и стихийно разросшегося кустарника пространство, где высадили саженцы березок, ив, сосен, сирени, белой акации, туи. Выражая признательность участникам возведения памятника и вручая им благодарственные письма, В. Карев назвал сделанное ярким проявлением народной инициативы, которую просто нельзя было не поддержать. А руководители Знаменского района Ю. Рогачев, А. Бушуев, депутаты областной Думы Л. Милосердова, Н. Шмырев выдающиеся для этой деревеньки событие восприняли как добрый знак начала ее возрождения, что на общем фоне развития социально-экономической сферы Знаменского района, особенно заметном в последнее время, очень даже возможно и обоснованно. И как тут не вспомнить переключившиеся с этим слова полномочного представителя Президента РФ в Центральном феде-

ральном округе А. Беглова, принимавшего чуть ранее участие в такой же церемонии открытия мемориала защитникам Отечества в соседнем селе Даниловка, о том, что если в селах возводятся такие памятники, то нам ничего не страшно, и низкий поклон людям, которые это делают.

И вполне справедливо, что в числе первых на этой торжественной церемонии благодарственное письмо за подписями исполнявшим в то время обязанности главы администрации области А. Никитина и врио председателя областной Думы В. Карева было вручено А. Афанасьеву. Прозвучали в его адрес (а скорее всего в адрес всех) добрые пожелания и такие слова: «Побольше бы таких мужиков!»

— А как в семье отнеслись к вашей «вахте памяти»? — поинтересовался у него.

— Все девять членов моей семьи вместе со мной были на открытии памятника, в том числе и трехлетний правнук Владик, которому по наследству передались мои голубые глаза. Он тоже возлагал к памятнику цветы, — счастливо признался Алексей Васильевич.

Кстати, во главе с ним, так сказать, неформальное общение у памятника за просторным, накрепко установленным здесь столом продолжалось до глубокой ночи. Играла гармошка, под звуки которой в свое время местные женщины провожали мужчин на фронт, звучали песни, которые пели их отцы, деды и прадеды. Условились, что в день открытия памятника такие встречи будут проводиться ежегодно. И, конечно же, в День Победы... Думают сделать здесь настоящий сквер. «И обязательно будут в нем пирамидальные тополя, — выражает он свое желание. — Они — как часовые Родины!»

Сейчас на памятнике 96 фамилий. Но не исключено, что появятся и другие.

Поисковую работу Афанасьев и его единомышленники продолжают. С особой теплотой в голосе он обозначает такую статистику: «Семья Гуляевых: во-

евали пять братьев — трое погибли, двое вернулись с войны; семья Семеновых: воевали три брата и сын — вернулся один брат; из семи семей — Демины, Хохловы, Душины, Никитины, Харламовы, Титовы, Юдины — воевали по три человека...»

Есть у Афанасьева и еще планы: с помощью друзей-строителей отремонтировать спортзал в соседней Кузьминской школе, выволить из земли находящийся примерно в километре от па-

мятника огромный камень (по мнению Алексея Васильевича, он небесного, метеоритного происхождения), очистить земснарядом русло речушки Сявы, чтобы привлечь сюда туристов и переселенцев. Кстати, они уже есть — из Прибалтики и Сибири. А что касается реальности этих планов, то, как показало строительство памятника, они, когда есть народная инициатива и ее поддержка со стороны всех ветвей и уровней власти, осуществимы.

Владимир Иванович Селивёрстов родился в 1945 году в Котовске. Окончил Волгоградскую высшую следственную школу МВД СССР, Академию МВД СССР. Работал начальником штаба УВД по Тамбовской области. В настоящее время — адвокат. Публиковался в журнале «Подъём», региональной печати. Автор многих книг прозы и документалистики. Член Союза писателей России.

Владимир Селивёрстов

ГАМАЛЕЯ ПРАВИЛ ЧЕСТНО И ПОРЯДОЧНО

(Добродетели тамбовского губернатора
Н.М. Гамалея)

ВЫСОЧАЙШЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Самодержец Российский император Николай Первый захлопнул и бросил на зеленое сукно стола алую бархатную папку с золотыми застёжками. — Ваш формуляр заслуживает уважения. Так когда же вы родились? По гражданской метрике 27 апреля 1795 года, а по Тульской Родословице в 1793 году? Сколько же вам лет от роду? Тридцать семь или сороковой? Вы знаете, что означает ваша фамилия? Изучали турецкий язык?

Представляющийся растерялся, не зная, на какой из трех высочайших вопросов отвечать.

— Смысл таков: Гамалея — носитель тяжестей, сильный, — сказал он, глядя императору в глаза. — Родоначальник нашего рода, казак Гамалея, служил по дипломатической части у гетмана Богдана Хмельницкого. И весьма успешно. Был он на посылках с разными тайными и щекотливыми поручениями в Турции, Литве, России. Представлял интересы Малороссии.

— Николай Михайлович, скажите, при нашествии Бонапарта вы в ополчение при своей воле пошли?

— Как и многие тысячи русских людей.

— Получается, вам и семнадцати не было?

— Для защиты Отчизны лета не важны.

— Вы сколько времени исполняли обязанности начальника Витебской губернии?

— И года нет. С 26 апреля 1830 года по 15 марта 1831-го.

— Вверяю вам Тамбовскую губернию — житницу российскую. По населению и обширности она четвертая в бесконечной стране нашей. Звание губернатора высоко и носить его следует достойно. Вы мой наместник, представитель и посланник. Проводник царской воли. По вашим действиям обо мне судит народ будет. Принимайте присягу, вникайте в дела и через два месяца жду вас с предложениями по улучшению жизни народной. Не бойтесь взваливать на себя тяжесть ответственности, ведь вы же Гамалея — носитель тяжестей.

Император замолчал и под его испытующим внимательным взглядом Николай Михайлович почувствовал себя ничтожным чинишкой. Велик царь Земли Русской.

На следующий день, в первом департаменте Сената почетный его член семидесятипятилетний князь Елагин, знаменитый русский масон, дрожащей голубой рукой протянул ему Высочайший указ.

В черной кожаной, холодной и скользкой, как рыба, папке вложен был Указ Правительствующему Сенату.

«...Назначить с 8 октября сего 1832 года действительного статского советника Николай Михайловича Гамалею исполняющим должность Тамбовского губернатора с денежным довольствием в 3000 рублей, 150 столовых рублей и 100 госпитальных рублей. Император Николай Первый».

Перед отъездом в Тамбов его принял министр внутренних дел Блудов. Прямой и непосредственный начальник, сухой, как палка, человек. Больше ми-

нуты он усидеть на золоченом троне не мог, вскакивал и, обежав вокруг громадного стола заседаний, снова присаживался ненадолго.

— Тяжелейшую ношу вы взвалили на свои плечи, дорогой Николай Михайлович. То ли поздравлять, то ли сочувствовать. Так что поздравляю сочувствуя. Почти два миллиона голов, то есть душ, тьфу ты, жителей. Уступает только Вятской, Пермской, Киевской и Воронежской губерниям. Бог и фамилия вам в помощь. Я даже не знаю, кто там правит бал: потомки Пугачева, купцы козловские или раскольники сосновские, сектанты разного толку и бестолку. Кстати, почему молокане, а не сметане, хе-хе. Их там — всякой твари по паре. Статистический комитет, как всегда, врет. Уж какой год заладил одну цифру — 170 тысяч человек, православных служб не признающих. Думаю, много больше. Говорить о всяких там беспоповцах и прочих молчунах и пятидесятниках не стану. Трону только тему преступлений на теологической, так сказать, почве. Речь об отпочковавшихся от беспоповцев тех самых многочисленных, сильных сектах, настроенных крайне враждебно не только к православной церкви, но и к самой самодержавной власти: бегунов, хлыстов и скопцов. Всех участников этих сообществ провозглашать следует публично преступниками. Судить и отсылать по Сибирке.

Тут Гамалея не выдержал, встрял:

— Я, ваше высокопревосходительство, во втором департаменте Сената при изучении уголовных дел по Тамбовской губернии натолкнулся на дело некоей Акулины Некрасовой из села Алгасово Сосновской волости, брошенной в тюрьму по обвинению в скопчестве еще в 1811 году. Двадцать один год бедная женщина по тюрьмам маялась-мыкалась без суда и следствия, пока не представилась в Воронежском тюремном замке то ли от тоски, то ли от истощения.

— И что, никто из чинов не понес заслуженного наказания? Донесите мне меморией о сем вопиющем акциденте.

— Накажем двух-трех чиновников, только кто ей вернет молодость, по казематам растраченную-загубленную? А донесение уже оставил в канцелярии князю Енгальчеву.

— Да какая там жизнь у бабы оскопленной? Мы с вами должны понять — скопчество среди других отклонений православных совершенно вчеловеческое явление. Оно неотрывно связано с совершением преступлений. Вам, видимо, как я вижу, не приходилось видеть этих изуверов? Тогда позволю себе некоторую протрацию, так сказать, в пространстве про этих протестантов. Философия их зиждется на главе 19 стих 12 Евангелия от Матфея, в коем сказано о «скопцах для Царства небесного». Они осуществляют добровольную, а зачастую и насильственную кастрацию своих адептов. Общинники обеих полов таким образом теряют способность к продолжению рода и половому влечению. Само собой разумеется, что потомственность...хе...хе у скопцов невозможна. Потому они всегда и озабочены привлечением новых общинников-адептов со стороны. Если бы не было прибытка людского, секта вымерла бы естественным путем ну лет за 30-40... Слава Богу, среди них только одно крестьянство, ни один дворянин не сподобился...

Гамалея, чем дольше министр распространялся о скопцах, тем более приходил в недоумение: неужели сия тема главнейшая при напутствии нового губернатора? Что, если справиться с сектами, в Тамбовской губернии наступит тишь, гладь и Божья благодать, и никто не будет голодать и все законы соблюдаться станут неукоснительно? Нет, видно, у министра сей пунктик стал самым слабым. Но не выдержал и вклинился удобным моментом между словами.

— И сколь много скопцов в вверенной мне Высочайше губернии?

Министр «встал в пень» и озадаченно уставился на губернатора.

— А, действительно, сколько?

Заполотно грянул призывной колокол.

Влетел, скользя по льду паркета, дежурный чиновник по особым поручениям Кретов. Наткнувшись на кресло, остановился.

— Иван Трофимович, скажи, сколько скопцов в Тамбовской губернии?

— Сие членовредительское сообщество не поддается счету.

— Как так? Не знаете, так и скажите. Бегом ко мне шестого столоначальника Довгера, он ведь Тамбов обкурирует?

— Так точно, вернее, точно так, — облегченно выдохнул вчерашний коньяк чиновник.

— Идиот! Бегом.

Довгер — пузатый статский советник в обвислых панталонах и устаревшем зеленом сюртуке с черными бархатными отворотами — появился неожиданно быстро для его черепашей неуклюжести.

— Почему нарушаете установленные каноны форменной одежды? Что сказано в Высочайшем Указе на сей счет?

Чиновник, уничижаясь, сдупся на глазах.

— Утвержденное его императорским величеством «Положение о гражданских мундирах» вводит единый образец. Мундиры по губерниям упразднены. Теперь мундиры соответствуют только рангу должности, а не чина. Шитье по десятиразрядной градации.

— Виды, формы одежды каковы вводятся?

— Парадная, праздничная, обыкновенная, обыденная, будничная, особая, дорожная и летняя.

— Твой мундир какое шитье имеет?

— Шитый кант по воротнику и обшлагам.

— Неделю даю на приведение в соответствие. Сколько скопцов числится за Тамбовской губернией?

Неожиданно для себя Довгер выпалил:

— Триста восемьдесят три.

— Откуда сведения?

— Из отчета губернского за прошлый год.

— Да? Неси его сюда.

— Не могу-с, ваше высокопревосходительство.

— Почему?

— Он у товарища министра князя Неклюдова изволит обретаться.

— Бегом его сюда.

— Кого, отчет?

— Неклюдова.

Титулярный советник, попукивая от страха в ожидании близкого и неотвратного разоблачения, затрусил по коридору. Число тамбовских скопцов взято им с потолка, а министр вранья, тем более обмана не терпел. Будущая кара повергала в страх и погловное газообразование...

Гамалея вышел от министра в недоумении, будто побывал в доме умалишенных.

У него было несколько другое мнение о тамбовских сектантах. Почему именно этот край стал колыбелью произрастания духоворчества и молоканства? Тамбовская губерния возникла по воле Екатерины Великой. Гамалею всегда нравилось женское имя Екатерина — «чистая, непорочная, истинная» по-гречески.

Степь на юге и густые чащобы на севере создали удобную смесь для укрывательства всякого свободолюбивого смельчака. В огромных лесах обитали мордва, мещера, шайки разбойников, всякий беглый сброд. При Петре Великом в Борисоглебске работали на верфях, строя азовский флот немцы-протестанты. В Липецком уезде стали разрабатывать чугунные руды, создавать литейные заводы, число иностранцев увеличилось.

Протестантские идеи для протестующих против угнетения выглядели привлекательнее, нежели православный причт, паразитирующий на крестьянстве. Тамбовская епархия влачила нищенское существование, во всяком случае, приходские священники, по большинству люди невежественные, и церковные старосты бродили по дворам, собирая подати, то есть прося милостыню. Рекрутство для духовенства лишило его всякого уважения, уравнивало с

мужичьем. Высшее духовенство держало низший причт на положении рабов, заставляло работать, посылало на заработки, уничижало достоинство, унижало плетью и розгами.

В 1774 году появился Пугачев, еще больше взбудораживший умы и вскруживший головы. Любое действие вызывает противодействие. В ответ на беспощадную расправу с духоворами и молоканами, нововеры стойко «стояли за веру», переносили смерть, увечья, ссылки на каторгу, рекрутчину, возбуждая окрест сочувствие и ненависть к духовенству и власти.

Гамалея помнил вышибающие слезу строки всеподданнейшего прошения тамбовских молокан 1803 года:

«Препоручи, Августейший Монарх, исследовать слезную картину действия начальства Тамбовского на месте... тогда узнаешь истину, что мы умираем от побоев бесчеловечных... Высочайшею волею ты, государь, поставлен ангелом хранителем благосостояния граждан, и от тебя зависит оградить их всех безопасностью и паче от злонаветствующих и коварных... изждени и Ты мечем правосудия из рая монаршей доверенности лиц, недостойных оной... Дабы бесчеловечие и крайняя жестокость, стыд и укоризну, наносящие человечеству, не остались без наказания!»

12 июля 1805 года Тамбовский молокан Петр Журавлев добился аудиенции у императора Александра Первого. Результат не замедлился.

15 июля 1805 года прошение рассмотрено на специальном присутствии во главе с императором. Статс-секретарь Сперанский М.М. и министр внутренних дел Кочубей В.П. поддержали просьбодержателей.

Манифест от 22 июля объявлял полную милость и духоворам и молоканам.

Гражданским губернаторам указано: «...объявить епархиям, архиереям и приходским священникам, чтобы отнюдь в молоканские дома со своими требями не входили».

При Николае Первом гонения начались вновь.

Через неделю, получив Сенатскую срочную подорожную с правом внеочередного предоставления на станциях лучших лошадей, Гамалея отбыл в Тамбов.

ДОРОГА В ТАМБОВ

Громоздкая черная карета, когда-то отливавшая чистой глянца лака, с ошипанным временем, истерзанным ветрами, дождями и снегом, некогда золотым, а ныне просто желтушным, двуглавым орлом на выгнутых дверях с тяжким скрипом ухала по ухабам и колдобинам. К ночи зажелтели огни Каширы. Московская осень провожала теплыми днями и ночами. Перебрался на облучок полюбоваться звездным небом. Луна улыбнулась, а звезды весело, зазывно и хитро замигали. Запрокинув голову, зашелся душой перед бездной. Сладостно заняло в груди. Правду говорят: если есть бесконечность, то нет меня, а если есть я, то нет бесконечности. Почему?..

Куда направлялся новый губернатор, покачиваясь на огромных рессорах и кожаных ремнях казенной кареты? Что знал о тех местах?

Тамбовский край принадлежал восточной половине центральной земледельческой области Европейской части России. Тянулся он с севера на юг от 100 до 400 верст, с востока на запад от 86 до 270. Граничил на севере с Меленковским уездом Владимирской губернии и с Нижегородской — Ардатовским уездом. На востоке с Пензенской губернией — Чембарским и Керенским уездами. На юге с Воронежской губернией — Новохоперским и Бобровским уездами. На западе с Орловской — Елецким уездом и Тульской — Ефремовским уездом, с Рязанской — Раненбургским и Касимовским уездами.

Площадь губернии 58 тысяч 511 квадратных верст. Южная часть без постоянного населения. Тут нетронутое сохой Дикое Поле многие столетия топтали кони и ноги ногаев, половцев, мещеры, мордвы, крымских и азовс-

ких татар. Самые старые поселения — Елатьма, бывшая еще в XIV веке, Кадом, Темников. В 1553 году заложена сторож-крепость Шацк на самой горячей сакме крымских татар. В 1635 году Козлов, в следующем Тамбов — крепости охранные, призванные крепко крепить крайну российскую. В губернии уезды: Борисоглебский, Елатомский, Кирсановский, Козловский, Спасский, Лебедянский, Липецкий, Моршанский, Тамбовский, Темниковский, Усманский, Шацкий.

Липецкие железные руды и целебные минеральные воды известны со времен Петра Великого. На севере, в Унжинском, Ереминском, Мердушинском, Виндреевском заводах варили чугуны и делали железо. В Сосновке нашлась купоросная земля. Делали квасцы, мумию. Почти всю губернию покрывал в 2-2,5 аршина тучный чернозем. В Елатомском уезде протекает Ока, в Тамбовском, Сосновском, Моршанском — Цна, в Лебедянском — Дон. Есть река Мокша протяженностью в 223 версты с притоком Вад в 120 верст. Цна в 423 версты. Под лесами занята пятая часть территории. В них произрастает береза, дуб, осина, сосна, крушина, липа, бересклет. В низинах плачут ольха, ивы, ветлы. Благоухают сосновые боры. Живут в них на полной воле медведи, лоси, волки, лисицы, зайцы, хорьки, куницы, драхвы, тетерева и много всякой другой живности.

Дома просторные, сухие, рубленые из сосны, реже из дуба. Срубы проложены мхом, крыты дранью, воздух очищающими от разной гнили-дряни. В селах победнее, в степных местах — кизяковые. Каменные — только в городах у богатых. Урожай собирают с десятины ржи от 35 до 77 пудов, овса от 32 до 71, проса по 52-60, картофеля 300-600 пудов. Садоводство тамбовские жильцы любят. Выращивают яблоки, вишню, груши, сливу, терн, малину, крыжовник, смородину, клубнику.

Больше ста конных заводов разводят рысистых жеребцов, упряжных лошадей и тяжеловесов. Пасутся по лугам

150 тысяч овец-мериносов. Развилось суконное производство. Ветер вертит 2663 мельницы, вода крутит колеса 630 водяных мельниц. Скрип летел далеко окрест. Вместе перемалывали они 1 миллион 244 тысячи 16 четвертей зерна. Развита суконная мануфактура. Салотопенные и мыловаренные, маслобойные, пять сыроварен, табачные заводы. В Кирсанове фабрика фосфорных спичек каждый день по тысяче коробков делает. Стекло на двух заводиках в Моршанске и Шацке производят. В Темникове писчебумажный цех из лучших в России. Там же большой железоделательный завод Вознесенский. Небольших чугунолитейных по губернии разбросано пятнадцать. Два завода красивую расписную фаянсовую посуду производят. Три завода кафельную узорную плитку варят. Десять крахмальных, четыре канатных, четыре лесопильных, сто шестнадцать дегтярных, двадцать пять восковечных, два поташных, 2000 кирпичных заводов, 2500 кузниц. Вся губерния владела домашними ремеслами: делали древесные изделия, телеги, колеса, сани, бочки. В ходу были выделка кож, пошив сапог для мужиков и женских, красивых, словно лебеди. Били шерсть, валяли валенки, шорники, скорняки, рукавичники, шерстяные чулки и вареги. Пятнадцать тысяч пчеловодов душистый мед продавали по всей России.

Гамалея вспомнил щемяще знакомое в родных Красавке и Малых Плотах: ранней весной пчелы прилетали на ранние цветы-примулы, ирисы, плачущее сердце, нарциссы. Как вспомнит, сердце так и заплачет. Оба села уже более ста лет принадлежали семье. Волшебные материнские руки в жару прохладные, в холод теплые. Там отец, строгий, с всегда застегнутыми на все пуговицы мундиром и душой, прямой, как палка в походе и обращении. Служил инспектором Тульской врачебной управы. С младых ногтей они с братом Михаилом, нынешним тульским вице-губернатором, побаивались отца, хотя строгим он не был. Страх более походил на уважение.

Михаил Леонтьевич не повышал голоса, не ругался, но один только жест руки с прищелкиванием пальцами заставлял братьев замирать и, не мигая, смотреть на отца... Лет в десять он спросил:

— А кто были наши предки?

— Русский дворянский род. А родоначальник польский шляхтич Михаил Высоцкий с гербом Дряя. Было два сына — Григорий и Андрей. Первый, будучи послом Богдана Хмельницкого, получил от турецкого султана прозвище Гамалея — «сильный». Говорят, железное копьё в кольцо сгибал, а подкову, наоборот, разгибал. Любую наложницу из гарема на вытянутой руке держал, как кувшин. Одним махом троих янычар побивахом. Далее прозвище стало нашей фамилией. Андрей же стал генеральным малороссийским есаулом. Григорий, лубенский полковник, в 1655 году вернул от поляков город Корзунь. В 1664 году взял Черкассы, начальствуя передовым отрядом гетмана Брюховецкого. Позже вместе с ним ездил в Москву «ударять челом великому государю всеми городами малороссийскими». Когда Брюховецкий отпал от Москвы и стал искать покровительства турецкого султана, то отправил к нему в 1688 году послов. В числе послов был и Григорий Гамалея, возведенный в звание генерального старшины. В 1669 году Григорий переметнулся на сторону Дорошенко, гетмана Правобережной Украины, и с его войсками грабил и жег Малороссию.

Род наш со временем разделился на несколько ветвей. Внесены они были в Четвертую часть родословной книги Черниговской и Первую, Вторую и Третью части родословной книг Полтавской и Екатеринославской губерний...

Отец под малым хмельком напевал «Хвораем мы, и нет спасенья, мы умираем от леченья».

Навсегда запомнил его поучения: «Кто постоянно озабочен свою жизнь драгоценную сохранять, тому некогда радоваться этой самой жизни. Смерти бояться не надо, она всего лишь обретенное первоначального состояния»...

Мертвенный свет луны принес холм; улыбнувшись путнику, ледяной блин вдруг, испугавшись чего-то, спрятался за тучу. Гамалей всмотрелся в звездную бездну. Нет ни бесконечности, ни вечности. Есть время, состоящее из людей. Текут они, словно в песочных часах песчинки, пока не кончится их жизнь. Гамалея мало боялся того, что с ним будет происходить, больше страшился самого себя, боялся узнать себя до конца, до дна, заглянуть без страха в себя. Самоуспокаивался. Ведь на сегодня ты лишь то, что происходило с тобой доселе. Человек — сумма своего прошлого, минус будущее. В будущем ты обязательно станешь другим. А что у него в прошлом, какая сумма? Окончил в 1810 году Московский университет и начал службу гражданскую в департаменте уделов. 12 апреля 1812 года коллежский секретарь самовольно бросил гражданскую службу и поступил в санкт-петербургское ополчение с переименованием в подпоручики. А потом началась война, длившаяся всего два года: 1812-1814. Воевал везде — в России, Польше, Пруссии, Саксонии, Австрии, Баварии, Вюртемберге, Бадене, Швейцарии, Франции. В октябрьских сражениях 1812 года при Полоцке отличился и был награжден за отличие Святой Анной 4-й степени. Участвовал в деле под Чашниками 17 июня 1813 октября. 2 ноября — под Смоленами. 6 ноября — при Березине, где был ранен в ногу навывлет. С тех пор стал прихрамывать. Произведен в поручики. 3 января 1813 года при осаде крепости Молдина отличился. В общем, пулям и врагу не кланялся...

На пятый день Гамалея подъезжал к Козлову. Тело от долгой дороги ломило, хотелось выспаться в обычной кровати, а не на холодной кислой коже кареты. В постоянных дворах подолгу разминал затекшие чресла и поясицу.

Издали завиднелась Триумфальная арка, воздвигнутая в честь победы над Бонапартом, обитая еловыми ветками с красной лентой и украшенная надписью «Желаем всего». При подъез-

де, ее зажгли и, вспыхнув игольчатым скелетом, она быстро потухла.

Вспомнились слова писателя-издателя Новикова, имевшего в здешних местах имение: «Крестьяне и жильцы козловские ленивы, утягощены, уторопливы и упорны...»

Под аркой зеленела мундирами толпа местной знати во главе с городничим. Градоначальник косился на нерадивого племянника и сквозь зубы увещевал его:

— У тебя, Федька, своето нету ничего. Одно бахвальство и дерьмо. Тело — государево, душу ты сатане давно заложил. А жизнь твоя — моя, потому что задолжал ты столько, что до смерти не расквитаешься...

МОНОЛОГИ ГАМАЛЕЯ

О ВЛАСТИ

Есть в этой жизни одно и несомненное блаженное довольство жить и служить для России! Любезные служителя государства Российского! Каким должен быть чиновник и дворянин? Если ты обер-офицер, то должен презреть покой и сносить, не ропща, труды. Если судья — забыть страсти и пристрастия, симпатии и приверженности. Правосудие должно свершиться, даже если рухнет небо и весь порядок вещей. Истинный слуга истины должен быть благородным, то есть независтливым, негневливым, терпеливым к тем, кто попал в беду и нужду. Помните Кантемира: ползать не советую, хотя и спеси гнушаюсь.

Высшая благодетельность — не делать подлости и противозакония, если даже уверен, что никто не увидит и не узнает. Это и есть совесть. Призывая вас сохранять веру и исполнять свой долг, следовать природе человеческой, а не любостыжанию. Будьте с низшими строгими, но благоприятными и благорасположенными. Все сие сохраняйте в себе и охраняйте. Не распространяйте глупые небылицы и скаредные клеветы про других. Любые козни непременно в свой черед ударят по вас.

О ЛИХОИМСТВЕ И МЗДОИМСТВЕ

Никто и ничто не мучает нас, кроме нашей собственной природы. Сделайте свою природу честной и приятной. Если кто из вас не упускает чужое своим сделать и побирает взяточки, того непременно ждет острог. Христарадничать благороднее, чем срывать взяточную поборную деньгу. На чужом злополучии свое благополучие не построишь. Поэтому прошу всех и всяких начальников следить и изучать своих сослуживцев. Кто судит о работе, не зная сотрудника, тот себе причиняет ущерба больше, чем ему. Избегайте пороков, они оставляют в наших душах раскаяние, которое, постоянно грызя нас, не даст спокойно жить.

ЕЩЕ О ВЛАСТИ

Господа чиновники! Монарх наш, император всероссийский Николай Первый опирается не на сотню-другую вельмож с богатством немереным, а на десятки тысяч людей с достаточным для жизни достатком. Вы как раз таковыми и являетесь. Опора трона и порядка, сдерживатели бедных и нищих, готовых к бунту всевременно и неизменно. Нельзя от монарха требовать верности и добросердечия к людям злым и склонным к неверности по отношению к нему.

Губернатор не должен учитывать интересы только одной какой-то части жильцов наших — дворян или мещан. Хотя образуют лицо губернии, конечно, благородные семейства...

...Гамалея легко выхватил из папки нужный листок, скосил на него глаза:

Рахмановы, Рахманиновы, Можаровы, Загряжские, Гагарины, Воронцовы-Пашковы, Енгалычевы, Арбенева, Жуковские, Каверины, Вельяминовы, Карабчевские, Сазоновы, Воейковы, Потемкины, Кретовы, Кареевы, Кахановы, Баратынские, Дурново, Оленины, Ушаковы — вот лишь малая толика

сливок дворянства тамбовского. Они столбовые дворяне, они столпы, а не толпы черни черносошной.

Вы думаете, мы с вами мыслим и чувствуем более умно и тонко, чем поколения, ушедшие в мир иной? Это только обман, кажущийся каждому новому поколению, в мир приходящему. Мания исключительности своей жизни и своих современников. Поверьте, древние греки и римляне талантливее нас были и образованнее. «Одиссею» и «Илиаду» Гомера наизусть знали. Попробуйте выучить. Вот вам пример: слова гражданской присяги, принимавшейся две с половиной тысячи лет назад в Афинах:

«Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду идти в строю. Отечество оставлю после себя не умаленным, а большим и лучшим. И я буду чтить отеческие святыни».

Не думать о прошлом, а только о будущем недальновидно, ведь будущее сокрыто под покровом прошлого. Скрыто оно в прошлом еще и потому, что у людей страсти и пороки не меняются, остаются одни и те же. Это облегчает унавание в прошлых бедах будущие. Новые порядки хоть и изменяют людей к лучшему, но следует сохранять как можно больше прежнего...

...Из мечтаний Гамалея вернули несколько хлопков, слишком тихих для ружейной пальбы, и тут же в небе распцвели чудесные букеты фейерверка. Он не сразу понял, что в этом заштатном уездном городишке, которому и по Сенатской юрисдикции не положено делать салюты, так пышно встречают именно его, тем более что он город не посещал, а просто проезжал мимо. Городничий заталмудил было доклад, но Гамалея пресек ребром:

— За чей счет пальба в небо устроена? Подать сюда фейерверкера!

Фейервейкер, отставной козы барабанщик, древний старик в выношенном грязно-серого цвета мундире лейб-гвардии Павловского полка, приковылял на деревянной ступке и застыл, дрожа ру-

кой, прислоненной к выцветшей фуражке, трясая сивой бородашкой и медалью «За храбрость»...

— Будь здоров, ветеран. Знаешь, сколько стоит твоя канонада?

— Магистрат пять рублей московскому немцу Шредеру отвалил, а мне осьмушка досталась. Вельми доволен — месяц по косушке на каждый Божий день хватит.

Гамалея достал серебряный рубль.

— На вот тебе. Награда за подвиги твои турецкие.

Тот засморкался, затер глаза грязным платком, из которого посыпался табак.

— А ты, градоначальник, купи старому воину за казенный счет тулуп новый, чтоб не мерз на старости лет. Видишь, в трясеи? В казну города вложишь пять рублей. Так будет справедливо. Ты ведь меня салютом встретил не как городничий, а как частный житель, из уважения, так ведь?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Через месяц с отчетом прибудешь. Особо — о мосте через реку Воронеж и о Гостином Дворе. Всю смету до копейки. На обман пойдешь — в остроге оставлю губернском... Да, чуть не запамятовал. В вашем суде уездном с прошлого года дело «О несправедном владении поручиком Иваном Яковлевым именем, принадлежащем генерал-майору Семену Петрову в сельце Ново-Панском». Суд отставного поручика оставил без земли и крестьян, отчего тот и отдал Богу душу. Сын его встал во главе разбойников и скрывается в лесах. Много он насодейал? Много за ним душ загубленных?

— Пускает на грабеж и разбой только тех, кто при богатстве, и чиновников, кто во взятках замечен. Бьет, но не до смерти. Только тех судей, что отца в гроб свели, обчистил донага и дома сжег.

— Это дело я в Сенате изучил. Липовое оно, несправедное, взяточное. Сначала Муратова ограбили, погубили, а уж потом он мстить начал всем вам. Пере-

смаживать надо дело, имение возвращать законному владельцу.

— Помилуйте, ваше превосходительство, кому возвращать? Атаману разбойников?

— Корнету лейб-гвардии Кавалергардского полка Яковлеву.

— Пожалуйте отобедать, Николай Михайлович, поди проголодались в дороге?

— Некогда мне с тобою за разносолами рассусоливать, Тамбов ждет, и так задержался на два дня.

Через три дня Гамалея выступал с приветственной речью перед дворянством.

— Господа! В 1771 году, то бишь всего лишь пятьдесят лет тому Тамбовская губерния называлась Московской Украйной и разделялась на две провинции — Тамбовскую и Шацкую с уездами. Первым правителем здешним был генерал-майор Салтыков Александр Иванович, царствие ему небесное. При нем штат правления таков был: два советника, один секретарь, один протоколист, один регистратор, один архивариус, три канцеляриста, пять подканцеляристов, семь копиистов, один переплетчик и два сторожа. Итого 24 единицы на всю губернию. А что имеем ныне, вернее кого? Вице-губернатор, три советника, ассессор, четыре секретаря, два помощника старшего секретаря, начальник газетного стола, редактор «Губернских ведомостей», его помощник, канцелярмейстер с двумя помощниками, архивариус с двумя помощниками, десять столоначальников, двенадцать их помощников, экзекутор с двумя помощниками, смотритель типографии... Сколько получилось? И это только половина меньшая! Чиновников больше, а проку меньше. Волочите вы заявителей годами... Может, вернемся к временам Салтыкова по штатам? Иван Петрович, сочкника нагар со свечей... Смотрю я на вас и берет меня досада и остуда. Дела тянутся телегой несмазанной, как тут не вспомнить слова старые «пустокормы вы подьячие»...

Базарная площадь утопала в зловонной грязи. Городничий Сафронов ничего лучше не придумал, как мостить ее без конца глиной. Посреди этого паскудства, будто летел большим лебедем белоснежный дворец с римской колоннадой и портиком, дом купца первой гильдии Суворова. Мелкие торговцы перебежали по доскам, порскавшим черными фонтанами, соскальзывали и шлепались в базарное гнилье. Гамалея попытался балансировать по брошенным горбылям, но не удержался и оступился в лаковых штиблетах и белоснежных шелковых панталонах в черную сметану. Скоро вся свита стояла рядом с ним по щиколотку в наземе. Собравшаяся вокруг толпа зевак сначала изумленно наблюдала невиданную картину, улыбалась, а потом постепенно начала хохотать.

Губернатор допрашивал городничего:

— Какова же площадь площади Базарной?

— Пятьдесят тысяч квадратных са-

женей. Двадцать в ведении города. Тридцать три на долю землевладельцев.

— Два месяца тебе вкупе с городским головой замостить все тут камнем бутовым. Камнеломни есть в губернии?

— Имеется в Кирсановском уезде, помещикам Нарышкиным принадлежит.

— Тому самому, что при Екатерине Великой шутом придворным состоял?

— Те самые и есть. Только дадут ли, продадут ли? Говорят, сам Державин просил, да отказали.

— А ты попроси получше вместе с кирсановским предводителем. А что за кучи, травой заросшие на Большой Астраханской?

— Камень бутовый. Благой памяти пиита великого российского Гаврилы Романовича. Завез, да не успел забутить, выдавили его отсюда альгвазилы...

...И правил на Тамбовщине губернатор Николай Михайлович Гамалея с 8 октября 1832 года по 27 февраля 1838 года. Правил честно и порядочно.

Анатолий Сергеевич Труба родился в 1978 году в поселке Первомайский Тамбовской области. Окончил Мичуринский государственный аграрный университет. Кандидат экономических наук. Работал на руководящих должностях в предприятиях АПК, возглавлял Тамбовский институт агробизнеса, был главой Первомайского района Тамбовской области. В настоящее время профессор МичГАУ. Автор трех книг стихов и публицистики. Имеет ряд общественных и литературных наград. Член Союза писателей России.

Анатолий Труба

ДВА ВЛАДИМИРА

(Судьбы священников одного прихода)

На северной окраине Тамбовской области, в селе Новоюрьево, возвышается красивый, строгий, построенный в духе классицизма, старинный храм. Храм Михаила Архангела имеет три престола: главный — Архангела Михаила, придельный — святого Николая Чудотворца, третий — Серафима Саровского, который готовится к освящению.

Церковь построена на средства прихожан в 1833 году и с небольшими перестройками, будучи закрытой дважды, в начале тридцатых и в 1962 году, украшает живописное село.

Зимним утром, прошагав по свежеснежному снегу через церковные ворота, у дверей величественного храма остановился молодой священнослужитель. Задумавшись о промысле Божьем, он в очередной раз подивился перипетиям судьбы и про себя согласился с постулатом из Библии, что «неисповедимы пути Господни».

Войдя в церковь и встав перед алтарем, отец Владимир (в миру Никифоров Владимир Николаевич), невольно вспомнил тот путь, который привел его в священники.

Родился в 1974 году в семье сельских учителей. В семидесятые годы не было принято прививать веру в Бога и православие, не было принято это и в его семье. Чему приучили его в семье, так это тяге к знаниям и особенной педантичности при выполнении любого дела, взявшись за которое, необходимо доводить до конца.

Учился в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина, получил специальность — учитель географии и биологии. Пришел работать в школу в 1996 году, в самые трудные и тяжелые для постсоветской страны времена. Шесть с небольшим лет трудился учителем, а еще подрабатывал тренером в

детско-юношеской спортивной школе. Личным примером увлекал за собой учеников, многих из которых, как говорят, вывел в люди.

Затем он кардинально изменил род деятельности, занявшись предпринимательством в сельхозпроизводстве. С одним желанием: вырастить детей и прокормить семью. Произошла смена приоритетов, но при этом он оставался честным и к себе, и к окружающим.

Стремление изменить жизнь к лучшему в родном селе привело Владимира к тому, что в 2011 году он был избран главой администрации Новокленского сельсовета, родного села, где родился и рос.

Жизнь в очередной раз сделала крутой поворот и пошла по принципиально другому пути. Находясь на административной работе, Владимир Николаевич уделял большое внимание благоустройству села, приведению в порядок не только улиц, дорог, но и кладбищ поселений. А вот обустройство источника Ильи Пророка в селе Новобогоявленское, строительстве храма Михаила Архангела в селе Новокленское и забота о храме Иоанна Богослова в селе Новобогоявленское стало для него настоящей духовной потребностью. Со временем Никифоров получил второе высшее образование в Тамбовской духовной семинарии на пастырском отделении...

В церковной лавке отец Владимир заинтересовался газетой, в которой увидел старинную фотографию человека, внешне очень похожего на него. Из публикации узнал, что ровно за сто двадцать лет до того, как он переступил порог храма, в 1894 году примерно такой же путь проделал другой отец Владимир (Камнев).

Стоит, правда, отметить, что его стезя священнослужителя была намного прямее и определеннее. Перед ним был высокий пример служения Богу — его отец и дед были священниками. Володя Камнев родился в 1868 году в селе Сокольники Моршанского уезда Тамбовской губернии. Окончил Тамбовскую семинарию и, как было сказано ранее, с 1894 года стал служить в Михайло-Архангельском храме в селе Новое Юрьево, в то время Козловского уезда. Отец Владимир был всеми уважаем в приходе, а его мнение авторитетно. Многие прихожане обращались к священнику за советом, с различными просьбами. А жена его помогала заболевшим, давала им различные лекар-

ства, таблетки. Об этом вспоминала Вера Васильевна Слепцова, у которой матушка в свое была восприемницей (крестной).

Семья у отца Владимира (Камнева) была большая, дружная. Здесь у него родились сын и пять дочерей. Феодосий умер от оспы в отроческом возрасте, дочери Елена, Агния, Вера, Любовь по благословению отца окончили Тамбовское епархиальное женское училище и выбрали путь учителя. Семья, воспитавшая учителей в конце 19 века, и семья, вырастившая учителей в конце 20-го...

При отце Владимире в 1910-1912 годах делалась пристройка к церкви. Кладку выполняли нанятые мастера, все подсобные работы — жители села. По воспоминаниям Ксении Николаевны Копыловой, многие жители села делали на строительство церкви тайные пожертвования. Утром рабочие приходили на работу и видели: к строительным лесам привязана овечка или теленок, стоит корзина с яичками. На строительные леса ночью затаскивались кирпичи. Все это делалось от чистого сердца и с большой верой в это святое дело...

...Оглядев храм, отец Владимир (Никифоров) принялся составлять список дел, необходимых для приведения прихода в надлежащее состояние. Список оказался длинным и первоначально немного озадачивал молодого священника. Планировка и выравнивание территории вокруг храма, подготовка места под стоянку автотранспорта, выкорчевывание старых пней. Выравнивание оконных откосов и подоконников внутри храма, монтаж электрооборудования. Очистка стен храма от копоти, удаление отслоившейся штукатурки, грунтовка стен антисептическими растворами, выравнивание стен. Роспись алтаря Серафима Саровского, роспись в центральном барабане. Изготовление церковной печи для сжигания записок и вышедшей из строя церковной утвари. Установка скамеечек. Укладка брусчатки вокруг храма. Замена окон...

Это был не полный список первоочередных дел. Но уже спустя всего год отец Владимир с удовлетворением отметил, что все намеченное сделано, хотя список в течение года расширялся и пополнялся все новыми и новыми пунктами. Решить задачи помогло то, чему учил его покойный ныне отец, Николай Никифорович, долгое время проработавший директором в школе: задумал — не отступай, стремись к победе. Нередко вспо-

минал отец Владимир и о том, что и его предшественникам было явно не легче.

На досуге он изучал историю храма и жизнь священников, служивших в нем. Дало о себе знать педагогическое образование. Особенно его внимание привлекал жизненный путь, пройденный Владимиром Камневым в сложные для православной церкви годы.

Отец Владимир (Камнев) стойко перенес революционные события семнадцатого года, гражданскую войну, коллективизацию. Многого он видел на своем веку: и бандитские обрезы, и наган уполномоченного ОГПУ. Божьим словом и мудрой проповедью он умирал сельчан, напоминал, что все они — дети Христовы.

Не нравились представителям новой власти такие разговоры и речи сельского священника. Сначала пытались убедить отца Владимира, потом запугать, однако все безрезультатно.

В бессилии и злобе кто-то написал в Козловское ОГПУ донос на священника, как будто он ведет в селе антисоветскую пропаганду. Этого было достаточно, чтобы заработала карательная машина. В ночь на 3 февраля 1930 года в Новоюрьево приехали за отцом Владимиром. Как водится, обыскали дом, а потом увезли его в город. Многие женщины плакали, провожая отца Владимира, он лишь успел им сказать: «Храм берегите...» Новоюрьево, к их чести, сумели выполнить наказ блатюшки, всеми правдами и неправдами сохранили храм от разрушения.

Оглядывая стены храма, о. Владимир (Никифоров) с уважением думал об этих людях. Ведь сколько сел и городов лишились своих церквей. Даже в райцентре, в Староюрьево, не уберегли. Откуда у людей взялось столько мужества в этом небольшом селе, благодаря которому они смогли уберечь и спасти от разрушения самое ценное, что есть у человека — веру?

Вспоминая, как на него самого, тогда главу сельской администрации, не раз писали лживые доносы, прибегая к гнусной клевете, на которые приходилось писать оправдательные письма, будто и впрямь в чем-то был виноват.

Отца Владимира (Камнева) с 7 февраля 1930 года содержали в Козловском доме заключения, днем и ночью допрашивали, подвергая пыткам. Священника обвинили в

том, что он в группе из пяти человек в 1929-1930 годах вел антисоветскую агитацию против хлебозаготовок, госзайма, колхозов.

То была печально известная статья 58, часть 10 Уголовного кодекса РСФСР. Нередко на допросах требовали, чтобы он отрекся от Господа нашего Иисуса Христа. Отец Владимир крестился и говорил: «Не ведают, что творят».

Следствие было недолгим, а приговор упрямому батюшке predetermined. Постановлением тройки при ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области от 7 апреля 1930 года отца Владимира приговорили к расстрелу. В августе приговор был приведен в исполнение.

Никому ничего неизвестно о последних месяцах жизни отца Владимира в тюрьме. Спустя годы от монахини Августы стало известно, что в одну из августовских ночей отца Владимира и еще тридцать девять осужденных привезли на кладбище, недалеко от храма Всех скорбящих Радость. Здесь уже была вырыта большая яма, которая и стала для них общей могилой. После расстрела яму наспех забросали землей, а сверху — всяким мусором.

Через несколько дней по городу поползли слухи об этом ночном расстреле. Верующие из поколения в поколение передавали, что в пяти метрах от могил иеромонаха Илария и схимонахини Серафимы и есть та самая братская могила.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года В.Д. Камнев был реабилитирован (посмертно). А верующие в селе Новоюрьево вот уже несколько десятилетий почитают священника как местночтимого святого, мученика.

Дом, в котором жил отец Владимир (Камнев), частично сохранился до сих пор. Это две классные комнаты старого здания Новоюрьево-ской средней общеобразовательной школы.

Отец Владимир (Никифоров) не раз, размышляя об истории православной церкви, думал о том, почему люди преклоняются перед подвигом пострадавших за веру. И почти всегда приходил к выводу, что только вера держит человека на круге жизни. Не предать ее в страданиях, ни при каких других испытаниях, значит, дать другим не только жизненный пример, но и надежду, что все в мире преодолимо, если верить. Верить и значит — жить.

СОДЕРЖАНИЕ журнала «Подъём» за 2015 год

ПРОЗА

Григорий Анчуков . Отпуск в Икорце. Повесть-быль	9	Вячеслав Колесник . Скоро Гитлеру капут! Рассказ	5
Валерий Аршанский . Звезда Альтаир. Рассказ.....	4	Зинаида Королёва . Ожидание. Рассказы	12
Валерий Аршанский . Нечетный путь. Рассказ.....	12	Анатолий Крищенко . Ветушка калинушки. Рассказ	4
Александра Барабанова . Варя. Рассказ	12	Геннадий Литвинцев . Сон ласточки. Повествование в эпизодах	10
Герберт Бейтс . Никогда. Рассказы. (Перевод с английского К. Кириченко)	8	Николай Ляшенко . Крест. Повесть ..	5
Валентина Беляева . Две встречи. Рассказ-быль	5	Юрий Мещеряков . Был день, который жизни стоил. Рассказы	12
Олег Бобров . Русский Верден. Повесть	11	Сергей Михеенков . Полководец. Главы из романа-биографии «Танец победителя» о Маршале Советского Союза Георгии Жукове	1,2,3
Валерий Бубельник . Закладка для памяти. Рассказы	9	Наталья Моловцева . Чужой. Рассказы	4
Александр Бунеев . Автоколонна № 14-69. Рассказы	2	Наталья Моловцева . «Я здесь и живой...» Повесть	5
Марина Венделовская . Отец. Отрывок из повести	6	Екатерина Наговицына . Тонкая струна. Рассказ.....	11
Ефим Гаммер . Из детства уходили на войну. Роман	4	Николай Наседкин . Муравьи. Ненаписанный роман	12
Виктор Герасин . Пока не успокоилась душа. Рассказы	12	Леонид Нетребо . Полуостров Налим. Рассказы	11
Михаил Гришин . Медведь по кличке Заплата. Повесть	12	Виктор Никитин . Чужая жизнь. Рассказы	3
Денис Гудин . Бремя черных. Рассказ	12	Андрей Новиков . Мамка да Нюнька. Рассказы	3
Борис Екимов . Необходимость Толстого (Размышления в Год литературы). Житейские рассказы	11	Виктор Перегудов . В храме. Рассказы	9
Дмитрий Ермаков . Берег юности. Повесть	10	Александр Пономарёв . Будни и были липецкого ОМОНа. Повесть	10
Михаил Еськов . Нареченная. Рассказ	8	Виктор Попов . Белый налив. Рассказы	10
Камиль Зиганшин . Маха, или История жизни кунички. Повесть	3	Николай Прокофьев . Немец. Рассказ ..	5
Иван Кветкин . Выстрел после дождя. Рассказ-быль	6	Сергей Пылёв . Гололед среди лета. Повесть	8
		Юрий Расстегаев . Поющие рельсы. Рассказ.....	12
		Марина Ринейская . Художник. Рассказ	7

Валерий Роньшин. Чудесные возвращения Егора Сладкосолева на планету Земля. Повесть	9	Сагидаш Зулкарнаева. Не плачь стихами, слушай голос мира	4
Алексей Ряскин. Запрудское. Повесть	7	Николай Калинин. Шипов лес	10
Виктор Стаканов. Дни перед бедою... Отрывок из романа	9	Михаил Каменецкий. За далью дорог. (Предисловие В. Лютого)	5
Александр Титов. Детский танк. Повесть	8	Диана Кан. Царев курган	5
Валерий Тихонов. Выручил. Повесть ..	9	Виктор Киселёв. Туманы стоят над водой	2
Ирина Турбина. Беги! — Ударь! — Беги! Рассказ	1	Виктор Колесниченко. Там, где цвел незабудкой зенит	8
Валентина Фисай. Только не бойся. Рассказ	6	Артур Ктеянец. Тонкий холст	6
Петр Чалый. Окрасился месяц багрянцем. Повесть	6	Сергей Кубасов. В золоте света	5
Анастасия Чернова. Пустые окна. Рассказы	8	Светлана Курач. Темная осока	8
Владимир Чугунов. Нежный сад. Повесть	7	Татьяна Курбатова. В последний раз распахнуто окно	12
Леонид Южанинов. Подсолнухи. Рассказы	6	Елена Луканкина. «Здесь у нас на ладонях другая лежит земля»	12

ПОЭЗИЯ

А март пришел с лицом апреля... ..	3	Светлана Ляшова. Неосторожно задевая сердцем	6
Иван Акулов. Август: двое. Из стихотворного цикла	12	Александр Макаров. «Ты раньше вербою была...»	12
Олег Алёшин. Сновидения	1	Татьяна Маликова. Преображение ..	12
Олег Алёшин. Тихий сад	12	Валерий Марков. Обнимается с Мокшею Цна	12
Алексей Багреев. «Я летел во тьме черным вороном...»	12	Дмитрий Мизгулин. Сердце мое остывает	10
Виктор Беликов. Синие вьюнки	6	Наталья Милякова. Женщина, икона и свеча	9
Евгений Боев. Присядет старость на скамью	12	Юрий Могутин. Крепость	3
Виктор Брюховецкий. Оплавленная свеча	5	Молчаливая нежность. Стихи: молодые голоса	12
В закате осеннего дня. Стихи лискинских поэтов	9	Владимир Молчанов. Бой уходил на запад. Из поэмы «Поле русской славы»	5
Татьяна Воробьева. Ночной побег ...	6	Евстахий Начас. Трава-полынь	12
Светлана Голубева. Шум сосен	11	Валентин Нервин. Мы не одни	8
Анатолий Гончар. Пороша. Отрывок из поэмы	12	Александр Нестругин. Мой век изнутри выгорает... ..	2
Марина Гусева. Простая речь	12	Александра Николаева. Матеръ жизни	12
Раиса Дерикот. На перекрестке двух дорог	6	Рита Одиноква. В ежевичном краю. (Предисловие В. Лютого)	1
Николай Долинский. Речные острова ..	6	Рита Одиноква. Второе рождение ..	6
Домик белокаменный. Стихи россосанских поэтов	6	Анатолий Остроухов. Черты вечернего лица	12
Валентина Дорожкина. У вдохновенья нет отсрочки	12	Лидия Перцева. Зимние ветры	12
Душа живая. Стихи: общая тетрадь ..	10	Татьяна Повалюхина. Вдоль берега Дона	2
Геннадий Ёмкин. Тихое и золотое	11	Виктор Поляков. Дальних плесов зеркальная гладь	2
Дарья Зайчикова. День и вечер	11		
Максим Замшев. Чужая карта	11		
Мария Знобищева. Голубика	12		

Ольга Померанская. Дубрава без ли- ствы.....	11	ГОД ЛИТЕРАТУРЫ В КУЛЬТУРНОЙ СТОЛИЦЕ СНГ	
Ирина Преснякова. «Я всегда хотела тебя любить...»	7	Чингиз Абдуллаев. История одной свадьбы. Рассказ	7
Михаил Просянных. Склоняет голо- ву камыш	9	Анатолий Аврутин. Знак позабытому предку. Стихи	1
Андрей Расторгуев. «Найду себя на древе родовом...»	3	Гюлюш Агамамедова. Платье для Евы. Рассказы.....	7
Светлана Редько. На пяточке земли..	6	Елена Агина. Брат мой сентябрь. Сти- хи.....	1
Александр Ромахов. Я приеду при гас- нувших звездах	9	Анатолий Андреев. Медведь. Рас- сказ	1
Николай Самойлов. Для нас главное жить в ладу	9	Елена Андреева. Путь к птичьему сер- дцу. Рассказы	7
Иван Сафонов. Колючий снег в горс- ти	9	Раушан Байгужаева. Мамина песня. Повесть	4
Владимир Сашин. Поздний восход... ..	12	Михась Башлаков. Студеный колодец. Стихи	1
Карина Сейдаметова. Жаворонушка .	10	Галым Жайлыбай. Черный платок. Гла- вы из поэмы-реквиема.....	4
Олег Селедцов. Золото и бирюза ...	3	Жизнь предсказуема только слегка. Стихи. (Предисловие Е. Титаева)..	4
Роман Сергеев. Сердца слепок	2	Николай Зайцев. Возвращение памяти. Рассказ.....	4
Владимир Скиф. Дом, стоящий у до- роги.....	2	Изумрудный город. Стихи. (Переводы с азерб.).....	7
Мария Соколовская. «Если б только могла отводить беду...»	8	Иссохшая скала. Стихи. (Переводы с азерб.).....	7
Светлана Супрунова. Снег продлева- ет тишину	11	Яна Кандова. Дуб. Рассказ	7
Светлана Сырнева. Черная роща под ветром гудит	3	Сергей Комов. Попутчица. Расска- зы	4
Антонина Сытникова. Под шорох опав- шей листы	10	Елена Крикливец. Когда позовут. Сти- хи.....	1
Людмила Титова. Усталость тихая, ве- черняя.....	10	Светлана Кряжева. Догорают уголья костров. Стихи	1
Игорь Тюленев. Возраст осени	5	Илья Кулёв. Душа неумемная. Стихи .	4
Андрей Фролов. Глубинка	9	Валерий Михайлов. Касаясь неба и земли. Стихи	4
Наталья Харитонова. На семи ветрах ..	12	«На подушечках твоих пальцев...» Стихи	7
Валерий Хворов. Зарницы	12	Писатели Республики Беларусь — на страницах журнала «Подъём». (Предисловие А. Аврутина).....	1
Нина Цурикова. Перевал.....	4	Михась Поздняков. Поют колосья. Стихи	1
Вера Часовских. Птица солнечного лета	7	Валентина Поликанина. Праведные очи. Стихи	1
Валерий Черкесов. Воспоминание дет- ства	6	Виктория Синюк. Старый дом, новый дом. Рассказ	1
Алексей Шаповалов. Воспаленными губами	10	Средь плоских крыш и куполов пока- тых. Стихи.....	7
Андрей Шацков. В том доме, где гу- ляют сквозняки	12	Александр Соколов. Из глубины. По- весть.....	1
Геннадий Шеховцов. Когда луна купа- лась в сонной Цне	8	Алина Талыбова. Сочинение на тему судьбы	7
Южный ветер. Стихи членов литера- турного клуба «Малая Медведи- ца»	8		
Евгений Юшин. Травы рвутся из-под снега.....	8		
Нина Ягодинцева. Кочевье	2		
Галина Якунина. Обостренное чувство вершины и края	3		
Джабраил Яхъяев. Пей зарю и думай о хорошем			

Гюльшан Тофикызы. Давая детям имена. Рассказы	7	Татьяна Сняжкова. Город прихорашивал мастер	9
Сергей Трахимёнок. Прокурорская кровь. Рассказ	1	Николай Тимофеев. Театр и война. Военная хроника Воронежского драматического театра	5
Амантай Утегенов. Восточные строки. Стихи	4		
Юрий Фатнев. Травы степные. Стихи ..	1		
Любовь Феофанова. Синь-солончак. Стихи	4		
Надежда Чернова. Казачка-жизнь. Стихи	4		
Любовь Шашкова. Девичьи потешки. Из цикла «Времена года»	4		
Яблоки с неба. Стихи. (Переводы с азерб.)	7		
ZAUR (Заур Гаджиев). Белый алабай. Рассказы	7		

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

Олег Алёшин. Что же такое художественная правда? (Писательские формулы познания жизни)	2	Елена Антонова. «От радиомачты — до крестьянского уха». К Платоновскому фестивалю: неизвестные тексты Андрея Платонова	5
Валерий Аршанский. «Не знаю слаще упоенья...» (Хроника литературной жизни Тамбовского края)	8	Виктор Будаков. «Нет естественной чувства Родины...» (К Песковским литературным чтениям)	2
Олег Фенчук. Бахчисарайская тайна Бунина. (Опыт литературного расследования)	2	Виктор Будаков. Сквозь годы увидеть лица. Беседы о жизни и литературе с Владимиром Кораблиновым	6
Валерий Черкесов. Провидцы из провинции. (Трехтомное издание произведений белгородских писателей)	10	«Дорога все к небу, да к небу...» (85 лет со дня рождения Алексея Прасолова: отзывы о творчестве и жизни поэта; из неопубликованного; подборка стихотворений разных лет)	10
		Дмитрий Дьяков. Исчезнуть, не дожидаясь рассвета. (Воронежские писатели, погибшие в годы Великой Отечественной войны)	8
		Наталья Корниенко. Тихо льется Тихий Дон... Платонов и Шолохов в 1940 году	5
		Павел Кренёв. Два архивных дела. К 110-летию со дня рождения Михаила Шолохова	5
		Вячеслав Кузнецов. «Этим человеком оказался Носов»	1
		Аркадий Макаров. Родники становятся рекою	12
		Александр Нестругин. Сельский Гамлет. (Штрихи к творческому портрету Юрия Бобони)	8
		Евгений Носов. Холмы, холмы... Рассказ	1
		Андрей Румянцев. С ним пришла другая драматургия. (Творческий и жизненный портрет Александра Вампилова)	11
		Андрей Румянцев. Что ты темен, Дон? (К 110-летию со дня рождения М.А.Шолохова)	3
		«Тебе — огонечка в сердце...» К 90-летию со дня рождения писателя Е.И. Носова. (Публикация Е. Спасской)	1
		Валерий Тихонов. Ох, уж эта Тонька! (Малоизвестные страницы житейской биографии Егора Исаева)	9

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

Иван Абросимский. Палитра и корни художника	8		
Николай Блохин. Венецианский замок	3		
Татьяна Быба. Мир в преломлении красок. (Творческий портрет художника Александра Лаврова)	10		
Воспитатель лицедеев	9		
Тамара Дьякова. Игра с солнечными воплощениями. (Творчество художника Светланы Зиненко)	2		
Анна Жидких. Заглядывать за плоскость. (Творческое кредо художника Николая Третьякова)	1		
Зодчий послевоенного Воронежа ...	9		
Николай Кардашов. Финочкина и Штаты знают	9		
Николай Сафронов. Небо и кисть. (Жизненный и творческий путь художника Александра Денисова) ..	9		

ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

- Борис Воронцов, Николай Титаренко, Василий Фролов.** Русский флот в волнах времён и гипотез.....
- Михаил Карпачёв.** Простор для частной инициативы. (Столыпинские преобразования в Черноземье) ..
- Виктор Шамрай.** От Воронежа — до Берлина и Праги. Боевой путь Воронежского — 1-го Украинского фронта в годы Великой Отечественной войны ..

ИМЕНА

- Виктор Беликов.** «Печаль и благодать» поэт. Жизнь и творчество Михаила Тимошечкина ..
- Валентина Дорожкина.** Друзей моих прекрасные черты... (Из летописи Тамбовской писательской организации) ..
- Эдуард Ефремов.** «Останется добро, останется и человечество». (Встречи с Гавриилом Николаевичем Тропильским) ..
- Эдуард Ефремов.** Поющее сердце. (К 100-летию со дня рождения народной певицы Марии Николаевны Мордасовой) ..
- Евгений Карпов.** Наш храм. (Предисловие П. Чалого) ..
- Дмитрий Ковалёв.** Рассвет. Стихи. (Предисловие Б. Агеева) ..
- Римма Лютая.** Воронежские просторы Юрия Воронцова ..
- Олег Фенчук.** «Дорогой учитель Иван Алексеевич...» (К 145-летию Ивана Бунина: литературное влияние и ученики великого русского писателя) ..

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Эдуард Анашкин.** Слепительно светит глагол. (Юбилейный сборник Владимира Скифа «Где моей скитаться грусти») ..
- Эдуард Ефремов.** Сказка и память. (Книга Евгения Новичихина о народной сказительнице А.Н. Корольковой) ..
- Любовь Заварзина.** Наедине с русской классикой. (Новая книга литературоведа Александра Николюкина)

- Виктория Стручкова.** Такая современная Ростопчина. Имя знаменитой поэтессы XIX века возвращается к читателям ..
- Нина Тонких.** Бесконечный, как Родина, путь. (Стихотворный мир Игоря Будакова) ..
- Валентина Филатова.** Прокурор переломного времени. (Книга серии «Замечательные люди Воронежской области» о Генеральном прокуроре СССР А.Я. Сухареве) ..
- Владимир Фурсов.** «И долго буду тем любезен я народу». (Пушкинская тема воронежских ученых) ..
- Станислав Хатунцев.** «Оптинский отшельник» в кругу учеников. (Новая книга Ольги Фетисенко о философе К.Н. Леонтьеве) ..

КРИТИКА

- Виктор Акаткин.** Когда возвращаются ветры. (Книга прозы профессора ВГУ А.М. Ломова) ..
- Анна Грязнова.** Отыскивать себя в потоке времени ..
- Любовь Заварзина.** Гармония науки, творчества и педагогики. (Новая грань творчества профессора А.М. Ломова) ..
- Александр Нестругин.** Поклонимся великим тем годам. (Судьба села в истории Отечества в книге Татьяны Малютиной и Петра Чалого) ..
- Наталья Палыга.** Временное жилище. (Художественные конфликты и жизненные противоречия в «семейной» прозе Веры Галактионовой) ..
- Лариса Полякова.** С.Н. Терпигорев: типология и жанровый градус русского очерка ..
- Татьяна Тернова.** Нереализованный соблазн. (Проза писателя Александра Бунеева в оценках исследователей литературного процесса) ..
- Андрей Тимофеев.** О современной органической критике. (Проблемы и принципы осмысления литературного процесса) ..

ПОИСКИ И НАХОДКИ

- Александр Беззубцев.** Где границы Икорецкой верфи? ..

Николай Блохин. Собиратель стиха, разбросанного веком (К 125-летию со дня рождения Осипа Мандельштама: размышления поэта об Александре Блоке)	11
Виталий Жихарев. Неизвестное посвящение Евдокии Ростопчиной	1
Владимир Попов. Чевенгур Платонова манил	1
Александр Свалов. Николай Станкевич: счастье было возможно?	11
Нина Тонких. Достоевский и русский мир	3

МЕМУАРЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ

Людмила Володина. «Пляска смерти на Восточном фронте...» Ретроспектива воспоминаний солдат и офицеров вермахта с комментариями автора	5
--	---

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

Елизавета Артёменко. Что пережило — не забыть... (Война на воронежской земле)	8
Детские рассказы про войну. Из школьных сочинений	9
Николай Кардашов. Нам нужна была одна Победа. (Очерки). Мост над Доном. Мелитон Кантария: к рейхстагу от... Лисок. Ваня-немец	9
Артем Кулябин. Оружием слова. Литература в зеркале «Правды» военных лет	7
Анатолий Манушин. Пионер исторического романа. (М.Н. Загоскин и его эпоха)	1
Александр Новиков. «Катюша». (Воспоминания о детстве)	8
Евгений Романов. Комиссар той далекой, гражданской. (Превратности политической судьбы Ивана Врачева)	3
Владимир Селивёрстов. Гамалея правил честно и порядочно. (Добродетели тамбовского губернатора Н.М. Гамалея)	12
Иван Харичев. Калитва — у порога и окрест. Страницы летописи старейшего придонского села	6
Галина Эрдели. Начинаясь расцвет. Заметки военных лет. (Предисловие Э. Ефремова)	5

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Иван Алейник, глава администрации Россошанского муниципального района. Год литературы — каждый день	6
Александр Никитин, губернатор Тамбовской области. «Дарование есть поручение...»	12

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Татьяна Маликова, председатель правления Тамбовского отделения Союза писателей России. Быть строкою своего времени	12
---	----

ИСТОКИ

Александр Высотин. Ратные поля России. Куликово поле: «И стал меч огненной молитвою...» Эссе	3
Александр Высотин. Ратные поля России. Бородино: «Иль победить, иль пасть...» Эссе	4
Александр Высотин. Ратные поля России. Прохоровское поле: «Громыкнуло сразу на полсвета...» Эссе	5
Татьяна Грибанова. Иванов родник. Песнь роду и племени моему. (Предисловие А. Загороднего)	2
Михаил Калугин. Заветный берег. Заметки о красоте и беззащитности родной природы. (Предисловие Н. Кардашова)	9
Валерий Марков. Памятник у дороги. (История Отечества начинается с человека)	12
Галина Петриева. Светлые кринички. Миниатюры	6
Наталья Супоницкая. О чудесах и не только	9

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Виталий Даренский. Счастливые дни. (Украинский разлом — свидетельствует очевидец)	10
Европейский характер и угнетение народностей. (Интервью писателя Владимира Шемшученко с доктором исторических наук, профессором Санкт-Петербургского государственного университета Игорем Фрояновым)	2

Александр Мальцев. Не забывается. (Украинский разлом проходит через человеческие судьбы) 4

ДУХОВНОЕ ПОЛЕ

Николай Агафонов. Мы очень друг другу нужны. Рассказ 7

Александр Высотин. Русь святым крещением просветивший. К 1000-летию преставления равноапостольного князя Владимира 7

Анна Гордышева. Сияют купола собора... (Возводящийся храм Владимирской иконы Божией Матери — архитектурная жемчужина региона) ... 9

Эдуард Ефремов. Явление образа. Творчество православного художника Андрея Дроздова 5

Житие великого князя Владимира ... 7

Анатолий Труба. Два Владимира. (Судьбы священников одного прихода) 12

Анатолий Труба. Матушка. (Путь, пройденный во имя Бога) 10

СУДЬБЫ

Олег Алёшин. «Его поэзия блистательна и холодна...» (Творческая изысканность Василия Комаровского).. 12

Александр Вознесенский. При ком на Руси жить хорошо. (Казачья точка зрения на отечественную историю) 8

Татьяна Малютина, Петр Чалый. Сражались не за ордена 6

Михаил Небольсин. «Петергоф» в Подворонье. (Сталь фон Гольштейны в истории Воронежского края) 1

Евгений Новичихин. Уроки русского солдата. Измышлениям и клевете противостоит наша правда 5

Михаил Фёдоров. От блокадного Ленинграда до Байконура. Жизненный и ратный путь красноармейца Ивана Заднеулицына 7

Петр Чалый. В той степи святой. Последняя битва и письма бойца, считавшегося без вести пропавшим .. 5

ПАМЯТЬ

Ирина Глушкова. Мой дед, прошедший сквозь войну. (Тихон Глушков — солдат Победы, патриот и труженик) 10

Вальтер Кисляков. Лихолетье. (Дневник из прифронтового города).... 9

Михаил Маковеев. Высота 177. (Полководцы Жуков и Василевский на переднем крае под Николаевкой) 9

Нам жить и помнить. О жизни и творчестве писателя Валентина Распутина 4

Печалются колокола. (О жизни и творчестве писателя Ивана Евсеенко) 1

Георгий Струков. Подвиг Прасковьи. Трагедия и величие русской семьи, уничтоженной фашистами 5

Татьяна Тимкова. Баллада о зенитчице. Документальный рассказ 9

Анатолий Хабаров. Его правда проникала в сердце. (Воспоминания фронтовика — живое свидетельство подвига) 10

Валерий Черкесов. О чем поведала «Особая папка» 2

ДРЕВО ЖИЗНИ

Геннадий Литвинцев. Горчичное зерно. Миниатюры 1

ОТЧИЙ КРАЙ

Валерий Бубельник. У Лысой горы. (Топонимика приоткрывает исторические тайны) 9

Алексей Девятко. Рядом с древностями. Необычные экспонаты из сельского музея 6

Мария Медведева. Магия слов и музыка речи. (Особенности говоров жителей лискинских сел по реке Хворостань) 9

Урядник писаря обозвал свиней. (Архивный документ рассказал о нравах) 9

ТЕМА

Иван Щёлоков. Отзывчивость на слово 1

ОБЩЕСТВО

Мат — вне поля культуры. По материалам «круглого стола» на тему «Язык воронежских писателей: норма и традиция» 4

ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Валерий Аршанский. Bravo, актриса!
(Незаурядная прима Мичуринского
театра Татьяна Николаева)

12

Людмила Романова. Село Николь-
ское, улица Станиславского. (Пос-
лесловие к юбилейному фестива-
лю)

1

Николай Тимофеев. Чистый свет в на-
шей жизни. Из творческой истории
Россошанской актерской молодеж-
ной студии

6

СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Леонид Антипко. Старые письма

4

Полина Бороздина. Песни любви и
гнева. Подвиг дружбы. (Жизнен-
ные и творческие подвиги Мусы
Джалиля и его сподвижника Гази
Кашшафа)

3

Николай Кардашов. Был бой у разъез-
да Пухово... (Школьная тропинка к
истории Отечества)

4

Сергей Луценко. «Воздух становился
мал...» (Фронтовые записки моего
деда)

11

Алим Морозов. Экипаж машины бое-
вой. Уникальный танковый рейд лей-
тенанта Цыганка

6

КРЫМСКИЙ ДНЕВНИК

Эдуард Ефремов. Пленила «Память»
души и сердца. (Патриотическая акция
воронежского клуба в Крыму)

11

Иван Щёлоков. Три дня в Ялте. Стихи..

11

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Петр Демкин. Край, где царем — чер-
нозем. (Презентация выпуска при-
ложения «Подъём-регион», посвя-
щенного Панинскому району)

2

СЛОВО

Иван Сафонов. Когда приходит ясная
пора... ..

9